

K30 $\frac{1}{100}$
X

Б.Ф.
I

М.
сопр.

Смирнов В.Д.

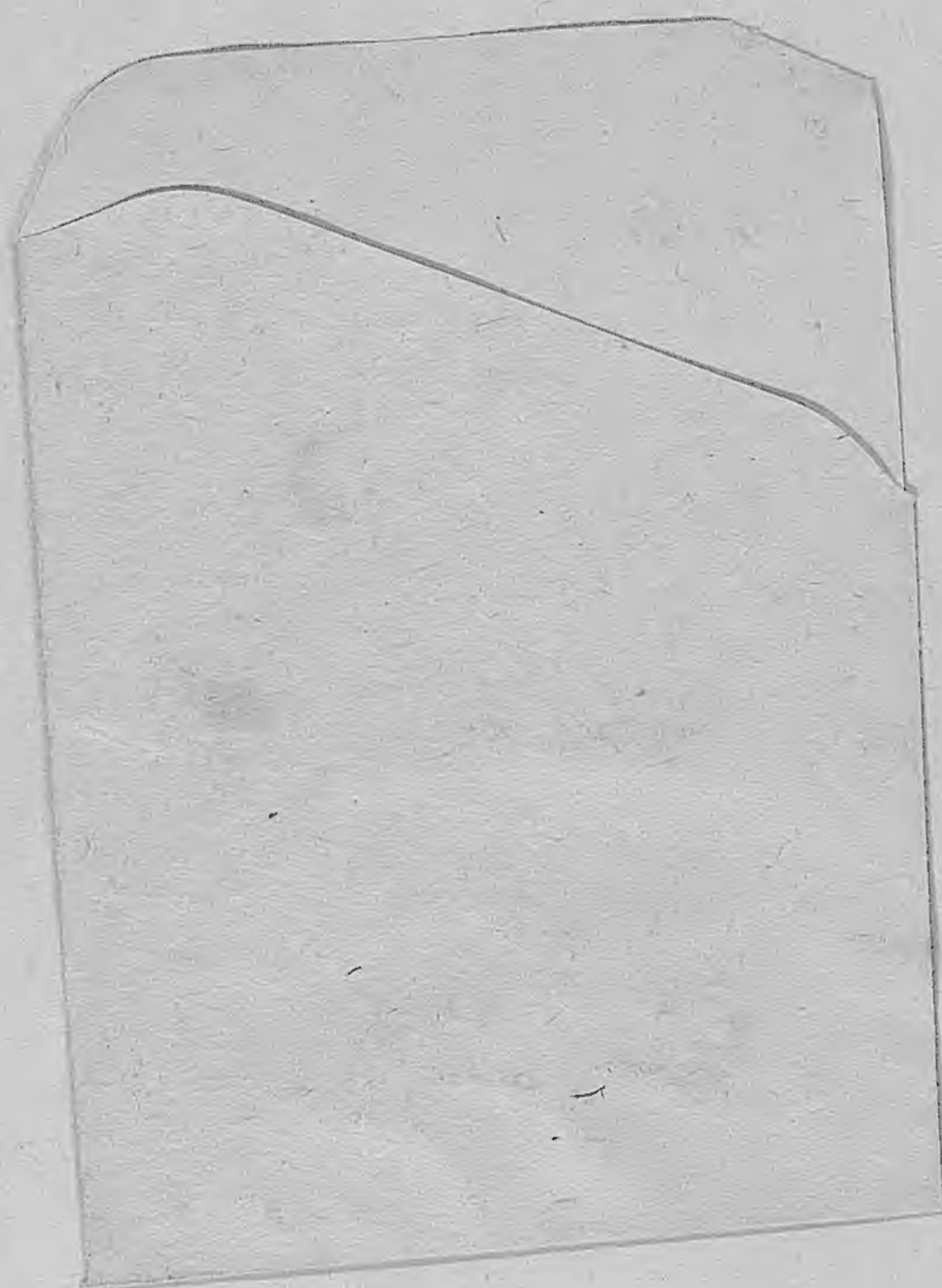
Крымское

ханство

... в XVIII в.

1889 г.

очень
плохая
сохранность

K30 $\frac{1}{100}$

В. Д. Смирноеъ.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО

ПОДЪ ВЕРХОВЕНСТВОМЪ

ОТОМАНСКОЙ ПОРТЫ

ВЪ XVIII столѣтѣ.

ОДЕССА.

Типографія А. Шейде, Давыдовская улица, домъ Барузэ, № 36-й

1889.

K 30 100

Изъ XV т. «Записокъ Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.».
Тип. А. Шульце, Данжероновская ул., домъ Карузо, № 36, въ Одессѣ.

Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты въ XVIII в. до присоединенія его къ Россіи.

I.

Общее состояніе Крымскаго ханства въ началѣ XVIII вѣка. — Соперничество изъ-за власти и раздоры между сыновьями Эльхаджъ Селимъ-Герая I. — Ногайскія волненія при Гази-Герай-ханѣ III. — Неудачный походъ Капланъ-Герай-хана I въ Черкесію и сверженіе его. — Враждебность Девлетъ-Герай-хана II къ Россіи. — Несчастный Прутскій походъ Петра Великаго. — Судьба верховнаго везира Балтаджи-Мухаммедъ-паши и Карла XII.

Настоящій трудъ есть продолженіе отдѣльнаго, ранѣе вышедшаго, сочиненія по исторіи Крымскаго ханства отъ его основанія до начала прошлаго столѣтія. Задача и приемы изслѣдованія въ немъ тѣ же, что и въ вышеупомянутомъ сочиненіи привести въ извѣстность данныя касательно судебъ Крымскаго ханства, имѣющіяся главнымъ образомъ въ турецко-татарскихъ памятникахъ и документахъ, доступныхъ лишь орьенталистамъ. Поэтому интересующимся свѣдѣніями о свойствахъ и достоинствахъ источниковъ, которыми мы пользовались, мы рекомендуемъ обратиться за справками къ предисловію вышеозначеннаго сочиненія «Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка» Спб. 1887 г., гдѣ данъ подробный отчетъ объ этихъ источникахъ. — Даты, какъ и тамъ, въ случаяхъ переложенія мусульманскихъ годовъ гиджры на христіанское лѣтосчисленіе, высчитаны по «Vergleichungs-Tabellen» Вюстенфельда, по новому стилю; даты же стараго стиля имѣютъ спеціальное обозначеніе такого вида: *ст. ст.*

Съ началомъ восемнадцатаго вѣка для Крымскаго ханства наступила новая эпоха политическаго существованія. Нѣкогда страшное и надоѣдливое для русскихъ, это татарское гнѣздо утратило теперь свое устрашающее значеніе, съ возрастаніемъ и утвержденіемъ военнаго могущества Россіи со времени Петра Великаго. Переставши служить полезнымъ орудіемъ для военныхъ видовъ Турціи, которой теперь самой обрѣзаны были крылья формальными международными трактатами, крымскіе татары *de facto* были со стороны своей суверенной державы предоставлены собственной участи, и только развѣ одинъ ту-

рецкій гоноръ заставлялъ государственныхъ сановниковъ Порты время отъ времени указывать другимъ державамъ на ея верховенство надъ Крымскою областью, неминуемость отпаденія которой становилась очевидною для всѣхъ мало-мальски сообразительныхъ и дальновидныхъ людей того времени.

Утрата же верховнаго покровительства Порты не сулила Крымскому ханству надеждъ и на полную самостоятельность, вслѣдствіе близости сосѣдства съ могущественною Россійскою Имперіею: для этого не было ни силъ, ни средствъ у крымскихъ татаръ. Буйно прожитые ихъ предками два вѣка пропали даромъ для внутренняго развитія и для упроченія международнаго положенія ихъ государства. Въ грядущемъ ему предстояло все большее и большее паденіе и окончательный переходъ подъ власть другой державы.

Такая участь, которая готовилась Крымскому ханству, точно будто пророчественно изобразилась въ одномъ фактѣ, предшествовавшемъ смерти послѣдняго въ прошломъ періодѣ хана, Эльхаджъ-Селимъ-Герая I, четыре раза восходившаго на ханскій тронъ и стяжавшаго себѣ общую любовь и уваженіе какъ среди своихъ подданныхъ, такъ и у влѣстительныхъ лицъ Турціи. Когда этотъ старикъ, простудившись въ загородной дачѣ Ашлама-Бакчэ, возвращался для перемѣны воздуха и для леченія въ Бакчэ-Сарай, спокойно развалившись на подушкахъ въ своей царской телегѣ, то неподалеку отъ города ни съ того ни съ сего вдругъ съ правой стороны упалъ огромнѣйшій камень, оторвавшись отъ тысячелѣтней скалы, и загородилъ путь ѣхавшему хану, страшно испугавши его грохотомъ своего паденія. Тогдашніе мудрецы крымскіе истолковали этотъ обвалъ какъ предзнаменованіе скорого заката «блиставшей лучами правды и справедливости луны въ предѣлахъ Крыма», т. е. близкой кончины любимаго хана. Предзнаменованіе не замедлило осуществиться¹⁾. Селимъ-Герай-ханъ I умеръ 24 шаъбана 1116 = 22 декабря 1704 года. Но съ этимъ умнымъ правителемъ умерли, можно сказать, и надежды на что-нибудь благое въ грядущей жизни его подданныхъ; и такимъ образомъ необычайное приключеніе обвала, по случайному стеченію обстоятельствъ, сдѣлалось предзнаменованіемъ роковой судьбы ихъ обоихъ — и хана, и подвластнаго ему народа.

Когда совершены были всѣ обряды похоронъ покойнаго хана и траура по немъ, крымскіе аяны (вельможи) составили, по старинному обычаю, совѣтъ о томъ, чтобы

¹⁾ Семь плантъ, 302.

заявить Высокой Державѣ свои желанія насчетъ выбора новаго хана. Большинство питало расположеніе къ старшему сыну умершаго хана Девлетъ-Гераю. Въ этомъ смыслѣ и составила народная депутація изъ трехъ лицъ—Абду-ль-Бакы изъ корпораціи капыкулу, Муртаза-мурзы изъ эмировъ Ширинскихъ и Абду-ль-Азизаръ-эфенди изъ крымскихъ улема. Имъ вручили петицію и послали въ Порту ходатайствовать о назначеніи ханомъ сидѣвшаго въ Родосѣ Девлетъ-Герая ¹⁾. Одинъ изъ братьевъ же сего послѣдняго, Капланъ-Герай, свиду одобрявшій этотъ выборъ крымской знати, на самомъ дѣлѣ самъ зарился на ханскій тронъ, какъ это явствовало изъ высказаннаго имъ мнѣнія, что ханомъ надлежитъ быть тому изъ рода Селимова, кто ни разу не запятналъ себя грязью мятежничества, чѣмъ ясно намекалось на Девлетъ-Герая и Гази-Герая, какъ не отвѣчавшихъ данному условію ²⁾. Единомышленникъ Капланъ-Герая, братъ его Менглы-Герай, тоже вождѣвшій отвѣдать «халвы влстительства» и рассчитывавшій на протекцію сераскера Юсуфъ-паши, отправилъ гонца хлопотать о предоставленіи ханскаго достоинства ему. Крымскій вельможа Бегадырь-ага пытался провести кандидатуру своего родственника Сафа-Герая. Однимъ словомъ, по свидѣтельству Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы, «всякій изъ потомковъ Чингизовыхъ, кто только питалъ какую-либо надежду, пускалъ въ ходъ разныя средства, чтобы добиться ханскаго званія; но жребій палъ на того, который менѣе другихъ хлопоталъ и положился на волю Божію, а именно на Гази-Герая» ³⁾. Третьяго числа мѣсяца рамазана того же 1116 года, т. е. 30 декабря 1704 года обычная ханская инвеститура была препровождена изъ Порты съ капыджи-кахъею Вели-агою къ Гази-Гераю ⁴⁾, который со всею крымско-татарскою знатію выѣхалъ изъ Бакчэ-Сарая до Альммы навстрѣчу турецкому посланцу, везшему высочайшую султанскую грамоту и инвеститурныя регаліи.

Но благополучное съ внѣшней, формальной стороны воцареніе Гази-Герая III (1116—1119=1704—1707) еще не гарантировало дальнѣйшаго благополучія царствованія его искры внутреннихъ раздоровъ продолжали тлѣть въ золѣ испепелившагося въ предыдущую эпоху государственнаго зданія и при первомъ благопріятномъ случаѣ готовы были

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Семь планетъ, 303—304.

⁴⁾ Семь планетъ, 304; Фундуклулу-Тарихи, IV: 228 recto; Тарихи-Рашидъ-эфенди, II: 41 recto.

вспыхнуть новымъ пламенемъ. Уже въ концѣ 1117 г. = въ мартѣ 1706 года въ ханской столицѣ показалась чума. Ханъ, чтобы разсѣяться, выѣхалъ на охоту въ окрестности Гёзлевэ (Евпаторіи). Этимъ воспользовались буджакско-ногайскіе мурзы Кутлукъ-Тимуръ и Картъ-мурза и повели интригу объ освобожденіи ногайцевъ отъ подчиненія хану. Имъ оказалъ свое содѣйствіе и Юсуфъ-паша. Тѣмъ не менѣе кляуза буджакскихъ татаръ отвергнута Портою, а еще, напротивъ, изданъ былъ ферманъ о томъ, чтобы всѣ дѣла жителей задунайскихъ вѣдались ханомъ Крымскимъ¹⁾.

Но такое оказанное на первыхъ порахъ Гази-Гераю довѣріе еще не было надежнымъ ручательствомъ за прочность его положенія. Начавшіяся обрушиваться надъ Портою несчастія не образумили во-время ея дѣятелей: въ ней продолжалъ попрежнему царить духъ интриги, продажности и анархіи въ правившемъ классѣ. Оттого-то, когда въ мухарремѣ 1118 = въ апр. 1706 года къ Гази-Гераю явился ага съ письмомъ, извѣщавшимъ о смѣнѣ верховнаго везира Балтаджи-Мухаммедъ-паши и о назначеніи на его мѣсто Чорлулу-Али-паши, ханъ поморщился отъ такой вѣсти, зная о давнихъ и сильныхъ связяхъ новаго везира съ Девлетъ-Гераемъ и не чувствуя ничего въ этомъ для себя добраго, хотя, изъ приличія, наградилъ посланнаго, подаривъ ему семь невольниковъ, а также написалъ и послалъ съ нимъ притворно-любезное письмо въ Порту²⁾.

Предчувствіе Гази-Герая не обманывало его: обстоятельства складывались не въ его пользу. Нужно замѣтить, что теперь отношенія Порты къ Крыму приняли совершенно противоположную прежнимъ форму. Пока турки чувствовали себя сильными и постоянно ввязывались въ военныя столкновенія съ своими европейскими сосѣдями, Крымъ служилъ имъ постояннымъ резервомъ вспомогательныхъ полчищъ, облегчавшихъ имъ своими опустошительными набѣгами справу съ непріятелями. Поэтому, мы видѣли, султаны то и дѣло понукали хановъ къ постояннымъ сборамъ на войну и походамъ; ретивыхъ въ этомъ дѣлѣ чествовали и цѣнили; уклонявшихся или неохотно отбывавшихъ военную повинность недолюбливали и смѣщали. Теперь наступили другія времена. Карловицскій трактатъ былъ первымъ серьезнымъ предостереженіемъ Портѣ на будущее время вести себя не такъ самонадѣянно и высокомерно, какъ прежде. Неудачи въ войнахъ съ русскими

¹⁾ Семь планетъ, 305.

²⁾ Ibidem, 306.

показали ей, что путь мирныхъ отношеній будетъ для нея надежнѣе рискованныхъ военныхъ предпріятій. И она, кажется, поняла этотъ урокъ: отрѣшеніе отъ должности и потомъ казнь верховнаго везира Далъ-Табанъ-Мухаммедъ-паши были сколько результатомъ интриги противъ него шейху-ль-исляма, столько же и дѣломъ политическихъ соображеній, по которымъ черезчуръ воинственный духъ садразама и проникнутая этимъ духомъ его политика были признаны не отвѣчавшими требованіямъ того времени. Но турецкое общество не скоро могло свыкнуться съ этими необходимыми ограниченіями его исконнаго самолюбія. Янычаре остались недовольны смѣною воинственнаго везира и назначеніемъ на его мѣсто человѣка статскаго попреимуществу, хотя и прекраснаго стилиста, Рами-паши: подъ первымъ попавшимся предлогомъ они подняли бунтъ, стоившій султану Мустафѣ II (1695—1703) трона.

То же въ нѣкоторомъ смыслѣ происходило и съ крымцами. Они, можно сказать были испорчены турецкимъ сюзеренитетомъ. Какъ ни дики, ни грабительски были ихъ природные инстинкты, но, предоставленные самимъ себѣ, татары подъ вліяніемъ измѣнявшихся обстоятельствъ непремѣнно перешли бы къ иному, чѣмъ прежде, образу жизни. Окончательное разобщеніе съ кореннымъ гнѣздомъ татарщины, давно уже утратившей свое могущество и павшей Золотой Орды, постоянное мирное сношеніе съ сосѣдними-европейцами мало-по-мало отвало бы ихъ отъ хищническихъ поползновеній, и они бы сдѣлались такими прекрасными мирными обывателями-хозяевами своего клочка земли, какими ихъ знавали въ позднѣйшее время. Но турки въ своихъ видахъ старались создать изъ крымцевъ поголовную разбойничью кавалерію, всякую минуту готовую идти куда угодно въ набѣгъ. Постоянно давая такое занятіе крымскому населенію, турки уничтожили въ немъ стремленіе къ мирной, трудовой жизни, приучивъ жить насчетъ добычи, награбляемой во время набѣговъ по турецкой надобности. Если татары бывало и отказывались отъ похода, то развѣ только сытая лѣнь была тому побудительною причиною. Теперь же, когда даровому источнику ихъ благосостоянія сразу былъ положенъ предѣлъ международными порядками, они очутились, конечно, въ самомъ безвыходномъ положеніи: работать не привыкли и не научились, а жить войною стало нельзя. Тѣ же турки, которые прежде подстрекали татаръ къ войнѣ и набѣгамъ, теперь всѣми мѣрами старались, въ силу принятыхъ на себя международныхъ обязательствъ, удерживать ихъ отъ всякихъ поползновеній къ грабительскимъ вторженіямъ во владѣнія сосѣднихъ государствъ. Прежде ханы довольно часто были смѣняемы за неподчиненіе приказаніямъ

Порты относительно военных набѣговъ на земли ея непріятелей. Теперь они стали еще чаще мѣняться, но уже зато, что не въ силахъ были справиться съ мятежными толпами своихъ подданныхъ, безпрестанно волновавшихся, ища выхода изъ непривычнаго для нихъ положенія, созданнаго громаднымъ усиленіемъ сосѣдней Россіи и международнымъ ослабленіемъ ихъ сюзерена — Порты.

Такъ случилось прежде всего съ Гази-Гераемъ. Онъ не долго нацарствовалъ. Въ его время ногайцы, кочевавшіе близъ Анапы, ринулись своею мятежною массою за Кубань, производя смуту и безпорядки въ странахъ черкесскихъ. Ханъ поручаетъ усмиреніе ихъ своему калгѣ, который испоконъ-вѣка обязанъ былъ вѣдать дѣла черкесскія. Лукавый Капланъ-Герай, почему-то прежде страстно любившій воевать съ черкесами, на этотъ разъ счелъ нужнымъ до поры до времени уклониться отъ возложеннаго на него порученія¹⁾. Мѣтя самъ попасть въ ханы, онъ, вѣроятно, понялъ, что эти волненія ногайцевъ рано или поздно послужатъ-таки причиною сверженія Гази-Герая; а потому въ своихъ же интересахъ не имѣлъ надобности стараться о подавленіи этихъ волненій, открывавшихъ ему путь къ ханской власти; но только онъ это устроилъ благовиднымъ образомъ, отыскавъ предлогъ удалиться въ свою резиденцію Акъ-Мечеть²⁾.

Между тѣмъ верховный везиръ, задумавъ посадить на ханство опять пріятеля своего Девлетъ-Герая, повелъ интригу противъ Гази-Герая и орудіе для нея нашелъ въ собственномъ ханскомъ везирѣ Мустафа-агѣ. Отъ московскаго царя присланъ былъ въ Порту посолъ съ жалобою на безпокойное поведеніе ногайцевъ и татаръ. Чорлулу-Али-паша и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы смѣнить хана. Онъ сообщилъ при письмѣ заявленіе русскаго посла чрезъ чобадаря своего въ рамазанѣ 1118 г. = въ дек. 1706 года ханскому везиру. Послѣдній, прибывши въ Порту, очернилъ предъ самимъ султаномъ намѣренія и дѣйствія хана, которому и дана была отставка. Но только не удалось и Али-пашѣ достигнуть своего: ханство было пожаловано не его другу-пріятелю Девлетъ-Гераю, а бывшему калгою Капланъ-Гераю³⁾. Что это была чистая интрига, это видно изъ неясности и неопредѣленности мотивовъ смѣны Гази-Герая, приводимыхъ османскими исто-

¹⁾ Семъ планеть, 307.

²⁾ Ibidem, 308.

³⁾ Ibidem, 308 и 309.

риками¹⁾. Ему указано было жить въ Румиліи въ Карынъ-Абадѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ отъ чумы²⁾.

У Сестренцевича-Богуша насчетъ Гази-Герая находятся только одни неточности — что будто онъ смѣненъ за то, что «осмѣлился совѣтовать Портѣ войну противъ Россіи»; что «онъ уступилъ весьма спокойно свою корону Девлетъ-Гераю», и что, наконецъ, онъ «удалился въ Чингисъ-Серай, на одинъ градусъ экватора отъ Царя-Града находившійся»³⁾. Въ Краткой Исторіи точно также сверженіе Гази-Герая поставлено въ какую-то связь съ пораженіемъ и бѣгствомъ шведскаго короля отъ русскихъ, что, какъ извѣстно, случилось позже. Впрочемъ тутъ вообще какъ-то неясно сказано, чѣмъ повиненъ былъ въ несчастномъ приключеніи шведскаго короля ханъ Крымскій, что его за это смѣнили⁴⁾. Даже годъ вступленія Капланъ-Герая тоже невѣрно означенъ — 1120 = 1708—1709⁵⁾, когда этотъ ханъ какъ разъ получилъ отставку.

Ханскія регаліи были вручены новому хану комендантомъ крѣпости Ени-Калэ Абу-ль-Кавукъ-Мухаммедъ-пашою, для чего Капланъ-Герай нарочито ѣздилъ въ означенную крѣпость⁶⁾.

При такомъ очевидномъ и согласномъ свидѣтельствѣ турецкихъ и крымскихъ историковъ о томъ, что преемникомъ Гази-Герая былъ Капланъ-Герай, едва ли заслуживаетъ какого-либо вѣроятія утвержденіе Сестренцевича-Богуша, что Гази-Гераю наследовалъ Девлетъ-Герай, который успѣлъ даже оказать «духовное утѣшеніе» католикамъ, позволивъ имъ выстроить церковь въ Бакчэ-Сараѣ, и «въ томъ же (т. е. 1706) году, въ которомъ онъ коронованъ, былъ сверженъ съ престола и сосланъ въ Родосъ, а потомъ въ Хіо»⁷⁾. Гаммеръ тоже, повидимому, раздѣляетъ ошибку Сестренцевича-Богуша, которому онъ дѣлаетъ упрекъ лишь только за то, что онъ мѣстомъ ссылки отставленнаго хана

¹⁾ Фундуклулу, IV: 239 г.; Рашидъ, II: 52 г.

²⁾ Семь планетъ, 309—310; Гюльбуни-Хананъ, стр. 83.

³⁾ Исторія о Тавріи, II: 323.

⁴⁾ Крат. Ист., Рукопись, л. 105 v.

⁵⁾ Ibidem, л. 106 г.

⁶⁾ Семь планетъ, 309; Кратк. Ист., л. 105 v. и 106 г.; Фундуклулу, IV: 239 г.; Рашидъ, II: 52 г.

⁷⁾ Ист. о Тавріи, II: 324—325.

хана Гази-Герая называетъ Genghis Serai(?), но не обращаетъ вниманія на то, что С.-Богущъ преемникомъ Гази-Герая ставитъ Девлетъ-Герая вмѣсто Капланъ-Герая¹⁾).

Съ воцареніемъ Капланъ-Герая послѣдовала перемѣна въ личномъ составѣ главнѣйшихъ государственныхъ мѣстъ въ ханствѣ, а именно: младшій братъ хана, Менглы, Герай сдѣлался калгою, другой — Максудъ-Герай нур-эд-диномъ; атабекъ Мерданъ-Али-ага назначенъ векилемъ, т. е. первымъ везиремъ ханства; изъ крымскихъ улема Ибрагимъ-эфенди-задэ Мухаммедъ-эфенди сдѣланъ кады-эскеромъ, а шейхъ Муртаза получилъ должность муфти. Въ то же время отставной ханъ Гази-Герай былъ препровожденъ везирскимъ агою въ Балаклаву, посаженъ тамъ на корабль, но, за противнымъ вѣтромъ не могши высадиться въ Бургасъ, выпросилъ позволеніе ѣхать сухимъ путемъ въ Румилію, гдѣ онъ водворился близъ Ямболу въ Карынъ-Абадъ и вскорѣ тамъ умеръ отъ чумы²⁾).

✓ Новому хану Капланъ-Гераю I (1119—1120=1707—1709) вначалѣ какъ будто выказано было довѣріе Порты, ибо ему поручено было освидѣтельствовать крѣпостныя сооруженія, произведенныя въ Ени-Калэ и донести о томъ, какъ онъ найдетъ ихъ. На эту ревизію ханъ отправился въ джемазіу-ль-эввелъ 1119=въ августъ 1707 года и дорогою имѣлъ непріятное столкновеніе съ мятежнымъ мурзою Джанъ-Тимуромъ. Вскорѣ пошли у него нелады и съ прочими мурзами, такъ что едва не дошло до кровопролитія³⁾. По мнѣнію самого хана, причиною такого неудовольствія мурзъ противъ него были внѣшнія подстрекательства, и потому онъ зорко слѣдилъ за ссыльнымъ братомъ своимъ Девлетъ-Гераемъ. Когда Девлетъ-Герай просилъ разрѣшенія Порты оставить Родосъ и поселиться въ Румиліи, и на просьбу его уже послѣдовало султанское согласіе, то Капланъ-Герай, провѣдавъ объ этомъ, поспѣшилъ заявить съ своей стороны, что происходяція въ Крыму волненія и безпокойства будто бы возникаютъ чрезъ письма и внушенія Девлетъ-Герая,

¹⁾ Gesch. d. Osm. R., VII: 128, ^a.

²⁾ Семь планетъ, 309—310.

³⁾ Ibidem, 310—311.

а слѣдовательно водвореніе его въ Румиліи сдѣлаетъ его еще болѣе опаснымъ для спокойствія въ ханствѣ. Инсинуація хана имѣла успѣхъ на этотъ разъ¹⁾.

Но что погубило Капланъ-Герая, такъ это неудачный походъ его на черкесовъ. Стремленіе поживиться богатымъ ясыремъ съ нихъ подъ предлогомъ мести за убійство Шегбазъ-Герая и, главное, опасеніе потерять доходъ съ откочевавшихъ подальше кабардинцевъ, въ такое вособенности бездоходное время, побуждали хана къ осуществленію задуманнаго имъ похода. Сперва, еще въ началѣ 1119=весною 1707 г. онъ отправилъ калгу своего Менглы-Герая уговорить черкесовъ вернуться на прежнее мѣстожителство; но тотъ, прошатавшись тамъ до зимы, вернулся безъ всякаго толка. Тогда Капланъ-Герай рѣшился въ слѣдующую весну отправиться самъ. Съ этою цѣлію онъ составилъ совѣтъ важнѣйшихъ мурзъ крымскихъ, которые отклоняли его отъ похода, совершенно резонно выставляя на видъ неумѣнье татаръ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ, недостатокъ припасовъ и обременительность налоговъ на безъ того бѣдный народъ. Особливо были противъ военной затѣи хана Ширинскій миръ-лива Сары-Кадыръ-Шагъ-бекъ и Эльхаджъ-Джанъ-Тимуръ-мурза. Но ханъ пренебрегъ ихъ совѣтами. Разнесся въ народѣ слухъ, что онъ собирался казнить Эльхаджъ-Джанъ-Тимура и его товарищей, и дѣло дошло бы непременно до бунта Ширинскихъ эмировъ, если бы только упомянутый Кадыръ-Шагъ-бекъ да Гуледжъ-Абду-л-Ла-эфенди своимъ посредничествомъ не помирили хана съ мурзами. Тѣмъ не менѣе однако жъ Капланъ-Герай собралъ огромное полчище, завербовавъ по человѣку съ каждаго дома, а съ горожанъ взыскавши налогъ извѣстный подъ именемъ *каны кулу* — и *сейменъ акчеси* (лейбъ-гвардейскихъ денегъ), да еще присовокупивъ сюда орды ногайскихъ племенъ извѣстныхъ подъ прозвищемъ «дѣтей трехъ матерей». Отоманское же правительство, вѣроятно, обрадовавшись случаю хоть чѣмъ-нибудь занять тяготившихся бездѣйствіемъ и лишь производившихъ мятежи и волненія крымцевъ, не только дало свое соизволеніе на предпринятый походъ, но еще предписало кафскому

¹⁾ Семь планетъ, 311.—Сейидъ-Мухаммедъ-Риза присовокупляетъ, что Девлетъ-Герай удовольствовался переселеніемъ на о—въ Хіосъ. Но потомъ мы видимъ, что когда Девлетъ-Герай вскорѣ былъ опять сдѣланъ ханомъ, то его везутъ въ Стамбулъ не съ о—ва Хіоса, а съ о—ва Родоса. Слѣдовательно или онъ, по прояскамъ Капланъ-Герая, опять остался попрежнему жителствовать на о—въ Родосъ и никуда оттуда не переселялся, или же самая исторія съ его просьбою о переселеніи и отказомъ на нее по настоянію брата, сообщенная Ризою, не достовѣрна. У другихъ историковъ ничего объ этомъ не говорится.

бейлеръ-бею Муртаза-пашѣ присоединиться съ своимъ штабомъ къ ханской кампаніи. Ближайшая цѣль похода была выжить кабардинцевъ изъ ихъ новаго поселенія¹⁾ и вернуть ихъ на прежнее мѣсто жительства у Бешъ-Тау. Предпріятіе однако же имѣло плачевный исходъ. Сперва глава кабардинскій Кургукъ-бекъ присылалъ къ хану пословъ съ предложеніемъ увеличенія дани ясыремъ и драгоценными вещами только съ условіемъ не трогать ихъ. Но когда мирныя предложенія были отвергнуты, то несчастные черкесы прибѣгли къ хитрости и произвели ночью внезапное нападеніе на ханскій лагерь, перерѣзавъ тѣхъ, кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ²⁾.

Подробности этого событія есть и у турецкаго историка Рашида-эфенди³⁾, но внутренній смыслъ факта болѣе освѣщенъ у Фундуклулу. Вотъ что рассказываетъ послѣдній въ статьѣ объ отставкѣ Капланъ-Герая и назначеніи во второй разъ ханомъ Девлетъ-Герая. «Когда Крымскіе ханы вновь назначались, то у черкесскихъ бековъ было правило набирать 300 человекъ ясыря и отдавать новому хану подъ именемъ подарка. Крымскій же ханъ Капланъ-Герай не удовольствовался этимъ количествомъ ясыря, настаивая на своемъ словѣ: «Меньше трехъ тысячъ плѣнныхъ я не беру». Тогда черкесскіе эмиры песовѣтовались и говорятъ: «Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у насъ въ обычаѣ; но только вѣдь до сихъ поръ въ 15—20 лѣтъ одинъ ханъ былъ смѣняемъ; теперь же каждый годъ новый ханъ — чьихъ же дѣтей мы будемъ отдавать? Особливо теперь: большинство народа черкесскаго освящена благодатью ислама; въ каждой деревнѣ, въ каждомъ селѣ строятся соборныя и приходскія мечети и школы; исправно совершается пятикратная молитва и идетъ обученіе юношества; дозволено ли въ священномъ законѣ полонить цѣлое полчище народа мухаммеданскаго, подобно воюющимъ гяурамъ, и отсылать къ вашему присутствію? Есть ли соизволеніе Божіе на такое притѣсненіе? Пожалуйста, ужь извините; а иначе никакъ невозможно». Такой категорическій отвѣтъ и послали они. А Капланъ-Герай-ханъ собралъ татарское войско, переправился изъ Керчи на противоположную сторону, т. е. въ Тамань, а оттуда пошелъ

¹⁾ Авторъ Краткой Исторіи опредѣляетъ его на берегу рѣки Неджана, а турецкій историкъ Рашидъ называетъ это мѣсто «крутою горою Бальхъ-Неджанъ».

²⁾ Кратк. Ист., I, 106 г.—107 г.; Семь планетъ, 311—313.

³⁾ Тарихи-Рашидъ, II, 61 г. & v.

въ Кабарду. Черкесскіе беки пустились на хитрость и сказали: «Мы дадимъ то количество ясыря; а вы удерживайте татаръ; дайте намъ три дня срока и подождите, пожалуйста». Гордый ханъ согласился на ихъ просьбу и расположился въ одной долинь, предавшись несказанному разгуду и пьянству. Черкесы же съ разныхъ сторонъ сдѣлали внезапное ночное нападеніе и столько татаръ изрубили саблями, что никогда не слыхано было такого ихъ избіенія, и исчезли. Большая часть именитыхъ и отличныхъ мужей Крыма погибла. Гордый ханъ едва спасся съ нѣсколькими изъ своей свиты и попалъ къ ногаямъ: стыдно было ему показаться въ Крымъ. Крымцы донесли о случившемся въ Порту и просили себѣ новаго хана. На совѣтѣ признанъ былъ достойнымъ ханства заточенный на о—въ Хіосъ¹⁾ прежній ханъ Девлетъ-Герай, и за нимъ командированъ былъ съ высочайшимъ указомъ старшій мирахоръ Ференгъ-Османъ-ага. 17-го числа рамазана пришло извѣстіе о прибытіи его въ Стамбуль. Кяхья-верховнаго везира Мухсинъ-заде Абду-л-Ла-ага, чаушъ-баши и полковые аги встрѣтили его близъ Чекмедже и привели его, шествуя передъ нимъ съ музыкой и церемоніею. Его помѣстили близъ мечети Каба-Сакаль въ домѣ Кара-Байрамъ-аги, доставивъ ему столъ и обстановку. 23-го числа того же мѣсяца въ четвергъ чрезъ посредство верховнаго везира онъ приложился лицомъ къ ступенямъ высочайшаго трона въ новомъ кіоскѣ, находящемся въ собственномъ е. в. саду. Въ знакъ уваженія его в—во падишахъ тоже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу ему; послѣ встрѣчи ему было позволено сѣсть на покрывалѣ, разостланномъ по ступенямъ трона. Первымъ дѣломъ онъ отказался-было отъ ханства, сказавъ: «Я, твой рабъ, былъ отрѣшенъ по тяжкому обвиненію. Сколько есть султановъ достойныхъ ханства! Одного изъ нихъ и возьмите на службу: они сослужатъ службу къ большому высочайшему удовольствію, нежели рабъ вашъ». Султанъ возразилъ на это: «Я спрашивалъ, я изслѣдовалъ—за тобой не оказалось никакой вины, и я призналъ тебя достойнымъ хан-

¹⁾ Мухаммедъ-Риза говоритъ, что Девлетъ-Герай вызванъ былъ въ Порту съ о—ва Родоса (Семь планетъ, 313), забывши свое же собственное повѣствованіе о случившемся незадолго предъ тѣмъ переселеніи Девлета-Герая на о—въ Хіосъ (Ibid., 311). Такое же недоразумѣніе оказывается и у Гаммера: въ своей *Geschichte d. Osm. Reiches*, Bd. VII, S. 128 онъ разсказалъ какъ слѣдуетъ, по Рашиду, злополучное заключеніе съ Капланъ-Гераемъ, а въ специальной Исторіи Крымскихъ Хановъ, онъ черкесовъ, съ которыми воевалъ Капланъ, Богъ вѣсть на какомъ основаніи, назвалъ «die Nogaien», и даже самого Капланъ-Герая переименовалъ въ «Gasigeraï» (*Gesch. d. Ch. der Krim*, 188).

ства; я ожидаю отъ тебя услуги!» Затѣмъ по обычаю Девлетъ-Герай получилъ дорогое облаченіе и чернаго въ полной сбруѣ коня и торжественно проведенъ на свою квартиру ¹⁾).

Вдобавокъ къ этому Рашидъ-эфенди, подробно описывая Булавинскій бунтъ, говоритъ что когда мятежные козаки были разбиты царскими войсками, то уцѣлѣвшая отъ истребленія толпа ихъ въ 8000 челѣвѣкъ бѣжала на Кубань къ погаямъ, а Капланъ-Герай-ханъ поселилъ ихъ въ мѣстечкѣ, именуемомъ Ханъ-Тѣпѣ, въ шестичасовомъ разстояніи отъ Темрюка ²⁾), Рашидъ-эфенди сообщаетъ этотъ фактъ безъ всякихъ коментаріевъ; а Сейидъ-Мухаммедъ-Риза уже прямо указываетъ на этотъ поступокъ Капланъ-Герая какъ на одну изъ причинъ смѣны его, такъ какъ это было, говоритъ онъ, нарушеніемъ существовавшаго мирнаго трактата. Только количество нашедшихъ у хана пріютъ мятежныхъ *Инатъ-козаковъ*, какъ тутъ названы Некрасовцы, вмѣсто восьми тысячъ у Ризы показано всего одна или двѣ тысячи ³⁾).

Исторія отставки Капланъ-Герая, какъ она изображена у Фундуклулу, прекрасно рисуется намъ ближайшіе результаты измѣнившихся международныхъ отношеній Порты къ сосѣдямъ и, главнымъ образомъ, къ Россіи. Потерявъ источникъ доходовъ въ набѣгахъ на незащитныя окраины Россіи, Крымскій ханъ, для поддержанія своего упавшаго экономическаго благосостоянія, обратилъ свои взыски на подвластныхъ ему черкесовъ. разсчитывая на безнаказанность своихъ насилій надъ ними. Потерпѣвъ и на этомъ пути фіаско, онъ въ отчаяніи даетъ прибѣжище бунтовскимъ козакамъ въ надеждѣ, вѣроятно, пайдти въ нихъ себѣ поддержку въ случаѣ новаго нападенія на черкесовъ, потому что едва ли бы онъ помирился съ посрамленіемъ, которое нанесли ему эти послѣдніе.

Изъ свидѣтельствъ же турецкихъ и крымскихъ историковъ очевидно, что пикантныя подробности, которыми обставлено назначеніе Девлетъ-Герая ханомъ у Сестренцевича-Богуща есть чистый вымыселъ его фантазіи. Начать съ того, что въ хронологіи С.-Богуща господствуетъ полнѣйшій хаосъ, которымъ онъ обязанъ отцу іезуиту Іосифу Штокклейну и Брейтенбауху. Впервыхъ онъ говоритъ о кратковременномъ вторичномъ

¹⁾ Фундуклулу, IV: 249 v.—250 v.

²⁾ Тархи-Рашидъ, II: 53 v.

³⁾ Семь планетъ, 313.

ханствованіи Девлетъ-Герая въ 1706 году ¹⁾, котораго, какъ уже выше было доказано, никогда не существовало. Въ вторыхъ причину сверженія Капланъ-Герая онъ выставляетъ поражение Карла XII подъ Полтавою, такъ какъ будто бы Капланъ-Герай подстрекалъ Карла и Мазепу идти на Россію, обѣщая имъ помощь Порты и Крыма ²⁾, тогда какъ Капланъ-Герай сверженъ за девять мѣсяцевъ раньше Полтавской битвы. Опять отрѣшенный въ ребіу-ль-эввелѣ 1125 = въ апрѣлѣ 1713 ³⁾, Девлетъ-Герай болѣе уже никогда не возвращался на ханскій престолъ и умеръ въ шеввалѣ 1137 = въ іюнѣ 1725 года въ Визѣ ⁴⁾; у Сестренцевича-Богунѣ «Девлетъ-Герай увидѣлъ себя въ четвертый разъ возвращеннымъ Портою», на ханство разумѣется, въ 1722 году ⁵⁾. Мало того: со словъ Пейсонеля С.-Богунѣ передаетъ слѣдующія подробности, будто бы случившіяся при этомъ небываломъ назначеніи Девлетъ-Герая ханомъ. «Девлетъ», читаемъ мы у него, «простившись съ Андріанопольскимъ Дворомъ, остановился въ глазахъ Императора (т. е. султана) садясь на лошадь, держа одну ногу въ стремени, а другую на колодѣ. Его величество захотѣлъ узнать, для чего онъ былъ такъ долго въ толь странномъ положеніи. Девлетъ отвѣчалъ, что дожидаетъ головы великаго визиря, коему не можетъ простить Прутскій миръ. Не только она была немедленно прислана ему, но и головы Рейсъ-Ефендія и янычарскаго Аги, на коихъ онъ изъявилъ неудовольствіе въ разговорѣ своемъ съ великимъ султаномъ. Словомъ, онъ поѣхалъ не прежде, какъ по изпрошеніи разправы надъ всѣми своими прежними врагами. По прошествіи же двухъ лѣтъ осмѣлился онъ сдѣлать оную и надъ самимъ имъ (?). Когда послѣдовали новыя смятенія между Татарами, то одинъ Турецкій чиновникъ Порты приѣхалъ къ нему съ объявленіемъ повелѣнія о его смѣнѣ. Не показывая никакого смущенія, велѣлъ онъ раздѣть сего человѣка, надѣлъ на него тулупъ, и приказалъ его вывести изъ Крыма, посадивъ на осла» ⁶⁾.

¹⁾ Ист. о Тавріи, II: 325.

²⁾ Ibidem, 326.

³⁾ Семь планетъ, 315; Тарихи-Рашидъ, II: 95 г. У Фундуклулу почему-то этотъ фактъ значится подъ 1124 годомъ (IV: 286 г.).

⁴⁾ Семь планетъ, 316; Гюльбуні-Хананъ, 81.

⁵⁾ Ист. о Тавріи, II: 338.

⁶⁾ Ibidem, 338—339.

Правда, что Девлетъ-Герай высказывалъ султану свое неудовольствіе на в. везиря, зато что онъ не взялъ въ плѣнъ русскаго императора на р. Прутѣ; но это было еще въ 1123=1711 году ¹⁾. Выходка же его, описанная Пейсонелемъ и за нимъ С.-Богушемъ, совершенно неправдоподобна. Не говоря уже о томъ, что въ описываемую пору Девлетъ-Герай проживалъ въ безвозвратной отставкѣ и ссылкѣ, ложность всего разсказа еще очевидна изъ того, что Балтаджи-Мухаммедъ-паша, заключившій миръ съ Петромъ В. на р. Прутѣ, не былъ казненъ, благодаря хадатайству жены своей ²⁾, знаменитой въ свое время казначейши султанскаго харема и любовницы султана Ахмеда III, а умеръ послѣ тяжелой болѣзни на о—вѣ Лемносѣ ³⁾. Подъ опалу подвели этого везиря, какъ извѣстно, придворные его недоброжелатели, а не Девлетъ-Герай.

Лишенный троѣ Капланъ-Герай вмѣстѣ со своимъ «собутыльникомъ» Менглы-Гераемъ, бывшимъ при немъ калгою, вывезены изъ Крыма нарочито командированнымъ для этого капыджи-баши. Дорогою они въ г. Исмаилѣ встрѣтились съ Девлетъ-Гераемъ но, питая въ душѣ вражду другъ другу, они, все-таки исполнили обычай взаимныхъ привѣтствій и мирно разѣхались. Капланъ-Герай поселился на мызѣ Фундуклу, а Менглы-Герай въ деревнѣ Кады ⁴⁾. А затѣмъ они, какъ видно, не миновали о—ва Родоса, куда обыкновенно заточали отставныхъ хановъ.

Девлетъ-Герай-ханъ II (1120—1125=1708—1713) во вторичное свое властвованіе игралъ непоследнюю роль въ тогдашнихъ политическихъ событіяхъ. А событія эти были немаловажныя. Въ эту пору произошла Полтавская битва, печальный герой которой Карлъ XII послѣ того сѣлъ на шею Портѣ и надѣлалъ ей не мало хлопотъ, такъ что она не знала, какъ отъ него отдѣлаться. Вскорѣ послѣ того побѣдитель Карла XII самъ попалъ въ ловушку на р. Прутѣ, чѣмъ доставилъ неописанную радость туркамъ, въ послѣдній разъ торжествовавшимъ свою побѣду надъ русскими.

¹⁾ Фундуклулу, IV: 278 г.

²⁾ Фундуклулу, IV: 270 г.

³⁾ Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова. Перев. Таубертъ. 2-е изданіе. СПбургъ, 1768. Стр. 280.

⁴⁾ Тарихи-Бата, Константин. изд., т. II: 148—149.

¹⁾ Семь планетъ, 313—314.

Девлетъ-Герай, какъ мы знаемъ, въ первый разъ былъ отрѣшенъ въ тотъ моментъ, когда онъ самымъ дѣятельнымъ образомъ хлопоталъ о войнѣ съ московами. Само собою разумѣется, что отставка и ссылка его не могли измѣнить въ немъ его прежнихъ воззрѣній на отношенія къ грозному сосѣду—русскимъ. Призванный снова къ занятію ханскаго трона, да еще при этомъ ободренный особеннымъ вниманіемъ султана, сознавшагося ему въ глаза въ безпричинности его прежней смѣны, Девлетъ-Герай, безъ сомнѣнія, вернулся, готовый продолжать свою прежнюю политику и приводить въ осуществленіе свои прежніе замыслы, хотя теперь онъ сталъ дѣйствовать съ большою осторожностью. Чтобы не встрѣчать себѣ помѣхи во вліятельныхъ сановникахъ Крыма, въ Мерданъ-Али-агѣ и въ муфти Абу-с-Суъудъ-эфенди, онъ испросилъ султанское соизволеніе казнить этихъ благопріятелей своего предшественника — Капланъ-Герая, котораго они сопровождали въ заточеніе, такъ что они едва успѣли спастись бѣгствомъ отъ грозившей имъ гибели —одинъ подъ покровительство багдадскаго губернатора, а другой—куда-то въ отдаленныя предѣлы, сокрывшись подъ дервишскою камилавкою¹⁾.

Затѣи шведскаго короля Карла XII тоже какъ нельзя болѣе соответствовали видамъ Девлетъ-Герая, и онъ, вѣроятно, очень былъ радъ исполнить данный ему тайный приказъ в. везира Чорлулу-Али-паши чрезъ посредство Юсуфъ-паши оказать шведскому королю помощь въ предстоявшемъ Полтавскомъ бою²⁾. Но когда объ этомъ прозналъ султанъ, то онъ строжайше запретилъ хану нарушать существующія мирныя отношенія Порты съ Россією, и ханъ воздержался отъ оказанія помощи Карлу, вслѣдствіе чего обманутый король, будучи разбитъ подъ Полтавою, пренебрегъ Крымомъ, гдѣ ему всего ближе и удобнѣе было искать убѣжища, а обратился за покровительствомъ къ Юсуфъ-пашѣ, который и водворилъ его въ Бендерахъ³⁾. Въ то время какъ въ Порту явился русскій посолъ П. А. Толстой для переговоровъ о возобновленіи мирнаго трактата еще на 30 лѣтъ⁴⁾, Карлъ XII, все еще мечтавшій о возстановленіи своей военной чести, тоже посылаетъ въ Порту человека, прося ее дать ему военный отрядъ изъ турокъ и татаръ для со-

¹⁾ Семь планетъ, 314.

²⁾ Тарихи-Рашидъ, II: 71 'v.

³⁾ Ibidem, 72 г.

⁴⁾ Ibidem, 72 v.

провожденія его въ свою страну¹⁾. Но русскіе въ переговорахъ своихъ съ Юсуфъ-пашою настаивали на выдачѣ измѣнника Мазепы. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Порты предписала Юсуфъ-пашѣ отправить Мазепу въ Крымъ и потомъ сослаться на ханскія правила не выдавать тѣхъ, кто находится подъ ихъ покровительствомъ. Но Юсуфъ-паша счелъ за лучшее возразить русскимъ указаніемъ на нарушеніе ими османскихъ границъ въ своихъ преслѣдованіяхъ разбитыхъ и бѣжавшихъ шведовъ²⁾. Но какъ турки ни вертѣлись, все же въ концѣ концовъ предпочли продолженіе мирныхъ отношеній съ Россіею новымъ связямъ съ шведскимъ рыцаремъ, которому послана была султаномъ грамота объ удаленіи его въ свое отечество и даѣе при этомъ деньги на дорогу³⁾. Карлъ XII съ удовольствіемъ принялъ подарки султана и отрипнулъ подарки в. везиря, узнавъ что онъ былъ главнымъ виновникомъ заключенія мира съ Россіею⁴⁾. Хану точно также было сообщено султанскимъ указомъ о заключеніи мира и предписано ферманомъ воздерживаться отъ всякихъ дѣяній, противныхъ условіямъ этого мира⁵⁾. Все это относится къ 1121=1709 году. Мало того: въ слѣдующемъ году хану, вмѣстѣ съ Юсуфъ-пашою и вторымъ мирахоръ-агою, дважды было поручаемо какъ-нибудь устроить дѣло возврата короля шведскаго восвояси⁶⁾.

Не смотря на эти формально дружественныя отношенія къ Россіи, турки въ сущности не были спокойны за будущее: перевѣсъ надъ такимъ пользовавшимся громкою извѣстностью противникомъ, какъ Карлъ XII, возбудилъ въ нихъ прежнія опасенія насчетъ завоевательныхъ намѣреній Петра I. Поэтому донесеніе малаго мирахора Тюркъ-Мухаммедъ-аги съ бессарабской границы о крупныхъ военныхъ приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ русскими, было принято съ большимъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе что достовѣрность своихъ донесеній Мухаммедъ-ага подкрѣплялъ ссылкой на показанія шпіоновъ, которыхъ онъ въ восьмилѣтнее пребываніе свое въ Бендерахъ во множествѣ засылалъ въ русскіе предѣлы для развѣдокъ. Мало того: ага привезъ съ собой и представилъ высочайшему

¹⁾ Ibidem, 73 v.

²⁾ Ibidem, 75 r.

³⁾ Ibidem, 76 r. & v.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Тарихи-Рашидъ, II: 77 v., 78 r. и 79 r.

стремени массу письменныхъ заявленій въ томъ же родѣ отъ Крымскаго хана Девлетъ-Герая и отъ бендерцевъ, какъ отъ мѣстныхъ жителей, такъ и отъ пограничныхъ войскъ. Особенно настоятельно онъ опирался на авторитетъ Крымскаго хана, такъ что невольно возникаетъ мысль о томъ, не были ли они по этому предмету въ стачкѣ между собою. «Если», сказалъ ага султану, «не угодно повѣрить мнѣ, то пригласите вашего раба, хана, пусть онъ придетъ къ Порогу и, повергшись лицомъ къ вашему высочайшему стремени, расскажетъ подробно о положеніи непріятеля. Тогда станетъ очевидно, лгу ли я или говорю правду. Если онъ заявитъ совсѣмъ противное тому, что я говорю, то, въ примѣръ другимъ, хочешь—казни меня мучительнѣйшею казнью, хочешь—сожги въ огнѣ»¹⁾. Поэтому въ рамазанѣ 1122 = въ ноябрѣ 1710 г. Девлетъ-Герай-ханъ былъ приглашенъ въ Стамбуль для личныхъ объясненій по этому предмету съ султаномъ. Ханъ, разумѣется, воспользовался этимъ случаемъ изобразить всѣ ужасы готовящихся захватовъ русскихъ; вотъ онъ что сказалъ султану на аудіенціи, происходившей 14 рамазана (а по Рашиду 17-го): «Державный государь мой, этотъ гяуръ—коварный и хитрый гяуръ. Если, еще полагаясь на его миръ, не будетъ обращено вниманія на донесенія и рапорты, то результатъ будетъ очень печальный. Вѣдь Крымскія владѣнія отнынѣ надо считать уже потерянными; да и Румилія-то того и гляди что выйдетъ изъ вашей власти. А у этого гяура цѣль составляетъ Стамбуль. Что онъ въ эти страны идетъ, въ этомъ и не сомнѣвайтесь: онъ заодно съ вашею райею»²⁾. Тогда султанъ собралъ совѣтъ государственныхъ сановниковъ и улема и предложилъ ихъ обсужденію донесенія, полученныя съ пограничныхъ мѣстностей, а также и докладъ хана объ угрожающемъ положеніи, занятомъ теперь Россіею. Рѣчь султана была длинная: въ ней онъ перебралъ всѣ факты, какіе только имѣлись, о разныхъ противомірныхъ предпріятіяхъ и планахъ русскихъ. Члены совѣта единогласно рѣшили, что надо немедленно начинать войну съ гяурами, а шейху-ль-ислямъ тутъ же далъ и фетву, которою санкціонировалъ вышеозначенное рѣшеніе³⁾.

¹⁾ Фундуклулу, IV: 263 г.; Рашидъ, II: 81 г.

²⁾ Фундуклулу, IV: 263 г.; Тарихи-Рашидъ, II: 81 в.

³⁾ Фундуклулу, IV: 263 в.—265 г.; Тарихи-Рашидъ, II: 81 в. & 82 г.

Горячность, съ которою такъ неожиданно мирныя отношенія съ Россіею получили совсѣмъ обратный, враждебный характеръ, заставляетъ видѣть тутъ искусственное преувеличеніе въ изображеніи истинныхъ фактовъ, не чуждое разчета съ чьей-либо стороны, и всего болѣе подозрѣніе должно пасть на Девлетъ-Герая. Въ послѣднемъ предположеніи сильно убѣждаетъ то обстоятельство, что одновременно съ вышеприведеннымъ рѣшеніемъ Порты объявить войну Россіи дана была отставка Черкесъ-Юсуфъ-пашѣ, который около 15—20 лѣтъ состоялъ бабадагскимъ генераль-губернаторомъ, и котораго историки турецкіе въ одинъ голосъ превозносятъ за его умъ, знанія, распорядительность и энергію въ устройствѣ пограничныхъ дѣлъ ввѣренной ему окраины. Заручившись довѣріемъ Порты, ханъ тотчасъ же повелъ интригу противъ Юсуфъ-паши, который своимъ авторитетомъ могъ разрушить его планы. Онъ началъ говорить пасчетъ его такія вещи: «Я знаю, что война противъ москововъ нарушаетъ его собственный (т. е. Юсуфъ-паши) покой, и онъ выкажетъ полное равнодушіе и небрежность въ обстоятельствахъ, подлежащихъ его сообразительности. Покаместъ этотъ Юсуфъ-паша будетъ находиться на бендерской границѣ, я рѣшительно не въ состояніи выполнить возлагаемыхъ на меня величайшихъ порученій». Послѣ такихъ на тысячу ладовъ распускавшихся хапомъ инспуаций, дѣльный везиръ Юсуфъ-паша по необходимости былъ отставленъ и заключенъ въ Кылбурунскую крѣпость¹⁾. А между тѣмъ до сихъ поръ ханъ хотъ и не могъ питать дружественнаго расположенія къ Юсуфъ-пашѣ за прежніе счеты между ними, все-таки былъ съ нимъ въ согласіи, когда имъ было поручено сообща устраивать дѣла бѣглаго Карла XII.

Въ такой же политической неблагонадежности обвинилъ Девлетъ-Герай и тогдашняго молдавскаго господаря Скарлатъ-оглу Николая, недовольный имъ за его непочтительность. Не смотря на то, что господарь былъ, какъ выражаются турки, «особеннымъ огаркомъ его величества падишаха», т. е. чѣмъ-то въ родѣ любимца и протезе, внушенія хана достигли своей цѣли: Николай Скарлатовичъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто посаженъ какой-то Кантемировичъ-Малый—*Кючукъ Кангъ-Темиръ-оглу*—: Да еще при какихъ исключительныхъ условіяхъ состоялось назначеніе Кантемира воеводою: въ противность обычаю, въ третій день байрама состоялся высочайшій совѣтъ, на которомъ вновь назначенный воевода повергся лицомъ къ ступенямъ высочайшаго трона и получилъ присвоенную

¹⁾ Фундуклулу, IV: 265 v.; Рашидъ, II: 82 v.

молдавскимъ господаремъ инвеституру—шапку, метлу и крытую бархатомъ соболью шубу¹⁾. Это былъ тотъ самый князь Кантемиръ, который потомъ состоялъ въ союзѣ съ Петромъ I и послѣ неудачной Прутской кампаніи долженъ былъ эмигрировать въ Россію. Поэтому-то турецкіе историки такъ немилосердно и кастятъ его. Рашидъ-эфенди говорить, что этотъ «безвѣрный измѣнникъ» — *хакки бидинг* — и назначенъ-то былъ благодаря протекціи хана, ходатайствовавшего за него черезъ капы-кяхью Давуль-Исмаиля-эфенди²⁾. А историкъ Фундуклулу, надѣляя Кантемира нелестнымъ эпитетомъ «*бирз кѳтѳю похлу гяурз*», присовокупляетъ, что онъ получилъ свое воеводское назначеніе за взятку³⁾.

Несомнѣнно одно—что Девлетъ-Герай, увлекшись личными симпатіями, былъ однако же правъ насчетъ воззрѣній Юсуфъ-паши на затѣваемую кампанію, по жестоко ошибся въ Кантемирѣ, выхлопотавъ ему господарское званіе. Но счастье на этотъ разъ поблагопріятствовало хану: война, которой такъ хотѣлось ему, имѣла, какъ извѣстно, весьма неблагопріятный и чуть-чуть не гибельный исходъ для Петра Великаго, окруженнаго соединенными силами турковъ и татаръ на р. Прутѣ. Это былъ такой триумфъ для турковъ, какого потомъ ни разу не выпадало на ихъ долю: «цѣлыхъ пять дней сплошь только въ Стамбулѣ происходила пушечная пальба», говоритъ историкъ Фундуклулу, когда кяхья в. везира Османъ-ага явился къ высочайшему стремени и устно сообщилъ извѣстіе о такой достославной побѣдѣ; всѣмъ розданы были разныя награды; хану посланы цѣнныя подарки при особомъ рескриптѣ, а татарскимъ эмирамъ халаты⁴⁾. Современные стихотворцы увѣковѣчили это событіе одами и хронограммами. Это было въ августѣ 1711 г. Но вскорѣ и вѣстникъ о побѣдѣ Османъ-ага, и пославшій его в. везиръ Балтаджи-Мухаммедъ-паша подверглись наказанію, когда столичные недруги в. везира разнесли молву о томъ, что онъ не воспользовался какъ слѣдовало своею побѣдою надъ русскимъ царемъ: Мухаммедъ-паша былъ 9-го шевваля 1123=20 ноября 1711 года отрѣшенъ, а его кяхья Османъ былъ 19 зиль-каъдэ=30 декабря казненъ. Перваго низ-

¹⁾ Фундуклулу, IV: 266 г.; Рашидъ, II: 83 г.

²⁾ Loco cit.

³⁾ Loco cit.

⁴⁾ Фундуклулу, IV: 270 г.

вергли придворные интриганы; второй погибъ, благодаря наговорамъ Девлетъ-Герая, который приглашенъ былъ въ Порту прибыть вмѣстѣ съ султанскою арміею для разспросовъ его о происходившемъ на театрѣ войны¹⁾.

Замѣчательно, что у Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы о Прутской побѣдѣ соединенныхъ турецко-татарскихъ силъ надъ русскими, въ которой ханъ Крымскій игралъ непоследнюю роль, сказано очень глухо, въ такомъ родѣ, что, молъ «благодаря ревности и мужеству Девлетъ-Герая, оказаннымъ имъ въ побѣдоносной кампаніи, онъ возвысился во мнѣніи падишаха и утвердился на тронѣ влстительства»²⁾. И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ читаемъ у него, что «постыдное и позорное приключеніе съ извѣстнымъ всему свѣту королемъ шведскимъ было взведено на Девлетъ-Герая и послужило причиною его отставки»³⁾. А затѣмъ тоже коротко сказано, что Девлетъ-Герая въ концѣ сефера 1125 = въ концѣ февраля 1713 года⁴⁾ былъ посланъ съ первымъ мирахоромъ Мухаммедъ-агою ферманъ, которымъ его приглашали въ Адрианополь будто бы для совѣщанія о политическихъ дѣлахъ, и когда онъ, ничего не подозрѣвая, поѣхалъ, ему недалеко отъ Адрианополя было объявлено, что онъ отрѣшенъ и долженъ вмѣсто Адрианополя отправиться далѣе — въ Галиполи, а оттуда на о — въ Родосъ въ ссылку⁵⁾.

Приключеніе съ Карломъ XII, упоминаемое Сейидъ-Мухаммедъ-Ризою, состояло въ томъ, что, когда этотъ авантюристъ надоѣлъ Портѣ своимъ безконечнымъ проживательствомъ на ея территоріи на ея счетъ и своими разными безплодными подстрекательствами и смутьянничаньемъ, на созванномъ у султана совѣтѣ рѣшено было послать предписаніе бендерскому сераскеру Исмаиль-пашѣ и Крымскому хану о томъ, чтобы они рѣшительно настояли на немедленномъ выѣздѣ короля въ свою страну или же насильно схватили и водворили его на жительство въ Демотику. Карлъ XII, какъ извѣстно, воспротивился тому и другому и защищался вооруженною рукою, когда хотѣли овладѣть его особою, во главѣ бывшаго при немъ небольшого отряда. Но въ горячей стычкѣ сподвижники его были почти всѣ перебиты, имущество его разграблено, а самъ онъ схваченъ и

¹⁾ Рашидъ, II: 89 г. — 90 в.; Фундуклулу, VI: 270 г.

²⁾ Семь планетъ, 314.

³⁾ Ibidem, 315.

⁴⁾ У Рашида-эфенди: 2 ребіу-ль эввеля = 2-го марта,

⁵⁾ Семь планетъ, 315.

привезенъ въ Адріанополь¹⁾. Но за такое успѣшное выполненіе предписаннаго Портою порученія, узнаемъ мы далѣе, ханъ вмѣсто благодарности получилъ отставку. Той же участи подверглись и шейху-ль-ислямъ и в. везирь. При этомъ Рашидъ-эфенди единственнымъ мотивомъ такого неожиданнаго оборота дѣлъ выставляетъ то, что насильственный поступокъ съ королемъ возбудилъ говоръ въ народѣ²⁾. Фундуклулу же намекаетъ, и то неявно, на какія-то дурныя мѣры и распоряженія *въ этомъ дѣлѣ*, какъ говоритъ онъ, со стороны хана и бендерскаго сераскера, за что обоихъ ихъ стоило бы только казнить въ примѣръ прочимъ; но какого рода были эти дурныя дѣйствія ихъ, остается сокрытымъ. Сказано только, что, въ предупрежденіе побѣга хана и поднятія имъ мятежа, его султанскимъ ферманомъ вызвали подъ предлогомъ совѣщаній и съ почотомъ довели до Адріанополя, а потомъ взяли да отправили въ ссылку чрезъ Галлиполи на о—въ Хіосъ³⁾.

Всего больше подробностей о вторичномъ ханствованіи Девлетъ-Герая сообщается въ Краткой Исторіи, авторъ которой въ данномъ случаѣ пользовался какимъ-то неизвѣстнымъ источникомъ. Подробности эти главнымъ образомъ касаются Прутской кампаніи.

Въ первую заслугу этому хану вмѣняется то, что онъ, сдѣлавъ еще въ 1120=1708 году набѣгъ на русскія окраины, овладѣлъ тамъ многими укрѣпленными мѣстечками, названными крѣпостями, и захватилъ массу плѣнныхъ; а жителей нѣкоторыхъ городовъ, и именно козаковъ, привлекъ на свою сторону, такъ что они изъявили ему свое подданство. Таковъ былъ вособенности «городъ Токай съ начальникомъ своимъ Балафомъ»⁴⁾.

Крымскій историкъ Халимъ-Герай, повторяя этотъ фактъ, вѣроятно со словъ Краткой Исторіи, только по другому списку, говоритъ, что Девлетъ-Герай «привелъ въ повиновеніе Высокой Державѣ (т. е. Портѣ) Запорожскихъ козаковъ, именуемыхъ Путкалами, да начальника города Токалы»; никакимъ другимъ личнымъ собственнымъ именемъ тутъ не на-

¹⁾ Рашидъ, II: 94 в. & 95 г.; Фундуклулу, IV: 285 г.; Кратк. Ист., 110 в.

²⁾ Рашидъ, II: 95 г.

³⁾ Фундуклулу, IV: 286. По другимъ источникамъ, онъ сосланъ былъ на о—въ Родосъ.

⁴⁾ Рукоп., 107 г.

званнаго ¹⁾). По всѣмъ признакамъ, здѣсь намекается на бунтъ Булавина, о которомъ довольно подробно рассказываетъ Рашидъ-эфенди ²⁾). Булавинъ названъ у него правителемъ крѣпости Ногака на рѣкѣ Бурукѣ. Если принять тожество фактовъ, то рашидовское *Ногакз*, безъ сомнѣнія, должно соответствовать вышеприведеннымъ *Токай* и *Токалы*. Явно, что всѣ три варианта есть какое-то искаженіе, ибо подобнаго имени не отыскивается среди именъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ чинилъ мятежъ Булавинъ. Всего болѣе это искаженіе похоже на *Ногайскз* Таврич. губ.; но только нельзя съ точностью сказать, существовалъ ли тогда этотъ городишко и былъ ли онъ занятъ когда-либо Булавинымъ, который былъ собственно атаманомъ *Бахмутскимз* ³⁾). Странно только, что авторъ Краткой Исторіи относитъ это событіе ко времени Девлетъ-Герая, тогда какъ оно случилось при его предшественникѣ Капланъ-Гераѣ, который и поселилъ козацкую вольницу подъ предводительствомъ Игната въ мѣстности близъ Темрюка, какъ это было сказано уже нами выше ⁴⁾).

Въ описаніи Прутской кампаніи авторъ Краткой Исторіи приводитъ слова в. везира, сказанныя имъ въ отвѣтъ хану, настаивавшему вмѣстѣ съ Карломъ XII на отверженіи мирныхъ предложеній окруженнаго Петра Великаго. Балтаджи-Мухаммедъ-наша будто бы сказалъ хану: «Наконецъ, ты вѣдаешь дѣла татарскія; дѣла же Державы (Порты) ввѣрены мнѣ» ⁵⁾). Зато какъ же превознесенъ Девлетъ-Герай за свои подвиги крымскимъ историкомъ! Онъ приводитъ два стихотворенія современнаго крымскаго улема Хыльми-эфенди, сочиненныя имъ по случаю такого достопамятнаго событія. Изъ нихъ особенно интересно второе: оно содержитъ въ себѣ брань противъ Петра В. на разныхъ языкахъ, изреченную разными народами—сербамъ, персамъ, мадьярами, армянами, жидами, чер-

¹⁾ Гюльбуні-Хананъ, 81.

²⁾ II: 53 г. & v.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XV: 240, 251.

⁴⁾ Гаммеръ тоже обратилъ вниманіе на подробности, сообщаемыя у Рашида-эфенди о бунтѣ Булавина, но не сдѣлалъ, противъ обыкновенія, никакой попытки къ разъясненію истинной формы и значенія собственныхъ именъ, приводимыхъ Рашидомъ (Gesch. d. Osm. R., VII, стр. 129, прим. а). У Цинкейзена же даже и Темрюкъ превращенъ въ *Tewru* (Gesch. d. Osm. R., V: 336.)

⁵⁾ Рукоп., 108 г. По другимъ же извѣстіямъ подобное замѣчаніе сдѣлано было королю Карлу XII в. везиремъ, который будто бы сказалъ ему, что «онъ лучше чужестраннаго короля вѣдаетъ, что Оттоманскому государству полезно» (Краткое описаніе и т. д., 289).

кесами, калмыками, карапогаями, и т. д., и приводимую въ подлинныхъ на томъ или другомъ языкѣ выраженіяхъ, только въ мусульманской транскрипціи ¹⁾).

Наконецъ мотивомъ отставки Девлетъ-Герая авторъ Краткой Исторіи выставляетъ претензію Карла XII на непристойное обращеніе съ нимъ Исмаиль-паши и хана въ то время какъ они взялись удалить его изъ Бендеръ. Имъ было послано три султанскихъ указа рѣшиться съ упрямымъ королемъ. А когда они обдѣляли свое дѣло, къ королю пришло изъ Порты извѣстіе, гласившее: «на такого рода поступокъ нѣтъ нашего согласія». А король тогда отвѣчалъ: «Если такъ, то накажите оскорблявшихъ меня». Бѣднаго Исмаиль-пашу казнили, а Девлетъ-Герая отставили ²⁾). Былъ ли казненъ бендерскій сераскерь, не извѣстно: Миньотъ говоритъ, что онъ былъ только сосланъ въ Архипелагъ ³⁾). Но ни у одного изъ турецкихъ и крымскихъ историковъ нѣтъ даже намека на какое-то письмо Карла XII къ султану, скомпроментировавшее хана, о которомъ сообщается у Сестренцевича-Богуща ⁴⁾). Дѣло можно объяснить проще. Портѣ хотѣлось непременно спровадить надоѣвшаго ей короля шведскаго, что и было предписано исполнить бендерскому сераскери вмѣстѣ съ ханомъ. Но она не ожидала такого яростнаго сопротивленія со стороны короля и не предполагала, что у нихъ дойдетъ до кровопролитнаго побоища. Когда однако же таковое случилось, ей стало совѣстно за свое пренебреженіе къ правиламъ гостепріимства и за третировку все же не простаго человѣка, а короля: побитая военными неудачами спесь Порты обязывала ее быть повнимательнѣе къ требованіямъ международной вѣжливости. Въ такомъ непоправимомъ скандалѣ султану оставалось одно средство обѣлить себя—уволить въ отставку главныхъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, виновниковъ этого скандала—хана, в. везира и шейху-ль-ислама, что онъ и сдѣлалъ. Поэтому слухъ о томъ, что будто бы причиною смѣны вышеозначенныхъ лицъ послужило перехваченное Карломъ XII письмо Крымскаго хана, раскрывшее тайну какого-то измѣническаго замысла ихъ, не заслуживаетъ вѣроятія, тѣмъ болѣе что

¹⁾ Рук., 109 г.

²⁾ Ibidem, 110 v.

³⁾ Исторія турецкая, соч. Аббатомъ Миньотомъ. Спб. 1790: Ч. IV, стр. 193.

⁴⁾ Исторія о Тавріи, II: 334.

тѣ, которые распустили этотъ слухъ, не говорятъ хорошенько, какого содержанія было письмо, и какой замыселъ затѣвали противники короля шведскаго ¹⁾.

Порта, раздосадованная тѣмъ, что Балтаджи-Мухаммедъ-паша плохо воспользовался оплошностью Петра I на Прутѣ, сперва вгорячахъ хотѣла-было опять начать непріязненные дѣйствія съ Россіею, вѣроятно въ надеждѣ наверстать свой проигрышъ. Послѣ перваго рѣшенія подождать разрывомъ ²⁾, турки снова заговорили о походѣ противъ русскихъ ³⁾, и наконецъ даже было совсѣмъ рѣшились открыть кампанію ⁴⁾, такъ что ужь хану, тогда еще Девлетъ-Гераю, были по этому случаю посланы обычные подарки ⁵⁾, а верховный везирь Юсуфъ-паша, противившійся этой войнѣ и настаивавшій на сохраненіи только-что заключеннаго съ Россіею мира, еще раньше смѣненъ былъ ⁶⁾. Все это происходило въ шеввалѣ 1124=въ ноябрѣ 1712 года. Но вскорѣ за этимъ турки одумались и сочли за лучшее выпроводить засидѣвшагося у нихъ Карла XII, пребываніе котораго и было причиною того, что русскіе медлили ратификаціею мирнаго трактата ⁷⁾. Затѣмъ совершилась вышеописанная эвакуація Бендеръ отъ шведскихъ обывателей съ королемъ во главѣ, а 12 ребіу-ль-ахыра слѣдующаго 1125=9 мая 1713 года у в. везира состоялся совѣтъ въ присутствіи русскихъ повѣренныхъ, на которомъ рѣшено остаться въ мирныхъ отношеніяхъ съ Московскимъ царемъ ⁸⁾. Фундуклулу говоритъ то же самое, только, по его, совѣщанія происходили не въ ребіу-ль-ахырѣ, а въ джемазіу-ль-ахырѣ=въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года ⁹⁾. Тогда Крымскому хану вручена была копія съ предварительныхъ условій мира съ Московскимъ царемъ, разумѣется для руководства въ поведеніи его относительно своихъ сосѣдей ¹⁰⁾. Но осуществленіе этой новой международной

¹⁾ С.-Богумъ, Ист. о Тавріи, II: 334; Hammer, Gesch. d. O. R., VII: 164.

²⁾ Рашидъ, II: 91 v.

³⁾ Ibidem, 93 v.

⁴⁾ Ibidem, 94 r.

⁵⁾ Ibidem, 94 v.

⁶⁾ Ibidem, 93 v.

⁷⁾ Ibidem, 94 v.

⁸⁾ Ibidem, 95 v.

⁹⁾ Фундуклулу, IV: 290 v.

¹⁰⁾ Фундуклулу, IV: 296 .:

политической программы досталось уже преемнику Девлетъ-Герая, сидѣвшему доселѣ въ заключеніи, Капланъ-Гераю, извѣщеніе о назначеніи котораго ханомъ случайно какъ разъ совпало съ хлопотами Девлетъ-Герая о томъ, чтобы ненавистнаго ему Капланъ-Герая упекли куда-нибудь еще подальше¹⁾.

II.

Политическіе виды Капланъ-Герай-хана I.—Мятежи Бахты-Герая въ Черкесіи и бунтъ янычарскаго гарнизона въ Азовѣ.—Вынужденная потачка Порты крымцамъ, отвергшимъ Кара-Девлетъ-Герая III.—Нелады Сеядетъ-Герай-хана III съ крымскою знатію, стоявшія ему трона.—Политическая программа Менглы-Герай-хана II.—Вражда двухъ сильныхъ партій въ Крыму, во главѣ которыхъ стояли Мерданъ-Али-ага и Джанъ-Тимуръ-мурза. —Приговоръ Абу-с-Суъуда-эфенди и казнь Абду-с-Самада-эфенди —Мятежъ погайцевъ подъ предводительствомъ Аадиль-Герая и усмиреніе ихъ.—Внутреннее управленіе Менглы-Герай-хана II и паденіе его.

Первою заботою вторично воцареннаго Капланъ-Герай-хана I (1125—1128=1713—1716) было возвратить на прежнія мѣста подвергшихся гоненію со стороны Девлетъ-Герая своихъ друзей Мерданъ-Али-агу и Абу-с-Суъуда-эфенди²⁾. Калгою, согласно всѣмъ источникамъ, былъ сдѣланъ опять Менглы-Герай-султанъ, а нур-эд-динъ, по однимъ историкамъ, былъ назначенъ Сахыбъ-Герай³⁾, а по другимъ извѣстіямъ—Сафа-Герай-султанъ⁴⁾.

Рѣшившись окончательно стать въ мирныя отношенія къ Россіи, Порта позаботилась о скорѣйшемъ приведеніи въ надежное состояніе крѣпости Хотина на бессарабской гра-

¹⁾ Семь планетъ, 315.

²⁾ Ibidem, 316.

³⁾ Ibidem, 315; Гюльбунн-Хананъ, 85; Hammer, Gesch. d. Osm. R., VII: 165.

⁴⁾ Бракт. Ист., 110 v.; Journ. As. 1833, XII: 451; Howorth, History of the Mongols, II: 574.

ницѣ: Назначенный туда инженеромъ Халиль-паша составилъ смѣту въ 2000 мѣшковъ чистыми деньгами. Султанъ осердился на него за такое непомерное исчисленіе расходовъ и отослалъ пашу въ Бѣлградъ¹⁾. Надзоръ за рабочими порученъ былъ румилійскому вали Абди-пашѣ совместно съ Крымскимъ ханомъ Капланъ-Гераемъ. Проведши зиму 1125=1713²⁾ г. въ мѣстечкѣ Конакѣ на р. Днѣстрѣ, ханъ вернулся въ свою столицу³⁾. Въ признательность за починку Хотина ему прислана была сабля и почетный кафтанъ⁴⁾.

Авторъ Краткой Исторіи передаетъ этотъ фактъ въ такомъ духѣ. Опъ говоритъ, что «Абди-паша съ османскимъ войскомъ, а Капланъ-Герай съ татарскимъ прибыли въ Хотинъ только *подъ видомъ ремонта крѣпости, а въ дѣйствительности вслѣдствіе извѣстій и приглашеній со стороны поляковъ*: цѣль была та, чтобы тамъ провести зиму, а къ веснѣ двинуться въ московскіе предѣлы». Но со стороны ляховъ прибылъ посолъ подольскій воевода бояринъ по имени «Велинка» и сказалъ, что ни кievскому воеводѣ, ни сейму не извѣстно о возвращеніи его присутствія, хана. Тогда поневолѣ въ томъ году пришлось починять Хотинъ: до зимы приспособили годныя помѣщенія и назначили туда гарнизонъ. Паша вернулся къ себѣ; ханъ зимовалъ въ Били, а въ 1126=1714 году пришелъ въ Крымъ⁵⁾. Въ такомъ случаѣ становится понятно, почему султану пришла въ голову денежная смѣта Халиль-пашы на сооруженіе, въ которомъ не имѣлось даже серьезной надобности.

Когда однако же вскорѣ у Порты произошелъ разрывъ съ Венеціею⁶⁾, то Капланъ-Герай тоже выставилъ вспомогательный отрядъ татарскаго войска подъ начальствомъ Орскаго бей, младшаго брата своего Селяметъ-Герая, назначеннаго сераскеромъ въ Босну⁷⁾. Между тѣмъ одинъ изъ сыновей Девлетъ-Герая, отставнаго хана, Бахты-Герай, въ надеждѣ занять отцовскій престолъ, пошелъ производить смуты и волненія въ Черкесіи.

¹⁾ Фундуклулу, IV: 295 г.

²⁾ У Мухаммедъ-Ризы, и въ печатномъ изданіи (стр. 317), и въ рукописномъ экземплярѣ (л. 216г.), стоитъ въ этомъ мѣстѣ 1120=1708 годъ—явная оплошность переписчика, привявшаго цифру *пять* за нулевую точку.

³⁾ Семь планетъ, 317.

⁴⁾ Фундуклулу, IV: 298 г.

⁵⁾ Кратк. Ист., 110 г. & 111 г.

⁶⁾ Тарихи-Рашидъ, II: 100 г.

⁷⁾ Семь планетъ, 317; Кратк. Ист., л. 111 г.

Къ нему присоединился, переправившись черезъ Таманскій перевозъ, прежній нур-эд-динъ Бегадырь-Герай. Ханъ, узнавши объ этомъ, послалъ за ними погоню, но посланные, не догнавши ихъ, вернулись ни съ чѣмъ обратно. Бахты-Герай же на просторѣ соединился съ враждебными Крымскому хану погайскими эмирами, а тѣхъ, которые оказывали повиновеніе хану, какъ напр. Нуръ-эд-Динъ-мурзу, и мурзъ Касай-оглу и Касбулатъ-оглу, убивалъ, а имущество ихъ грабилъ. Услышавъ объ этомъ, ханъ поручилъ усмиреніе мятежа Менглы-Гераю, и ему, съ помощью мурзъ племенъ Хатай и Кыпчакъ, удалось переловить бунтовщиковъ и убійцъ и учинить надъ ними расправу; вособенности досталось племенамъ Оранъ-оглу, Арсланъ-бей, Юсуфъ и Сумахъ, какъ самымъ мятежнымъ ¹⁾).

Одновременно ли и въ связи ли съ этимъ бунтомъ, или въ другую пору и совершенно самостоятельно, но только при Капланъ-Гераѣ происходили безпорядки, о которыхъ повѣствуетъ Фундуклулу подъ 1125 = 1713 годомъ. «Послѣ заключенія съ Московскимъ царемъ мира», читаемъ мы, «татарскому войску и пограничнымъ жителямъ было строго наказано впредь не дѣлать набѣговъ. Но татаре, не повинувшись наказу, пошли производить грабежи по дорогамъ къ Астрахани. Московцы и керманскіе козаки, перерѣзавъ имъ путь, послали человѣка къ азовскому коменданту везиру Бошнякъ-Реджебъ-пашѣ съ жалобою и просьбою о возвращеніи захваченныхъ у нихъ плѣнниковъ. Тогда онъ съ эрзерумскимъ вали, везиремъ Тэлякъ-Али-пашою сѣли на коня и пошли на нихъ (татаръ): «Такъ вы вопреки падишахскому ферману опять дѣлаете набѣги?! Съ чьего позволенія пошли вы?», сказали они и бросились на нихъ съ своимъ отрядомъ войскъ. Но пока они сражались, очередной отрядъ янычаръ, состоявшихъ въ азовскомъ гарнизонѣ, оцѣпили крѣпость и говорятъ: «мы живемъ татарскою добычею; на этихъ границахъ ферманы не исполняются». Они пошли противъ пашей и вступили въ битву. Съ обѣихъ сторонъ нѣсколько человѣкъ пало; нѣсколько было ранено; янычаре одолѣли, а паши, вернувшись, вошли въ крѣпость. Янычаре, взявши у татаръ полоняниковъ по известной цѣнѣ, тоже пришли въ крѣпость. Паши донесли въ Порту о дерзости капы-кулу и о неисполненіи фермана; но такъ какъ тогда было время лицемѣрія, то отдѣлались молчаніемъ: Реджебъ-паша былъ назначенъ комендантомъ въ Ени-Калэ, а его предмѣстникъ

¹⁾ Семь планетъ, 317—318.

везирь Челеби-Мухаммедъ-паша комендантомъ азовскимъ; везирю Телякъ-Али-пашѣ велѣно отправляться на свою должность; а повѣренный янычарскаго аги въ Азовѣ, по обвиненію въ неуправѣ съ солдатскою ватагою, былъ отставленъ и, подъ именемъ коменданта, сосланъ въ крѣпость Койпэ, гдѣ и былъ затѣмъ казненъ. Крымскому хану Капланъ-Гераю также посланъ высочайшій указъ крѣпко держать во всѣхъ мѣстахъ орду татарскую»...¹⁾

Особенно повредила Капланъ-Гераю его мѣшкатность во время открывшагося въ 1128=1716 году нѣмецкаго похода. Рѣшено было хану самому идти на помощь къ Темешвару; Менглы-Гераю оберегать Бѣджакъ, а Селямѣтъ-Гераю отправляться въ Эрдель; но послѣдній отказался, и его порученіе было передано сыну Азаматъ-Герая Исламъ-Гераю²⁾. Событія же подвигались очень быстро; турки терпѣли пораженія; Темешваръ съ Бѣлградомъ уже ушли изъ рукъ турковъ въ руки непріятелей; а ханъ все не являлся на помощь. Османская армія уже возвращалась изъ похода, когда ханъ только-что приближался съ своими татарами къ Бѣлграду. А виною этой медленности были, по словамъ Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы, зложелательные и злоумные строптивцы-эмиры, которые совѣтовали хану не очень торопиться въ дѣлѣ повиновенія Портѣ³⁾. Раздосадованные же неуспѣхомъ кампаніи, турецкіе сановники на совѣтѣ у султана 18 зиль-хыдджэ 1128=2 дек. 1716 г., разсуждая о поведеніи хана, остановились на двухъ предположеніяхъ: невообразимая мѣшкатность татаръ, быстрота движеній которыхъ вошла въ поговорку, произошла или оттого, что татарское войско не слушается хана, или же оттого, что онъ самъ утратилъ энергію и ревнительность; а, слѣдовательно, и въ томъ и другомъ случаѣ онъ заслуживаетъ отставки. Рѣшено было еще разъ обсудить этотъ вопросъ на совѣтѣ у в. везира и о результатѣ доложить султану⁴⁾. На совѣтѣ, окончательно рѣшившемъ участь Капланъ-Герая, велись такіа разсужденія, сообщаемыя турецкими историками. «Съ тѣхъ поръ какъ старикъ Хаджи-Селимъ-Герай сталъ въ 1082=1671 году впервые Крымскимъ ханомъ и до сего времени втеченіе сорока лѣтъ ханствовали

¹⁾ Фундуклулу, IV: 297 v.—298 г.

²⁾ Семь планетъ 318; Рашидъ, II: 148 v. & 149 г.; Фундуклулу, IV: 332 г.

³⁾ Семь планетъ, 318.

⁴⁾ Тарихи-Рашидъ, II: 172 v.

или онъ самъ, или его братья, или его сыновья. Его родственники теперь ужасно какъ размножились, и всѣ татары отъ мала до велика, равно какъ и черкесскій народъ, считаютъ ихъ наслѣдственными ханами, а проживающіе въ Румиліи царевичи, точно совсѣмъ посторонніе, ровно ничего въ ихъ глазахъ не значать. Нечего уже и говорить о вступленіи ихъ на ханство Крымское: даже тѣмъ, которые упоминали о нихъ, оказывалась враждебность. А потому и сами Селимовцы тоже стали говорить, что Крымское ханство есть исключительное ихъ достояніе, и когда случались войны, то подъ разными предлогами не стали ходить, говоря: «Мы не безопасны отъ непріятеля»; если же и приходять, то съ ничтожнымъ количествомъ татаръ; а не то стали посылать султановъ съ нѣсколькими татарами. Капланъ-Герай тоже изъ дѣтей Селимъ-Герая. Подобно отцу своему, онъ милый джентльменъ и благожелатель Высокой Державы; но татарскій народецъ сказалъ ему: «А, и ты тоже былъ въ Эдирнѣ на замиреніи съ московомъ? Ты прекратилъ наши доходы?» и совсѣмъ отвернулись отъ него, не стали слушаться его, такъ что онъ не въ состояніи былъ собрать и двухъ татаръ воедино; это повидимому и было причиною того, что онъ не шелъ къ Темешвару. Но нѣкоторые изъ сановниковъ говорили, что не есть непремѣнное условіе быть Крымскому хану изъ сыновей Селимъ-Герая: почему бы не назначить ханомъ достойнаго султана изъ крымскихъ царевичей, проживающихъ въ румилійскихъ предѣлахъ?—можетъ быть и изъ нихъ кто-нибудь сослужитъ хорошую службу. По разсмотрѣніи оказался подходящимъ старѣйшій изъ всѣхъ царевичей Кара-Девлетъ-Герай-султанъ ¹⁾. Поэтому онъ въ концѣ зи-ль-хыджда 1129=въ нояб.—дек. 1717 года былъ объявленъ съ обычными церемоніями ханомъ, потомъ отправился въ Буджакъ, собралъ тамъ около себя татарское войско и назначенъ былъ на охрану Валахіи. Но ни одинъ человѣкъ изъ погайцевъ, ни старый ни малый, не оказывалъ ему повиновенія, говоря: «Если ханскій сынъ долженъ быть ханомъ, то султанскому сыну развѣ подобаетъ быть ханомъ?» Онъ остался лишь при своихъ приверженцахъ да двухъ сотняхъ татаръ, которыхъ привели они съ собой, переманивъ изъ челяди султановъ ²⁾. По другимъ источникамъ, крымскіе вельможи, услышавъ о назначеніи Кара-Девлетъ-Герая ханомъ, подали падишаху заявленіе такого рода: «Съ фамиліею этого хана у насъ

¹⁾ Фундуклулу, IV: 334 в.—335 г.; Рашидъ-эфенди, II: 173 в.

²⁾ Фундуклулу, IV: 335.

уже нѣсколько разъ было столкновение; у насъ съ ними нѣтъ ладу» ¹⁾. Это заявленіе они, конечно, подкрѣпили неизбѣжными шумными сборищами, породившими безпокойство въ цѣломъ населеніи. Въ Портѣ снова сдѣлано было совѣщаніе по этому поводу, и состоялось такое рѣшеніе: «Хотя это обстоятельство противорѣчитъ предыдущему миѣнію Порты о назначеніи хана, но такъ какъ теперь военное время, то надо взять во вниманіе настоящее вынужденное положеніе дѣлъ—пойти на компромиссъ и избѣжать пока напрасныхъ раздоровъ, могущихъ повести къ кровопролитію» ²⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, исторія эта произошла вскорѣ послѣ пораженія турецкой арміи и завоеванія Темешвара нѣмцами, такъ что Порта была въ весьма стѣсненныхъ тогда обстоятельствахъ. Поэтому какъ ни тяжело и ни прискорбно было турецкому правительству уступить требованіямъ татаръ, тѣмъ не менѣе оно принуждено было поступить съ осторожностью, отложивъ до другого времени наказаніе мятежной вольницы, и сдѣлать ханомъ одного изъ сыновей Селимъ-Герай-хана ³⁾. Такимъ образомъ Кара-Девлетъ-Герай-ханъ III (1128—1129=1716—1717) и не успѣлъ побывать въ Крыму въ сапъ хана, въ которомъ онъ числился всего только три мѣсяца, въ концѣ одного и началѣ другого года, ибо 23-го сефера 1129=6 февраля 1717 въ Адрианополь былъ вызванъ проживавшій въ Ямболу Сеъадетъ-Герай, который и былъ назначенъ Крымскимъ ханомъ ⁴⁾. У Рашида же сказано, что церемонія назначенія совершилась 14 сефера = 28 января того же года ⁵⁾.

Во всей этой исторіи самое любопытное представляетъ мотивъ, по которому Порта уважила настоянія татаръ на смѣнѣ хана — невозможность заставить ихъ повиноваться своимъ распоряженіямъ при тогдашнихъ неблагопріятныхъ виѣшнихъ обстоятельствахъ. Въ виду столь ясныхъ и очевидныхъ причинъ легкой смѣны хановъ, нѣтъ основаній искать ихъ въ томъ, что «съ одной стороны дворянство и даже самые князья

¹⁾ Кратк. Ист., 111 г.

²⁾ Рашидъ, II: 175 г.

³⁾ Семь планетъ, 319.

⁴⁾ Фундуклулу, IV: 335 г. & v.

⁵⁾ Рашидъ, II: 175 г. Въ рукописномъ экземплярѣ «Ассебъу-с-Сейяръ» ошибочно означенъ 1128 годъ (листъ 217 verso); въ печатномъ же изданіи совершенно вѣрно стоитъ 1129 годъ, хотя издатель почему-то въ выносѣ поставилъ 1128 съ знакомъ вопроса.

крови Гирей были подкуплены Портою; и другой предразсудокъ вѣры заставлялъ всѣхъ Музульмановъ почитать Великаго Султана преемникомъ Калифовъ, хранителемъ ключей Мекки и главою вѣры», какъ это дѣлаетъ Сестренцевичъ-Богущъ¹⁾ и за нимъ охотно повторяетъ г. Говордзъ²⁾. Тутъ какъ разъ видимъ противное: кандидатъ Порты дружно отвергнуть крымскою аристократіею, при чемъ же тогда мнимый подкупъ князей и калфскій престижъ турецкаго султана? Впрочемъ вышеприведенныя слова, цѣликомъ заимствованныя и г. Говордзомъ изъ «Исторіи о Тавринѣ» Сестренцевича-Богуща, находятся въ такомъ мѣстѣ сочиненія этого послѣдняго, гдѣ у него царитъ полнѣйшій хаосъ, въ которомъ нѣтъ никакой возможности разобраться, какъ уже объ этомъ было говорено выше.

При воцареніи же Сеъадетъ-Герая-хана III (1129—1136 = 1717—1729) впервые произведено было отобраніе у прежняго, отставнаго хана Кара-Девлетъ-Герая, пожалованной ему, по исконному обычаю, изъ султанской казны инвеституры — дорогихъ одеждъ и кинжала. Для приведенія въ исполненіе этого никогда прежде небывалаго разжалованія былъ командированъ изъ Порты нарочитый каньджи-баши. Такое непочтительное обращеніе экономной Порты съ Кара-Девлетъ-Гераемъ вскорѣ свело этого семидесятилѣтняго старика въ могилу³⁾. Онъ погребенъ въ Ямболу въ тамошней мечети⁴⁾.

Такое, уже болѣе потомъ не повторявшееся, поруганіе личности отставнаго хана Порты позволила себѣ, вѣроятно, въ виду того, что само населеніе крымское не питало никакого уваженія къ личности Кара-Девлетъ-Герая, сосредоточивъ свои симпатіи исключительно на семьѣ Эльхаджъ-Селимъ-Герая. Сейидъ-Мухаммедъ-Риза, въ заключеніе о неудавшейся попыткѣ назначенія ханомъ Кара-Девлетъ-Герая, сообщаетъ его родословную, называя его сыномъ Аадиль-Герая, сына Селяметъ-Герая, предка Эльхаджъ-Селимъ-Герая-хана. Онъ это дѣлаетъ въ опроверженіе гнусной ошибки, какъ онъ говоритъ, нѣкоторыхъ историковъ, которые считаютъ его сыномъ Аадиль-Герая, сына Чобанъ-Девлетъ-Герая⁵⁾. Какихъ онъ разумѣетъ тутъ историковъ, не видно, но небрежное обращеніе Порты съ Кара-Девлетомъ все-таки какъ будто придаетъ вѣроятіе мнѣнію тѣхъ историковъ: кап-

¹⁾ Op. cit., II: 337.

²⁾ Op. cit., 575.

³⁾ Семь планетъ, 319—320; Гюльбунъ-Хананъ, 89.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Семь планетъ, 320.

ризь Порты былъ посадить на ханскій тронъ Кара-Девлета — ничего не стоило ей и третировать его, такъ какъ онъ происходилъ изъ ненавистнаго крымцамъ побочнаго поколѣнія. Ненависть эта такъ была сильна, что крымскій историкъ оставляетъ безъ объясненія безпричинное безчестіе низложеннаго хана, ограничиваясь лишь отрицаніемъ его принадлежности къ линіи Чобанъ-Герайской, ибо это, вѣроятно, казалось ему гораздо унизительнѣе разжалованія Кара-Девлетъ-Герая отъ ханскихъ регалій.

Но и при новомъ ханѣ не возстановилось спокойствіе въ подвластныхъ ему черкесскихъ предѣлахъ. Кромѣ того, у него возникли неудовольствія съ своими родичами: назначенный имъ нур-эд-диномъ Аадиль-Герай-султанъ вскорѣ отказался отъ этого званія, и на его мѣсто былъ назначенъ Исламъ-Герай¹⁾. Селядетъ-Герай-ханъ успѣлъ еще совершить одну кампанію противъ нѣмцевъ, въ союзѣ съ османскою арміею, гдѣ долго, въ ожиданіи его прибытія, медлили рѣшительными противъ непріятеля дѣйствіями. Ханъ въ этотъ разъ привелъ съ собою 60—70 тысячъ народу; но, замѣчаетъ турецкій историкъ, въ арміи не находилось опытнаго полководца, поэтому и не знали, что дѣлать, а между тѣмъ со времени Вѣнскаго похода, а особливо послѣ Варадинскаго пораженія, страшно боялись нѣмцевъ²⁾. Къ этой трусости турковъ присоединились еще безпорядки и несоблюденіе дисциплины въ арміи, противъ которыхъ самъ бы Аристотель съ Платономъ, по выраженію турецкаго историка, не придумали никакихъ мѣръ, и пораженія отоманскихъ войскъ продолжались, не смотря на прибытіе крымской подмоги и смѣну воначальниковъ³⁾. Волей-неволей пришлось принять посредничество иностранныхъ пословъ по заключенію мира съ нѣмцами въ шеввалѣ 1129 = въ октябрѣ 1717 года⁴⁾. Въ началѣ слѣдующаго года ханскому полчищу, по минованіи въ немъ надобности, было дано позволеніе вернуться въ свои мѣста и приказано при этомъ возвратитъ мирнымъ валахамъ захваченныхъ татарами полоняниковъ. Ради послѣдняго обстоятельства ханъ и валахскій воевода составили въ Бухарестѣ комиссію при содѣйствіи временнаго правителя гезар-

¹⁾ Гюльбунн-Ханаяъ, 90; Кратк. Ист., 111 в.; Семь планетъ, Рук. Уч. Отд., л. 218 г. Въ печатномъ же изданіи (стр. 320), вѣроятно по ошибкѣ, значится Селяметъ-Герай.

²⁾ Рашидъ, II: 184 г.

³⁾ Ibidem, 187 г.

⁴⁾ Ibidem, 188 г.

градскаго Абду-р-Рахмана-эфенди и ханскаго кады-эскера Абу-с-Суъуда-эфенди¹⁾. Когда предъ этимъ ханъ отправился изъ Адрианополя, получивъ обычные подарки, ему поручено было положить конецъ своевольнымъ дѣйствіямъ Бахты-Герая, прозваннаго «Дели-султанъ», т. е. «Отчаянный султанъ», на котораго нарочитый русскій посолъ явился въ Порту съ жалобою, что онъ, набравъ шайку татаръ, производитъ съ нею опустошительные набѣги на русскія окраины вопреки существующему между Россіею и Портою мирному трактату²⁾.

Но ханъ, конечно, болѣе всего заботился о собственныхъ прибыткахъ. Черкесы, видя ослабленіе могущества Крымскихъ хановъ, начали отказывать въ платежѣ имъ «погрѣшной дани» невольниками. А между тѣмъ другой источникъ ханскихъ доходовъ — грабежи и набѣги на христіанскихъ сосѣдей, въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, сократились. Капланъ-Герай, мы видѣли, заплатился уже за чрезмѣрно-хищническіе замыслы противъ черкесовъ; но это не остановило его преемника продолжать начатое предшественникомъ. Въ началѣ 1132=1720 года онъ испросилъ у Порты разрѣшеніе произвести набѣгъ на черкесовъ, которое и дано ему было въ виду того, что дѣла черкесскія не имѣли прямого къ ней отношенія, а все же успѣшное вмѣшательство хана въ эти дѣла не могло не быть ей пріятно. Хану вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ пожаловано было еще, подъ именемъ «расходныхъ» — *харджлыкъ* — отъ султана 8000 гурушей, и отданъ былъ приказъ о присоединеніи къ татарской-ханской арміи вспомогательныхъ силъ изъ войскъ османскихъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Крыма³⁾. Ханъ, получивъ полномочіе вѣдать всѣ дѣла черкесскія по своему усмотрѣнію, съ многочисленнымъ войскомъ вторгся въ Кабарду и провелъ тамъ около двухъ лѣтъ⁴⁾. Въ краткомъ турецкомъ очеркѣ Крымской Исторіи и у г. Говордза категорически говорится, что Сеъадѣтъ-Герай во время этого похода попался въ плѣнъ и послѣ возвращенія изъ плѣна былъ низложенъ⁵⁾; между тѣмъ въ другихъ источникахъ нѣтъ ни слова о плѣнѣ хана. Сравнительно болѣе подробный рассказъ объ этомъ походѣ Сеъадѣтъ-Герай-хана находимъ

¹⁾ Ibidem, 191 v.

²⁾ Рашидъ, III: 28 г. & v.

³⁾ Рашидъ, III: 43 г.

⁴⁾ Тарихи-Челеби-залѣ, 47 v.

⁵⁾ Рукон. Учеб. Отд. № 368, стр. 33; Journ. As., t. XII, p. 451; Howorth, Op. cit., 575.

въ Краткой Исторіи, хотя и не вполне согласный съ другими источниками. Сейидъ-Мухаммедъ-Риза, напримѣръ, говоритъ, что ханъ, по возвращеніи въ столицу, отправилъ сына своего Салихъ-Герая выжить мятежнаго Бахты-Герая изъ его убѣжищъ и водворить въ Румилійскія области. Но походъ Салиха былъ неудаченъ, и тогда ханъ рѣшился двинуться самолично; но тоже только напрасно потерялъ драгоцѣнное время: вслѣдъ за этимъ пошли волненія и смуты въ самомъ Крыму, повлекшія за собою сверженіе хана, о чемъ Риза по обычаю витійственно-многословно рассказываетъ дальше¹⁾. По словамъ же автора Краткой Исторіи, «изъ-за кабардинскаго дѣла, бывшаго еще при прежнемъ ханѣ Капланъ-Герай», Сеъадетъ-Герай въ 1132=1720 году съ крымскимъ войскомъ пошелъ на Кабарду, по извѣстію и зову старшаго своего сына Салихъ-Герая, который былъ «кабардинскій воспитомецъ» — *Кабартай бэсле-мэси* — и говорилъ: «Кромѣ сыновъ Кайтукъ-бека всѣ съ нами». Благодаря оплошности черкесовъ, они въ 1133 г. достигли мѣстечка Кызылъ-Буруна. Тогда Кайтуковцы взбунтовали Кабардинскій народъ. Ища убѣжища у Джанъ-Булатъ-оглу, они всѣ бѣжали въ мѣсто, именуемое Кашка-Дагъ. Ханъ послалъ Бахты-Герая опустошить окрестности Кашка-Дага; но не многого онъ добылъ. Затѣмъ бывшіе въ повиновеніи черкесскіе беки набрали нѣсколько невольниковъ и тѣмъ заставили хана вернуться. По прибытіи его въ Крымъ Ширинскій бекъ Мубарекъ-Шахъ-бекъ умеръ и въ 1134 = 1721—1722 году въ качествѣ миръ-лива и старшины всѣхъ Ширинцевъ былъ Эльхаджъ-Джанъ-Тимуръ-мурза. До 1136=1723—1724 года все было спокойно. Но вотъ нѣкто Эръ-мурза-ага, изъ жившаго на Салгырѣ племени Вейратъ — *Вэйратъ кабилесинданъ* — женился на дочери Аргынскаго бека Ахмедъ-Шахъ-бека. Но Кутлу-Шахъ-мурза, изъ племени Юрулджа, заявилъ претензію, что онъ еще раньше имѣлъ на нее виды²⁾. Ханъ принялъ сторону Кутлу-Шахъ-мурзы и грозилъ гнѣвомъ своимъ всякому, кто бы взялъ и выдалъ дѣвицу за кого-либо другого кромѣ

¹⁾ Семь планетъ, 321.

²⁾ Челеби-задэ говоритъ, что дѣвица эта была дочь какого-то умершаго изъ крымцевъ; женился на ней одинъ изъ извѣстнаго племени Субханъ-Гази-оглу, принадлежавшаго къ крымской аристократіи, называвшейся капы-кулу; а Эръ-мурза, бывший ага Селяметъ-Герай-султана, Орскаго бея, выступилъ претендентомъ на ту же дѣвицу, заявивъ, что она ему раньше была обѣщана и считалась его нареченою. Ханъ же возникшую распрю рѣшилъ ни въ чью пользу, выдавъ спорную дѣвицу за третьяго, посторонняго человѣка. (Тарихи-Челеби-задэ-эфенди, 48 г.; Hammer, G. d. O. R., VII: 347).

Кутлу-Шаха. Эр-мурзѣ-агѣ трудно было дать отпускную своей супругѣ, и онъ вопер-
выхъ склонилъ на свою сторону народъ Салгырскій и Харатукскій, а вовторыхъ вошелъ
въ очагъ Ширинскій. Эмиры согласились и предъявили хану свои требованія въ формѣ
просьбы. Ханъ не принялъ ея, а еще болѣе разсердился: говорили, что будто бы онъ
даже намѣренъ былъ казнить Эр-мурзу-агу. Тогда сборище эмировъ Ширинскихъ тоже
усилилось. Къ нимъ пристали изъ племенъ Юрулджа Субханъ-Гази-оглу, изъ племени
Сартыкъ родъ Едилеръ — *Едилеръ таифеси* — и другіе. Они вторично стали просить
хана. Тогда ханъ послалъ Сокуръ-Шахъ-Тимуръ-мурзу изъ своей свиты, который былъ
изъ Салгырскаго народа, съ изъявленіемъ своего согласія на ихъ просьбу. «Но дѣло Эр-
мурзы служило имъ только предлогомъ къ сборищу: всущности же настоящею цѣлью
ихъ было сверженіе хана; они этимъ не успокоились и отослали Шахъ-Тимуръ-мурзу къ
хану съ просьбою, въ которой они заявили, что «имъ на будущее время идти куда-либо
съ ними (т. е. съ ханомъ) стало болѣе невозможно; пусть распрощаются и отправля-
ются!» А между тѣмъ нѣсколько молодыхъ людей напали на дома и имущество, при-
надлежавшіе племени Едилеръ, и разграбили ихъ; старики же объ этомъ ничего не знали.
Тогда нур-эд-динъ Исламъ-Герай съ нѣсколькими сейменами пошелъ на всѣхъ жителей,
говоря: «Я жъ ихъ разгромлю!» Простодушный же и не питавшій въ душѣ своей злобы
ханъ предоставилъ месть волѣ Божіей, а самъ пошелъ въ Порту. Тогда Сеъадэтъ-Ге-
рай былъ отрѣшенъ; ханство было предложено «съ нѣкоторыми условіями» Капланъ-Ге-
раю, привезенному въ Порту; но онъ отказался, и въ 1137=1724—1725 году былъ
сдѣланъ ханомъ Менглы-Герай-ханъ II.

При всемъ разнорѣчій историковъ въ именахъ главныхъ виновниковъ и участни-
ковъ смуты, кончившейся удаленіемъ Сеъадэтъ-Герая съ ханскаго престола, сущность
этого происшествія остается у всѣхъ тождественною. Порта, по заведенному ею же са-
мою порядку, продолжала высылать крымцамъ разныя подачки въ видѣ «платы сеймен-
ской» — *уджрети сейменъ* — хотя и не имѣла въ виду пользоваться, какъ бывало
прежде, ихъ услугами, будучи связана международными договорами съ сосѣдними евро-
пейскими государствами. При военныхъ неудачахъ и при внутренней неурядицѣ и без-
денежѣ, ей становилось въ тягость нести такія непроезводительныя траты: она стала
тогда прибѣгать къ такой забавной экономіи, какъ отобраніе дорогихъ регалій отъ разжало-
ваннаго изъ хановъ Кара-Девлетъ-Герая. Что это было такъ, на то косвенно намекаютъ

сами историки¹⁾. Надо же было и татарамъ промышлять чѣмъ-нибудь! Малѣйшія грабительскія покушенія ихъ, по старой памяти, на русскіе предѣлы тотчасъ были формально обжаловываемы со стороны русскаго правительства²⁾. Вотъ почему Порта и потворствовала вторженіямъ татаръ въ черкесскіе предѣлы, предписывая, какъ мы видѣли, своимъ крымскимъ сераскерамъ оказывать даже помощь ханамъ въ подобныхъ предпріятіяхъ. въ случаѣ неудачнаго исхода подобныхъ кампаній она ничѣмъ не рисковала, развѣ давала отставку неумѣлому хану, какъ это было съ Кайланъ-Гераемъ, и какъ это случилось потомъ съ Сеъадэтъ-Гераемъ. Но се за это потворство ожидало другое наказаніе: Слабая зависимость Ногайской орды отъ хана, созданная раньше близорукою политикою Стамбула, съ теченіемъ времени перешла въ полную необузданность, которая заразительно повліяла и на коренныхъ крымцевъ. Отъ взоровъ послѣднихъ, надо полагать, не ускользнуло постепенное паденіе могущества и престижа Порты, и они становились все дерзче и дерзче въ своихъ требованіяхъ: въ настоящемъ имъ терять было нечего, а въ будущемъ они не чаяли для себя ничего лестнаго отъ вассальнаго подданства турецкому султану, и они стали теперь смотрѣть на это подданство равнодушіе чѣмъ когда-либо. Авторъ Краткой Исторіи говоритъ, что за Эр-Тимура мятежные мурзы вступились только чтобы имѣть предлогъ къ возстанію противъ хана, слѣдовательно, коренная причина ихъ бунта заключалась не въ этомъ. Челеби-задэ-эфенди указываетъ эту причину въ томъ, что ханъ при дѣлежѣ невольничьей добычи, вывезенной изъ Кабарды, обошелъ вліятельнаго въ Крымѣ мурзу Хаджи-Джанъ-Тимура³⁾. — вещь весьма возможная. Къ этому еще присоединилось недовольство, вызванное переменною главныхъ административныхъ лицъ ханства, къ которой въ послѣднее время ханы стали часто прибѣгать, вѣроятно въ расчетѣ окружить себя преданными имъ людьми, могущими быть имъ поддержкою въ ихъ шаткомъ положеніи⁴⁾. Мятежники успѣли даже привлечь на свою сторону калгу Сафа-Герая какими-то лестными для него обѣщаніями.

Видя вокругъ себя такую поголовную измѣну, Сеъадэтъ-Герай-ханъ поступилъ подобно своему предшественнику — добровольно удалился изъ Крыма, когда получилъ

¹⁾ Рашидъ, I: 262 в.

²⁾ Рашидъ, III: 28 г.

³⁾ Челеби-задэ, 47 в.

⁴⁾ Ibidem, 48 г.; Семь планетъ, 321—322.

посланный ему мятежниками приговоръ о томъ, чтобы онъ убирался, и когда услышалъ, что они отправили въ Порту свою кляузу противъ него¹⁾.

Сейидъ-Мухаммедъ-Риза приводитъ три пункта обвиненій, предъявленныхъ жалобщиками противъ хана въ Порту; но они изложены у него въ какихъ-то довольно темныхъ, двусмысленныхъ выраженіяхъ, которыя отзываются какъ будто бы пронию историка надъ авторами кляузъ. Табъ во первыхъ они жаловались, что ханъ, предаваясь удовольствію охоты на птицъ, выѣзжаетъ въ мѣстечко Картъ-Казакъ за предѣлами Ферахъ-Кермана «травить нашихъ выводковъ гнѣзда красоты и прелести». Вовторыхъ, заявляли они, дочь одного изъ знаменитыхъ агъ и извѣстныхъ мурзъ, ханъ, пренебрегши всѣми законными порядками, выдалъ замужъ за одного изъ своихъ людей, въ то время какъ она была уже помолвлена за другого; «мы же», говорили они, «развели ее, надѣвъ цѣпь брачнаго союза подобно свадебному вѣнку на шею принадлежности первому претенденту и не мало дали труда своему языку и рту, прочитавши бракосочетательную молитву». Втретьихъ они были недовольны тѣмъ, что ханъ изъ составляющихъ его содержание крупныхъ и мелкихъ доходовъ ничего не расходуетъ на нихъ; «онъ отъ чрезмѣрной ѣды и питья только самъ разжирѣлъ; мы же стремительнымъ вѣтромъ возстанія развѣяли пшеницу его услады и комфорта», заявляли они въ своей жалобѣ. «Намъ не надо такого тирана-хана», говорилось въ заключеніе: «кто бы ни былъ, опричь него, ханомъ изъ дѣтей Селимъ-Герая, мы согласны принять его. Если Высокая Держава уважить нашу просьбу, табъ ладно; если же нѣтъ, то мы съ чадами и семьями своими покинемъ отечество и пойдемъ въ другіе края»²⁾.

Крымскій историкъ называетъ письмо, посланное мятежниками хану, «противообычнымъ», а докладъ, отправленный ими съ депутаціею въ Порту, «непристойнымъ и безграмотнымъ»³⁾. Собственно говоря, вышеприведенная кляуза крымцевъ скорѣе можетъ служить доказательствомъ ихъ дерзкаго самоуправства, чѣмъ изобличеніемъ злоупотребленія властью со стороны хана. Мотивы недовольства ихъ Сельадеть-Гераемъ навидъ слишкомъ слабы,

¹⁾ Семь планетъ, 323.

²⁾ Семь планетъ, 323—324.

³⁾ Ibidem.

чтобы могли служить достаточнымъ основаніемъ для его сверженія. Но каждый вѣкъ и каждый народъ имѣетъ свои воззрѣнія на нравственныя обязанности человѣка вообще и правителя вособенности. Историкъ Халимъ-Герай такъ характеризуетъ Сеъадѣтъ-Герая. Онъ славился своею щедростью и милостивостью, но былъ порицаемъ за отсутствіе въ немъ мужества и храбрости. Былъ пристрастенъ къ охотѣ и большую часть времени проводилъ въ разѣздахъ по степямъ и лугамъ, занимаясь подъ предлогомъ охоты ловлею въ объятія газелеокихъ красотокъ. Въ ранніе годы юности онъ выдѣлялся изъ среды сверстниковъ красивой наружностью и статностью фигуры, и точно царскій штандартъ возвышался ростомъ среди народа, а подъ конецъ отъ тучности и массивности тѣла, какъ носилась молва, онъ не могъ ни ходить, ни двигаться¹⁾. Значить, Сеъадѣтъ-Герай-ханъ былъ сибаритъ, чѣмъ только дразнилъ плотоугодный аппетитъ татарскихъ вельможъ, не давая однако же имъ средствъ для удовлетворенія этого аппетита. Въ этомъ заключалась и вся его виновность предъ ними.

Ясно было, что послѣ этого у хана не могло быть хорошихъ отношеній къ недовольнымъ съ нимъ мурзамъ, и что тѣ, тоже не будучи увѣрены въ своей безопасности, станутъ раздувать пламя бунта. Сановники Высокой Порты не разъ секретно совѣщались, какъ имъ поступить въ данномъ случаѣ²⁾. Для Крыма пужень былъ такой ханъ, который бы, по словамъ Сейидъ-Мухаммедъ-Ризы, въ состояніи былъ «силою власти и правосудія потушить разгорѣвшійся огонь смуты». Пригодныхъ кандидатовъ на ханство оказывалось двое — отставной ханъ Капланъ-Герай и меньшей братъ его Менглы-Герай-султанъ, бывший одно время калгою. Верховный везиръ въ началѣ 1137 = въ октябрѣ 1724 г. вызвалъ ихъ обоихъ на мызу Сіявешъ-паши въ окрестностяхъ Стамбула, гдѣ Мухаммедъ-кахья и совѣщался съ ними насчетъ мѣръ къ прекращенію смуты крымскихъ. На эти совѣщанія тихонько, подъ предлогомъ охоты, пріѣхали потомъ самъ в. везиръ и капуданъ Мустафа-паша. Братья Гераи тоже хранили строгое инкогнито въ Видозскомъ саду. Менглы-Герай плѣнилъ в. везиря своимъ сладкорѣчіемъ на происходившихъ у нихъ совѣтахъ и былъ рекомендованъ падишаху въ ханы. Въ концѣ мухаррема = въ половинѣ октября онъ былъ торжественно ввезенъ въ столицу и съ соблюденіемъ извѣстныхъ

¹⁾ Гюльбунн-Хананъ, 92.

²⁾ Челеби-задэ-эфенди, 48 v.

церемоніи произведенъ въ ханы¹⁾. Другіе историки говорятъ, что Капланъ-Герай самъ отказался отъ предложеннаго ему теперь ханства, ибо онъ былъ уже старъ, да и не хотѣлъ «начкать въ крови правовѣрныхъ одеждъ своей непорочности»²⁾. Что же касается до секретности, съ какою велись переговоры о назначеніи новаго хана, то, надо полагать, она была необходима въ виду нахожденія въ Стамбулѣ крымской депутаціи, отъ которой до поры до времени надо было скрывать соображенія Порты.

Менгли-Герай-ханъ II (1137—1143=1724—1730), дѣйствительно, имѣлъ, какъ оказалось, цѣлый планъ въ головѣ насчетъ приведенія въ повиновеніе строптивыхъ мятежниковъ: не даромъ его рѣчи поправились в. везиру. Видя, что ни съ помощью своего ханскаго авторитета, ни открытою военною силою ничего не подѣлать съ ними, новый ханъ сталъ на путь хитрости и коварства. Чтобы отвести на первыхъ порахъ глаза главнымъ вожакамъ движенія, онъ утвердилъ ихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ ихъ прежнихъ должностяхъ—Абду-с-Самада въ должности кады-эскера, Кемаль-агу—въ званіи перваго министра и Сафа-Герая въ званіи калги, пославъ поскорѣе ярлыцкія грамоты объ этомъ впередъ себя въ Крымъ, а потомъ уже явился и самъ. Прикидываясь ласковымъ къ своимъ противникамъ и равнодушнымъ къ людямъ, къ которымъ въ душѣ былъ расположенъ, Менгли-Герай-ханъ развѣдывалъ и распознавалъ враговъ своихъ между своимъ народомъ и выжидалъ благоприятнаго момента для расправы съ ними. Такой моментъ вскорѣ наступилъ въ видѣ войны, начавшейся у Порты съ Персіей. По султанскому ферману ханъ долженъ былъ отправить десяти тысячное войско въ походъ на Персію. Отрядъ въ шесть тысячъ татаръ ханъ послалъ подъ начальствомъ калги Сафа-Герая, прикомандировавъ къ нему такихъ лицъ, какъ Пурсукъ-Али и Султанъ-Али-мурза, и этимъ способомъ удаливъ смутьяновъ и зачинщиковъ волненій изъ Крыма. Другого такого же опаснаго человѣка. Мустафу, состоявшаго въ должности сиах-дара (оруженосца) у Кемаль-аги, и его приверженца, послалъ онъ въ Черкесію. Этимъ ловкимъ маневромъ хану удалось разрознить сплотившихся мятежниковъ и по частямъ уже раздѣлываться съ ними³⁾. Въ мѣсяцъ зи-ль-кадэ 1137=въ іюль-августъ 1725 г.

¹⁾ Семь планетъ, 325.

²⁾ Гюльбунни-Хананъ, 94; Кратк. Исторія, 112 г.

³⁾ Семь планетъ, 326.

вся татарская ватага переправлялась изъ Бююкъ-Дэрэ черезъ Босфоръ на Апатольскую сторону, получила тамъ обычное угощеніе отъ турковъ и двинулась по назначенію¹⁾.

Въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что Порты, прежде всегда гнѣвавшаяся на Крымскихъ хановъ, если они не самолично предводительствовали своею арміею, и косо смотрѣвшая на такое уклоненіе ихъ отъ своей исконной обязанности, тутъ и не замѣтила даже этого отступленія хана отъ заведеннаго порядка. Измѣнившіяся обстоятельства вынудили ее предоставить большую свободу дѣйствій своему вассалу, лишь бы только онъ сумѣлъ держать въ повиновеніи безпокойную орду, которая теперь стала для нея чистою обузою. Тѣмъ болѣе эта свобода должна была быть предоставлена Менглы-Гераю, что онъ выступилъ на ханство съ самостоятельною программою умиротворенія края, отданнаго въ его распоряженіе, какъ мы видѣли выше, а во все не въ качествѣ простого исполнителя инструкціи, данной будто бы ему султаномъ, какъ это сообщается нѣкоторыми историками²⁾.

Слѣдуя принципу *divide et impera*, Менглы-Герай II, выпроводивъ одну часть безпокойныхъ головъ за границу, сталъ обдумывать способы къ окончательному укрощенію оставшихся дома. Главнымъ образомъ онъ хотѣлъ припяться за Хаджи-Джанъ-Тимуръ-мурзу, который, по словамъ османскаго историка Челеби-задэ-эфенди, цѣлыхъ уже сорокъ лѣтъ своевольничалъ, не повинаясь ни ханской власти, ни повелѣніямъ Порты, и причиняя всякія насилія и притѣсненія своимъ соотечественникамъ³⁾. Съ этою цѣлью ханъ составилъ совѣтъ изъ Кара-Кадиръ-Шахъ-мурзы, Муртаза-мурзы, Абу-с-Суьуда-эфенди и другихъ эмировъ и улема, принадлежавшихъ къ партіи, враждебной грозному Джанъ-Тимуру. Они порѣшили на томъ, что съ нимъ надо покончить, и даже пригрозили, что, въ случаѣ если бы ханъ не совершилъ предположенной расправы, они должны будутъ удалиться изъ предѣловъ Крыма и оттуда уже вести борьбу съ врагомъ своимъ. Джанъ-Тимуръ, прознавъ чрезъ своихъ клеветниковъ о грозившей ему опасности, написалъ доносъ, обвиняя Кадиръ-Шаха и Муртаза-мурзу въ мятежныхъ замыслахъ. Ханъ послалъ ему ярлыкъ, приглашая его въ Бакчэ-Сарай и прося его умиротвориться. Въ то же время

¹⁾ Челеби-задэ, 72 г. & v.

²⁾ Jour. As., t. XII, p.p. 452—453.

³⁾ Челеби-задэ, 72 v.

пригласилъ Харатукскихъ, Салгырскихъ аяновъ и прочую знать, именуюмую капы-кулу, въ столицу. На происходившемъ въ ханскомъ дворцѣ собраніи старый государственный человѣкъ Крыма, Мерданъ-Хаджи-Али-ага, заклятой врагъ Джанъ-Тимура, держалъ рѣчь, въ которой доказывалъ всю несообразность поступковъ Ширинскихъ мурзъ и необходимость рѣшительнаго ихъ обузданія силою оружія, для чего и предлагалъ почтеннымъ членамъ собранія, особливо тѣмъ, которые входили въ число капы-халкы (лейбъ-гвардіи), ради блага всѣхъ рабовъ Божіихъ оказать вѣрность и содѣйствіе хану. Красно-рѣчіе стараго министра такъ убѣдительно подѣйствовало на присутствовавшихъ, что они тутъ же дали клятву послѣдовать его предложенію. На собраніи присутствовали также приверженцы и товарищи Джанъ-Тимура—Кемаль-ага, Эръ-мурза, сынъ Порсукъ-Али-аги Османъ, братъ Кемаля Османъ и другіе изъ числа капы-кулу. Предвидя возможность побѣга ихъ, ханъ сталъ соображать о томъ, какъ бы преградить имъ путь къ этому побѣгу. Въ мѣсяцъ зи-ль-каѣдэ 1138 = въ іюль 1726 г. Кадиръ-Шахъ и Джанъ-Тимуръ съ своими вооруженными приверженцами стояли по обѣ стороны Бакчэ-Сарая. Ханъ распорядился устроить засаду изъ отборныхъ стрѣлковъ по дорогѣ отъ своего дома до диванскаго зала, съ тѣмъ чтобы они хватали и немедленно умерщвляли мятежниковъ, когда они явятся туда по приглашенію. Но Джанъ-Тимуръ, чрезъ шпионовъ и другихъ легкомысленныхъ людей, посвященныхъ въ тайну, узналъ о готовившейся ему ловушкѣ и тотчасъ же бѣжалъ, спасаясь отъ казни; за нимъ послѣдовали и другіе его единомышленники. Кадиръ-Шахъ-мурза съ своими пособниками бросились вдогонку, намѣреваясь сразиться съ нимъ. Ханъ, рассчитывая на возможность захвата ихъ при Днѣпровской или Азовской переправѣ, не далъ своего согласія на открытую битву въ узкой Бакчэ-Сарайской долинѣ, чтобы въ этой свалкѣ не досталось людямъ невиннымъ; но потомъ все-таки, питая желаніе истребленія противниковъ, послалъ-было Мерданъ-Хаджи-Али-агу и Салихъ-мурзу; но они не тотчасъ взялись за исполненіе возложеннаго на нихъ порученія. Эмиръ Мансурскаго племени Мухаммедъ-Герай-мурза схватился съ Джанъ-Тимуромъ; но послѣдній сообразилъ, что ему пришлось бы слишкомъ много потерять народа, и прекратилъ битву, а потомъ, пользуясь темнотою наступившей ночи, съ самыми преданными ему нукерами и пріятелями, пустился въ бѣгство. Въ числѣ бѣжавшихъ были также нѣсколько мурзъ изъ Мансурцевъ—Кемаль, сынъ Порсукъ-Али Османъ и имъ подобные, съ сотнею или двумя мятежниковъ, которые по дорогѣ угнали

попавшійся имъ скотъ, перешли черезъ Казандибскую переправу, да встрѣтили помѣху со стороны козаковъ, жившихъ въ московскихъ укрѣпленіяхъ, и прошли подъ кр. Азовомъ, благодаря содѣйствию азовскихъ янычаръ ¹⁾).

Авторъ Краткой Исторіи нѣсколько иначе передастъ обстоятельства побѣга Джанъ-Тимура. «Такъ какъ», говоритъ онъ, «Муртаза-мурза съ своими сторонниками дѣлали военныя приготовленія для убійства и истребленія Эльхаджъ-Джанъ-Тимура и его приверженцевъ, то одинъ человѣкъ, знавшій объ этомъ секретѣ, ибо онъ былъ тоже командированъ ханомъ, извѣстилъ Эльхаджъ-Джанъ-Тимуръ-бека. Пятаго числа мѣсяца зильхыдджэ (1138), совершивъ пятничный намазъ и не безъ страха войдя въ Диванъ, Эльхаджъ-Джанъ-Тимуръ во время засѣданія замѣтилъ, что сообщенное ему вышеупомянутымъ человѣкомъ извѣстіе справедливо, и тотчасъ, выйдя изъ Дивана, прошелъ къ своимъ палаткамъ, бывшимъ на пути мѣста совершенія молитвы. Эльхаджъ-Али-ага догналъ его и говоритъ: «Что это значитъ, сударь?» и сталъ дѣлать ему разныя завѣренія. Но Эльхаджъ-бекъ не повѣрилъ а чрезъ Акъ-Кашскій проходъ удалился. Такъ какъ стало извѣстно, что состоялось соглашеніе о поголовномъ избіеніи Азамать-оглу изъ рода Ширинцевъ, Ногай-оглу изъ каны-халкы, а также Канъ-Тимурова поколѣнія изъ Мансурцевъ, то приверженцы Эльхаджъ-Джанъ-Тимуръ-бека перешли черезъ Джангарскую переправу по направленію къ Кубани и двинулись къ Бахты-Герай-султану. Сперва они пошли-было къ берегамъ Дона и послали къ азовскому коменданту Менглы-Мустафа-пашѣ людей съ просьбою о пропускѣ. Но такъ какъ отъ хана пришелъ приказъ объ охранѣ переправъ, то ихъ арестовали. Но какъ только сказали, что прибывшіе беки вошли въ очагъ бекташскій (т. е. янычарскій), то янычарская артель встала на ноги; по ея настоянію тотчасъ же бековъ проводили съ почетомъ и отправили въ Кубанскую сторону» ²⁾). Въ томъ же духѣ сообщается это извѣстіе и у Сестренцевича-Богуща ³⁾).

Кафскій муфти Абу-с-Суъудъ-эфенди и большая часть улема дали приговоръ объ избіеніи бѣжавшихъ противниковъ власти. Только бакчэ-сарайскій муфти, восьмидесятилѣтній старикъ Абду-ль-Джемилъ-эфенди замедлилъ, по чувству благочестія, своимъ со-

¹⁾ Семь планетъ, 328—330.

²⁾ Кратк. Ист., 112 в.

³⁾ Исторія о Тавріи, II: 342.

гласіемъ на озпаченный приговоръ, но потомъ и онъ подписалъ фетву, разрѣшавшую истребленіе мятежниковъ. Тогда ханъ, собравъ войска, въ сопровожденіи знати пошелъ было къ Ферахъ-Керману; но тамъ, узнавъ, что бунтари удалились къ черкесскимъ границамъ, составилъ совѣтъ, на которомъ было постановлено объявить амнистію тѣмъ изъ приставшихъ къ Джанъ-Тимуру и къ Кемалю, которые втеченіе 50—60 дней оставятъ ихъ и вернутся домой, а послѣ этого срока уже не принимать ни чьихъ просьбъ о возвратѣ и прощеніи; въ этомъ смыслѣ и были написаны ханскіе ярлыки. Сверхъ того, находившіеся при ханѣ эмиры и улема потребовали привлеченія туда и наказанія кады-эскера Абду-с-Самада. Тогда за нимъ были посланы мубашеры, которые и представили его въ собраніе. Ученаго, какъ и слѣдовало, и судили поученому: ему показали трактатъ Абу-с-Суъуда-эфенди, написанный имъ въ обличеніе мятежниковъ при Девлетъ-Герай-ханѣ, гдѣ мятежъ и бунтъ приравненъ невѣрію, и затѣмъ въ ковахъ отослали въ крѣпость Гёзлеве, а оттуда въ Стамбуль¹⁾. Сперва онъ былъ заточенъ, а потомъ признано было необходимымъ казнить этого безпокойнаго человѣка, который и тамъ не переставалъ посѣвать смуту среди своихъ соотечественниковъ²⁾.

По вытѣсненіи Джанъ-Тимура изъ Крыма, одержавшая верхъ партія, какъ водится, захватила въ свои руки всѣ прерогативы: Кадиръ-Шахъ сталъ Ширинскимъ эмиромъ, Муртаза-мурза его калгою; Сеферъ-Гази-мурза нуръ-эд-диномъ; Мерданъ-Али-ага опять облеченъ былъ саномъ ханскаго аги, Абу-с-Суъудъ-эфенди получилъ кады-эскерство. Обо всемъ происшедшемъ донесено было въ Порту съ просьбою подчинить, какъ было прежде, вѣдѣнію Абу-с-Суъуда округа Кафскій, Таманьскій, Судакскій и Мангупскій. То и другое — донесеніе и просьба были отпращены съ самимъ же Абу-с-Суъудомъ³⁾.

Пограничнымъ комендантамъ турецкихъ крѣпостей сдѣлано было предписаніе задержать, если представится случай, Джанъ-Тимура и его сообщниковъ⁴⁾. вмѣсто того азовскій комендантъ Мустафа-паша оказалъ ему всякое содѣйствіе къ благополучной переправѣ и путешествію въ Черкесію⁵⁾, такъ что Портѣ пришлось повторить свое предпи

¹⁾ Семь планетъ, 330—331.

²⁾ Челеби-задэ, 101 v.

³⁾ Семь планетъ, 331.

⁴⁾ Челеби-задэ, 73 г.

⁵⁾ Братк. Ист., 112 v.

саніе и на этотъ разъ ограничиться строжайшимъ требованіемъ только полного невмѣшательства со стороны турецкихъ гарнизонныхъ янычаръ въ дѣла татарскія¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ турецкимъ комендантамъ данъ былъ приказъ сообразовать свои дѣйствія съ намѣреніями и распоряженіями хана, занятаго усмиреніемъ бунтовщиковъ. Все это было въ концѣ мухаррема 1138 = въ началѣ октября 1725 года²⁾.

Вслѣдствіе представленія ханскаго, главнокомандующій османской арміи въ персидскомъ походѣ, Кюпрлюлю-задэ Абду-л-Ла-паша произвелъ расправу надъ нѣкоторыми изъ главныхъ участниковъ бунта, казнивъ между прочимъ сына Джанъ-Тимурова Бегадыръ-Шаха, да изъ рода Ногай-аги силяхдаря Мустафу; а калга Сафа-Герай, вмѣстѣ съ головами казненныхъ, тоже былъ вытребованъ въ Порту и потомъ сосланъ на о—въ Хіосъ³⁾. Кромѣ того, въ самомъ Крыму было повѣшено нѣсколько человекъ изъ эмировъ племенъ торжественно, на площади съ прочтеніемъ султанскаго фермана, а имѣніе Кемаль-аги было конфисковано⁴⁾. За такую распорядительность и сообразительность хану ему высланы были сейменскіе деньги — *сейманъ акчеси* —, Абу-с-Суъуду пожалованы въ арпалыкъ деревни и дано согласіе на просьбу о расширеніи его юрисдикціи въ предѣлахъ Крыма⁵⁾.

Въ началѣ 1139 = въ концѣ 1726 года татарскія войска, бывшія подъ начальствомъ нуръ-эд-дина Селяметъ-Герая въ персидскомъ походѣ, начали разбѣгаться, другія страдали отъ болѣзней и изнуренія, и тогда имъ разрѣшено было вернуться черезъ Требизондъ на корабляхъ восвояси⁶⁾. Въ то же время ссыльному Сафа-Гераю, вслѣдствіе нездоровости климата хіосскаго, по ходатайству хана, дозволено было поселиться въ своемъ чифтликѣ въ Ямболу, который тутъ сравненъ съ «кореннымъ его отечествомъ»⁷⁾. Назначенный на мѣсто его калгою Аадиль-Герай однако же не захотѣлъ отправляться въ Персію на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ главноко-

¹⁾ Челеби-задэ, 75 г.

²⁾ Ibidem, 75 v.

³⁾ Семь планетъ, 331—332; Челеби-задэ, 78 v.—79 г.

⁴⁾ Семь планетъ, 332.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Челеби-задэ, 102 г.

⁷⁾ Ibidem, 105 г.

мандующаго татарскимъ отрядомъ, а потому получилъ отставку въ началѣ сефера 1140 = въ половинѣ сентября 1727 года и водворенъ на жительство также на мызѣ въ окрестностяхъ Ямболу¹⁾. Причиною отказа Аадиль-Герая было его намѣреніе поднять бунтъ среди буджакскихъ ногайцевъ, и диви бы еще въ своихъ собственныхъ видахъ, а то въ пользу отставнаго хана Капланъ-Герая. Ему и удалось поднять Буджакскую орду, когда онъ проѣзжалъ черезъ нее въ свой чифтликъ послѣ отрѣшенія отъ должности калги. Орда эта, съ того самаго времени какъ Порта взяла ее подъ свое покровительство, все ни какъ не могла усѣсться и размежеваться съ сосѣднею Молдавіею. Разсчитывая теперь на то, что Порта занята персидскою войною, предводители мятежныхъ ногайцевъ съ Аадиль-Гераемъ во главѣ послали черезъ бендерскаго коменданта въ Порту заявленіе о желаніи ихъ имѣть ханомъ Капланъ-Герая и объ отводѣ земель въ Молдавіи выгнаннымъ изъ нея ногаимъ. Въ противномъ случаѣ они грозили выселиться въ Польшу. Коренные крымцы вознегодовали на такое неслыханное доселѣ вмѣшательство ногайцевъ въ дѣло смѣны и назначенія Крымскихъ хановъ и, съ своей стороны, отправили въ Порту протестъ, въ которомъ выражали свое полное довольство образомъ правленія хана Менглы-Герая. Разсчеты бунтовщиковъ оказались ошибочными. Хану была послана подтверждающая грамота и вторичная инвеститура, а для усмиренія ногайцевъ отряжены были большія военныя соединенныя силы турецкихъ сераскеровъ и Крымскаго хана. Мятежники смирились. Аадиль-Герай, по ходатайству хана, получилъ амнистію да еще и пенсію и водворенъ въ своемъ чифтликѣ. Ногайцамъ велѣно сидѣть смирно на отмежеванныхъ имъ земляхъ и не трогать сосѣдей, подъ угрозою взысканія съ нихъ контрибуціи въ размѣрѣ тысячи мѣшковъ акчэ за всякій безпорядокъ. Разграбленное во время этого мятежа имущество мирныхъ жителей было повозможности розыскано и возвращено хозяевамъ. Актъ умиротворенія былъ облеченъ въ форму офиціального документа, составленнаго и скрѣпленнаго кады-эскеромъ Абу-с-Суъудомъ въ половинѣ шаъбана 1140 = въ концѣ марта 1728 года²⁾. Бѣжавшихъ въ Польшу мурзъ ногайцамъ

¹⁾ Челеби-задэ, 125 г.

²⁾ Офиціально засвидѣтельствованная въ 1141=1729 году копія съ этого документа имѣется въ Музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (Зап. О. О. Ист. и Др., I: 637, № 2).

не велѣно было принимать больше къ себѣ, а оставшихся ихъ приверженцевъ должны были выдать для ссылки ихъ въ Крымъ¹⁾.

Но этимъ еще не совсѣмъ кончилось умиротвореніе безпокойныхъ ногойцевъ. Мы видѣли, что сынъ Девлетъ-Герай-хана Бахты-Герай-султанъ, послѣ отставки его отца и по назначеніи ханомъ Капланъ-Герая, удалился въ Черкесію съ надеждою найдти тамъ себѣ сильную военную опору и овладѣть отцовскимъ трономъ. Тамъ онъ собралъ вокругъ себя нѣсколько не хотѣвшихъ повиноваться Крымскому хану ногойскихъ мурзъ и сталъ производить съ ними грабежи и убійства. Усмиреніе этой шайки было тогда поручено Менглы-Герая, который и исполнилъ это порученіе съ успѣхомъ²⁾. Но самъ Бахты-Герай ускользнулъ отъ плѣна и продолжалъ время отъ времени творить смуты, то дѣлая видъ покорности хану Крымскому, то соединяясь съ калмыками, чтобы совершать насилия надъ мусульманскими обитателями кубанскихъ поселеній, за что и прозванъ былъ «Бѣшенымъ султаномъ»³⁾.

Волненіе среди будажскихъ ногаевъ показалось Бахты-Герая благопріятнымъ моментомъ для возобновленія своевольныхъ дѣйствій въ черкесскихъ предѣлахъ, и онъ подстрекнулъ калмыцкое полчище пойти захватить себѣ изъ поселившихся на Кубани ногойцевъ орду Едисанскую. Ханъ донесъ объ этомъ Высокой Портѣ и просилъ объ отправкѣ войска, съ тѣмъ что и онъ самъ пойдетъ или пошлетъ калгу въ качествѣ главнокомандующаго. Порта тотчасъ отрядила въ помощь хану въ кубанскую экспедицію разныя части своихъ войскъ, стоявшихъ въ Румиліи, въ придунайскихъ крѣпостяхъ и въ самомъ Крымѣ. Бахты-Герай имѣлъ намѣреніе подчинить себѣ всѣхъ черкесовъ и ногаевъ тѣхъ мѣстностей, отдавъ только однихъ едисанцевъ калмыкамъ. Но не всѣ племена ногойскія были расположены къ этому: другія же были противъ него, и среди этихъ-то послѣднихъ нуръ-эд-динъ и Халимъ-Герай-султанъ стали набирать войско и посылать парламентеровъ съ заявленіемъ, что крымцы пришли вовсе не съ враждебными замыслами, а съ цѣлью войти путемъ мирныхъ переговоровъ въ дружеское соглашеніе. Такъ прошло болѣе сорока дней; калмыки, не видя общаго сочувствія въ населеніи къ

¹⁾ Челеби-задэ, 139 г.—140 г.; Семь планетъ, 332—333.

²⁾ Семь планетъ, 317—318.

³⁾ Семь планетъ, 333—334.

Бахты-Гераю, тоже нѣсколько опѣшили. Тѣмъ временемъ буджакскій бунтъ былъ усмирень, и вся масса войскъ моремъ и сушею двинулась къ Кубани. Какъ только распространился слухъ о приближеніи войскъ, Бахты-Герай съ нѣсколькими человѣками бросился въ горы; калмыцкое же войско вернулось восвояси¹⁾. Джанъ-Тимуръ, найдя прибѣжище у Бахты-Герая, съ годъ—два провелъ съ нимъ; а потомъ царевичъ оставилъ его гостить на покоѣ у черкесовъ, когда самъ пошелъ къ калмыкамъ. Джанъ-Тимуръ еще три года прожилъ у абаза-шапсуговъ. Но тамъ однажды ночью кто-то выстрѣлилъ изъ ружья въ Джанъ-Тимура; пуля пролетѣла надъ его головою сквозь его шапку и засѣла въ стѣнѣ. Когда объ этомъ услышалъ Бахты-Герай-султанъ, то, сказавъ: «Этого старика тамъ убьютъ», отправилъ его гостемъ къ сыну калмыцкаго хана Аюки Церень-Дундуку — *Джесерендз Дондука* —²⁾. По словамъ же османскаго историка, шапсуги сами, боясь навлечь на себя ненависть Порты изъ-за Джанъ-Тимура, выпроводили его отъ себя съ его сотоварищами. Бахты-Герай при посредствѣ брата своего Саинъ-султана провелъ ихъ черезъ Кубань, и потомъ они куда-то пропали. Едисанскіе и джамбуйлукскіе ногаи, позже другихъ вытѣсненные калмыками съ Волги, поселившись на Кубани, продолжали подвергаться нападеніямъ со стороны калмыковъ, да и съ туземцами-то, касаями и черкесами, не очень ладили, а потому теперь выпросили чрезъ нуръ-эд-динъ-султана позволеніе переселиться въ Крымъ. Мятежный родъ Кытай-Кыпчаковъ чрезъ посредство калги получилъ амнистію, а также и разрѣшеніе переселиться въ Крымъ. Бахты-Герай тоже прибѣгъ къ покровительству калги, и ему дана была амнистія подъ условіемъ впредь не бунтовать черкесовъ и ногаевъ противъ султана и хана Крымскаго, не принимать къ себѣ Джанъ-Тимура и его товарищей и не затѣвать какой-либо мести черкесамъ и погайцамъ. Такимъ образомъ это волненіе было прекращено безъ всякаго кровопролитія, благодаря распорядительности хана Менглы-Герая въ концѣ 1140 = въ половинѣ 1728 года³⁾. А въ рамазанѣ слѣдующаго 1141 = въ апрѣлѣ 1729 года⁴⁾ ханъ, въ признательность за эту распорядительность, былъ приглашенъ для чествованія

¹⁾ Челеби-задэ, 145 в.—146 г.

²⁾ Кратк. Ист., 112 в.—113 г.

³⁾ Челеби-задэ, 146 г. & в.

⁴⁾ Въ рукописи Учеб. Отд. (л. 227 в.) ошибочно значится 1140 годъ.

въ Высокую Порту, куда онъ явился въ сопровожденіи двухъ царевичей—Халимъ-Герая и Токтамышъ-Герая и свиты. Ихъ торжественно встрѣтили, угощали и обдарили обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ образомъ. Торжество это, по свидѣтельству крымскаго историка, усугубилось отъ полученнаго извѣстія о смерти Бахты-Герая, нарушавшаго покой хановъ своими бунтами и мятежами: онъ былъ убитъ черкесами¹⁾. Ханъ не забылъ и главныхъ своихъ помощниковъ по управленію: Абу-с-Суъуду-эфенди, по рекомендаціи и ходатайству хана, пожалована степень *адрианопольскаго* муфти и подтверждены его владѣтельныя права на пользованіе арпалыками; а Мерданъ-Али-ага, столѣтній старикъ, получилъ званіе губернатора Кафы и коменданта Ени-Калэ²⁾.

Кромѣ такихъ чисто-политическихъ мѣропріятій, Менгли-Герай-ханъ II сдѣлалъ потомъ кое-что и для внутренняго благоустройства своихъ владѣній: онъ облегчилъ налоги и повинности, отмѣнивъ «налогъ овецій» и учредивъ почтовые станціи для собственной гоньбы; назначилъ денежные оклады улема, и т. п.³⁾. Сестренцевичъ-Богушъ со собственнымъ ему католическо-іезуитскимъ ригоризмомъ и недовѣрчивостью такое даетъ объясненіе вышеозначенному образу дѣйствій хана. «Менгли», говоритъ, «пришедъ въ ненависть своею строгостью къ прежнимъ своимъ соумышленникамъ, началъ покушаться преклонять паки сердца народа, освобождая его отъ дани, которую долженъ былъ платить хану каждый домъ, по барану; однако не взирая на сіе, онъ былъ сверженъ»⁴⁾. Въ этомъ голословномъ отзывѣ С.-Богуша самое интересное представляетъ его заключительная оговорка: «однако не взирая на сіе, онъ былъ сверженъ»: выходитъ, что какъ будто бы Менгли-Герай былъ сверженъ самими же крымцами, и чуть-чуть не за то, что приложилъ столько стараній къ водворенію спокойствія въ странѣ, страдавшей отъ междоусобицъ и распрей самоуправныхъ влѣятельныхъ мурзъ, за что совершенно справедливо превозноситъ его крымскій историкъ Сейидъ-Мухаммедъ-Риза⁵⁾. Также отрывочно и безъ всякихъ разслѣдованій говоритъ объ отставкѣ Менгли-Герая и Гаммеръ: «*Mengligeraî wurde abgesetzt*», сообщаетъ онъ въ концѣ исторіи его ханствованія такъ, мимоходомъ,

¹⁾ Семь планетъ, 334.

²⁾ Ibidem, 335; Челеби-задэ, 156 г.

³⁾ Семь планетъ, 336.

⁴⁾ Ист. о Тавріи, II: 343.

⁵⁾ Loco cit.

поставивъ при этомъ Богъ вѣсть для чего цитату «Ebenda Bl. 78», не имѣющую рѣшительно никакого отношенія къ факту¹⁾. Но за что же, въ самомъ дѣлѣ, былъ отрѣшенъ Менглы-Герай?

Сейидъ-Мухаммедъ-Риза лишь отдаленно намекаетъ на причину его отставки въ свойственныхъ ему высокопарныхъ выраженіяхъ: «Такъ какъ началъ вѣять пронзительный вѣтеръ насилиі и осенняго холода, то въ началѣ 1143 = осенью 1730 года слѣды подувшаго вѣтра, потопляющаго корабли красныхъ дней, достигли до рае-подобнаго Бакчэ Сарая, и въ 15 й день по прибытіи подтвердительной грамоты да инвеституры, присланныхъ со стороны падишаха, по случаю высочайшаго восшествія на престолъ (Махмуда I), т. е. въ ребіу-ль-ахырѣ 1143 = въ октябрѣ-ноябрѣ 1730 г., Капланъ-Герайханъ въ третій разъ сталъ повелителемъ страны Крымской; шумъ страшнаго вѣтра отставки и отрѣшенія разметалъ листы его (Менглы-Герая) благополучной жизни; немедленно для удаленія изъ предѣловъ Крыма онъ надѣлъ узду поспѣшенія на вѣтробѣжнаго коня отправленія»²⁾.

Такое витіевато-уклончивое объясненіе причины отставки Менглы-Герая надо приписать тому, что Сейидъ-Мухаммедъ-Риза писалъ свою исторію, должно полагать, при жизни султана Махмуда I (1730—1754), при которомъ случилось все это. Говоря проще, смѣна Менглы-Герая случилась одновременно съ отреченіемъ прежняго султана турецкаго Ахмеда III отъ престола по милости взбунтовавшихся янычаръ и, безъ сомнѣнія, въ связи съ этимъ послѣднимъ событіемъ. Но когда читаешь извѣстія о сверженіи султана Ахмеда III, то невольно приходятъ на мысль вышеприведенныя слова крымскаго историка, показывающія, что оно было дѣйствиемъ какой-то слѣпой стихіи: дотого ясны обстоятельства, которыми сопровождалось это сверженіе; дотого необузданность янычарскаго своеволія въ это время утратила всякую осмысленность въ своихъ проявленіяхъ. И Гаммеръ, и Цинкейзенъ повѣствуютъ объ этомъ событіи на основаніи мемуаровъ современниковъ-очевидцевъ изъ европейцевъ³⁾, но всѣ сообщаемыя ими подробности нисколько не проливаютъ свѣта на главные мотивы этого мятежа. Мы знаемъ, что тогда Турціей объ-

¹⁾ Gesch. d. Ch. der Krim, 198.

²⁾ Loco cit.

³⁾ Zinkeisen, Gesch. d. Osm. Reiches, V: 626 и сл.; Hammer, Gesch. d. Osm. R., VII: 382 и сл.

явлена была война Персіи. Но не успѣли еще турки продѣлать всѣхъ торжественныхъ церемоній передъ открытіемъ кампаніи, какъ пришли вѣсти о томъ, что несправедливо имъ персіане совершили вторженіе въ предѣлы Оттоманской имперіи и овладѣли уже нѣсколькими городами, входившими въ составъ ея территоріи. Вѣсти эти страшно взбудоражили турковъ; а мягкій и миролюбивый султанъ и его верховный везирь между тѣмъ медлили открытіемъ похода. Изъ-за этого-то и взбѣсились янычаре; ловкіе авантюристы воспользовались ихъ мятежнымъ настроеніемъ — раздули простое недовольство въ открытый бунтъ въ расчетѣ поживиться при случаѣ переменъ главы правительства; вособенности тутъ фигурировали нѣкто Патрона-Халиль и Муслу, простые наглые янычаре, которые, въ самомъ дѣлѣ, и выиграли отъ этой сумятицы¹⁾.

Но если не совсѣмъ понятно сверженіе султана Ахмеда III, то еще непонятнѣе смѣщеніе Менглы-Герая-хана. Османскій историкъ Субхи говоритъ только, что нѣкоторые изъ главныхъ мятежниковъ вздумали велѣть сдѣлать ханомъ поселившагося нѣсколько времени тому назадъ въ Брусѣ Капланъ-Герая и согласились настоять на этомъ. Послали заявить верховному везиру объ этомъ какъ объ общемъ желаніи всѣхъ. Верховный везирь призналъ назначеніе Капланъ-Герая ханомъ весьма важнымъ и даже необходимымъ съ точки зрѣнія Высокой Державы дѣломъ, да только онъ опасался, какъ бы это не взбунтовало приверженцевъ Менглы-Герая, а такое волненіе по обстоятельствамъ дѣла было бы на руку врагамъ вѣры. Чтобы избѣжать этого, Менглы-Гераю было послано новое утвержденіе его на ханствѣ и приличные султанскіе подарки. «А такъ какъ», сказалъ в. везирь, «ханство Капланъ-Герая въ существѣ своемъ есть дѣло прекрасное и, по мироукрашающему мнѣнію государеву, заслуживающее одобренія, то ради предосторожности надо нѣсколько повременить: когда Менглы-Герай поуспокоится, тогда можно послать ему грамоту съ приглашеніемъ какъ будто-бы на совѣтъ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, а какъ онъ отправится изъ Крыма къ Порогу Счастья, то дать ему отставку и съ дороги прямо отвезти въ подобающее мѣсто». Но, говоритъ Субхи, ватага смутьяновъ слышать не хотѣла толкованій садразама, настаивая на скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе ихъ предложенія и грозя, въ противномъ случаѣ, опять раздуть еще тлѣвшіяся искры мятежа. Садразамъ доложилъ обо всемъ султану, и капыджи-яхья Кара-Муста-

¹⁾ Hammer, G. d. O. B., VII: 391—392; Zinkeisen, G. d. O. B., V: 632.

фа-наша-задэ Мустафа-бей былъ посланъ на чекдырмѣ въ Брусу за Капланъ-Гераемъ. Но онъ по болѣзни предпочелъ пріѣхать сухимъ путемъ и 23 ребіу-ль-ахыра 1143 = въ ноябрѣ 1730 года прибылъ въ Стамбуль для совершенія обряда возведенія его въ ханское достоинство¹⁾. Въ то же время Менглы-Герай былъ водворенъ на жительство въ Ямболу чрезъ посредство мубанира, возившаго ему высочайшее повелѣніе объ отставкѣ²⁾. Сейидъ-Мухаммедъ-Риза подробно повѣствуетъ о томъ, какъ Менглы-Герай поспѣшно выѣхалъ изъ своихъ владѣній раньше, чѣмъ прибылъ къ нему Абду-л-Ла-бей съ султанскою грамотою объ отставкѣ, съ которымъ они встрѣтились уже въ Кыль-Бурунѣ; какъ въ Буджакѣ нѣкоторые изъ мятежниковъ, ускользнувшихъ отъ его преслѣдованія, теперь пытались причинять ему разныя непріятности, отъ которыхъ онъ съумѣлъ избавиться, благодаря лишь своей сообразительности и расторопности, и какъ, наконецъ, онъ, по прибытіи въ Эдирнѣ, послалъ нарочитаго человѣка въ Порту съ просьбою назначить ему мѣстомъ жительства о—въ Хіосъ или Родосъ, вслѣдствіе чего онъ и былъ сосланъ на о—въ Родосъ³⁾. Последнее было, надо полагать, дѣломъ предосторожности со стороны Менглы-Герая, который считалъ небезопаснымъ для себя оставаться въ Румиліи, ибо недруги его простерли свою месть до судебной кляузы, по поводу которой султанъ назначилъ даже слѣдствіе надъ ханомъ, кончившееся впрочемъ благопріятно для него⁴⁾.

III.

Возвращеніе крымскихъ эмигрантовъ съ воцареніемъ Капланъ-Герая-хана I. — Капланъ-Герай на совѣтѣ сановниковъ Порты. — Донесенія Неплюева своему правительству. — Татарскія вспомогательныя войска въ персидской кампаніи турковъ. — Русское вторженіе въ Крымъ. — Размышленія по этому поводу одного татарскаго шейха. — Повѣствованія татарскихъ и турецкихъ историковъ о нашествіи русскихъ. — Удачныя набѣги Фатхъ-Герая-хана II. — Вторичное вторженіе русскихъ въ Крымъ и произведенныя ими тамъ опустошенія. — Кяхъя (дѣлоправитель) верховнаго везира Османъ-ага въ роли дипломата. — Вторичное ханствованіе Менглы-Герая II и его политическія соображенія.

При новомъ ханѣ Капланъ-Гераѣ I (1143—1149=1730—1736) главныя должности въ Крыму опять заняты были тѣми самыми людьми, которые были подъ опалою при

¹⁾ Тарихи-Сами въ Шакирь въ Субхи, Конст. изд., л. 15 г.

²⁾ Ibidem, 15 v.

³⁾ Семь планетъ, 377—378.

⁴⁾ Ibidem.

Менгли-Герай: Аадиль-Герай сталъ калгою, родственникъ мятежнаго Абду-с-Саада, Фатху-л-Ла-эфенди—кады-эскеромъ, Кемаль-ага—первымъ везиремъ¹⁾. Между тѣмъ старшине слуги Гераевъ, Хаджи-Мерданъ-Али-ага и Абду-с-Сузудъ-эфенди снова подверглись гоненію со стороны воцарившагося въ третій разъ Капланъ-Герая. Абду-с-Сузудъ такъ и умеръ въ опалѣ²⁾.

Въ Краткой Исторіи еще рѣшительнѣе говорится о томъ, какъ съ воцареніемъ Капланъ-Герая снова собрались въ Крымъ и были приняты съ почетомъ лица, находившіяся дотолѣ—кто въ бѣгахъ, кто въ ссылкѣ, какъ напр. жившіе у калмыковъ Джанъ-Тимуръ-бекъ и Кемаль-ага, Мухаммедъ-ага, бѣжавшій въ Польшу Эр-мурза и другіе, которые теперь всѣ занимали видныя должностныя мѣста въ ханствѣ³⁾. Это обстоятельство даетъ ключъ къ разгадкѣ неожиданной смѣны Менгли-Герая. Прогнаные имъ мятежники, очевидно, не дремали: они воспользовались замѣшательствомъ въ самой Портѣ, возникшимъ вслѣдствіе бунта янычаръ и отреченія султана Ахмеда III, чтобы свергнуть ненавистнаго имъ хана, чего и достигли при содѣйствіи янычаръ, среди которыхъ у нихъ, безъ сомнѣнія, были пріятель, такъ какъ главный бунтарь, Джанъ-Тимуръ, только и спасся отъ преслѣдованія благодаря защитѣ янычарскаго отряда, несшаго гарнизонную службу въ Азовѣ. Самъ же по себѣ Капланъ-Герай своею личностью не могъ представлять никакого интереса для возмущившихся янычаръ, съ которыми у него ничего не было общаго: напротивъ, когда высокопоставленные «благожелатели государства», уже по воцареніи султана Махмуда I, начали секретно собираться и обдумывать мѣры къ окончательному подавленію все еще продолжавшагося броженія, то въ числѣ этихъ «благожелателей» находился и новонареченный ханъ Капланъ-Герай⁴⁾.

¹⁾ Семь планетъ, 336—337.

²⁾ Ibidem, 338—339. При разсказѣ о смерти Абду-с-Сузуда въ печатномъ текстѣ «Семь планетъ» издателемъ ошибочно поставлено на поляхъ заглавіе: «*Вѣфати Абду-с-Саада-эфенди*» вмѣсто «*Вѣфати Абду-с-Сузуда-эфенди*». Ошибочность эта явствуетъ какъ изъ самаго содержанія текста, такъ и изъ разницы въ числахъ: Абду-с-Сузудъ, сказано тутъ, умеръ въ рамазанѣ 1147 = въ январѣ-февралѣ 1735 года, а Абду-с-Саада-эфенди казненъ въ концѣ зи-ль-хиджѣ 1139 = въ іюлѣ-августѣ 1727 года (Челеби-заде, 101 в.).

³⁾ Кратк. Ист., 113 г.

⁴⁾ Тарихи-Субхи, 16 в.

Одновременно съ этимъ внутреннимъ вопросомъ государственные сановники Порты обсуждали также и вопросы внешней политики, а именно дѣла персидскія, подавшія поводъ къ внутреннему перевороту. На засѣданіи, происходившемъ у верховнаго везира 13 джемазіу-ль-эввеля 1143 г. = 24 ноября 1730 г., Капланъ-Герай-ханъ произнесъ очень дѣльную рѣчь, въ которой, тономъ опытнаго политика, убѣдительно доказывалъ, что такой сложный вопросъ, какъ отношеніе къ Персіи, въ данный моментъ требовалъ очень и очень всесторонняго и неспѣшнаго разсмотрѣнія. Когда прочитаны были бумаги, полученныя отъ багдадскаго губернатора Ахмедъ-паши, и только-что пришедшая отъ персидскаго посланника Риза-Кулы-хана нота, ханъ сказалъ: «Что же — будетъ ли заключенъ миръ на основаніи переговоровъ, бывшихъ при Ибрагимъ-пашѣ (прежнемъ в. везирѣ), или же будетъ объявлена война? Но вѣдь надо имѣть въ виду союзъ москововъ съ персами: война противъ однихъ необходимо вызоветъ войну съ другими; надо быть готовымъ имѣть дѣло съ обѣими сторонами! И что же — будетъ ли въ одну сторону назначенъ верховный везиръ, а въ другую сераскеръ? Такое серьезное дѣло трудно рѣшить въ одно засѣданіе. Пусть присутствующіе здѣсь аяны и сановники обдумаютъ, что дурного и что хорошаго въ мирѣ и войнѣ, а мы (т. е. онъ, ханъ) прочтемъ договоры Высокой Державы съ москочами и другими гяурами, а потомъ уже и посоветуемся и потолкуемъ, какъ лучше поступить!»¹⁾ На другой день ранехонько члены совѣта собрались опять и рѣшили начинать войну съ Персіей, такъ какъ, по ихъ заключенію, эта война не представляла явныхъ поводовъ къ нарушенію мира ни съ москочами, ни съ другими гяурами²⁾. Но любопытно то, что это засѣданіе совѣта вмѣстѣ съ такою чисто-политическою цѣлью соединяло еще и другую — послужить ловушкою для главныхъ вожаковъ мятежа, которые теперь въ качествѣ важныхъ сановниковъ тоже присутствовали въ Диванѣ, какъ напр. Патрона. Заранѣе подготовленная рѣзня не состоялась тутъ же въ совѣтѣ только по нерѣшительному и какъ будто двусмысленному поведенію хана: кровавая расправа приведена въ исполненіе немного позже³⁾.

Въ виду такого осторожнаго до мнительности поведенія хана, сообщенный русскому правительству Пеплюевымъ слухъ о томъ, что ханъ будто бы вооружалъ Порту про-

¹⁾ Субхи, 17 v. & 18 г.

²⁾ Ibid., 18 v.

³⁾ Ibidem.

тивъ Россіи¹⁾, очевидно, былъ невѣренъ. Не вѣрно до преувеличенія и то, что Неплюевъ писалъ о тогдашнихъ отношеніяхъ Порты къ Крымскому хану—что будто если бы только ханъ позволилъ себѣ хоть малую дерзость противъ Россіи, то онъ былъ бы «не только смѣненъ, но и смертю казненъ»²⁾. Или муфти и сановники, говорившіе это Неплюеву, безсовѣстно ему лгали, пользуясь незнаніемъ со стороны нашего дипломата правовыхъ отношеній Крымскаго хана къ Портѣ, или же Неплюевъ самъ прикрасилъ слышанное отъ турецкихъ сановниковъ собственными догадками, не предполагая въ нихъ ничего страннаго и невозможнаго.

Изъ донесеній Неплюева, какъ они передаются въ Исторіи Соловьева, не видно также, чтобы ему было хоть что-нибудь извѣстно о положеніи внутреннихъ дѣлъ въ Крыму, которыя были не безъ вліянія на поведеніе хановъ и въ вопросахъ внѣшней политики. Если у Менгли-Герай-хана II при отсылкѣ войскъ въ Персію былъ расчетъ удалить такимъ образомъ непокойныхъ людей изъ страны, то Капланъ-Герай-ханъ не имѣлъ нужды въ такой диверсіи. Поэтому если подкупленные Неплюевымъ турецкіе чиновники и дали ему знать, что къ хану отправлены указы не подавать ни малѣйшаго повода къ ссорѣ съ Россіею, дружба которой была очень пужна Портѣ³⁾, то, съ другой стороны, по свидѣтельству турецкихъ историковъ, Порта, напротивъ того, прямо давала хану формальныя предписанія отправлять свои полчища на подмогу османской арміи противъ персовъ⁴⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, XIX: 340.

²⁾ Ibidem, 342—343.

³⁾ Ibid., 345.

⁴⁾ Субхи, 66 в. Срав. также Соловьева, Истор. Россіи, XX: 81. — Правда, тутъ у турецкаго историка Субхи есть нѣкоторое недоразумѣніе по части хронологіи, которое замѣчено уже и Гаммеромъ (Gesch. d. O. R., VII, стр. 444, прим. е): событія конца 1732 и начала 1733 годовъ у османскаго историка отнесены къ 1148=1735 году. Какъ это у него случилось, трудно сказать: довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ походѣ крымцевъ въ Персію не позволяютъ думать, чтобы онъ писалъ наобумъ; а между тѣмъ неразрѣшимые анахронизмы налицо. Причину этого факта надо единственно искать въ томъ, что исторія Субхи писалась имъ сообща съ двумя другими лицами — Сами и Шакиромъ, труды которыхъ были скомпилированы первымъ, о чемъ онъ и заявляетъ въ предисловіи (л. 4 г.) и потомъ ссылается на нихъ иногда въ самомъ повѣствованіи, какъ напр. на листѣ 76 verso, въ описаніи черкесскихъ племенъ, черезъ обиталища которыхъ надо было двигаться татарскому войску.

Ханъ сперва послалъ войско свое подъ начальствомъ царевичей, а самъ отправился къ Бендерамъ и Хотину для содѣйствія возведенію въ польскіе короли Станислава Лещинскаго ¹⁾. Царевичи встрѣтили сопротивленіе со стороны русскихъ отрядовъ, при прохожденіи путей, лежавшихъ въ чертѣ русской территоріи, но преодолѣли это сопротивленіе при помощи чеченскаго бека Ай-Тимура ²⁾. Затѣмъ въ 1147=1734—1735 гг. ханъ, не смотря на старость лѣтъ, рѣшился отправиться самолично въ походъ, во главѣ 80-тысячнаго полчища, ввѣривъ охрану Крыма калгѣ Аадиль-Гераю и Кемаль-агѣ. По пути онъ раздавалъ мелкимъ черкесскимъ владѣтелямъ награды отъ имени султана и вышніе знаки ихъ турецкаго подданства въ видѣ знаменъ, барабановъ, шубъ и денегъ ³⁾. Когда до свѣдѣнія хана дошло, что Кюпрюлю-заде Абду-л-Ла-паша потерпѣлъ пораженіе въ битвѣ съ Тагмасиъ-Кулы-ханомъ, то ханъ не воротился назадъ, а, по своей чингизидской храбрости, говоритъ крымскій историкъ, черезъ Дербендъ поспѣшилъ впередъ. Но какъ разъ въ эту пору, а именно за 16 дней до Касимова дня 1148 г. = въ концѣ 1735 г. русскіе предприняли нашествіе на Крымъ, рассчитывая на то, что его некому теперь защищать, такъ какъ и ханъ, и большая часть народа, способнаго носить оружіе, были теперь въ отлучкѣ ⁴⁾. По другимъ даннымъ, зимняя пора и недостатокъ провіанта затруднили движеніе ханскаго отряда, такъ что ханъ, дойдя до Кабарды, тамъ и остановился, а весною уже поворотилъ домой въ Крымъ ⁵⁾. Кромѣ того, персидская война въ это время пришла къ концу, а между тѣмъ русскіе обнаруживали все большую и большую противъ турковъ или, вѣрнѣе, противъ татаръ враждебность, такъ что султанъ послалъ хану приказъ немедленно явиться въ Порту для обсужденія усложнявшихся такимъ образомъ обстоятельствъ ⁶⁾. Стало быть, и въ этомъ случаѣ Капланъ-Герай былъ правъ, когда на совѣтѣ Порты предусматривалъ возможность вмѣшательства Россіи въ войну Порты съ Персіею. Но насколько онъ былъ сообразительный политикъ, настолько оказался несостоятеленъ какъ военачальникъ: ему пришлось быть свидѣтелемъ

¹⁾ Семь планетъ, 338—339; Соловьевъ, XX: 65—66.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Семь планетъ, 339; Кратк. Исторія, 113 v. & 114 г.; Субхи, 76 v.—78 г.

⁴⁾ Кратк. Ист., 114 г.

⁵⁾ Семь планетъ, 338—339.

⁶⁾ Субхи, 77 v. & 78 г.

еще небывалаго въ исторіи Крыма явленія — погрома и опустошенія, произведеннаго русскими въ самыхъ центральныхъ мѣстностяхъ ханства, вторгшимися туда подъ начальствомъ Миниха¹⁾).

Составитель Краткой Исторіи, не входя ни въ какую оцѣнку случившагося факта, передаетъ нѣкоторыя подробности, которыя рассказаны у него довольно правдиво и согласно съ нашими русскими источниками²⁾. Авторъ же «Семи планетъ» приписываетъ все несчастіе развившейся среди крымскихъ вельможъ гордости и соперничеству, а въ войскѣ — слабости и малодушію, вслѣдствіе чего не стало, говоритъ онъ, у нихъ порядка и сообразительности. Въ доказательство этого онъ приводитъ цѣликомъ записку одного изъ крымскихъ шейховъ и важныхъ лицъ, близко знавшаго обстоятельства этого прискорбнаго событія.

Какъ и слѣдовало ожидать отъ благочестиваго автора этой записки, общую причину бѣдствія своего отечества онъ полагаетъ въ томъ, что крымцы забыли Бога, измѣнили его заповѣдямъ, прилѣпившись къ благамъ сего тлѣннаго міра, за что и понесли должное возмездіе. «Чему же», восклицаетъ онъ, «какъ не попущенію Божію приписать то, что сегодня великіе султаны и почтенные везири предпримутъ что-нибудь умное и резонное, а завтра сдѣлаютъ опять какъ-разъ наоборотъ; что ни одинъ человѣкъ не желалъ быть побѣжденнымъ и пораженнымъ, а между тѣмъ всѣ обстоятельства дѣлали неминуемымъ поражение?!» Такова была причина внутренняя, сокровенная — *себѣи мағанависи* — событія. Причинъ же видимыхъ, влѣпшихъ — *себѣи сурійиси* — говоритъ онъ, и не счесть, и приводитъ только нѣкоторыя, расположивъ ихъ въ семи пунктахъ. Вотъ эти пункты. 1) Во время возвращенія изъ Дербента крымцы слишкомъ много времени провели въ степи и не позаботились о приведеніи въ надлежащій видъ рва; а когда хватились, то было уже поздно: непріятель подошелъ. 2) Они отвергли помощь кану-данъ-паши, шедшаго-было на помощь къ Гөзлеве, а потомъ стали просить, да ужъ онъ не согласился. 3) При встрѣчѣ въ Ялынгызъ-Агачъ съ нѣсколькими таборами непріятельскими, часть изъ нихъ въ страхъ разбѣжалась, остальную можно было бы разбить и лишить смѣлости идти въ Крымъ, да ханъ не далъ пушекъ, когда ихъ у него просили.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XX: 99—101.

²⁾ Кр. Ист., 114 v.—115 v.

4) При встрѣчѣ съ непріятелемъ въ Канлычакѣ войска, прекрасно выстроившись въ боевой порядокъ, страстно желали сразиться, да ихъ не пускали; а когда нѣсколько безтояковыхъ татаръ пустились, то гяуры выставили бѣлыя знамена; случилось, что около ханскаго экинжа упала бомба — ханъ повернулъ назадъ, и все войско невольно тоже дало тылъ. 5) Говорили, что канлычакскіе колодцы закопаютъ, и непріятель останется безъ воды, а скотъ его безъ корма; а онъ выкопалъ чистые колодцы, вошелъ въ крѣпость и едѣлалъ тамъ хлѣбопекарныя печи; держалъ въ своей власти окрестныхъ татаръ и воспренятствовалъ буджакскому войску оказать помощь. 6) Войско исламское стояло снаружи и не стѣспило табора. Гяуры, пройдясь около крѣпости, безирепятственно разузнали о состояніи рва, а потомъ, высмотрѣвъ пустое во рву мѣсто, вошли внутрь его. Мусульманскія войска говорили только: «Постоимъ тамъ, куда не хватаютъ пушки; постережемъ крѣпость», и на это не было дано согласія. Въ тотъ день остановились въ мѣстечкѣ Четэрликѣ: а бывшіе въ крѣпости гарнизонные сдались на капитуляцію, и крѣпости у насъ не стало. 7) Говорили: «Закопаемъ колодцы, а сами, не слѣзая съ коней, будемъ стоять близъ табора. Богъ дастъ, трехъ дней не пройдетъ, какъ непріятель отъ жажды ослабнетъ и не пойдетъ спасенія». А между тѣмъ колодцы не были закрыты; а сами каждую ночь находились въ 4—5 часахъ разстоянія отъ табора. Ежедневно поутру одинъ разъ подойдутъ къ табору, погарцуютъ, но при первомъ же пушечномъ выстрѣлѣ разсѣются и ужь не остановятся ближе какъ отойдя на 4—5 часовъ разстоянія; а врагъ, узнавъ наше положеніе, безъ всякаго страха и опасенія поступалъ какъ ему хотѣлось. Если бы не было капуданъ-наши, то не осталось бы ни города Бара-Су, ни Кафы. А какъ таборъ пришелъ въ Акъ-Мечеть, то всѣмъ овладѣло отчаяніе. Эмиры раздѣлились на двѣ части: одни вошли въ союзъ съ ногайскими мурзами; другіе пустились бѣжать во владѣнія отоманскія.

При такой трусости и малодушіи крымцевъ и при отсутствіи въ нихъ единодушія, говоритъ Сейидъ-Мухаммедъ-Риза, непріятель могъ быть задержанъ въ своихъ опустожительныхъ дѣйствіяхъ однимъ лишь мечемъ Божиимъ въ родѣ чумы и холеры, которая страшно свирѣпствовала въ его лагерѣ и породила тамъ панику, такъ что онъ долженъ былъ вернуться восвояси.

Что же дѣлалъ ханъ послѣ этого погрома, безирепятственно произведеннаго русскими въ его владѣніяхъ? Что ему оставалось послѣ этого дѣлать, какъ не отправляться снова

✓ въ ссылку, изъ которой онъ такъ неожиданно на старости лѣтъ выступилъ на сцену въ качествѣ политическаго дѣятеля. Сейидъ-Мухаммедъ-Риза такъ замысловато выразился объ отставкѣ Капланъ-Герая: «Когда посимое въ утробѣ блѣдпой матери батардовъ, жены міра гнусноправное дѣтище мятежа и волненія родилось во время тяжелой беременности управленія Капланъ-Герай-хана, то это было приписано его плохому повивальному искусству, и онъ былъ въ ребіу-ль-ахырѣ 1149 = въ августѣ 1736 года отставленъ, а пазначенъ калга Фэтхъ-Герай-султанъ». Капланъ-Герай былъ сосланъ сперва по болѣзни на о—въ Хіосъ; потомъ, по представленію и просьбѣ новаго хана, былъ переведенъ въ Галиполи, а потомъ опять отправленъ на вышеупомянутый островъ. Послѣ просилъ онъ разрѣшенія поселиться въ Брусѣ или въ своемъ чифтликѣ, но, не дождавшись этого разрѣшенія, умеръ въ шавбанѣ 1151 = въ ноябрѣ 1738 г. и схороненъ, согласно его завѣщанію, въ мѣстечкѣ Чешмѣ, лежащемъ супротивъ о—ва Хіоса¹⁾.

Если крымскій историкъ такъ неодобрительно отзывается о поведеніи своихъ соотечественниковъ во время нашествія русскихъ, то историкъ турецкій, напротивъ, всю бѣду приписываетъ исключительно личнымъ качествамъ хана Капланъ-Герая. 20-го мая 1736 года Минихъ донесъ своему правительству, что онъ уже въ Крыму, и что ханъ съ *огромнымъ войскомъ* отброшенъ²⁾; турецкій же историкъ называетъ татарское войско *каплею въ морь* въ сравненіи съ русскимъ; говоритъ, что у татаръ не было и оружія-то другого, кромѣ стрѣлъ да сабель³⁾. Приписываемая у него татарамъ бдительность, съ которою они днемъ и ночью окружали непріятельскій лагерь, хватая выходившихъ изъ него⁴⁾, подтверждается и русскими извѣстіями⁵⁾, вопреки пессимистическому обвиненію ихъ въ совершенной бездѣтельности, которое мы видѣли въ исторической запискѣ благочестиваго шейха. Любопытно поэтому знать, какъ турецкій историкъ смотритъ на событіе, составляющее эпоху въ исторіи Крымскаго ханства. «Лѣтописи Османскаго дома», говоритъ Субхи, «изукрашены извѣстіями о томъ, какъ обыкновенно были побиваемы и

¹⁾ Семь планетъ, 339—343.

²⁾ Соловьевъ, XX: 99.

³⁾ Субхи, 81 в. & 82 г.

⁴⁾ Ibidem, 82 г.

⁵⁾ Соловьевъ, XX: 100.

истребляемы презрѣнные враги всякій разъ, когда они дерзали простирать свои стопы, съ злобною цѣлю и пакостнымъ намѣреніемъ, къ Крымскому полуострову, искони служащему предметомъ жадныхъ взоровъ христіанскихъ націй. Случившееся же въ этомъ благословенномъ году происшествіе есть никогда неслыханная и невиданная вещь: это всѣмъ и каждому извѣстно. Въ эту пору бывшій ханомъ въ Крыму Капланъ-Герай-ханъ не въ состояніи былъ жить въ ладахъ съ населеніемъ страны той: показывалъ ко всѣмъ презрѣніе и чрезъ это отвратилъ отъ себя султановъ и мурзъ и озлобилъ ихъ. Во время битвъ и сраженій онъ, противъ ихъ правилъ, относился съ грубою безцеремонностью и оскорблялъ всѣхъ и каждого противнымъ обычаю холоднымъ обращеніемъ. Вслѣдствіе этого большинство ихъ вышло изъ повиновенія и послушанія, и всякій изъ нихъ сталъ склоненъ къ высокомерію и бунту. Порядокъ и устройство упомянутаго владѣнія находились въ состояніи разрѣзанныхъ ножницами оппозиціи и смуты. Когда появился погибельный таборъ (непріятельскій), то всѣ аяны и вельможи растерялись мыслями, и между ними не было единства и согласія. Кромѣ того, ханъ, будучи старъ и страдая параличомъ, не могъ ѣздить верхомъ, а съ этимъ сопряжено было дурное его распоряженіе, вслѣдствіе чего пола государства и народа была выпачкана грязью вражескаго пребыванія. Послѣ того ясно было, что ужъ нечего надѣяться и предполагать какихъ-либо со стороны хана услугъ, полезныхъ вѣрѣ и Державѣ; очевидно было, что въ такомъ случаѣ отставка его была благодѣтельна и полезна какъ для Высокой Порты такъ и для него самого. Онъ и былъ отрѣшенъ и смѣщенъ съ ханскаго трона съ предоставленіемъ ему права жить, гдѣ онъ пожелаетъ. Затѣмъ сочтенъ достойнымъ ханскаго трона Фэтхъ-Герай-султанъ, бывшій калгою и уже доказавшій свое слѣдованіе по хорошему пути въ распоряженіи властью и государствомъ, въ покровительствѣ и обереганіи бѣдной райи». Поэтому ему послана была султанская грамота и регалии; а для личныхъ переговоровъ съ нимъ насчетъ дѣлъ кампаніи и укрѣпленія границъ онъ приглашенъ былъ въ дѣйствующую армію въ Исакчи. Тамъ его торжественно встрѣтили, короновали и угощали втеченіе 15 дней. Тамъ же онъ имѣлъ совѣщаніе съ хотипскимъ комендантомъ Колчакъ-пашою и молдавскимъ воеводою Лигуромъ насчетъ пограничныхъ укрѣпленій»¹⁾).

¹⁾ Субхи, 83 г.

Авторъ Краткой Исторіи тоже говоритъ, что когда гяуры такъ стали умирать, что невозможно было успѣвать хоронить ихъ труповъ, и они на 90-й день своего вторженія въ Крымъ опять вышли изъ него, то ханъ стоялъ на мѣстѣ за Перекопомъ въ Ялынгызъ-Агачѣ; о храбрости же калги Фэтхъ-Герая дошелъ слухъ до падишаха, и въ 1149 году ему капыджи-баши привезъ на кораблѣ дипломъ на ханство¹⁾. А Сейидъ-Мухаммедъ-Риза проще объясняетъ дѣло: «Въ бытность свою въ Стамбулѣ», говоритъ онъ, «Фэтхъ-Герай завелъ связи и дружбу съ государственными сановниками и, обладая уже степенью калги, готовился къ получению и ханскаго достоинства: когда сдѣлалась необходима отставка Капланъ-Герая, то ключемъ благодати Господа человѣковъ отперлась дверь желаній Фэтхъ-Герая»²⁾. Слѣдовательно, по словамъ Ризы, какъ будто выходитъ, что къ возвышенію Фэтхъ-Герая столько же способствовали его личныя доблести, сколько связи и протекція вліятельныхъ лицъ Порты. Правда, что при тогдашней продажности турецкой администраціи никакія заслуги не обезпечивали никакихъ правъ на должную оцѣнку ихъ правительствомъ безъ подкупа тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находилась эта оцѣнка, тѣмъ не менѣе въ дѣятельности Фэтхъ-Герая многое говоритъ въ его пользу. Во время персидской войны онъ положительно не разъ спасалъ османскія войска отъ преслѣдованія и избіенія ихъ персами. Онъ выказалъ себя совершеннѣйшимъ джентльменомъ, находясь въ осадѣ въ крѣпости Генджэ. Когда отъ Тогмаса пришелъ парламентъ съ предложеніемъ о сдачѣ крѣпости и выдачѣ бѣглаго персидскаго эмира Казымъ-хана, то Генджэ-Али-паша, османскій сераскеръ, готовъ былъ уже согласиться; но Фэтхъ-Герай тогда сказалъ: «Казымъ-ханъ пришелъ къ намъ, а мы его выдадимъ, чтобы спасти себя! Ужъ лучше съ честью умереть, чѣмъ жить безчестно: если ужъ выходить, такъ выходить съ честью, а не то хотя вотъ уже почти цѣлый годъ какъ идетъ осада, и ужъ сколько мы перенесли трудностей; все же гораздо легче умереть, хотя одинъ часъ мужественно сражаясь, нежели испытать то, чему мы бы подверглись!» Не даромъ же потомъ его пригласили въ дѣйствующую армію, но назначеніи уже ханомъ, и чествовали втеченіе цѣлыхъ шести недѣль, осыпая подарками и его самого и его свиту,

¹⁾ Крат. Ист., 115 в.

²⁾ Семь планетъ, 343.

состоявшую больше чѣмъ изъ сорока человекъ крымскихъ эмировъ¹⁾. Тамъ на военномъ совѣтѣ мѣнѣе Фэтхъ-Герая, какъ уже опытнаго въ военномъ дѣлѣ, было принято къ свѣдѣнію и исполненію, военными начальниками, хотя это мѣнѣе было имъ не совсѣмъ по вкусу: ханъ настаивалъ на томъ, чтобы армія не возвращалась въ столицу, а оставалась зимовать на Дунаѣ, потому что, говорилъ онъ, и крымцы жаждутъ мести врагамъ, причинившимъ имъ столько горя²⁾. И въ самомъ дѣлѣ: въ ту же зиму Фэтхъ-Герай съ огромнымъ татарскимъ полчищемъ перешелъ за Днѣпръ и произвелъ ужасное опустошеніе на Украинѣ. «Добыча, награбленная въ этотъ набѣгъ, была такъ велика, что ни языкомъ пересказать, ни перомъ описать нельзя», говоритъ крымскій историкъ³⁾. А историкъ Субхи сотнями тысячъ считаетъ забраныхъ тогда татарами русскихъ пленных⁴⁾. Въ то же время нур-эд-динъ Махмудъ-Герай и кубанскій сераскерь Селимъ-Герай-султанъ, сынъ раньше упоминавшагося мятежнаго Бахты-Герая, производили опустошеніе по берегамъ р. Дона. Странно только, что про этотъ опустошительный набѣгъ татаръ, получившій даже среди нихъ особое обозначеніе «Пятиглаваго», — *Бешъ-башъ* —, едва упоминается, и то вскользь, нашими русскими источниками. «Татаре иногда прорывались черезъ линію, и хотя имъ не позволяли большихъ разбоевъ, но естественно рождался у некоторыхъ вопросъ: къ чему же служилъ походъ фельдмаршала Миниха въ Крымъ. . . ?» — говоритъ про описываемую пору нашъ почтенный историкъ⁵⁾. Въ показаніяхъ турецкихъ и крымскихъ авторовъ есть, безъ сомнѣнія, преувеличенія; но и наши тогдашніе военачальники, должно думать, о многомъ умалчивали въ своихъ донесеніяхъ, благоразумно предпочитая повторять завѣтное: «все обстоитъ благополучно».

Но не надолго «ожили», по выраженію крымскаго историка, «унавшіе духомъ отъ нищеты и крайности крымцы, послѣ такихъ авантжныхъ дѣяній *побѣдоноснаго*⁶⁾ и мужественнаго хана, который, . . . возвратившись въ Крымъ и остановившись въ Кара-Су⁷⁾, своею милостивою рукою ущедрилъ бѣдняковъ-крымцевъ, такъ что, благодаря этому

¹⁾ Кратк. Ист., 116 г. — 117. г

²⁾ Субхи, 83 в.

³⁾ Кратк. Ист., 117 в.

⁴⁾ Субхи, 95 г.

⁵⁾ Соловьевъ, XX: 103.

⁶⁾ Имя *Фэтхъ* съ арабскаго языка значить «побѣда».

⁷⁾ Бакчэ-Сарай тогда выжженъ былъ русскими.

побѣдоносному походу, все исламское войско, крымское и погайское, одинаково обогатилось»¹⁾. Въ слѣдующемъ же 1150=1737 году, говоритъ Сейидъ-Мухаммедъ-Риза, «проклятые московы опять подобно злымъ духамъ вошли въ чистое тѣло Крыма и вдругорядь дерзнули предать разрушенію и опустошенію городъ Кара-Су. Хотя по мѣрѣ возможности и старались оказать имъ сопротивленіе, но ни ханъ, ни жители не въ силахъ были устоять противъ многочисленности огненнаго прещенія проклятниковъ; всѣ отъ мала до велика повергнуты были въ смущеніе и потеряли голову. Въ эти-то дни, въ силу изреченія «Цари вдохновляются свыше», по высочайшему государеву разуму и по великой падишаховой милости міродержавная воля относительно того, чтобы Крымское ханство было поручено прежде правившему татарскими владѣніями и потомъ водворенному на о—въ Родосъ Менглы-Гераю, совпала съ опредѣленіемъ Всевышняго Господа»²⁾. Это значитъ, что русскіе вторглись вторично въ Крымъ подъ начальствомъ Леси³⁾.

Сераскерь османскаго войска, наблюдавшій за Арабатомъ, и ханъ, стоявшій съ татарскимъ войскомъ за Перекопомъ, услышали о движеніи непріятеля, когда онъ достигъ уже мѣстечка Бипъ-Дэирменъ по пути къ Кара-Су. Ночь они провели близъ непріятеля. Къ утру извѣщенъ былъ и паша. Во время непріятельскаго марша къ Кара-Су проклятые калмыки и киргизы кругомъ производили опустошеніе. Затѣмъ, когда стали жечь Кара-Су, подоспѣлъ и сераскерь-паша и издали, изъ мѣстечка Акъ-Орѣ, началъ стрѣлять изъ большихъ орудій. Тогда непріатели, говоря: «Турки пришли!», не могли совсѣмъ выжечь города и бросили. Калмыкамъ попалось великое множество мухаммедова народа въ плѣнъ. При возвращеніи ихъ подоспѣлъ калга Арсланъ-Герай, вступилъ съ ними въ бой и спасъ плѣнныхъ мусульманъ изъ рукъ гяуровъ. Затѣмъ мерзкій таборъ воротился, прошелъ черезъ Джунгаръ и пошелъ въ свою адскую сторону. Въ то же время проклятые нѣмцы завоевали изъ османскихъ провинцій крѣпости Нишъ и Валахію, а московскіе гяуры крѣпость Очаковъ. Невѣрные окружили мусульманъ со всѣхъ сторонъ, и сановники пожелали мира. Везиръ Сияхдаръ-Мухаммедъ-паша былъ отрѣшенъ, и назначенъ Мухсинъ-Оглу-Абду-л-Ла-паша; Фэтхъ-Герай въ томъ же 1150=1737 году по-

¹⁾ Кратк. Ист., 117 в.—118 г.

²⁾ Семь планетъ, 343—344.

³⁾ Въ татарскомъ текстѣ онъ названъ «Лисинъ».

лучилъ отставку¹⁾. Кампанія Леси. совершившаяся въ періодъ времени съ мая по іюль мѣсяць включительно, происходила и по русскимъ извѣстіямъ такъ же точно, какъ она описана крымскимъ историкомъ, за исключеніемъ того, что въ нихъ не упоминается о какихъ-либо успѣшныхъ дѣйствіяхъ калги Арсланъ-Герая со стороны татаръ, а только сообщается, что «за 29 верстъ отъ Карасу-Базара Леси встрѣтилъ татарское войско подъ предводительствомъ самого хана, разбилъ и гналъ его 15 верстъ до самыхъ горъ, которыя скрыли бѣгущихъ», и что потомъ «непріятельскія нападенія не причиняли большаго урону»²⁾.

Турецкій же лѣтописецъ Субхи сохранилъ лишь извѣстіе о побѣдѣ Фэтхъ-Герая на русскія окраины и производившихся имъ втеченіе 50 дней тамъ опустошеній, причемъ захваченныхъ имъ плѣнниковъ считаетъ сотнями тысячъ³⁾. Подробно онъ описываетъ также и взятіе русскими Очакова⁴⁾; про вторженіе же русскихъ въ Крымъ не говоритъ ни слова, а прямо потомъ вкратцѣ упоминаетъ о вторичномъ назначеніи ханомъ Менглы-Герая, не приводя никакихъ мотивовъ такой внезапной смѣны Крымскаго правителя⁵⁾. Можетъ быть, эти вторженія отъ частаго ихъ повторенія утратили въ глазахъ турецкихъ бытописателей свою необычайность, такъ что они не считали ихъ заслуживающими особеннаго вниманія. Уже потомъ, рассказывая о нашествіи русскихъ на Крымъ при слѣдующемъ ханѣ Менглы-Гераѣ въ 1151=1738 г., Субхи начинаетъ свое повѣствованіе такими словами: «Когда стало очевидно и несомнѣнно наглое намѣреніе московскихъ гяуровъ проникнуть въ Крымскій полуостровъ *подобно прошлому году* черезъ проходъ Оба, теперешній ханъ Менглы-Герай собралъ сильное татарское войско и лично двинулъ его къ вышеозначенному мѣсту»⁶⁾. Любопытно, что и Гаммеръ также ни единымъ словомъ не обмолвился насчетъ похода русскихъ въ Крымъ при Фэтхъ-Гераѣ, удовольствовавшись ни на чемъ неоснованною замѣткою, что и потеря Очакова (который взятъ русскими 2-го іюля 1737 г.) стоила кяхъ-бею Османъ-агѣ головы, а верховному

¹⁾ Кратк. Ист., 118 г. & v.

²⁾ Соловьевъ, XX: 125—126.

³⁾ Субхи, 95 г.

⁴⁾ Ibidem, 97 v.—100 г.

⁵⁾ Ibidem, 111 г.

⁶⁾ Субхи, 138 г.

везиру и хану Крымскому ихъ мѣсть»¹⁾). Какимъ образомъ, спрашивается, ханъ могъ быть отвѣтственъ даже предъ самымъ безсовѣстнымъ судомъ за потерю турецкими военачальниками Очакова, когда въ это время онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ непріятелемъ, вторгшимся въ самыя пѣдра его собственныхъ владѣній? Мало того: у самаго историка Субхи, на котораго ссылается и Гаммеръ, превосходно изображенъ весь ходъ дипломатической и военной кампаніи, стоявшей туркамъ Очакова. Главный виновникъ бѣдствія былъ Османъ-ага, которому подѣломъ и отрубили голову. Этотъ чудакъ въ переговорахъ съ австрійскимъ посломъ, хлопотавшимъ, въ качествѣ посредника, о мирѣ между Портою и Россіею, наболталъ ужаснаго вздору, въ родѣ того, что, молъ, «мы слабыя созданія, и никоимъ образомъ не рассчитываемъ на многочисленность своихъ войскъ и на наши силы, а возлагаемъ все свое упованіе на помощь и милосердіе Господа Бога»²⁾). Думалъ ли кяхья-бей Османъ, что онъ такими папвыми рѣчами растрогалъ европейскаго дипломата, но только онъ былъ вполне увѣренъ, что миръ непременно будетъ скорѣ заключенъ, потому что когда бендерскій сераскерь Абду-л-Ла-паша и очаковскій Яхья-паша написали въ Порту тревожныя донесенія о замыслахъ москововъ, уже переправившихся съ большою арміею черезъ Днѣпръ, и о недостаткѣ въ своихъ собственныхъ крѣпостяхъ снарядовъ и провіанта, то Османъ-кахья страшно на нихъ разгнѣвался и прогналъ назадъ посланцовъ обоихъ сераскеровъ безъ всякаго отвѣта. Одному изъ нихъ впрочемъ онъ сказалъ вотъ что: «Его превосходительство паша предается мечтаніямъ; но мы тоже не сидимъ сложа руки, а во всѣ стороны направляемъ свои глаза и уши для наблюденія; въ случаѣ если бы обнаружилось такого рода злонамѣреніе со стороны непріятеля, то наша обязанность позаботиться о помощи имъ (пашѣ). Пусть они не беспокоятся, вѣря *лжи и напраслины татарскаго народа*. Дѣла близятся къ окончанію, и рѣшено, что мы скорѣ вернемся»³⁾). Подчеркнутыя слова уже прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что со стороны татаръ, должно быть, приходили предостереженія или даже жалобы на опасное поведеніе русскихъ, но на нихъ не было обращено вниманія такими турецкими администраторами, каковъ былъ кяхья верховнаго

¹⁾ Gesch. d. Osm. R., VII: 492

²⁾ Субхи, 94 г.

³⁾ Ibidem, 96 v.—97 г.

везиря Османъ-ага. Когда потомъ разобрали дѣло, то этотъ же чудакъ и оказался кругомъ виноватъ, а ханъ Крымскій тутъ былъ ни при чемъ: его смѣстили, за то, что онъ не сумѣлъ защитить своихъ владѣній отъ вторженія русскихъ, а еще слылъ за очень храброго и опытнаго вояку. Водворенный въ деревнѣ Чакыллы въ Визскомъ округѣ, онъ болѣе уже не выступалъ на политическую арену, а такъ и умеръ въ отставку въ 1159=1746 году ¹⁾).

Причину такого быстрого удаленія Фэтхъ-Герая надо искать въ томъ, что Порта, находясь въ эту пору въ довольно трудныхъ обстоятельствахъ, нуждалась въ содѣйствіи умнаго человѣка, какимъ слылъ и точно былъ Менгли-Герай, а потому и придрались къ первому случаю, чтобы снова посадить его на ханство.

Менгли-Герай-ханъ II (1150—1152=1737—1740), вторично получивъ власть, тотчасъ же показалъ себя дѣятельнымъ человѣкомъ. Отправивъ на кораблѣ калгу Селямѣтъ-Герая въ Крымъ, а нур-эд-дина Салихъ-Герая въ Буджакъ къ Генджѣ-Али-пашѣ, самъ онъ нѣкоторое время оставался въ османскомъ лагерѣ, а потомъ съ буджакскимъ и едисанскимъ полчищами выступилъ изъ Аккермана въ набѣгъ на русскіе предѣлы. Калга же долженъ былъ идти туда съ татарскимъ войскомъ изъ Крыма. Но послѣдній не пошелъ дальше м. Пилкы-Сую (Кобыльихъ Водъ): тогда случилась страшная буря съ ливнемъ, и погибло множество лошадей и народа. Когда ханъ вернулся, то крымскіе эмиры просили его о томъ, чтобы султаны, братья его, съ нѣсколькими тысячами ловкихъ бойцовъ-наѣзжиковъ сдѣлали набѣгъ. Ханъ же сказалъ, что онъ самъ отправится въ Высокую Порту лично—пусть будетъ что Богу угодно!—и отправился. Въ 15 дней онъ добрался до укрѣленія Юрумъ на берегу р. Бузука, гдѣ и остановился, разсылая въ окрестности чапулъ, т. е. набѣжчиковъ. А въ той же сторонѣ зимовалъ Леси — *Лисинъ дѣдиклэри лягинъ* —. На другой же день весь таборъ былъ въ сборѣ, такъ что еще не все отправившіеся на чапулъ войска пришли; надо было, переправившись черезъ р. Бузукъ, воротиться. Вслѣдъ за мусульманскимъ войскомъ бросилось двѣ-три тысячи гяуровъ-солдатъ; много лошадей пало; но какъ бы то ни было, а въ Крымъ вошли. А за Перекопомъ зимовалъ Мухаммедъ-мурза едисанскій съ двумя тысячами войска и послѣ Георгіева дня послѣнно перешелъ черезъ Днѣпръ переправою, именус-

¹⁾ Гюльбунн-ханайъ, 99.

мою Учъ-Катъ, и татаре показали тутъ свое крымское искусство, хотя въ эту кампанію заболѣлъ и вскорѣ потомъ, по прибытіи въ Бакчэ-Сарай, умеръ нур-эд-динъ Салихъ-Герай¹⁾.

Такъ описываетъ авторъ Краткой Исторіи въ довольно неопредѣленномъ видѣ какія-то татарскія экскурсіи въ русскіе предѣлы, вѣроятно одинъ изъ тѣхъ грабительскихъ набѣговъ, которые производились татарами почти безпрерывно, лишь только ихъ взманивала къ этому безнаказанность. Вслѣдъ затѣмъ разсказывается о третьемъ походѣ русскихъ въ Крымъ подъ начальствомъ Леси въ томъ же 1150—1151 = 1738 году, уже совершенно согласно со свѣдѣніями нашихъ историковъ²⁾ и турецкихъ³⁾. Есть, впрочемъ, нѣсколько подробностей, показывающихъ, что походъ этотъ былъ не особенно блестящъ: взявъ и взорвавъ Перекопъ, Леси не пошелъ дальше, а повернулъ въ свою сторону; татаре же и турки пошли за нимъ вдогонку. Расположившись лагеремъ въ м. Ялынгызъ-Агачъ, русскій главнокомандующій хотѣлъ произвести атаку на татаръ; но атаманъ керманскій Тобалъ Иванъ совѣтовалъ ему, не выходя изъ укрѣпленнаго лагеря, стрѣлять въ нихъ ядрами и бомбами. Но генералъ не послушался; произошла схватка въ открытомъ полѣ, и русскій отрядъ будто бы, не выдержавъ натиска татаръ, обратился въ бѣгство, потерявъ много убитыми и нѣсколько пушекъ, причемъ на сторонѣ татаръ пали изъ Ширинскихъ мурзъ Абу-Саъидъ-мурза, Эльхаджъ-Али-паша-задэ Селямъ-ага и особенно Наъуманъ-Герай-султанъ⁴⁾. По всему вѣроятію, тутъ описывается одна изъ удачныхъ схватокъ, о которыхъ упоминается и въ мемуарахъ австрійскаго капитана Парадиса, бывшаго очевидцемъ того, какъ 13 августа русскіе потеряли 1200 человекъ и болѣе 2000 скота и лошадей: «Татаре порубили и угнали ихъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ фрунта»⁵⁾.

Что Менглы-Герай-ханъ пользовался значительнымъ авторитетомъ въ глазахъ отоманскаго правительства, это явствуетъ изъ того, что когда завязались переговоры о мирѣ, то реису-ль-кюттабъ Мустафа-эфенди и мектюби верховнаго везира Рагыбъ-Му-

¹⁾ Кратк. Ист., 118 г.—119 г.

²⁾ Соловьевъ, XX: 143.

³⁾ Субхи, 138 г. & г.

⁴⁾ Кратк. Ист., 119 г. & г.

⁵⁾ Соловьевъ, XX: 145.

хаммедъ-эфенди 27 шевваля 1151=7 февраля 1739 года были командированы къ нему для выслушанія его мнѣнія и заключенія по вопросу о мирѣ. Рѣчь Менгли-Герая, которую онъ держалъ къ явившимся къ нему турецкимъ чиновникамъ, очень большая и содержитъ въ себѣ весьма любопытныя политическія соображенія властительнаго татарина. Прежде всего онъ выразилъ удовольствіе, что переговоры ведутся секретно и съ должною осторожностью. Потомъ онъ указалъ на бывавшіе случаи, что Высокая Порта, потерпѣвъ отъ непріятелей пораженіе, соглашалась на миръ, а слѣдовательно теперь, когда приходится ей имѣть дѣло съ двумя врагами разомъ, и ей нѣсколько посчастливилось, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ безусловно предпочесть «побѣдоносный миръ неизвѣстной по своимъ результатамъ войнѣ», благо нѣмцы (т. е. австрійцы) сами теперь желаютъ мира, чего ужъ давно, говорятъ, не бывало. Что же касается москвитинъ, то если они согласятся на срытіе Азова, то тогда нечего и раздумывать: прекрасно. Если же взаимно этого предъявятъ соотвѣтственные претензіи или и совсѣмъ станутъ упорствовать, то, судя по обстоятельствамъ времени и глядя на отчаянное положеніе крымцевъ, кажется, нельзя остановиться и въ принятіи этого пункта, потому что, сказалъ ханъ, нѣтъ особенной пользы намъ владѣть Азовомъ: все равно гяурамъ легче брать его, такъ какъ онъ ближе къ нимъ, а мы по дальности разстоянія не можемъ подавать ему вовремя помощь, и ужъ сколько разъ они овладѣвали имъ! Не можетъ онъ также служить и помѣхою гяурамъ, если они захотятъ выѣхать въ Черное море: это ужъ доказано опытомъ раньше, когда Азовъ былъ еще въ османской власти. Гораздо лучше, если потребныя на эту крѣпость суммы будутъ обращены на укрѣпленіе Тамани, Ачуева и Ени-Калэ: это будетъ понадежнѣе. Вотъ опасно для Чернаго моря и Крыма, когда бы въ рукахъ непріятеля остались Очаковъ и Быль-Бурунь; а объ Азовѣ не стоитъ и толковать много: въ вопросѣ о мирѣ онъ не можетъ служить помѣхою. Татары вотъ, правда, искони питаютъ отвращеніе къ миру и вѣчно жаждутъ войны, особливо въ послѣдніе годы, когда они пришли въ крайность и отчаянное положеніе. «Передъ отъѣздомъ въ Порту», говоритъ ханъ, «я собралъ къ себѣ аяновъ и старѣйшихъ изъ жителей и спрашиваю ихъ насчетъ мира и войны; а они отвѣчали, что если миръ и будетъ заключенъ, то имъ, глядя по времени и ихъ обстоятельствамъ, отъ этого большой благодати не будетъ. А когда я имъ по поводу Азова поставилъ на видъ, что когда находился онъ и въ ихъ рукахъ, то къ чему они чрезъ это были способны, такъ и они наконецъ тоже

согласились съ тѣмъ, что миръ, пожалуй, лучше». Въ заключеніе ханъ посовѣтовалъ чиновникамъ внимательнѣе разсмотрѣть и обдумать имѣющіе понадобится акты о разграниченіи — *худудъ-намэлэръ* — да географическія карты, съ тѣмъ чтобы потомъ, коли угодно будетъ верховному везиру, тоже бы показали ему ихъ, и онъ бы посмотрѣлъ ихъ на конференціи¹⁾.

Въ этихъ словахъ Менгли-Герая, дѣйствительно, много было правды и нѣкоторой политической прозорливости. Ясно было, что дни Крыма были сочтены, и подпаденіе его подъ власть Россіи стало вопросомъ весьма недалекаго будущаго. Устами опытнаго и понимавшаго ходъ событій и условія времени хана засвидѣтельствовано бѣдственное экономическое положеніе татаръ и влѣдствіе того унадокъ духа ихъ, а также указы и тѣ стратегическіе пункты, съ которыми тѣсно связана была судьба полуострова. При этихъ условіяхъ, созданныхъ вѣковыми отношеніями ханства къ Оттоманской Портѣ, ничто уже не могло отвратить грозившей ему участи паденія; отдѣльныя способныя личности, къ какимъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Менгли-Герай-ханъ II, не въ состояніи были возсоздать того, что временемъ и исторіей обречено было на разрушеніе.

Послѣ того Менгли-Герай-ханъ входилъ еще въ нѣкоторыя распоряженія Порты, касавшіяся Крыма: такъ напр. онъ дѣлалъ представленія о назначеніи кафскаго мирмирана и коменданта Ени-Калэ²⁾, но онъ вскорѣ потомъ умеръ. Смерть его совпала, по словамъ автора Краткой Исторіи, съ походомъ тридцати-тысячнаго русскаго отряда изъ Азова на Кубань, сухимъ путемъ и моремъ. Взявъ кр. Ачу, русскіе начали бомбардировать Ата-Шаги. Крепость уже стала разрушаться; но въ одну ночь поднялась страшная буря, и больше тысячи лодокъ непріятельскихъ — *тыранса сѣфинэлэри* — было разбито; а морскимъ прибоемъ затонило рвы, причемъ много невѣрныхъ потонуло. Бросивъ свой багажъ, они удалились. Когда пришло извѣстіе объ этомъ, ханъ находился въ древнѣ Кара-Гёзѣ. Во время своего пребыванія тамъ онъ захворалъ и прибылъ въ Кара-Су. Пролежавъ тамъ нѣсколько дней, онъ вернулся въ Бакчэ-Сарай и тутъ 29 рамазана 1152 = 30 декабря 1739 года отправился на тотъ свѣтъ³⁾.

¹⁾ Субхи, 143 г. — 144 г.

²⁾ Субхи, 146 г. и 147 г.

³⁾ Кратк. Ист., 121 г.

IV.

Разнорѣчія историковъ относительно преемника Менглы-Герая-хана II. — Кратковременное властвование Селямѣтъ-Герая-хана II. — Энергія и изворотливость Селимъ-Герая-хана II въ дѣлахъ внутренняго управленія и вѣшной политики. — Бунтъ Шагинъ-Герая въ Буджакѣ (Бессарабіи). — Мирный характеръ царствованія Арсланъ-Герая-хана I, отвѣчавшій намѣреніямъ Порты. — Поднятіе вопроса о русскомъ резидентѣ при Крымскомъ ханѣ и о постройкѣ крѣпости въ Новой-Сербіи. — Характеристика Халимъ-Герая-хана I. — Интриги Крымъ-Герая. — Извѣстія Пейсонеля объ обстоятельствахъ смѣны Халимъ-Герая и воцаренія Крымъ-Герая.

Преемникомъ Менглы-Герая-хана II былъ Селямѣтъ-Герай II (1152—1156=1740—1743), на имя котораго ханскую грамоту и инвеституру привезъ мирахоръ Мазари Хасанъ-паша-задэ Абду-л-Ла-ага¹⁾. Турецкій историкъ Субхи присовокупляетъ, что назначеніе новаго хана состоялось согласно ходатайству крымскихъ улема и аяновъ, которые до полученія согласія султана на это назначеніе посадили излюбленнаго ими человека въ качествѣ временнаго замѣстителя ханскаго²⁾. Сообщая эту небезынтересную бытовую подробность, Субхи однако же дѣлаетъ крупную ошибку, назвавъ новаго хана Селимъ-Гераемъ, тогда какъ доподлинно извѣстно, что это былъ Селямѣтъ-Герай, по свидѣтельству современника его, составителя безпрестанно цитуемой нами Краткой Исторіи и другого близкаго къ тому времени писателя, нѣкоего Халимъ-Герая, автора исторіи подъ заглавіемъ: «Гюльбуни-хананъ»³⁾.

У Сестренцевича-Богупа, по обычаю, путаница: за Менглы-Гераемъ II у него тоже слѣдуетъ Селимъ-Герай, который царствуетъ цѣлыхъ семь лѣтъ, 1741—1747, и имѣетъ своимъ преемникомъ не существовавшего въ это время Капланъ-Герая⁴⁾. Но странно, что ошибка Субхи безапелляціонно повторена Гаммеромъ въ его общей Османской Исторіи⁵⁾. Въ спеціальной же исторіи Крымскихъ хановъ онъ хочетъ поправиться и впадаетъ въ еще большую погрѣшность. Онъ говоритъ, что будто бы послѣ Менглы-Герая

¹⁾ Кратк. Ист., 121 г.

²⁾ Субхи, 170 в.

³⁾ Гюльбуни-хананъ, 99—100.

⁴⁾ Ист. о Тавріи, II: 351—352.

⁵⁾ G. d. O. R., VIII: 4.

ханство было пожаловано Халимъ-Гераю, сыну Сеъадѣтъ-Герая, но оно вскорѣ было у него отнято за его легкомысліе, лѣность и неповоротливость. Гаммеръ ссылается на ту рецкаго историка Васыфа-эфенди¹⁾; но у послѣдняго въ указанномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о Халимъ-Гераѣ подъ 1172=1758—1759 годомъ, когда, дѣйствительно, этотъ ханъ былъ отрѣшенъ послѣ кратковременнаго царствованія. Зачѣмъ Гаммеръ взвелъ эту на-
 праслину на Васыфа-эфенди, довольно точнаго въ своихъ показаніяхъ, остается непонятнымъ. И нельзя сказать, чтобы Гаммеръ тутъ вскользь промахнулся: обратилъ же онъ вниманіе на такую бездѣлицу, какъ искаженіе имени «Халимъ» въ «Алимъ», допущенное С.-Богушемъ, который не былъ орьенталистомъ, а между тѣмъ самъ допустилъ крупный анахронизмъ. Говордзѣ не послѣдовалъ Гаммеру и избѣжалъ анахронизма; зато въ своемъ мѣстѣ передѣлалъ Халимъ-Герая въ Хакимъ-Герая — *Nakim-Girai-khan*²⁾ —, а это ужъ будетъ еще дальше отъ правильной формы имени хана, чѣмъ *Alimgerai* Сестренцевича-Богуша. Въ концѣ 1154 и началѣ 1155=въ 1742 г. Селямѣтъ-Герай былъ приглашаемъ въ Порту и чествуетъ по заведенному обычаю³⁾; тамъ съ нимъ совѣщались по нѣкоторымъ дѣламъ⁴⁾, а въ рамазанѣ слѣдующаго 1156 = въ октябрѣ 1743 года ему дана была отставка, и мубаширъ, старшій сокольникъ—*шагинджи-баши*—Ибрагимъ-ага долженъ былъ отвезти его на о—въ Родосъ; но онъ, по нездоровости климата, выпросилъ разрѣшеніе поселиться въ своемъ чифтликѣ возлѣ Галиполи⁵⁾, а по другимъ извѣстіямъ — въ дер. Фундуклу въ окрестностяхъ Ямболу, гдѣ и умеръ вскорѣ⁶⁾.

Причиною такой быстрой переменѣны расположенія Порты къ хану историки выставляютъ неумѣнье его держать въ своихъ рукахъ мурзъ и аяновъ, а также и всѣхъ вообще татаръ, которые противились выдачѣ русскихъ полоняниковъ, въ силу послѣдняго мирнаго трактата, да еще нападали на козаковъ, пріѣзжавшихъ за солью, жгли ихъ телеги, грабили ихъ имущество и самихъ ихъ брали въ плѣнъ. Это необузданное поведеніе татаръ вызывало непрерывныя жалобы русскихъ уполномоченныхъ при Портѣ,

¹⁾ *Gesch. d. Ch. d. Krim*, 208.

²⁾ *Op. cit.*, 583.

³⁾ *Субхи*, 208 в. & 212 в.

⁴⁾ *Гюльбунн-хананъ*, 100.

⁵⁾ *Субхи*, 236 г.

⁶⁾ *Гюльбунн-хананъ*, 101.

и довольно пожилой ханъ, получивъ отставку, занялся болѣе спокойнымъ въ его лѣта дѣломъ — богомысліемъ и молитвами¹⁾. Да и вообще Селямѣтъ-Герай больше, повидимому, питалъ наклонности къ спокойнымъ дѣламъ внутренняго управленія, чѣмъ къ проявленію энергіи въ экстренныхъ воинственныхъ предпріятіяхъ. Это отчасти явствуетъ изъ того, что онъ, не смотря на свое кратковременное властвованіе, успѣлъ сдѣлать кое-что для возстановленія строительнаго благолѣпія своей столицы, обезображенной русскимъ вторженіемъ, тѣмъ болѣе что наступившій миръ, заключенный въ началѣ его царствованія Портою съ Австріею и Россіею, благопріятствовалъ этому. Авторъ Краткой Исторіи приводитъ даже тѣ хронограммы, которыя были сочинены имъ и другими лицами, по случаю построенія новой мечети и ремонта диванной залы ханской; говоритъ о горячемъ участіи, которое въ постройкѣ этой мечети принималъ самъ турецкій султанъ Махмудъ I, приславшій книгъ для библіотеки при означенной мечети²⁾.

Но тотъ же авторъ, современникъ Селямѣтъ-Герая, косвенно открываетъ причину сверженія его, распространяясь о прекрасныхъ душевныхъ качествахъ калги его Азамѣтъ-Герая: кромѣ старческой вялости Селямѣтъ-Герая, паденію его способствовали, кажется, происки новаго калги Селимъ-Герая, который, еще благодаря памяти своего отца Капланъ-Герай-хана, имѣлъ огромныя связи среди сановниковъ Порты³⁾ и слѣдовательно имѣлъ полную возможность повести интригу противъ своего хана, чтобы самому занять его мѣсто, что и удалось ему.

Селимъ-Герай II (1156—1161=1743—1748) потому особенно легко могъ достигнуть ханскаго трона, что Порта въ это время снова была на ножахъ съ Персіей и, значитъ, нуждалась опять въ содѣйствіи татаръ въ нелѣгкой для нея борьбѣ съ ненавистными шиитами-персіянами. Еще въ началѣ апрѣля 1742 года Вешняковъ доносилъ своему правительству, что война у турковъ съ Персіею дѣло рѣшенное, и Порта такъ занята и затруднена, что ни о чемъ другомъ и подумать не можетъ⁴⁾, разумѣя подъ этимъ «другимъ», конечно, свои дипломатическія дѣла по вопросу объ отношеніяхъ Порты

¹⁾ Гюльбуні-хананъ, 101.

²⁾ Кратк. Ист., 121 в. & 122 г.

³⁾ Кратк. Ист., 122 г.

⁴⁾ Соловьевъ, XXI: 240.

къ Швеціи. Но Крымъ былъ для Порты пока свой, и о немъ она не могла не думать, прежде всего въ своихъ же собственныхъ интересахъ. Чтобы поднять крымцевъ на ноги и двинуть ихъ противъ персовъ, требовалась энергія и распорядительность; а Селямѣтъ-Герай былъ довольно-таки старъ и потому могъ оказаться медлителенъ въ исполненіи предписанія о походѣ. Мы находимъ свѣдѣніе, что сперва предполагалось сдѣлать наборъ по одному человѣку съ пятнадцати домовъ; а усердный Селимъ-Герай собралъ по человѣку съ пяти домовъ¹⁾. Но, какъ ловкій человѣкъ, онъ самъ остался на мѣстѣ, а войско отправилъ съ нур-эд-диномъ, тоже Селимъ-Гераемъ по имени, и царевичемъ Касимъ-Гераемъ, которые сперва было-хотѣли плыть моремъ, но, за сильными штормами, пошли сухимъ путемъ, переправившись у Буюкъ-Дэрэ черезъ Босфоръ, въ кайкахъ, чествуемые наславу турками²⁾. Крымцы отличились, къ стыду османлы, которые дѣйствовали неважно³⁾. Кромѣ того, калга Шагинъ-Герай, сдѣлавъ наборъ по человѣку съ трехъ домовъ, ходилъ съ ними въ Черкесію, откуда вернулся съ 700 плѣнниками. Пославъ изъ этой добычи красивыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ сановнымъ людямъ Порты, ханъ дотого угодилъ имъ, что они будто бы говорили ему даже такія вещи: «Всѣ дѣла по ту сторону Дуная вамъ ввѣряются; да и въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ вы тоже компетентны»⁴⁾. За всѣ эти доблести хана и умѣнье поддерживать мирныя отношенія съ Россіею, тѣмъ, что онъ успѣлъ-таки привести въ исполненіе возвратъ русскихъ плѣнниковъ⁵⁾, ему пожалованъ былъ богатый подарокъ въ 5000 золотыхъ, а калгѣ его 2000 золотыхъ⁶⁾. Еще 1000 червонцевъ съ другими праздничными подарками посланы были Селимъ-Гераю въ началѣ зи-ль-хыдджэ 1159—въ концѣ ноября 1746 г. навстрѣчу ему, когда онъ ѣхалъ, по приглашенію султана, къ Высокому Порогу, да долженъ былъ на нѣсколько времени остановиться въ г. Айдосѣ по случаю заставшаго его въ дорогѣ курбанъ-байрама⁷⁾. Ему сдѣлана была торжественная встрѣча и дана была султаномъ

¹⁾ Кратк. Ист., 122 г.

²⁾ Тарихи-Иззи, 26 г., 35.

³⁾ Кратк. Ист., 122 г.; Иззи, 35 г.

⁴⁾ Кратк. Ист., 122 г.

⁵⁾ Гюльбунн-хананъ, 102.

⁶⁾ Иззи, 51 г.

⁷⁾ Иззи, 93 г.—94 г.

чрезвычайно ласковая аудиенція, на которой въ числѣ новыхъ богатыхъ подарковъ ему были пожалованы дорогіе часы¹⁾. Вообще все его пребываніе въ Стамбулѣ прошло въ угощеніяхъ да въ обмѣнѣ визитами съ саповниками Порты²⁾, при чемъ во время пиршественныхъ собесѣдованій были разговоры, касавшіеся и государственныхъ дѣлъ. Насколько Селимъ-Герай-ханъ пользовался значеніемъ въ Портѣ, видно еще и изъ того, что благодаря его протекціи нѣкоторые наши получили довольно видныя назначенія³⁾. При отъѣздѣ ханъ и вся его свита опять получили богатые подарки отъ султана⁴⁾ и отправились при самыхъ торжественныхъ проводахъ въ концѣ мухаррема 1160 = въ началѣ февраля 1747 года⁵⁾. Эта поѣздка хана въ Стамбулѣ, кстати замѣтить, дала поводъ къ дипломатическимъ запросамъ со стороны русскаго резидента Неплюева Портѣ. Ногайцы откармливали лошадей для проѣзда хана, и въ Запорожьѣ сейчасъ пошла молва о томъ, что татары что-то замышляютъ по части набѣга, потому что откармливать лошадей было у нихъ въ обыкновеніи передъ отправленіемъ куда-нибудь въ набѣгъ⁶⁾. Успокоенный на этотъ счетъ, Неплюевъ предъявлялъ претензіи на Крымскаго хана за то, что онъ не высылаетъ изъ Крыма козаковъ, именуемыхъ Аргатами, а также бѣглыхъ ногаевъ и калмыковъ, считавшихся въ русскомъ подданствѣ, и подаль мысль, что всѣ эти мелкія непріятности могутъ быть устранены, если при ханѣ будетъ находиться русскій консулъ. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ ему на это, что Порта не можетъ вмѣшиваться въ собственныя ханскія дѣла, а Россія должна сдѣлать предложеніе о консулѣ непосредственно хану⁷⁾. Если, какъ мы видѣли, турки во всемъ такъ довѣрялись Селимъ-Герая, то рейсъ-эфенди говорилъ правду. — что они не вмѣшивались въ его дѣла; но вообще-то эта фраза кажется не болѣе какъ уловкою: на самомъ дѣлѣ, когда хотѣли въ Портѣ, то принимали дѣятельныя мѣры для поддержанія согласія съ Россіею. Такъ и при Селимъ-Герая сдѣлано было Портою распоряженіе о постройкѣ новой крѣпости на полуостровѣ Ачуевскомъ — *Ачу адаси хавалисиндэ* — единственно съ цѣлію обузданія кубанцевъ,

¹⁾ Иззи, 96 v. — 98 г.

²⁾ Ibidem, 98 г., 107 v., 108 г.

³⁾ Ibidem, 98 г.

⁴⁾ Ibidem, 98 v.

⁵⁾ Ibidem, 109 г. — 110 г.

⁶⁾ Соловьевъ, XXII: 172—173.

⁷⁾ Соловьевъ, Loc. cit.

которые продолжали беспокоить русских своими хищническими налетами, вопреки состоявшемуся мирному договору между Россіею и Портою. Для этого сооруженія изъ Стамбула были доставлены мастеровые и матерьялы, а хану поручено было наблюдать за ходомъ постройки¹⁾.

Подъ конецъ царствованія Селимъ-Герай-хану пришлось еще считаться съ своимъ калгою Шагинъ-Гераемъ. По возвращеніи изъ своего праздничнаго путешествія въ Стамбуль ханъ отрѣшилъ Шагинъ-Герая отъ званія калги²⁾. По какой причинѣ онъ это сдѣлалъ, изъ историческихъ памятниковъ не видно; судя по замѣчанію крымскаго историка, что ханъ «всяческимъ образомъ достигъ прочности и самостоятельности своему ханскому положенію», можно предполагать, что калга затѣвалъ и что несогласное съ планами и соображеніями хана. Отправившись на житье въ свой чифликъ въ Ямболу, Шагинъ-Герай съ многочисленными своими приверженцами въ концѣ сефера 1161=въ концѣ февраля 1748 года двинулся потомъ къ черноморскимъ портамъ. Повидимому онъ слѣдовалъ чѣмъ-то лукавымъ внушеніемъ, потому что самъ же вдругъ струслилъ и бѣжалъ въ Польшу. Не найдя тамъ себѣ твердаго пристанища, Шагинъ-Герай перебрался въ Буджакъ (Бессарабію), гдѣ шайка его увеличилась румилійскими цыганами и тому подобнымъ сбродомъ. На увѣщательное письмо, посланное къ нему буджакскимъ сераскеромъ Хаджи-Герай-султаномъ, Шагинъ-Герай гордо отвѣчалъ: «Я пришелъ сюда единственно съ тѣмъ чтобы завладѣть этою страной». Тогда сераскеръ выступилъ противъ него съ сильнымъ татарскимъ войскомъ и разбилъ его. Шагинъ бѣжалъ въ лѣса и горы по сосѣдству съ польскими границами, думая укрыться въ предѣлахъ Польши. Но Нуманъ-паша написалъ ляхскому гетману — *Левъ хатманына* — письмо о томъ, чтобы ѡбѣлаго царевича водворили гдѣ-нибудь подальше отъ границъ отоманскихъ; по всѣмъ сопредѣльнымъ съ Польшею мѣстностямъ Валахіи и Молдавіи также сдѣлано было распоряженіе о томъ, что если только гдѣ покажется царевичъ или кто-либо изъ его шайки, то сейчасъ же хватать его и представить куда слѣдуетъ. Шагинъ однако же не нашелъ себѣ надежнаго убѣжища въ Польшѣ, и такъ смѣло начатая имъ авантюра кончилась весьма плохо: онъ опять черезъ Молдавію вошелъ въ предѣлы турецкіе и послалъ от-

¹⁾ Иззи, 122 г. & v.

²⁾ Кратк. Ист., 122 v.

туда просьбу къ хану о томъ, чтобы тотъ исходатайствовалъ ему въ Портѣ прощеніе. Селимъ-Герай-ханъ снизошелъ къ его прозьбѣ и обратился съ ходатайствомъ, выставивъ при этомъ на видъ яко бы всегдашнюю вѣрность Портѣ и султану членовъ дома Чингизскаго и сваливъ вину Шагина на злокозненные внушенія и подстрекательства его приближенныхъ. За Шагиномъ былъ посланъ Абду-р-Рахманъ-ага, который долженъ былъ препроводить его на о—въ Родосъ; но, по вторичному ходатайству хана, Шагинъ былъ водворенъ на о—въ Хіосъ: ханъ находилъ это болѣе удобнымъ для себя. Находившійся же при немъ братъ его Махмудъ-Герай, проживавшій въ чифтликѣ въ Ямболу, тоже былъ высланъ на о—въ Хіосъ¹⁾. Однимъ словомъ, повторилась та же самая смута, которая произведена была раньше другимъ Шагинъ-Гераемъ въ сообществѣ съ братомъ своимъ Мухаммедъ-Гераемъ, только теперь она не сопровождалась такими громкими происшествіями: иначе, если бы мятежъ этотъ имѣлъ важное значеніе для Порты, то нашъ резидентъ Неплюевъ не преминулъ бы сообщить о немъ своему правительству.

Вскорѣ за этимъ Селимъ-Герай умеръ 20-го джемазіу-ль-эввеля 1161=18-го мая 1748 года отъ неутолимой жажды²⁾. По свидѣтельству Халимъ-Герая, смерть Селима случилась мѣсяцемъ позже³⁾; но это не вѣрно; ибо въ началѣ джемазіу-ль-ахыра вѣсть о смерти хана пришла въ Порту, и тотчасъ же первый мирахоръ Дуракъ-Мухаммедъ-бей экстренно былъ посланъ съ грамотою и регаліями въ Визу къ проживавшему тамъ сыну Девлетъ-Герай-хана Арсланъ-Гераю съ приказаніемъ немедленно отправляться прямо въ Крымъ, не являясь въ Порту, какъ это обыкновенно всегда водилось при назначеніи новаго хана⁴⁾. Другая явная ошибка въ исторіи Халимъ-Герая—въ обозначеніи времени вступленія на ханство Арсланъ-Герая на цѣлый годъ раньше, а именно 3 джемазіу-ль-ахыра 1160⁵⁾, тѣмъ болѣе страшная, что Арсланъ-Герай былъ дѣдъ автора этой невѣрной даты⁶⁾. Но это могло случиться по недосмотру издателей сочиненія Халимъ-Герая.

¹⁾ Иззи, 155 v.—156 v.

²⁾ Кратк. Ист. 122 v.; Иззи, 167 v.

³⁾ Гюльбуни-хананъ, 102.

⁴⁾ Иззи, 167 v.—168 г.

⁵⁾ Гюльбуни-хананъ, 103.

⁶⁾ Ibidem.

Что еще остается загадочнымъ, такъ это необыкновенная снѣшность, съ которою новый ханъ отправленъ былъ въ свои владѣнія. Турецкій историкъ приводитъ весьма неясный и неопредѣленный мотивъ — твердое управленіе страной, наиполезнѣйшее веденіе важныхъ дѣлъ¹⁾. Между тѣмъ ни у мѣстныхъ историковъ, ни въ постороннихъ свидѣтельствахъ рѣшительно нѣтъ указаній на какія-либо необыкновенныя происшествія въ предѣлахъ власти Крымскаго хана въ это время. Еще въ началѣ 1747 года русскій резидентъ въ Константинополѣ Неплюевъ писалъ въ Петербургъ: «Теперь съ турецкой стороны чего-нибудь опасаться нечего; всѣ пріятель обнадёживаютъ, что Порты ни о чемъ противъ вашего императорскаго величества не помышляеть и *хану снушено сохранять спокойствіе*»²⁾. Вотъ это-то послѣднее, сохраненіе спокойствія, кажется, и было то важное государственное дѣло, которое требовало неотложнаго присутствія хана на своемъ посту. Оно, правда, какъ-то странно видѣть постановку такой отрицательной задачи главѣ татарскихъ ордъ, который тѣмъ славнѣе былъ до сихъ поръ въ глазахъ Порты, чѣмъ былъ задорнѣе и энергичнѣе въ причиненіи безпокойствъ сосѣднимъ народамъ своими опустошительными набѣгами. Но времена измѣнились: страсть къ нападеніямъ смѣнилась заботою о самозащитѣ; воинственные порывы привыкшаго къ разбоямъ населенія пришлось сдерживать силою власти и придумывать для этого разные мѣропріятія; даже простое обузданіе буйнаго татарскаго народонаселенія ставилось теперь въ заслугу тѣмъ же самымъ ханамъ, которыхъ прежде смѣняли, если они обнаруживали черезчуръ мирныя наклонности въ своемъ характерѣ и образѣ дѣйствій. Такъ, по крайпей мѣрѣ, это было съ Арсланъ-Гераемъ I (1161—1169=1748—1756). Подобно Селямѣтъ-Герайхану II, онъ также прославляется мѣстными историками за то, что произвелъ разныя сооруженія—ремонтировалъ мечети, дѣлалъ пристройки при медресѣ; возстановилъ разрушенныя и сожженныя русскими дворцовыя зданія въ Бакча-Сараѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, чинилъ и возводилъ вновь пограничныя укрѣпленія—Оръ, Арабатъ, Учъ-Оба, Джунгаръ, Джеваншъ; вычистилъ ихъ рвы и вырылъ новые³⁾. А между тѣмъ черезъ четыре года по назначеніи, а именно въ концѣ шеввала 1164=въ сентябрѣ 1751 года

¹⁾ Иззи, 168 г.

²⁾ Соловьевъ, XII: 224.

³⁾ Кратк. Ист., 123 г. & v.; Гюльбунн-ханапъ, 104.

съ Сейидомъ-Селями ему были посланы богатые подарки при султанской грамотѣ, въ которой ему выражена полная признательность прежде всего за его «прекрасное поведенеіе и стараніе поступать согласно высочайшей волѣ султана, т. е. за наибольшее прилежаніе о соблюденіи условій дружбы и пріязни съ Россійскою державою и съ польскою республикою». Второю его заслугою значится приведеніе въ надлежащій порядокъ крѣпости Арабата и Ора, а третьихъ одобрены его внутреннія распоряженія и порядливость. Въ заключеніе хану вмѣняется въ обязанность какъ можно тщательнѣе блюсти исполненіе условій вѣчнаго мира, заключеннаго съ Россією и Польшею. Въ порывѣ чувства признательности хану приданъ эпитетъ *каана*, чего прежде не водилось въ письменныхъ султанскихъ обращеніяхъ къ Крымскимъ ханамъ¹⁾.

Изъ числа внѣшнихъ, имѣющихъ международное значеніе фактовъ за время царствованія Арсланъ-Герая въ исторіи Халимъ-Герая упоминается слѣдующій: «До той поры остававшіеся подъ властью калмыцкихъ хановъ степныхъ татаръ²⁾ онъ (Арсланъ-Герай) наибезпѣйшимъ образомъ привлекъ въ предѣлы исламскіе и, водворивъ ихъ на жительство въ крѣпости Арабатъ, обстроилъ и заселилъ упомянутую мѣстность»³⁾. Но и это событіе носитъ чисто-дипломатическій характеръ, совершившись безъ всякаго кровопролитія и военныхъ столкновеній.

Во времени властвованія Арсланъ-Герая же относится поднятіе вопроса о нахожденіи въ Крыму постоянного русскаго агента подъ именемъ консула или подъ другимъ какимъ-либо титуломъ. Русскій резидентъ въ Портѣ Обрѣзковъ въ мартѣ 1752 года имѣлъ конференцію съ верховнымъ везиремъ по поводу ежедневнаго умноженія распрей между запорожскими козаками и татарами. Оба государственныхъ человека предъявляли взаимныя претензіи: верховный везирь жаловался на козаковъ, что они татарамъ несли тяжкія наглости и обиды дѣлаютъ вопреки освященныхъ договоровъ; русскій же резидентъ отвѣчалъ, что онъ еще въ сентябрѣ прошлаго года подалъ блистательной Портѣ извѣстіе о смертоубійствахъ, плѣненіяхъ и грабежахъ, производимыхъ татарами у запо-

¹⁾ Иззи, 261 в.—262 г.

²⁾ Въ текстѣ стоитъ: *Кыркора татарини*; но это явная несообразность «Кыркорекихъ татаръ»: здѣсь *кыркора*, очевидно, вмѣсто *кырг* — «поле, степь». Даже и *Кыркызыз* читать неудобно, ибо нѣтъ данныхъ о поселеніи киргизовъ въ предѣлахъ Крыма.

³⁾ Гюльбуні-хананъ, 104.

рожскихъ козаковъ. «Лучшее средство прекратить всѣ распри есть слѣдующее», сказалъ онъ: «пусть безвыѣздно живетъ при Крымскомъ ханѣ офицеръ отъ кіевскаго генераль-губернатора, съ обязанностію защищать русскихъ подданныхъ, находящихся въ Крыму; другой офицеръ будетъ жить въ Сѣчѣ для защиты татаръ отъ запорожскихъ козаковъ; оба эти офицера, имѣя между собою переписку, старались бы прекращать всѣ столкновенія между татарами и козаками, и, будучи на мѣстѣ, легко могли бы изслѣдовать истину и доставлять удовлетвореніе—одинъ у хана, другой у кошевого, и блистательная Порта избавилась бы отъ докучъ». Верховный везиръ и реисъ-эфенди возразили, что отъ этого мало будетъ пользы, потому что беспорядки происходятъ въ степи, и офицеры такъ же мало о нихъ могутъ знать, какъ ханъ и кіевскій генераль-губернаторъ¹⁾).

При этомъ Порта, чтобы отстранить столкновеніе съ Россіею по поводу Кабарды, предписала хану немедленно вызвать оттуда своихъ сыновей²⁾. Что за сыновья Арслана сидѣли въ Кабардѣ и что они тамъ дѣлали, въ нашихъ источникахъ ничего не говорится. Можеть быть, тутъ надо разумѣть то обстоятельство, о которомъ довольно неопредѣленно упоминаетъ современникъ описываемой эпохи, авторъ Краткой Исторіи. Онъ говоритъ слѣдующее. «Арсланъ-Герай, ставши ханомъ, сдѣлалъ Селимъ-Герая, сына Фэтхъ-Герай-хана, калгою, своего брата Крымъ-Герая пур-эд-диномъ и вмѣстѣ Буджакскимъ сераскеромъ, а Мухаммедъ-Герая, сына Фэтхъ-Герая, Орскимъ беемъ. По времени онъ отрѣшилъ Мухаммедъ-Герая; а такъ какъ и Крымъ-Герай-султанъ тоже ушелъ въ Румилію, то онъ (ханъ) сдѣлалъ своего племянника, сына Бегадырь-Герасва, Максудъ-Герая пур-эд-диномъ, старшаго сына своего Селимъ-Герая Орскимъ беемъ, другого сына, Девлетъ-Герая Буджакскимъ сераскеромъ, третьяго сына, Шегбазъ-Герая Едисанскимъ сераскеромъ. Когда благомыслящій калга, Селимъ-Герай услышалъ объ отрѣшеніи брата своего Мухаммедъ-Герая, сей презрѣнный (т. е. авторъ) находился при немъ. «Нѣкоторые изъ насъ», говорили они, «разбрелись по черкесскимъ горамъ, другіе разсѣялись по Румиліи. Всѣхъ насъ собрали (т. е. ханъ собралъ) въ Крымъ и одного изъ насъ сдѣлали калгою, другого Орскимъ беемъ, а прочихъ тоже, по достоинству ихъ, облагодѣтельствовали и почтили, и такимъ образомъ больше оказали истиннаго набольштва —

¹⁾ Соловьевъ, XXIII: 183—185.

²⁾ Ibidem.

эфендиликз —, чѣмъ отецъ родной. Эфенди нашъ — старшій братъ нашъ: если бы у него не было мысли оказать намъ добро, то онъ не собралъ бы насъ подъ сѣнь свою; а если онъ и отрѣшалъ кого, то по нашей же винѣ; его же надо лишь прославлять и превозносить»¹⁾). Изъ этихъ словъ историка выходитъ, что сборъ бродившихъ въ разныхъ мѣстахъ царевичей въ Крымъ какъ будто бы былъ сдѣланъ повидимому, одновременно, въ виду какихъ-то исключительныхъ обстоятельствъ, но какихъ именно, тутъ не высказано опредѣленно: дѣло приписывается только доброжелательству хана къ младшимъ членамъ своего царствующаго дома.

Другой касающійся Крыма важный дипломатическій казусъ, случившійся тоже при Арсланъ-Гераѣ, — это горячіе переговоры между русскимъ резидентомъ и Портою по поводу населенія Новой-Серби и постройки тамъ крѣпости св. Елизаветы въ 1754 году, кончившіеся однако же уступкою съ нашей стороны требованіямъ Порты²⁾).

Мы имѣемъ данныя, свидѣтельствующія о томъ, что Порта по обоимъ вышеприведеннымъ вопросамъ о консулѣ и постройкѣ крѣпости св. Елизаветы, дѣйствительно, сносилась съ Крымскимъ ханомъ, который и давалъ свои отзывы и заключенія. Данныя эти находятся въ нѣсколькихъ турецкихъ документахъ³⁾).

¹⁾ Кратк. Ист., 122 v.—123 г.

²⁾ Соловьевъ, ХХІІ: 283—287, 313—314.

³⁾ Мой Сборникъ нѣкот. важн. изв. и документовъ касательно Турціи, Россіи и Крыма. Спб. 1881. стр. 71—85 текста. Къ сожалѣнію, отсутствіе датъ и имени хана не позволяетъ съ увѣренностью сказать, кому изъ хановъ принадлежатъ эти документы. Известно, что въ 1764 году въ Крыму состоялъ русскимъ консуломъ Никифоровъ, отличившійся на первыхъ же порахъ своею безтактностью поведенія съ ханомъ, относясь къ нему какъ къ государю перваго ранга и тѣмъ давши ему поводъ слишкомъ много думать о своемъ международномъ значеніи и высокомерно обращаться съ представителемъ Россійской короны (Соловьевъ, ХХVІ: 96—97). Въ числѣ документовъ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. есть реляція русскаго резидента въ Константинополь Обрѣзкова отъ 1 апрѣля 1763 г. о согласіи хана и Порты на содержаніе русскаго консула въ Крыму (В. А. Уляницкій, Дарданеллы и Босфоръ. Москва, 1883. Прилож., LXXVI, № 6). Ханомъ въ это время былъ уже Крымъ-Герай I (1758—1764), второй послѣ Арсланъ-Герая, отставленнаго еще въ 1756 году. Изъ тѣхъ же архивныхъ документовъ видно, что Крымъ-Герайханъ, не смотря на данное имъ согласіе на допущеніе пребыванія русскаго консула въ Крыму, продолжалъ дѣлать всевозможныя враждебныя демонстраціи противъ Россіи, всячески препятствуя свободѣ торговыхъ сношеній русскихъ подданныхъ съ его владѣніями (Уляницкій, *Op. cit.*, LXXX и LXXXII). Эта враждебность Крымъ-Герая къ Россіи, свидѣтельствуемая кромѣ того еще и другими фактами, даетъ основаніе полагать, что большинство вышеприведенной дипломатической переписки на турецкомъ языкѣ въ моемъ Сборникѣ принадлежитъ именно Крымъ-Гераю, судя по тону его рапортовъ въ Порту. Исключе-

О смѣнѣ Арсланъ-Герая не имѣется точныхъ свѣдѣній у историковъ: Халимъ-Герай говоритъ только, что Арсланъ былъ «отрѣшенъ и сосланъ на о—въ Хиосъ въ концѣ мѣсяца джемазіу-ль-эввеля 1169—въ мартъ 1756 года по интригѣ одного тогдашняго судьи Кырыми-Риза-эфенди, у котораго были сильныя связи съ нѣкоторыми агами султанскаго гарема, по должности хаджи»¹⁾—вотъ и все. Ничего мудренаго въ этомъ нѣтъ, ибо тогда уже не было живыхъ султана Махмуда, который зналъ и цѣнилъ заслуги Арсланъ-Герая, а царствовалъ братъ его Османъ III (1754—1757), который также вскорѣ передалъ власть Мустафѣ III (1757—1773). Несомнѣнно только то, что Арсланъ-Герай царствовалъ не два года, какъ говоритъ С.-Богущъ²⁾, а болѣе, ибо Пейсонель въ своемъ мемуарѣ, писанномъ имъ въ 1755 году, называетъ преемника хана Селимъ-Герая, т. е. Арсланъ-Герая, еще «*le Khan d'au-jour d'hui*»³⁾. Преемникомъ Арсланъ-Герая Гаммеръ называетъ прямо Крымъ-Герая, котораго потребовали себѣ въ ханы ногайцы, вслѣдствіе чего будто бы Арсланъ-Герай добровольно отказался отъ власти, вторично предложенной ему отъ Порты⁴⁾. Такъ оно и было, только не въ этотъ разъ. Самъ же Гаммеръ въ своей Османской исторіи говоритъ, совершенно основательно ссылаясь на турецкаго историка Васыфа-эфенди, что Арсланъ-Герай отказался отъ власти, когда она ему была вторично предложена, послѣ его неспособнаго преемника Халимъ-Герая I, такъ что лишь вслѣдствіе отказа Арслана и по желанію крымцевъ ханомъ назначенъ былъ Крымъ-Герай⁵⁾. Это былъ тотъ самый Халимъ-Герай I, котораго Гаммеръ раньше записалъ еще

ченіе составляетъ только докладъ — *такрызъ* — насчетъ русскаго консула, ибо въ немъ говорится о пребываніи консула какъ уже о совершившемся фактѣ, и притомъ ханъ относитъ это событіе ко времени своего предшественника — *селефымъ засрында* — (Сборникъ, 82). Болѣе точнымъ указаніемъ времени означенной кляузы можетъ служить еще то, что верховный везиръ Мустафа-паша, при которомъ возникъ вопросъ о содержаніи русскаго консула въ Крыму, названъ тутъ «покойникомъ» — *мерхумъ Мустафа-паша* — (Сборникъ, 83), а онъ былъ смѣщенъ въ третій разъ и вскорѣ потомъ казненъ въ 1765 году (Hammer, Gesch. d. Osm. Reiches, VIII: 269). Слѣдовательно вышеозначенный протестъ противъ дальнѣйшаго пребыванія русскаго консула былъ сдѣланъ Селимъ-Герай-ханомъ, третьимъ послѣ Арсланъ-Герая: послѣдній въ ту пору былъ уже не у дѣлъ.

¹⁾ Гюльбунъ-хананъ, 104.

²⁾ Ист. о Тавриі, II: 353.

³⁾ Traité sur le commerce de la mer noire. Paris, 1787. T. II, p. 273.

⁴⁾ Gesch. d. Ch. d. Krim, 210.

⁵⁾ Gesch. d. Osm. R., VIII: 221.

въ предмѣстникъ Селимъ-Герая II, а потомъ и совсѣмъ исключилъ изъ ханскихъ списковъ¹⁾; котораго Казимірскій²⁾ и Говордзъ³⁾ передѣляли въ *Hakim'a*, а Сестренцевичъ-Богущъ называетъ *Алимъ*⁴⁾:

Соименный Халимъ-Герай-хану I (1169—1172 = 1756—1758) крымскій историкъ родственникъ его, не сообщаетъ никакихъ фактовъ изъ кратковременнаго царствованія этого хана; но даетъ общую характеристику его собственной личности и другихъ помогавшихъ ему въ управленіи царевичей. «Назначенный имъ (т. е. ханомъ Халимъ-Гераемъ I) въ сераскеры Едисанскаго племени», говоритъ Халимъ-Герай въ своей исторіи, «Саяидъ-Герай-султанъ хотя и былъ изъ людей проникательныхъ, разсудительныхъ и знающихъ, но такъ какъ онъ выросъ въ Румиліи, то незнакомъ былъ съ обычаями татарскими; поэтому онъ отвратилъ отъ себя и охладилъ къ себѣ выдающихся людей племени. Какъ только народъ этого племени сталъ постоянно выходить изъ-подъ знамѣни повиновенія, то, съ прибытіемъ туда сперва Хаджи-Герая изъ сыновей Махмудъ-Герая, а потомъ Крымъ-Герай-султана, зажженный имъ огонь мятежа и бунта сталъ всеобхватывающимъ пожаромъ. Сколько ханъ ни прилагалъ старанія и усердія къ потушенію зго, все было напрасно: въ сеферъ 1172 = въ октябрѣ 1758 года онъ ошалѣлъ отъ головокруженія отставки и водворенъ былъ на жительство въ своемъ прежнемъ мѣсто-пребываніи»⁵⁾. Въ заключеніе мы находимъ такой отзывъ о Халимъ-Гераѣ: «Онъ былъ свѣдущъ въ наукѣ, причастенъ знаній и дара проникательности; въ молодости извѣстенъ былъ своею красотою и благоправіемъ, а также славился ловкостью и мужествомъ; но подъ конецъ жизни пристрастился къ хашишу и опиуму и, одержимый разными недугами, сдѣлался старичекъ, не способный управлять дѣлами»⁶⁾. Турецкій же историкъ Васыфъ-эфенди не такъ снисходительно отзывается о Халимъ-Гераѣ. Онъ прямо говоритъ, что Халимъ-Герай отличался вялостью, неподвижностью, а назначенные имъ на разныя должности сыновья и внуки, по молодости лѣтъ и неопытности надѣлали много глупо-

¹⁾ Op. cit., 208.

²⁾ Journ. As., t. XII, p. 455.

³⁾ Op. cit., 583.

⁴⁾ Ист. о Тавріи II: 335.

⁵⁾ Гюльбунни-хананъ, 106.

⁶⁾ Ibidem, 107.

стей и довели всегда склонныхъ къ мятежамъ погаевъ до явнаго неповиновенія, такъ что они ограбили часть владѣній Богданскихъ (т. е. Молдавскихъ), и тамъ не стало спокойствія и безопасности. Когда это дошло до высочайшаго свѣдѣнія, то Халимъ-Герай былъ отрѣшенъ, и на его мѣсто опредѣленъ вторично Арсланъ-Герай I. Послѣдній уже совсѣмъ было-приготовился къ отъѣзду въ Крымъ, но татарскія племена сообща избрали на ханство брата Арсланъ-Гераева Крымъ-Герая и прислали въ Порту свое донесеніе объ этомъ. Чтобы успокоить волненіе татаръ, ханская власть отнята была у Арслана и пожалована избранному ими Крымъ-Гераю; но при этомъ издано было высочайшее повелѣніе о взысканіи всего, что было татарами награблено въ Молдавской области¹⁾.

Кандидатура Крымъ-Герая, очевидно, была вовсе неслучайна. Добровольное оставленіе имъ званія нур-эд-дина при братѣ Арсланъ-Герай-ханѣ и удаленіе на покой въ чифтликъ Бунаръ-Баши въ окрестностяхъ Бургаса еще не означало отсутствія въ немъ всякихъ честолюбивыхъ помысловъ. Крымскій историкъ говоритъ, что когда Едисанское племя ногайцевъ взбунтовалось и отказалось повиноваться хану, и извѣстіе объ этомъ дошло до Крымъ-Герая, то онъ, взявъ съ собою своихъ племянниковъ, прямо отправился къ тому племени и тамъ достигъ желаемого, т. е. ханскаго достоинства. Во время этого мятежа нѣкоторые изъ участниковъ его поугоняли скотъ у богданскихъ жителей. Воевода богданскій, въ суетливомъ духѣ, свойственномъ, по выраженію Халимъ-Герая, только греческой натурѣ, написалъ въ Порту жалобу, представивъ дѣло въ ужасающемъ видѣ. Тогда и хотѣли-было прекратить эти безпорядки, утвердивъ на ханствѣ опять Арсланъ-Герая I. Уже изданъ былъ и султанскій хатти-шерифъ насчетъ этого; но бекдерскій комендантъ и начальникъ крѣпости Измаила писали одну за другою бумаги, вслѣдствіе которыхъ и пришлось дать назначеніе на ханство Крымъ-Гераю, получившему въ сеферѣ 1172 = въ октябрѣ 1758 года султанскую грамоту и инвеституру²⁾.

Какъ ни кратки и ни отрывочны вышеприведенныя свѣдѣнія о воцареніи Крымъ-Герая вмѣсто Халимъ-Герая, все же они даютъ довольно опредѣленное понятіе объ

¹⁾ Тарихи-Васыфъ, 2-е изд., т. I, стр. 96—97; Гюльшени-мезарифъ, соч. Феридзи-заде, Конст. изд. 1252=1836 г., т. II, стр. 1524.

²⁾ Гюльбунн-хананъ, 107—108.

обстоятельствахъ, которыми сопровождалась смѣна Крымскаго правителя и совершенно согласны съ мемуаромъ Пейсонеля, который подробно описываетъ случившееся происшествіе, какъ очевидецъ, находившійся въ то время въ Крыму въ званіи французскаго консула при ханѣ¹⁾.

Этотъ любопытный памятникъ наблюдательности европейскаго дипломата свидѣтельствуешь о томъ, что Пейсонель близко зналъ и подробности событія, и главныхъ его участниковъ. Онъ сохранилъ также яркое отраженіе тогдашнихъ международныхъ отношеній представляемой имъ державы. Франція въ то время изъ силъ выбивалась удержатъ за собою монополію въ Левантской торговлѣ, противодѣйствуя вторженію въ сферу ея вліянія британскихъ торговцевъ. Съ этой цѣлью французская дипломатія, стремясь удержатъ господствующее положеніе въ Стамбульской политикѣ, сильно интриговала противъ Россіи, бывшей въ ладахъ съ Австрією и Англіей — двумя наиболѣе неспріятными французамъ государствами. Внушенія и подстрекательства французскихъ дипломатовъ и втянули неосторожныхъ турецкихъ политикановъ въ ту воинственную рискованную игру, которую они затѣяли съ Россією, и которая обошлась имъ такъ дорого. Вотъ это-то чувство международного соперничества сказалось и въ мемуарѣ Пейсонеля. По его словамъ, точно также все волненіе, стоившее Халимъ-Гераю ханства, произошло вслѣдствіе необузданнаго произвола и безразсуднаго самоуправства его сыновей, которыхъ онъ подѣлалъ главноначальниками ногайскихъ ордъ Едисанской и Буджакской, а также и черкесовъ кубанскихъ; обойдя другихъ, старшихъ возрастомъ, царевичей. Ближайшимъ поводомъ къ такимъ насиліямъ послужило то, что буджакскому сераскеру Сеъадэтъ-Гераю было поручено, по предписанію Порты, изданному вслѣдствіе жалобы русскаго правительства, взыскать съ ногайцевъ убытки, причиненные ихъ набѣгомъ на русскія владѣнія. Изъ-за того только, что этимъ взысканіемъ «ханъ удовлетворилъ русскій дворъ», Пейсонель допускаетъ ни на чемъ неоснованную догадку, что сераскерь, произведшій взыски съ ногайцевъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ слѣдовало, подѣлился своею добычею съ верховнымъ везиремъ Рагыбъ-пашою²⁾. Между тѣмъ Рагыбъ-паша извѣстенъ какъ умный государственный сановникъ и порядочный человѣкъ, одинаково какъ у самихъ

¹⁾ Peyssonel, *Traité sur le commerce de la Mer Noire*. Paris, 1787. T. II, ij.

²⁾ Peyssonel, *Op. cit.*, II: 339—345.

турков¹⁾, такъ и у европейцевъ²⁾. Далѣе, также дурно повелъ себя и другой сынъ хана, Крымъ-Герай, сераскеръ на Кубани, въ народѣ черкесскомъ. Поведеніе ихъ отвратило отъ нихъ народъ, и вліятельные мурзы подняли открытое возстаніе противъ хана, который, вмѣсто того чтобы унять легкомысленныхъ сыновей, поддерживалъ ихъ своими неумѣстными распоряженіями, какъ напр. конфискаціею одного корабля, шедшаго съ грузомъ певольниковъ въ Константинополь, арестомъ турецкихъ купцовъ и ихъ семей, заморенныхъ потомъ въ тюремномъ заключеніи³⁾. И вся эта опрометчивость дѣйствій хана сводится Пейссонелемъ къ вредному на него вліянію нѣкоей дамы, которую онъ называетъ *Anabéï*.... «originellement esclave russe, la dernière des femmes de Scadet-Gueraï-khan, père d'Alim-Gueraï». Онъ не находитъ словъ для того, чтобы достаточно очернить эту женщину, кажется единственно [только изъ-за того, что она была русскаго происхожденія⁴⁾. Въ то же время онъ до небесъ превозноситъ личность самого хана, имѣвшаго всѣ добродѣтели на свѣтѣ, кромѣ твердости характера, отсутствіе котораго было причиною его добровольнаго порабощенія себя вышеупомянутой женщиной⁵⁾. Впрочемъ характеристики Пейссонеля вообще больше все панегирическаго свойства и ужасно какъ отзываются риторическимъ упражненіемъ въ антитезахъ: у него Саидъ-Герай, котораго онъ называетъ *Saad-Gueraï*, хорошъ, и Халимъ-Герай превосходенъ, а Крымъ-Гераю, преемнику его, и цѣны нѣтъ.

Несомнѣнно одно, что взбунтовавшіеся ногайцы отправляли въ Порту двѣ жалобы—*Argz-Mahzar*—сперва на сераскера Сеъадэтъ-Герая⁶⁾, а потомъ и на самого хана, съ просьбою разсудить ихъ съ нимъ и, смотря по тому, кто окажется виновенъ, или ихъ оштрафовать, или отрѣшить хана⁷⁾. Мятежные ногайцы, кромѣ своей собственной силы, рассчитывали еще на поддержку бендерскихъ янычаръ, которые были съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ и отказались дать у себя прибѣжище Сеъадэтъ-Гераю, послѣ того

¹⁾ Васифъ-эфенди, I: 143—144; Гюльшени-метарифъ, II: 1501—1502.

²⁾ Zinkeisen, *Gesch. d. Osm. Reichs*, V: 852.

³⁾ Peyssonel, *Op. cit.*, II: 347.

⁴⁾ Ibidem, 354—355.

⁵⁾ Ibidem, 368—370.

⁶⁾ Ibidem, 352.

⁷⁾ Ibidem, 359—360.

какъ онъ сдѣлалъ неудачную попытку усмирить бунтовщиковъ силою и тщетно ждалъ помощи отъ отца изъ Крыма, а между тѣмъ Хаджи-Герай уже приближался изъ Румиліи, чтобы довершить финалъ этого смятенія¹⁾. А Хаджи-Герай, доселѣ сидѣвшій въ Румиліи въ своемъ чифтликѣ, былъ лишь подставнымъ лицомъ: главная-то пружина всего этого движенія была въ рукахъ Крымъ-Герая, который чрезъ своихъ клевретовъ и приверженцевъ раздулъ всю эту исторію, чтобы подъ шумокъ захватить власть въ свои руки²⁾. Онъ вѣрно рассчиталъ и успѣлъ достичь своей цѣли. Верховный везирь Рагыбъ-паша, державшійся мирной политики, чтобы заняться внутреннимъ упорядоченіемъ дѣлъ Порты³⁾, естественно, оставилъ первую жалобу ногайцевъ безъ послѣдствій; прогналъ ихъ пословъ, даже не доведя о нихъ до свѣдѣнія султана⁴⁾. И вторая депутація недовольныхъ подданныхъ хана имѣла результатомъ лишь выраженіе еще большаго довѣрія къ нему со стороны султана: 21 сентября 1758 года нарочитый гонецъ привезъ хану подтвердительную на его права грамоту и разные вещественные знаки благоволенія къ нему падишаха⁵⁾. Очевидно, стамбульское правительство рассчитывало на то, что ханъ въ состояніи будетъ справиться съ бунтовщиками силою оружія. А ханъ рассчитывалъ, кажется, главнымъ образомъ на военную поддержку со стороны самой Порты. Но медленность сборовъ турецкихъ войскъ дала возможность Крымъ-Гераю предупредить нанесеніе удара затѣянному имъ движенію: въ рѣшительный моментъ онъ самолично является среди ногайцевъ; тѣ охотно его принимаютъ, и вскорѣ около него образуется огромная армія, въ которой было немало и румилійскихъ турковъ, и съ которою онъ могъ угрожать самимъ туркамъ. Но въ этой медленности сборовъ турецкихъ войскъ Пейссонель видитъ также не болѣе какъ хитрую уловку верховнаго везира, хотя самъ же раньше сказалъ, что бендерскіе ялычаре были друзья-пріатели ногайцевъ и, слѣдовательно, не имѣли охоты драться съ ними. Теперь, когда дѣло приняло такой оборотъ, мудрый Рагыбъ-паша сообразилъ, что самый вѣрный способъ умиротворенія края есть признаніе совершившагося факта, т. е. законное утвержденіе за Крымъ-Гераемъ І власти, которая на дѣлѣ

¹⁾ Peyssonel, *Op. cit.*, 351, 352, 357—359.

²⁾ *Ibidem*, 364.

³⁾ Тарихи-Джевдетъ, I: 46.

⁴⁾ Peyssonel, 356—357.

⁵⁾ *Ibidem*, 362.

была уже въ его рукахъ. Крымъ-Герай былъ назначенъ ханомъ, но будто бы это назначеніе до тѣхъ поръ держалось в. везиремъ втайнѣ, пока не прибылъ транспортъ невольниковъ, посланныхъ прежнимъ ханомъ въ подарокъ въ Порту¹⁾. Халимъ-Герай думалъ-было сперва отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ, но, потерявъ надежду на успѣхъ, покорился своей участи, выѣхавши въ концѣ октября 1758 г. въ Румилію и уступивъ мѣсто такому могущественному сопернику, какъ Крымъ-Герай I (1172—1178 = 1758—1764).

V.

Образъ дѣйствій Крымъ-Герай-хана I во внѣшней политикѣ. — Русскій консулъ при дворѣ его. — Донесенія хана въ Порту о русско-польскихъ дѣлахъ. — Турецкая меморія о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. — Популярность Крымъ-Герай-хана. — Разнорѣчивыя извѣстія о причинѣ сверженія его. — Анекдотъ о шапочникѣ и о Крымъ-Герай-ханѣ въ связи съ отставкою послѣдняго. — Смѣшеніе личности Селимъ-Герай-хана III съ предшествовавшими ему соименными съ нимъ ханами. — Представленіе его въ Порту о недопущеніи впредь русскаго резидента въ Крыму. — Потачка его татарскимъ разбойничествами. — Прикосновенность его къ польскимъ дѣламъ. — Международное положеніе Порты по изображенію Васыфа-эфенди и Ресми-Ахмеда-эфенди. — Кратковременность вторичнаго ханствованія Арсланъ-Герай-хана I и царствованія Максудъ-Герай-хана I.

Изобразивъ въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ Крымъ-Герай-хана I, Пейссонель говоритъ, что этотъ «*idole de toute la nation*»²⁾ первымъ дѣломъ позаботился объ удовлетвореніи претензій сосѣдей, и именно Молдавіи, за убытки, причиненные хищничествомъ ногайцевъ; хотя раньше этотъ же самый казусъ былъ хитро употребленъ имъ какъ средство для своихъ же собственныхъ честолюбивыхъ замысловъ. Значитъ, расчетъ Рагыбъ-наши на полезность Крымъ-Герая для поддержанія международныхъ согласныхъ отношеній Порты оказался вѣренъ.

Въ одномъ изъ подлинныхъ турецкихъ документовъ Крымъ-Герая, еще въ бытность его буджакскимъ сераскеромъ, безъ означенія года, приписывается грабительскій набѣгъ

¹⁾ Peyssonel, 366—367.

²⁾ Op. cit., 367—368.

во главѣ цѣлаго скопища татарскихъ мурзъ на Молдавію вплоть до Яссъ, а затѣмъ возстановленіе утраченнаго татарами престижа падъ ихъ прежними даниками, русскими, разрушеніемъ построенной ими Елизаветинской крѣпости и другихъ укрѣпленныхъ сооружений по теченію Азовской рѣки (т. е. по Дону близъ Азова, вѣроятно). При этомъ царевичъ будто бы дотого разхрабрился, что грозилъ «повѣсить свою плеть на столицѣ русскихъ, Петербургѣ, и заставить ихъ вновь платить дань, какъ это было при его отцахъ и дѣдахъ, отъ которой они давно отстали». Обо всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ крымскаго царевича Валахскій и Богданскій воеводы, а также каменецкій и кіевскій генералы писали въ Порту жалобническія донесенія. Порта удостовѣрилась въ справедливости ихъ донесенія; но послѣ нѣсколькихъ совѣщаній признала за благо, ради водворенія спокойствія и умиротворенія, отставить тогдашняго хана и даровать ханское достоинство упомянутому Крымъ-Герая¹⁾. При отсутствіи въ документѣ чиселъ, нѣсколько трудно утвердительно сказать, про какія именно авантюры Крымъ-Герая I рассказывается тутъ, и какого хана смѣнилъ онъ: если Халимъ-Герая, такъ въ его время онъ не былъ буджакскимъ сераскеромъ. Не извѣстно также, почему Крымъ-Герай названъ однимъ изъ сыновей Хаджи-Герая—*Хаджи-Герай эвлядлериндэнъ*—, когда онъ былъ сынъ Девлетъ-Герай-хана II, можетъ быть въ смыслѣ потомка знаменитаго *Эльхаджъ-Селимъ-Герая*, считаемаго основателемъ второй, собственной династіи. Зато совершенно согласно съ другими историческими данными то извѣстіе, что Крымъ-Герай, подавшій поводъ къ жалобамъ на него молдо-валахскихъ воеводъ и каменецкаго и кіевского губернаторовъ, былъ сдѣланъ ханомъ именно въ видахъ умиротворенія края — приемъ столь знакомый въ политикѣ Порты по отношенію къ Крыму и тогда употребленный Рагыбъ-пашею, какъ мы это, видѣли, выше.

Другіе документы, уже несомнѣнно касающіеся Крымъ-Герая и относящіеся къ 1177—1763—1764 гг., свидѣтельствуютъ о мѣрахъ по части внутренняго благоустройства и объ административныхъ распоряженіяхъ Крымъ-Герая. Мы выше видѣли, что онъ, согласившись допустить русскаго консула при своемъ дворѣ, однако всячески тормозилъ русскую торговлю. Оказывается, что онъ предпринималъ и положительные мѣры къ развитію торговли въ собственныхъ владѣніяхъ: напр. онъ предлагалъ Портѣ проектъ по-

¹⁾ Мой Сборникъ, стр. 86—87.

стройки новой пристани въ Тази-Керменѣ, для удобства нагрузки хлѣба, въ общинѣ производившагося племенемъ Едички, которое живетъ далеко отъ порта Гёзлеве (Евнаторин) и Очакова ¹⁾. Изъ другого документа узнаемъ, что Крымъ-Герай просилъ Порту прислать знающаго человѣка для провѣрки полученныхъ свѣдѣній о нахожденіи золотой и серебряной руды въ земляхъ, заселенныхъ подвластными ему племенами Касай, Каспулатъ, Бесеней и Шегакэ, пока не добрались туда русскіе и не захватили этихъ сокровищъ въ свои руки, чего онъ сильно опасается ²⁾.

Тревожась завоевательными намѣреніями и дѣйствіями русскихъ, Крымъ-Герай и самъ сообщалъ въ Порту, и его секретарь-казны Абду-ль-Азизъ-эфенди рапортовалъ о томъ, что русскіе сооружаютъ укрѣпленія въ кабардинскихъ предѣлахъ съ цѣлью завладѣть кабардинскою территоріею и открыть путь въ Грузію. Кромѣ того въ ханскихъ депешахъ въ Порту высказывались соображенія относительно рѣшимости русскихъ сдѣлать королемъ въ Польшѣ ненавистнаго сейму Понятовскаго и потомъ захватить со-всѣмъ Польшу, съ каковымъ намѣреніемъ и двинуты были сильныя войска русскія къ польскимъ границамъ. Означенныя донесенія ханскія настойчиво опровергались русскимъ резидентомъ въ Портѣ. Тѣмъ не менѣе, по просьбѣ хана, подъ предлогомъ починки крѣпости Очакова, были назначены нѣкоторыя части войскъ Анатольскаго и Румплійскаго округовъ ³⁾.

Въ томъ же 1177=1763—1764 гг. въ Порту пришло письмо отъ главнаго польскаго гетмана — *Лѣгъ башъ-хатмани* — съ просьбою о содѣйствіи Порты въ дѣлѣ назначенія новаго короля. Тогда какъ русскій резидентъ въ Портѣ получилъ изъ Польши же бумагу совершенно противоположнаго содержанія. Изъ этихъ противорѣчивыхъ документовъ явствовало, что правящая корпорація въ Польшѣ, состоявшая изъ 138 человѣкъ, раздѣлилась на двѣ враждебныя партіи. Одна жаловала русскихъ и желала вмѣшательства Порты въ дѣло избранія короля; рапортъ этой партіи былъ подписанъ всего 15-ю человѣками изъ членовъ польскаго сейма. Другая партія, депеша которой къ русскому резиденту въ Константинополь имѣла подписи 26 человѣкъ, нарекала на тѣхъ пятнадцать

¹⁾ Мой Сборникъ, стр. 88—89.

²⁾ Ibidem, стр. 89—90.

³⁾ Ibidem, стр. 90—91.

поляковъ, которые подписались подъ первою бумагою, присланною въ Порту, и выражали свою благодарность московцамъ. Богданскій воевода тоже съ своей стороны прислалъ въ Порту бумагу, въ которой подтверждалъ фактъ существованія въ Польшѣ двухъ враждебныхъ одна другой партій. Вообще документъ, гдѣ находимъ эти свѣдѣнія, есть родъ меморіи, резюмирующей данныя изъ разныхъ дипломатическихъ документовъ, относившихся къ польскому вопросу и составленной, по видимости, какимъ-то высокопоставленнымъ лицомъ, напр. реису-ль-кюттабомъ или самимъ верховнымъ везиремъ, для султана, ибо, напримѣръ, грамоту одной изъ польскихъ партій онъ называетъ «полученнымъ мною письмомъ» — *Варидъ оланъ биръ кытга мэкѣбдѣ тарафи чакиранэмэ* —. Далѣе тамъ приводятся отзывы резидентовъ прусскаго и русскаго о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Но всего любопытнѣе заключеніе самого составителя меморіи по польскому вопросу. Онъ говоритъ: «У поляковъ издавна такъ повелось, что когда умираетъ ихъ король, у нихъ происходятъ распри и усобицы; а чтобы со стороны Высокой Державы оказывалась какая-либо имъ помощь или дѣлалось какое-либо вмѣшательство, этого не бывало прежде. Поэтому слѣдуетъ, не обращая вниманія на упомянутыя депеши, предоставить означенное дѣло рѣшить имъ самимъ между собою; а вотъ если возникнетъ какое-нибудь обстоятельство, долженствующее причинить ущербъ Высокой Державѣ, тогда надобно приняться за направленіе дѣлъ сообразно времени и обстоятельствамъ. Сіе да будетъ извѣстно Его Величеству, которому принадлежитъ власть и повелѣваніе»¹⁾.

Хотя вышеприведенный дипломатическій документъ повидимому вовсе не касается Крымскаго хана, но нахожденіе его въ ряду другихъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ Крымъ-Гераю, косвеннымъ образомъ указываетъ на то, что ханъ слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ Польшѣ и представлялъ въ Порту свои соображенія по вопросамъ международной политики, что подтверждается отчасти рапортомъ его статсъ-секретаря Абду-ль-Азиза-эфенди, о которомъ было говорено выше. Что благоразумное устраненіе отоманской политики отъ вмѣшательства въ дѣла польскія перевѣшивалось просками польскихъ эмиссаровъ и внушеніями хана Крымскаго, объ этомъ свидѣлствуютъ русскіе архивные документы. Въ іюлѣ 1763 года графъ Панинъ писалъ на депешѣ Обрѣзкова: «Какъ пріемлемое Портою въ польскихъ дѣлахъ участіе происходитъ наипаче по проскамъ и

¹⁾ Мой Сборникъ, стр. 94—97.

жалобамъ поляковъ *черезъ хана Крымскаго*, при ней Портѣ производимыхъ и *отъ представлений хана Крымскаго*, на которыхъ она совершенно утверждается, то консулу Никифорову указомъ предписано уже, да и впредь подтверждено будетъ, дабы онъ употребилъ прилежное стараніе склонить хана въ сдѣшнюю сторону, а черезъ него и Порту удалить отъ всякаго заступленія за поляковъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и въ другихъ будущихъ происшествіяхъ въ польской республикѣ, въ чемъ нынѣ можно предуслѣть болѣе при ханѣ, нежели при Портѣ и безъ дальнихъ иногда издержекъ въ разсужденіи посланныхъ уже къ нему съ консуломъ подарковъ¹⁾.

Изъ тѣхъ же архивныхъ данныхъ узнаемъ далѣе, что ханъ, объявивъ посланному къ нему поручику Баставику, что онъ согласенъ имѣть при себѣ русскаго консула, въ то же время требовалъ, чтобы русское правительство объ этомъ прямо къ нему написало, ибо тогда только онъ будетъ имѣть возможность представить Портѣ объ этомъ дѣлѣ²⁾. Этимъ Крымъ-Герай, очевидно, выказалъ свое стремленіе играть самостоятельную роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ, хотя еще для виду и прикрывался именемъ Порты.

Эта отважность Крымъ-Герая, напомнившая татарамъ тѣ счастливыя времена, когда они были грозны своимъ сосѣдямъ, а иногда забывались и предъ самою Портой, была причиною той популярности, какою пользовался онъ среди своихъ подданныхъ, по словамъ Пейсонеля³⁾.

Тѣмъ страннѣе разнорѣчивыя показанія историческихъ памятниковъ о скоромъ сверженіи Крымъ-Герая, повидимому такъ прочно усѣвшагося на ханскомъ тронѣ. Сестренцевичъ-Богущъ объясняетъ это сверженіе простою мстительностью Порты. «Сей Дворъ», говоритъ онъ, «не прощалъ Кериму⁴⁾ возмущенія, которое было весьма тягостно для онаго, и ожидалъ токмо случая наказать его за то. Нещастная война съ черкасами

¹⁾ Соловьевъ, XXV: 341.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Op. cit., II: 370. Вѣроятно, этой же популярности надо приписать то обстоятельство, о которомъ упоминаетъ какъ о курьозѣ г. Марковъ—что солдатъ-чичероне, показывавшій ему достопримѣчательности Бакчэ-Сарайскаго дворца, «обходился въ своихъ коментаріяхъ съ помощью Крымъ-Герая-хана да Марьи Потоцкой. Что ни спросишь—все у него Крымъ-Герай да Марья Потоцкая» (Очерки Крыма. Спб. 1873, стр. 49).

⁴⁾ Такъ онъ называетъ Крымъ-Герая.

послужила предлогом»¹⁾. Поводъ этотъ впервые указанъ Клееманомъ, бывшимъ вскорѣ послѣ сверженія Крымъ-Герая въ Крыму²⁾.

Между тѣмъ русскій консулъ при Крымъ-Гераѣ Никифоровъ въ своемъ донесеніи просто говоритъ, что «Крымъ-Гирей лишень (власти ханской) за учиненныя имъ Портѣ многія противности и оскорбленія, за многія же всѣмъ подданнымъ Крымскимъ жителямъ, такъ Едичкульскимъ, какъ Буджацкимъ и Кубанскимъ татарамъ, обиды и безчисленные грабежи и насильно чрезъ разныя приметки отъ Грековъ, Армянъ и Жидовъ вымогательствъ денегъ немалыхъ суммъ»³⁾. Ни о какомъ неудачномъ походѣ Крымъ-Герая на черкесовъ Никифоровъ не упоминаетъ. Зато чрезвычайно подробно перечисляетъ тѣ злодѣянія хана, которыя довели его до паденія. Русскій консулъ, вопреки свидѣтельству Пейсонеля о популярности Крымъ-Герая и любви къ нему его подданныхъ, утверждаетъ совершенно противное: «Коль скоро», говоритъ онъ, «о лишеніи Крымъ-Гирея ханства здѣсь, чрезъ публику, извѣстно учинилось, такъ всѣ народы за приключенныя неисчислимыя обиды и разоренія и небывалыя тягости съ проклятіемъ поносить его начали»⁴⁾.

Правда, что Порта имѣла обыкновеніе уступать мятежнымъ притязаніямъ Крымскихъ татаръ и ихъ хановъ, когда не въ состояніи была силою подчинить ихъ своимъ требованіямъ, откладывая до болѣе благопріятнаго момента возмездіе мятежникамъ; но ея политическіе планы и намѣренія обыкновенно мѣнялись съ перемѣною главныхъ руководителей ея политики — верховныхъ везирей. Крымъ-Герай сдѣлался ханомъ при верховномъ везирѣ Рагыбъ-пашѣ, сверженіе же его состоялось тогда, когда Рагыбъ-паша и въ живыхъ не было: онъ умеръ 24 рамазана 1176 г. = 9 апрѣля 1763 г.⁵⁾, а Крымъ-Герай получилъ отставку въ началѣ ребіу-ль-эввеля 1178 = въ началѣ сентября 1764 г.⁶⁾. А что Никифоровъ такъ беспощадно чернитъ Крымъ-Герая, такъ онъ имѣлъ на то свои

¹⁾ Ист. о Тавріи, II: 361.

²⁾ Voyage dans le pays des Tartares, fait dans les années 1768, 1769 & 1770, par Nicolas-Ernest Kleeman. Neuchatel, 1780, p. 203.

³⁾ Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, I: 377.

⁴⁾ Loc. cit., 376.

⁵⁾ Васильевъ, I: 142.

⁶⁾ Гюльбунни-ханацъ, 109; Зап. Од. Общ., I: 375.

причины: русскій дипломатъ оказался весьма безтактенъ и надѣлалъ въ Крыму глупостей, которыя на первыхъ же порахъ учрежденія консулата при ханѣ скомпрометировали русское представительство въ глазахъ его¹⁾. Чтобы обѣлить себя, онъ, конечно, старался свалить все на безумную грубость и жестокость хана и оттого постарался сгустить краски въ изображеніи нравственныхъ качествъ хана, будто бы дѣлавшихъ его ненавистнымъ и самимъ татарамъ. Дѣло, вѣроятно, было проще: Порта, должно быть, побаивалась слишкомъ самостоятельнаго поведенія Крымъ-Герая, особливо въ такую опасную для нея пору, когда польскія смуты и французскія интриги втягивали ее во враждебныя отношенія къ Россіи²⁾, и потому рѣшилась избавиться отъ него, ибо онъ тоже не держался въ сторонѣ отъ тогдашнихъ международныхъ смутъ, а принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, сбивая Порту съ толку своими донесеніями³⁾. Такъ оно выходитъ и изъ показаній турецкихъ историковъ. «Крымъ-Герай-ханъ», читаемъ мы у нихъ, «славился огромною храбростью; но такъ какъ онъ былъ далекъ отъ разсужденія о конечныхъ результатахъ обстоятельствъ, то возможно было, что онъ раздулъ бы тлѣвшій подъ пепломъ огонь смятенія, нарушивъ мирныя условія. Сверхъ того, усиленными налогами онъ разорилъ государство, и принятыми на себя неумѣстными притязаніями потерялъ свой престижъ и авторитетъ у Державы (т. е. Порты). Онъ сдѣлалъ необходимымъ примѣненіе къ себѣ смысла стиха «кто слишкомъ много проситъ, тому непременно будетъ отказано»: всѣ считали цѣлесообразнымъ сверженіе его съ ханскаго трона. Командированъ былъ кяхья-канджи его величества государя, и означенный (ханъ) былъ вывезенъ изъ Крыма и водворенъ на о—въ Хіосъ; а канджи-баши Сулейманъ-ага былъ посланъ, чтобы доставить къ Порту вторично признаннаго достойнымъ ханскаго ковра Селимъ-Герай-хана»⁴⁾.

Въ этомъ извѣстіи мотивъ отрѣшенія Крымъ-Герая тотъ же, что и въ донесеніи Никифорова; но самый способъ сверженія представленъ не вполне согласно съ другими источниками. Халимъ-Герай говоритъ, что Крымъ-Герай былъ вывезенъ изъ Крыма «подъ

¹⁾ Соловьевъ, XXVI: 97.

²⁾ Zinkeisen, Op. cit., V: 902—905; Соловьевъ, XXVI: 90—92.

³⁾ Соловьевъ, Loco citato.

⁴⁾ Василь, I: 170; Гюльшени-меъарифъ, II: 1547.

предлогомъ приглашенія къ высочайшему Стремени и сосланъ на о—въ Родось¹⁾. Это какъ будто болѣе вяжется съ описаніемъ у Никифорова тѣхъ предосторожностей, какія были приняты какъ Портою при арестѣ хана, такъ, въ свою очередь, и этимъ послѣднимъ, чувствовавшимъ, должно быть, бѣду, но надѣявшимся какъ-нибудь избѣжать ея²⁾.

Въ изданномъ мною Сборникѣ отставка Крымъ-Герай представлена въ такомъ видѣ, что обстоятельства, которыми она сопровождалась, походятъ скорѣе на анекдотъ, чѣмъ на дѣйствительный историческій фактъ. Но въ основаніи историческихъ анекдотовъ обыкновенно всегда лежитъ какой-нибудь дѣйствительный случай, а потому и рассказъ объ отставкѣ Крымъ-Герай стоитъ того, чтобы его привести здѣсь сполна, ради его курьезности: можетъ быть, когда-нибудь современемъ найдутся данныя, которыя раскроютъ истинное значеніе этого курьеза.

«Надѣтіе шапокъ Крымъ-Гераямъ своей свитѣ и Ширинскимъ мурзамъ и отставка его. Одинъ изъ шапочниковъ терьяки въ Терьяки-Тарписы³⁾, въ столицѣ, говорилъ, что какъ только онъ узналъ отъ крымскихъ купцовъ путь производить съ маленькимъ капиталомъ большую торговлю, то въ прошломъ году отправился въ Бакчэ-Сарай въ Крыму для продажи пяти сотъ шапокъ. «Кромѣ того», говорилъ онъ другому, «что я всѣ продалъ за тройную цѣну стоимости ихъ, а штуки двѣ-три шапокъ подарилъ также и хану Крымскому. Взамѣнъ этого онъ мнѣ пожаловалъ двухъ невольницъ да двухъ невольниковъ, цѣною въ четыре кисета⁴⁾. Когда я прибылъ въ столицу, то я на эту сумму купилъ себѣ домъ, завелъ ковры и прочую утварь, а на оставшіяся деньги отправился въ Хиджазъ. Мѣсяцъ священный хаджъ совершилъ, да набралъ много вещей изъ сюрпризныхъ предметовъ и привезъ въ столицу. Отъ продажи ихъ кромѣ того что покрыты были издержки по пилигримству, но еще порядочная толика осталась. Теперь я ни въ чемъ

¹⁾ Гюльбуни-хананъ, 109.

²⁾ Зап. Од. О., I: 375—376.

³⁾ Такъ называется въ Стамбулѣ рядъ лавскъ близъ мечети Сулейманійѣ. Тамъ, по преданію, въ былыя времена находился притонъ опиумоѣдовъ, тайно предававшихъ своей страсти, будучи строго преслѣдуемы жестокимъ правительствомъ султана Мюрада IV (1623—1640).

⁴⁾ Кисетъ равняется 500 піастрамъ. Но піастръ въ разное время имѣлъ разную цѣнность. Въ концѣ прошлаго столѣтія его цѣнность превосходила теперешнюю стоимость этой монеты (см. Journ. Asiatique за 1864 г., стр. 484; Тарихи-Джевдетъ, V: 304).

не нуждаюсь. Только этого секрета никому не разглашай, а то если кто-нибудь другой спровѣдаетъ объ этомъ, то все твое стараніе прахомъ пойдетъ». Говоря это упомянутый терьяки много-таки наколобродилъ и наморочилъ. Но (другой) терьяки принялъ это за правду: наготовилъ много шапокъ, затѣмъ нагрузилъ ихъ въ судно и отправился въ Крымъ. По прибытіи въ Бакчѣ-Сарай онъ узналъ, что тамъ нѣтъ ни одного человѣка въ шапкахъ: всѣ татары, мурзы и ханскіе султаны ничего не носятъ кромѣ колпаковъ, которые шьются ихъ же женами изъ ягнячьихъ шкурокъ. Прошло нѣсколько дней, и ни одинъ покупатель не являлся. Тогда онъ описалъ все дѣло какъ есть и подалъ прошеніе въ Диванъ Крымъ-Герая-хана. Изъ полного благодушія и ради забавы онъ (ханъ) жалѣя старика, назначилъ цѣну его шапкамъ; а чтобы не причинить убытка отъ назначенія цѣны и заставить его за себя молиться Богу, когда тотъ вернется въ свою лавку, онъ издалъ ханскій ярлыкъ относительно того, чтобы Ширинцамъ и всѣмъ прочимъ мурзамъ быть на другой день въ ханскомъ Диванѣ въ шапкахъ и синагскихъ тюрбанахъ¹⁾. Тогда (терьяки) понеобходимости въ одинъ-два часа распродалъ по назначенной цѣнѣ свои шапки. Когда стало извѣстно, что продажа совершилась, опять состоялось запрещеніе (надѣвать эти шапки). Терьяки съ богатою щедротою вернулся въ столицу. Московскіе гяуры, давно уже трепетавшіе и страшившіеся мужества и силы Крымъ-Герая, прознавъ объ этомъ обстоятельстве, распустили молву, что Крымскій ханъ вышелъ изъ повиновенія Высокой Державы: выбралъ семьсотъ двадцать гонцовъ²⁾ и посылаетъ ихъ для добыванія новостей изъ столицы, такъ что ежедневно одинъ (гонецъ) выѣзжаетъ изъ Бакчѣ-Сарая въ Стамбулъ, а другой изъ Стамбула въ Бакчѣ-Сарай; разстояніе въ двѣсти часовъ они пролетаютъ въ одну недѣлю, и каждый день ханъ получаетъ новости изъ столицы. А такъ какъ все это только для того чтобы напасть на столицу, то онъ самъ и его свита надѣли шапки. Этою вздорною ложью однако же они встревожили Высокую

¹⁾ Въ текстѣ: *Кавукъ въ хыртави дэстаръ илэ*. Первое изъ этихъ словъ — *кавукъ* — сильно напоминаетъ наше *клобукъ*, встрѣчающееся уже въ старинныхъ памятникахъ въ значеніи головного убора, а теперь означающее принадлежность монашескаго туалета. Что же касается до второго — *хыртави* —, то хотя это слово въ лексиконахъ считается турецкимъ, однако же оно звучитъ вовсе не потурецки и, вѣроятно, сдѣлано изъ греческаго *χαρτί* «бумага, картонъ», хотя, впрочемъ, безусловно настаивать на этой этимологіи не представляется возможности.

²⁾ Здѣсь слово *татаръ* можно понимать въ смыслѣ гонца, курьера, а не этнографическаго термина.

Державу; провѣрить же, что хорошо и что худо, не было времени, и вышеупомянутаго (хана) отрѣшили и назначили другого. Отставной былъ сосланъ въ Галиполи, затѣмъ на о—въ Хиосъ, а потомъ въ Митилену и оттуда на Лемпосъ. Но въ какое бы мѣсто онъ ни былъ ссылаемъ, вездѣ управленіе страной было въ рукахъ вышеупомянутаго. Вездѣ онъ дѣлалъ Портѣ представленія о томъ, чтобы ни судья, ни воевода, ни мутеселлемы никого не притѣсняли и ни съ кого не могли бы брать насильно деньги. Съ помпомъ и почетомъ путешествовалъ онъ съ острова на островъ, и наконецъ ему дано было разрѣшеніе поселиться во дворцѣ, находящемся въ чифтликѣ Бунаръ-Баши, что между г. Чорлу и Бургасомъ. Такъ какъ вышеупомянутый былъ умный, проницательный, снисходительный, ласковый и щедрый ханъ, то во дворцѣ названнаго чифтлика пребывало болѣе пятисотъ человѣкъ изъ нѣкоторыхъ угнетенныхъ египетскихъ князей, изъ архипелагскихъ шкиперовъ, арнаутскихъ пашей, боснійскихъ капитановъ, изъ чокадарей и изъ несчастныхъ, заточенныхъ на острова, и каждый изъ нихъ былъ удостоенъ соотвѣтственнаго вниманія. Однимъ изъ капыджи-баши высочайшаго двора, тогдашнимъ адрианопольскимъ бустанджи-баши, ему былъ присланъ въ видѣ поднесенія египетскій конь въ сбруѣ, съ коралловою и серебряною гарнитурою и съ превосходнымъ чапракомъ. Когда конь этотъ прибылъ, при ханѣ находился одинъ фигляръ изъ цыганъ, по имени Кайвараси. Онъ попросилъ упомянутаго коня, и ханъ подарилъ ему его¹⁾.

Раньше того въ Сборникѣ приводится нѣсколько фактовъ дѣятельнаго вмѣшательства Крымъ-Герая въ разныхъ случаяхъ явнаго злоупотребленія имѣющихъ власть людей и притѣсненія ими обывателей²⁾. Въ другомъ мѣстѣ антуражъ Крымъ-Герая по пестротѣ и многолюдству его сравненъ съ ковчегомъ Ноя, и тутъ же перечислены случаи протекціи, оказанной этимъ ханомъ множеству лицъ, получившихъ чрезъ него разныя выгодныя служебныя должности отъ Порты, которая уважала его ходатайства³⁾, хотя въ то же время, вѣроятно, и побаивалась его. Последнее отчасти явствуетъ изъ того, что Порта считала главнымъ виновникомъ бѣдъ, которымъ подвергалось народонаселеніе отъ тяжкихъ налоговъ при Крымъ-Гераѣ, его капыджи-баши Абди-агу, извѣстнаго подъ про-

¹⁾ Мой Сборникъ, 98—100.

²⁾ Ibidem, 91—93.

³⁾ Ibidem, 104.

званіемъ «Тютюнджю Хасапъ-наши» (т. е. Табакохранителя Хасанъ-наши), бывшего тогда амбарнымъ смотрителемъ—*Анбаръ эмини*—въ Исакии, но не рѣшалась трогать этого злодѣя-чиновника, пока его патронъ былъ на своемъ мѣстѣ. Когда же Крымъ-Герай былъ отрѣшенъ и сосланъ, то и Абди-агу посадили въ Еди-Куллэ и тамъ отрубили ему голову¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ видимъ повтореніе приѣма, употребленнаго Портою прежде съ любимцемъ другого, тоже пользовавшагося извѣстнымъ престижемъ, хана Менглы-Герая II, у котораго также былъ фаворитъ Мустафа-ага, извѣстный подъ прозвищемъ «Наъати Дамади» за свое музыкальное искусство. Этотъ приближенный хана тоже былъ непріятель тогдашнему верховному везиру Егень-Мухаммедъ-нашъ; но его однако же не трогали при жизни хана; а какъ только Менглы-Герай-ханъ умеръ въ 1152=1740 году, такъ сейчасъ же и его вліятельнаго любимца сослали на о—въ Митилепу и тамъ заключили его въ крѣпость²⁾.

Вмѣсто Крымъ-Герая былъ назначенъ Селимъ-Герай III (1178—1180 = 1764—1767), сынъ Фэтхъ-Герай-хана II (1736—1737), бывший калгою въ первое царствованіе Арсланъ-Герай-хана, воспитанъ за свои добродѣтели знавшимъ его лично авторомъ Краткой Исторіи³⁾ и проживавшій послѣ оставленія имъ званія калги все время въ деревнѣ Чакыллы въ Визскомъ округѣ⁴⁾. Сыномъ Фэтхъ-Герая называется онъ и въ генеалогическомъ очеркѣ, переведенномъ Казимирскимъ⁵⁾. Между тѣмъ Гаммеръ дважды ошибается насчетъ личности этого хана: разъ онъ его называетъ «der vormahlige Khan der Krim, Selimgerai»⁶⁾; а въ другой разъ про него же говоритъ: «Selimgerai, der nun zum dritten Male (!?) den Polster der Chanschaft füllte»⁷⁾, очевидно смѣшавъ его съ Селимъ-Герай-ханомъ II (1743—1748), сыномъ Капланъ-Герай-хана, окончившимъ свое царствованіе и земное существованіе еще въ 1161=1748 году⁸⁾. Равнымъ образомъ едва ли можно считать основательнымъ слѣдующее замѣчаніе Гаммера по поводу того, что у Сестрен-

¹⁾ Васильевъ, I: 170; Гюльшени-меъарифъ; II: 1547.

²⁾ Субхи, 170 v.—171 г.

³⁾ Крат. Ист., 122 v. & 123 v.—125 г.

⁴⁾ Гюльбуни-хананъ, 110—111.

⁵⁾ Рук. Учеб. Отд. № 368, стр. 32; Jour. As., t. XII, p. 456.

⁶⁾ Gesch. d. Osm. R., VIII: 267.

⁷⁾ Gesch. d. Ch. d. Krim, 214.

⁸⁾ См. выше стр. 230.

цевича-Богуша преемникомъ Крымъ-Герая названъ Максудъ-Герай, а цѣлыхъ два его предшественника, Селимъ-Герай и Арсланъ-Герай, вовсе пропущены: «*der Name Mahssoud ist aus Tott entlehnt, der aber nicht den Selimgirai, sondern den Arslangirai so benennt*»¹⁾. Что Сестренцевичъ-Богушъ пропустилъ два историческихъ имени, это странно; но что будто бы Тоттъ называетъ Максудомъ Арслана, это Гаммеръ напрасно думаетъ: Тоттъ Максудомъ называетъ Максуда, ближайшаго предшественника Крымъ-Герая предъ вторичнымъ его царствованіемъ, когда у него гостилъ словоохотливый баронъ. Въ специальной Исторіи Крымскихъ хановъ Гаммеръ какъ будто хочетъ поправить свою ошибку, но тутъ же дѣлаетъ другую, впадая въ явное противорѣчіе, когда говоритъ: «*diess ist der aus den Memoiren des Baron von Tott bekannte Maksudgerai, welchen der Verfasser der Geschichte der taurischen Halbinsel ganz mit Stillschweigen übergeht*»²⁾. Безъ сомнѣнія, послѣдній упрекъ относится къ Сестренцевичу-Богушу, а насколько этотъ упрекъ основателенъ, можно видѣть изъ предыдущаго.

Одновременно съ тѣмъ, какъ капыджиляръ-кахъяси былъ посланъ арестовать Крымъ-Герая, капыджи-баши Сулейманъ-агъ поручено было представить въ Порту предназначеннаго въ преемники Селимъ-Герая III³⁾. Нашъ консулъ Никифоровъ писалъ про него, что «*новопожалованный ханъ Селимъ-Гирей изъ Романіи въ мѣстечко Каушаны прибылъ.... сентября 29 дня, а продолжитъ ли тамо время, или сюда (т. е. въ Бакчѣ-Сарай) въ скорости прибудетъ, неизвѣстно*»⁴⁾. Затѣмъ, ничего не-видя, нашъ дипломатическій агентъ уже аттестовалъ новаго хана съ хорошей стороны, а главное — не преминулъ при этомъ сказать нѣсколько жесткихъ словъ по адресу непріятнаго ему Крымъ-Герая: «*Коль скоро*», писалъ Никифоровъ, «*о лишеніи Крымъ-Герая ханства здѣсь, чрезъ публику, извѣстно учинилось, такъ всѣ народы за приключенныя неисчислимыя обиды и разоренія и небывалыя тягости съ проклятіемъ поносить его начали; нововозведеннаго-жъ Селимъ-Гирея по довольному объ немъ знанію похваляютъ, что онъ добрыхъ качествъ человѣкъ*»⁵⁾. Между тѣмъ расхваленный имъ ханъ оказался рьянымъ противникомъ пребыванія его

¹⁾ Gesch. d. Osm. R., VIII : 267, примѣч. f.

²⁾ Gesch. d. Ch. d. Krim, 216.

³⁾ Васильевъ, I : 170.

⁴⁾ Зап. Од. Общ., I : 376.

⁵⁾ Ibidem.

въ Бакчэ-Сараѣ. По вопросу объ удаленіи русскаго резидента въ Крыму возникла цѣлая дипломатическая переписка, въ которой представленіе ханское имѣло первенствующее значеніе, ибо на немъ Порты основывала свой отказъ въ допущеніи новаго консула въ Крымъ на мѣсто неудачнаго Никифорова ¹⁾. Вотъ содержаніе этого любопытнаго документа. «*Представленіе Крымскаго хана по дѣлу о консулѣ*. Въ прибывшей на этотъ разъ мудрой грамотѣ ихъ (т. е. хана) содержится слѣдующее. Сдѣлано освѣдомленіе насчетъ того, чтобы обсудить назначеніе со стороны Россіи консула внутри Крыма и пребываніе его тамъ, съ тѣмъ, что если въ этомъ нѣтъ худа, то бы указать на это. Въ эту пору отъ кіевскаго генерала прибылъ ко мнѣ посолъ. Во время разговоровъ онъ ввернулъ также слово о назначеніи консула. При моемъ предшественникѣ (я сказалъ) вопреки обычаю, былъ назначенъ консулъ. А такъ какъ взыскиваемые вами теперь убытки есть дѣло, случившееся въ то время, то что хорошаго вышло изъ нахожденія консула? Когда, слава Богу, въ падишаховой Державѣ ханскій тронъ назначенъ былъ намъ, то по прибытіи нашемъ въ Буджакъ къ намъ поступили отъ жителей Крыма челобитныя. Въ нихъ говорилось, что съ древнихъ временъ и до сей поры внутри нашего государства не было назначаемо консула со стороны державы россійской, и обычая такого не было. Съ назначеніемъ же его въ царствованіе вашего предшественника, во время его пребыванія внутри нашего государства имъ совершены противныя условіямъ мирныхъ отношеній и непристойныя поступки. Терпѣть долѣе нѣтъ возможности. И вотъ всѣ какъ есть жители страны отозвались, говоря: «мы этого не принимаемъ» и просили объ удаленіи его. Поступившій ихъ рапортъ еще при покойномъ бывшемъ садразамѣ Мустафашъ былъ отосланъ въ Счастливую Порту. Тогда дѣло обошлось тѣмъ, что, по приказу Высокой Державы, данъ былъ отзывъ на предъявленную со стороны Россіи статью. Мало того: когда вашъ покорный слуга былъ приглашенъ въ Порту, то мы обсуждали этотъ вопросъ съ вашимъ высокостепенствомъ (т. е. верховнымъ везиремъ, надо полагать) и реису-ль-кюттабомъ-эфенди. Затѣмъ, когда я удостоился высочайшей аудіенціи, то и въ ихъ блистательномъ цесарскомъ присутствіи было упомянуто объ этомъ какъ слѣдовало. Его величество присутствовалъ въ засѣданіи, когда вашъ покорный слуга сталъ излагать обстоятельства дѣла. До вашего везирскаго слуха дошло, конечно, что было дано

¹⁾ Соловьевъ, XXVII: 209--210.

знать чистѣйшею рѣчью его величества государя. А такъ какъ противное высочайшей рѣчи повело бы къ нелѣпости, то думается, что вы соизволите счесть подобающимъ и цѣлесообразнымъ отзывъ въ смыслѣ точнаго исполненія высочайшаго повелѣнія» ¹⁾).

Этимъ документомъ совершенно подтверждается все то, что извѣстно изъ другихъ источниковъ по вопросу о русскомъ консулѣ въ Крыму. Изъ донесенія Обрѣзкова также видно, что главною помѣхою къ исполненію желанія русскаго правительства имѣть консула въ Крыму было сопротивленіе бакчѣ-сарайскаго населенія, и главнымъ образомъ духовенства, какъ вожатаго класса. При этомъ Порты представляла, что она не въ состояніи принудить хана, который самовластный господинъ во внутреннихъ дѣлахъ; да еслибъ и рѣшилась принудить, то изъ этого проку не вышло бы, такъ какъ крымцы нашли бы способы подкупаться и подъ новаго консула ²⁾. Что же касается до упоминанія въ документѣ о взысканіи какихъ-то убытковъ, предъявленномъ русскими властями къ хану, то смыслъ его объясняется соотношеніемъ этого документа съ предыдущимъ, содержащимъ въ себѣ резюмѣ представленія, сдѣланнаго русскимъ резидентомъ въ Порту. Статья эта носитъ такое длинное заглавіе: «Представленіе русскаго старосты, сдѣланное имъ для того, чтобы, пока еще русскіе не успѣли подчинить себѣ насиліемъ и разными хитростями жителей Кубани, пославъ туда тысячу человѣкъ изъ козаковъ и калмыковъ, въ случаѣ если бы со стороны Крымскаго хана обстоятельство это было написано въ Высочую Порту, заставить не обращать на это вниманія и, подорвавъ кредитъ хановъ, тѣмъ легче осуществить свои окаянства» ³⁾. Въ этомъ-то представленіи и говорится, что «когда въ октябрѣ 1763 года толпа кубанскихъ татаръ вторглась въ русскіе предѣлы и, повстрѣчавъ торговый караванъ, отправлявшійся изъ Астрахани въ Кызларъ, напала на него и пограбила товару на сумму 7500 гурушей ⁴⁾, то и со стороны коменданта Кызларской крѣпости припесена была жалоба кубанскому сераскѣру, а бывшимъ въ Крыму консуломъ подобная претензія была предъявлена *какъ преждему хану, такъ и нынѣшнему*. Негодяи были обнаружены и сами сознались въ томъ, въ чемъ ихъ обвиняли. Однако же

¹⁾ Мой Сборникъ, 82—83.

²⁾ Соловьевъ, XXVII: 209.

³⁾ Мой Сборникъ, 77—78.

⁴⁾ Гурушъ по тогдашней стоимости турецкой монеты стоилъ дороже нынѣшняго піастра, называемаго у турковъ также «гурушъ» (Jour. As., Loco citato).

сколько разъ ни было требуемо возмѣщеніе причиненнаго ими ущерба, ничего не удалось получить. Мало того: такъ какъ виновные не были надлежащимъ образомъ наказаны, то дерзость ихъ въ совершеніи подобныхъ злодѣйствъ еще увеличилась: на слѣдующій годъ опять въ октябрѣ же мѣсяцѣ толпа упомянутыхъ татаръ, добравшись до р. Терека, угнала у русскихъ 300 головъ скота» и т. д.¹⁾

Съ другой стороны, такъ какъ взыскъ предъявленъ былъ хану посланцомъ отъ кievскаго генераль-губернатора, то въ данномъ случаѣ, можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть какія-нибудь претензіи запорожцевъ на порубку татарами лѣсовъ въ ихъ дачахъ и приближеніе своихъ поселеній къ русскимъ границамъ²⁾. Вообще надо замѣтить, что въ эту пору между козаками и татарами постоянныя происходили псудовольствія, чаще всего по причинѣ угона одними у другихъ скота, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ множество документовъ этой эпохи, переполненныхъ безконечными взаимными жалобами и кляузами у козаковъ съ сосѣдними татарами³⁾.

Въ томъ же вышеупомянутомъ документѣ Селимъ-Герай-ханъ III еще говоритъ о своей поѣздкѣ въ Стамбуль, которая имѣла мѣсто въ мухарремѣ 1179 = въ іюнѣ-іюлѣ 1765 года. Ханъ пріѣхалъ съ двумя сыновьями и большою свитою Ширинскихъ мурзъ. Всю эту татарскую араву пужно было угостить, надѣлать шубами и другими принятыми въ Портѣ подарками и, ублагодаривъ, торжественно выпроводить восвояси⁴⁾. Эта поѣздка совпадаетъ съ моментомъ наибольшихъ дипломатическихъ затрудненій, въ которыя была поставлена Порта вопросомъ объ избраніи въ польскіе короли Станислава Понятовскаго, будучи со всѣхъ сторонъ подстрекаема къ дѣятельному вмѣшательству въ запутанныя международныя отношенія, созданныя этимъ вопросомъ⁵⁾. Оказывается, что и Крымскій ханъ не былъ безучастенъ въ этомъ вопросѣ; только то, что нашимъ почтеннымъ историкомъ приписывается Крымъ-Герай-хану, надо отнести къ Селимъ-Герай-хану. «Главнымъ союзникомъ Австріи и Франціи въ Константинополѣ», читаемъ мы у Соловь-

¹⁾ Мой Сборникъ, 78—79.

²⁾ Соловьевъ, XXVII: 210.

³⁾ Образчики такихъ кляузныхъ бумагъ имѣются, между прочимъ, въ большомъ сборникѣ, принадлежащемъ Библиотекѣ Имп. Спб. Универ. и значащемся подъ № 492 каталога восточныхъ рукописей.

⁴⁾ Василь, I: 174—175; Гюльшени-меъарифъ, II: 1549.

⁵⁾ Соловьевъ, XXVI: 163, 182—189.

ева, «былъ Крымскій ханъ Крымъ-Гирей. Въ апрѣлѣ ему удалось сильно раздражить султана противъ Россіи, а австрійскій интерпунцій Пепклеръ, узнавъ объ этомъ раздраженіи, тотчасъ предложилъ возобновленіе Бѣлградскаго договора между Австріею и Турціею» ¹⁾. Рѣчь идетъ о событіяхъ 1765 года, а уже въ сентябрѣ 1764 года, какъ мы видѣли выше, Крымъ-Герай-ханъ былъ отрѣшенъ и отправленъ въ ссылку; слѣдовательно разжигательствомъ Порты противъ Россіи, особенно давшимъ себя почувствовать въ апрѣлѣ 1765 года, занимался Селимъ-Герай-ханъ III, который впрочемъ явился лишь продолжателемъ политики своего предшественника, тоже не благоволившаго къ Россіи и строившаго ей разныя каверзы.

Между тѣмъ дипломаты разныхъ европейскихъ дворовъ, избравшіе Порту ареною своего соперничества, не давали ей покоя, толкая ее въ тотъ омутъ, изъ котораго она потомъ не могла выбраться цѣлою и невредимою. Больше всѣхъ поработали тутъ французы и польскіе эмиссары. Они втянули Порту, подъ предлогомъ огражденія независимости Польши, въ войну съ Россіею, окончившуюся новыми политическими комбинаціями, создавшими условія, благопріятныя къ уничтоженію самостоятельнаго существованія Крымскаго ханства и къ подпаденію его подъ власть Россіи. Наступила эпоха, въ которой проявилась военная и дипломатическая мощь Россіи, и обнаружилась окончательная несостоятельность Турціи во всѣхъ отношеніяхъ. Эта эпоха прекрасно, съ знаніемъ дѣла, съ большимъ юморомъ и яркими красками изображена однимъ современнымъ туркомъ, игравшимъ тогда видную роль въ отоманской бюрократіи, Ресми-Ахмедомъ-эфенди Гириди въ его сочиненіи «*Хулясату-ль-изтибаръ*», переведенномъ на русскій языкъ Сенковскимъ подъ заглавіемъ «Сокъ достопримѣчательнаго». И лица, и событія—все у него очерчено кратко, но мѣтко и согласно съ прочими историческими данными, которыя, кстати сказать, возрастаютъ въ количествѣ по мѣрѣ приближенія къ нашему времени. Турки поняли свою крупную политическую ошибку, да уже было поздно.

Вотъ какъ характеризуетъ ничтожныя причины, породившія крупныя слѣдствія, турецкій историкъ Васыфъ-эфенди, очевидецъ и даже участникъ къ роковой борьбѣ Порты съ Россіею. Описавъ смутное состояніе Польши, раздираемой несогласіемъ двухъ враждебныхъ партій, возникшихъ по случаю избранія новаго короля, Васыфъ продолжаетъ

¹⁾ Соловьевъ, XXVI: 182—183.

такъ: «Питавшая вражду къ московцамъ партія прибѣгла съ жалобою къ Высокой Державѣ, и одинъ изъ аристократическихъ ляховъ, Потоцкій, сдѣлалъ такого рода намекъ, что, молъ, если господство московцевъ будетъ свергнуто, и собранныя ими для этого войска будутъ удалены, такъ что всякія связи съ ними будутъ прерваны, то самое лучшее изъ ляхскихъ владѣній; Подольская провинція со всеми принадлежащими къ ней мѣстностями будетъ съ полнымъ удовольствіемъ уступлена Высокой Державѣ. А тогдашніе государственные мужи полагали, что это важное дѣло весьма легко и просто обдѣлать и, словомъ и дѣломъ занявшись изысканіемъ средствъ къ изгнанію московцевъ изъ Польши, затѣяли весьма опасное предпріятіе, результатъ котораго былъ неизвѣстенъ. Съ другой стороны, французы, изъ собственныхъ утилитарныхъ видовъ, также подстрекали Высокую Державу къ войнѣ и вытянули языкъ порицанія и компрометированія противъ державъ, предостерегавшихъ ее отъ этого. Что же касается москововъ, то они тѣмъ, которые заранѣе обсуждали и взвѣшивали ихъ дѣйствія по существу ихъ, давали уклончивые отвѣты. Съ обѣихъ сторонъ пошли разговоры, и наконецъ война стала неизбежна. Между тѣмъ нѣкоторые такъ разсуждали, и тогдашній верховный везиръ поддерживалъ ихъ въ этомъ: «Развѣ московцы станутъ изъ-за этого воевать? Войско Высокой Державы дойдетъ-ли не дойдетъ-ли до Адрианополя, самое большее до береговъ Дуная, какъ они очистятъ Польшу. Если Высокая Держава и понесетъ какія-нибудь издержки, такъ вѣдь зато получитъ въ свое владѣніе такую богатую провинцію, какъ Подолія!» Обѣ стороны стали обвинять другъ друга въ нарушеніи договора, и такимъ образомъ рѣшились начать войну¹⁾. Такимъ образомъ польскія дѣла повели къ войнѣ, въ которую вмѣшались крымскіе татары; а это вмѣшательство подало поводъ Россіи, при благопріятномъ для нея исходѣ войны, выдвинуть на первый планъ вопросъ о существованіи Крымскаго ханства, судьба котораго также вскорѣ окончательно рѣшена была отторженіемъ его отъ непосредственной зависимости отъ Порты, а затѣмъ переходомъ въ власть Россіи.

Другой публицистъ турецкій, Ресми-Ахмедъ-эфенди, согласно съ Васыфомъ, главную причину столкновенія Порты съ Россіею тоже видитъ въ польскихъ смутахъ, но совершенно умалчиваетъ объ интригахъ европейскихъ державъ. Затѣмъ все свое вниманіе

¹⁾ Васыфъ, II: 4.

сосредоточиваетъ на безсмыслии турецкихъ политиковъ въ этомъ столкновеніи и на поведеніи крымскихъ татаръ, въ которыхъ онъ видитъ главныхъ виновниковъ бѣдъ, обрушившихся на голову какъ Порты, такъ и ихъ самихъ. «Когда судьбѣ наступитъ время», разсуждаетъ Ахмедъ-эфенди, «осуществить какое-либо свое предопредѣленіе, то она находитъ къ этому средства тамъ, гдѣ и въ голову не придетъ. На основаніи этого, въ ту пору какъ упомянутое злосчастное войско (русское) вступило въ предѣлы ляховъ, мубаширъ (чиновникъ особыхъ порученій) отправился для представленія Крымъ-Герая къ Порогу Счастія. Такъ какъ въ предположеніи, что онъ будетъ сопротивляться, понадобилось назначить въ Очаковъ румилійскаго губернатора, то на границахъ распространилась молва, что будто бы у Высокой Державы будетъ война съ московомъ; что татарское войско готово наводнить и опустошить ляхское государство. И пошла суматоха по тѣмъ мѣстностямъ. Говорили, что москеры, наполнивъ Польшу войсками послѣ назначенія короля, имѣютъ цѣлью переступить границы Высокой Державы. Слухи эти усилились; письменныя донесенія о событіяхъ слѣдовали одни за другими, и поневолѣ понадобилось войти въ переговоры съ Апрышкинымъ (Обрѣзковымъ), старостою московскаго двора при Порогѣ Счастія¹⁾. Слѣдовательно, случайное совпаденіе отставки черезчуръ

¹⁾ Хулясату-ль-иътибаръ, Констант. изд. 1286=1869—1870 гг., стр. 6—7. — Переводъ Сенковского, рассчитанный на эффектъ стиля и основанный, какъ видно, на правилѣ «для краснаго словца не жалѣть и родного отца», иногда ужь слишкомъ расходится со смысломъ турецкаго текста. Такъ и здѣсь, напримѣръ, вышеприведенное мѣсто г. Сенковский передаетъ слѣдующимъ образомъ: «Вотъ почему, едва это злополучное войско вступило въ предѣлы ляховъ, Крымъ-Гирей вздумалъ поскорѣе отправить гонца къ Порогу Счастія, съ представленіемъ, что Москва нарушаетъ дѣловыя, и тутъ же случилось, что румилійскому намѣстнику поручили завѣдываніе Очаковомъ. Это подало поводъ къ общей молвѣ въ пограничныхъ областяхъ» и т. д. (Собраніе сочиненій, Спб. 1859, т. VI: 242). Далѣе переименованія слѣдуютъ все въ такомъ же произвольномъ видѣ: интересующіеся могутъ убѣдиться въ этомъ сами при сличеніи перевода съ турецкимъ подлинникомъ. Приведенное же мѣсто слишкомъ уже рѣжетъ глазъ своею неточностью, а главное тѣмъ, что лишаетъ сообщаемый тутъ историческій фактъ смысла, который хотѣлъ придать ему Ресми-Ахмедъ-эфенди. Положимъ, правда и то, что Крымъ-Герай тревожилъ Порту своими донесеніями о дѣйствіяхъ Россіи (Соловьевъ, XXVI: 90); но совпаденіе этого обстоятельства съ назначеніемъ въ Очаковъ румилійскаго вали не представляетъ ничего такого, чтобы могло произвести сенсацию въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Между тѣмъ мѣры предосторожности, которыми сопровождалось отрѣшеніе Крымъ-Герая, случившееся одновременно съ избраніемъ Станислава Понятовскаго, опиравшагося на русскія военныя силы, въ короли польскіе (Zinkeisen, Gesch. d. Osm. R., V: 905; Соловьевъ, XXVI:

горячаго и безпокойнаго Крымъ-Герая осенью 1764 года, сопровождавшесся передвиженіемъ пограничныхъ военныхъ отрядовъ, со введеніемъ русскихъ войскъ въ Польшу для поддержки новонзбраннаго короля заронило первую искру, которая потомъ превратилась въ пожаръ, испепелившій Порту въ безплодной борѣбѣ съ Россією.

«Эти переговоры», продолжаетъ Ресми-Ахмедъ-эфенди, «затянулись и, по обыкновенію, обострились въ досадную распрю. Разговоры, сопровождаея соотвѣтственно заносчивостью и въ то же время безпечностью и взаимнымъ мороченіемъ, длились три-четыре года; а между тѣмъ военные возгласы все сильнѣе и сильнѣе раздавались; говорилось: «Московцы вступленіемъ въ Польское государство нарушаютъ договоръ! Надо возстать противъ нихъ. Такъ какъ мы, ничтожному, въ тѣ поры суждено было въ качествѣ посла проѣзжать Польшею въ страну Брандабургскую, то мы и извѣстны всѣ эти обстоятельства; это не такія дѣла, которыя можно узнать изъ лѣтописей»¹⁾.

Послѣднее замѣчаніе нѣсколько преувеличено: въ тѣхъ же лѣтописяхъ мы находимъ указаніе такихъ важныхъ причинъ войны Турціи съ Россією, о которыхъ почему-то умалчиваетъ Ресми-Ахмедъ-эфенди, какъ, напр., подстрекательство французской дипломатіи. Происки Потоцкаго, съ такою иронією изображенные у Ресми, не ускользнули отъ вниманія и офиціального историка Васыфа, какъ мы видѣли. Зато поведеніе крымскихъ татаръ въ этотъ роковой для нихъ періодъ времени съ 1769 по 1783 годъ, въ самомъ дѣлѣ, представлено у Ресми-Ахмеда-эфенди съ надлежащею полнотою и ясностью, которой недостаетъ офиціальнымъ лѣтописямъ. Въ этихъ послѣднихъ кратко, даже безъ мотивовъ, сообщается, что «назначенный передъ этимъ Крымскій ханъ Седимъ-Герай-ханъ оказался неспособенъ дѣйствовать согласно видамъ Державы, и потому состоялась высочайшая воля о его отставкѣ и назначеніи на ханскій престолъ прежняго Крымскаго хана Арсланъ-Герая, 13 шевваля 1180 = 14 марта 1767 года»²⁾. Но старикъ съ трудомъ

91—95), въ самомъ дѣлѣ могло породить въ населеніи ложные слухи о предстоящей войнѣ: и Крымъ-Герай для своей безопасности стянулъ неподалеку отъ Очакова около 5000 ногойцевъ (Зап. Одес. Общ., I: 376), да и у турковъ на всякій случай было въ запасѣ около Бендеръ, Очакова и Каушанъ немалое число войскъ, которыя, какъ только низверженіе хана состоялось благополучно, «выступя изъ лагерей, пошли за рѣку Дунай въ свои жилища» (Ibidem, 378).

¹⁾ Хулясату-ль-іътибаръ, 8; Сенковскій, VI: 244.

²⁾ Васыфъ, I: 185; Фераизи-задэ, II: 1553; Гюльбунн-хананъ, 104, 111.

добрался до Каушанъ и въ мухарремѣ слѣдующаго 1181=въ іюнѣ 1767 года умеръ¹⁾. На ханство возведенъ Максудъ-Герай-ханъ, сынъ Селямэтъ-Герая, проживавшій въ своемъ чифтликѣ Фундуклу.²⁾

Непродолжительное царствованіе Максудъ-Герай-хана I (1181—1182=1767—1768) столь мало было замѣтно, что историки турецкіе даже забыли записать о его назначеніи, а упоминаютъ только о его смѣнѣ, и то въ такихъ короткихъ словахъ: «Такъ какъ изъ образа дѣйствій упомянутаго (Максудъ-Герая) обнаружилась его вялость, слабость и неспособность, по требованію обстоятельствъ, показать себя въ войнѣ, то онъ былъ отрѣшенъ и отосланъ въ свой чифтликъ, находящійся въ Фундуклу»³⁾.

Гдѣ нѣтъ опредѣленной устойчивой системы въ управленіи, тамъ трудно услѣдить за мотивами тѣхъ или другихъ распоряженій, тѣхъ или другихъ переменъ въ личномъ составѣ правительственныхъ лицъ. Сидѣвшій съ 1757 года на османскомъ тронѣ султанъ Мустафа III (1757—1773) самъ по себѣ былъ человѣкъ нехудой и съ добрыми намѣреніями, судя по отзывамъ о немъ современниковъ; но общая застарѣлая безурядица въ правительственномъ механизмѣ усложнилась бессмысленными вождельніями нѣкоторыхъ мечтательныхъ политиковъ Порты подъ вліяніемъ хитрыхъ европейскихъ дипломатовъ и происковъ польскихъ эмиссаровъ. Благоразумные люди, какъ верховный везиръ Мухсинъ-задэ-Мухаммедъ-паша, были отрѣснены такими пустыми сумасбродами, какъ Гамзэ-паша и ему подобные. Назначенія дѣлались наугадъ, на пробу; одни лица потерпѣливо смѣнялись другими; воцарилась полная безурядица, и финалъ легкомысленно затѣянной комедіи былъ весьма печальный, именно таковъ, какой пророчили люди смышленные и глядѣвшіе нѣсколько впередъ, какъ шейху-ль-исламъ Дурри-задэ-эфенди. А такъ какъ во время войны непоследнее значеніе имѣли и Крымскіе ханы, то и ихъ теперь подъ горячую руку мѣняли одного за другимъ, пока опять не обратились къ Крымъ-Герая, хотя и не особенно пріятному для Порты, но слывшему за человѣка дѣльнаго и умнаго и рьянаго ненавистника русскихъ.

¹⁾ Гюльбуні-хананъ, 105.

²⁾ Ibidem, 113.

³⁾ Васыфъ, I: 205; Фераизи-задэ, II: 1563.

VI.

Поведеніе барона де-Тотта въ Крыму и балагурство его мемуаровъ. — Личность Крымъ-Герая I и смерть его. — Ничтожество Девлетъ-Герая IV. — Разногласіе отзывовъ о Капланъ-Герая-ханѣ II. — Пестроеніе османской арміи и пораженія турковъ и татаръ отъ русскихъ. — Военные успѣхи Капланъ-Герая. — Планъ императрицы Екатерины II о высвобожденіи Крымскаго ханства изъ-подъ турецкаго вѣрховенства. — Смѣна Капланъ-Герая Селимъ-Герая-ханомъ III.

При Максудъ-Гераѣ и во второе ханствованіе Крымъ-Герая I имѣлъ пребываніе въ Крыму баронъ де-Тоттъ въ качествѣ французскаго консула. Мемуары его пользуются извѣстностью и цитуются всюду заурядъ съ другими достовѣрными источниками историческихъ свѣдѣній. Г. Говордзѣ цѣлыхъ двѣ своихъ статьи о Максудъ-Гераѣ и Крымъ-Гераѣ наполнилъ пространнымъ извлеченіемъ изъ этихъ будто бы «interesting notices» барона де-Тотта¹⁾. Между тѣмъ, по правдѣ сказать, ни одно сочиненіе не производитъ такого безотрад-наго впечатлѣнія, своею высокопарностью, авторскимъ самомнѣніемъ, вздорностью содержа-нія, обиліемъ самопротиворѣчій, какъ мемуары этого французскаго дипломата, проявляю-щаго въ нихъ развязность, не рѣдко доходящую до хлыщеватости и какъ будто составляю-щую отличительную черту характера самого автора этихъ мемуаровъ. Прочтавъ длин-ную заносчивую лекцію о томъ, какъ надо изучать бытъ и права чуждыхъ намъ народовъ, онъ отвергаетъ всякую достовѣрность и полезность наблюденій, сдѣланныхъ прежними путеше-ственниками, и возлагаетъ все свое упованіе на свою самодѣтельность, которая должна была начаться съ изученія турецкаго языка²⁾. Распространившись потомъ о не-обыкновенныхъ трудностяхъ изученія этого языка, которыхъ хватить на цѣлую жизнь, баронъ однако же съ невообразимою быстротою нахватался знаній въ языкѣ, которыя, говоритъ онъ, «me mirent en peu de temps en etat de m'expliquer passablement³⁾. Бывши за панибрата, по его словамъ, съ Крымскими ханами, у которыхъ онъ впрочемъ *цѣло-валъ руки*⁴⁾, онъ однако же не научился писать ихъ титулъ иначе, какъ *le Kam* — наилучшая аттестація его познаній въ турецкомъ языкѣ. Всюду выставивъ свою соб-

¹⁾ Op. cit., 586—593.

²⁾ Mémoires de baron de-Tott, Maestricht, 1785, I, p.p. XIX, XX, 7.

³⁾ Ibidem, 9.

⁴⁾ Mémoires, t. II, p. 119.

ственную персону, Тоттъ съ явною хвастливостью приводитъ даже такія шутки, отпускавшіяся на его счетъ: Крымъ-Гераемъ, какъ, напримѣръ, замѣчаніе, что «Tott est le seul qui, sans armes, ose venir à la guerre, il n'a pas même un couteau» ¹⁾. Превознося умъ, образованность, справедливость и политическую мудрость Крымъ-Герая до сравненія его съ Монтескьё ²⁾, Тоттъ при этомъ рассказываетъ не особенно лестный анекдотъ о томъ, какъ исканіе однимъ ногайцемъ правосудія у хана сдѣлано было предметомъ шутовской комедіи, главную роль въ которой игралъ опять-таки баронъ, принятый несчастнымъ ногайцемъ, по недоразумѣнію, за хана ³⁾. Поэтому все, что сообщается Тоттомъ, требуетъ самой тщательной провѣрки и сличенія съ другими данными. Куда большаго довѣрія заслуживаютъ по части свѣдѣній о туркахъ и татарахъ такіе почтенные труды, какъ путешествіе де-ля-Мотрея ⁴⁾ или какъ «Traité sur le commerce de la Mer Noire» Пейсонеля! Послѣднему принадлежитъ еще и та честь, что онъ сдѣлалъ достодожную оцѣнку мемуаровъ Тотта въ особой брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Observations critiques sur les mémoires de M. le Baron de Tott» (Amsterdam, 1785), гдѣ онъ съ безпощадною очевидностью выставилъ всю вздорность сочинительства своего соотечественника-авантюриста.

Разсказавъ про свои бесѣды и поѣздки на охоту съ Максудъ-Гераемъ, Тоттъ подмѣтилъ въ этомъ ханѣ одну только характерную черту — жадность, и для иллюстраціи ея приводитъ случай съ Якубъ-агою, гдѣ самъ онъ, Тоттъ, также выступаетъ въ благородной роли заступника и покровителя несчастнаго Якуба, который бы иначе непременно погибъ.

«Якубъ-ага, начальникъ и главный таможенный чиновникъ Балты», читаемъ въ мемуарахъ, «чуть-чуть не сдѣлался жертвою ея (жадности Максудъ-Герая). Лишенный своей должности и своего достоянія, заключенный въ оковахъ въ тюрьму, онъ рисковалъ потерять еще и голову, не смотря на всѣ старанія своей покровительницы (принцессы, 70-лѣтней старухи, осчастливившей барона презентованіемъ ему собственноручно вышитой узорами цвѣтной рубашки и «de tout ce qui appartient au deshabillé le plus magnifique et

¹⁾ Ibidem, 147.

²⁾ Ibidem, 103 & 139.

³⁾ Ibidem, 160.

⁴⁾ A. de la Motryye's travels. London, 1832.

le plus complet»): миѣ показалося весьма важнымъ похлопотать о спасеніи и поддержкѣ этого человѣка, которому Франція всегда имѣла поводъ считать себя обязанной¹⁾.

Баронъ говоритъ тутъ, да не договариваетъ. Дѣло въ томъ, что моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ самый критическій въ вопросѣ о войнѣ между Турціею и Россіею. Донесеніемъ отъ 7-го іюля 1768 года Обрѣзковъ увѣдомляетъ русское правительство о сообщеніи Порты, что значительный козацкій отрядъ, преслѣдуя польскихъ мятежниковъ, вѣхалъ въ Балту, село, принадлежащее Крымскому хану и находящееся на самой польской границѣ, причемъ козаки, истребляя конфедератовъ, убили нѣсколько татаръ, молдаванъ и турковъ²⁾. Этому разбойничьему набѣгу козаковъ приданъ былъ характеръ вызова со стороны Россіи, и онъ послужилъ ближайшимъ фактическимъ мотивомъ къ открытію военныхъ дѣйствій³⁾. Въ дѣйствительности происшествіе въ Балтѣ имѣло чисто частный характеръ стычки христіанъ съ мусульманами и жидами, безъ всякой политической подкладки⁴⁾.

Что же оказывается? всю эту исторію раздулъ не кто иной, какъ баронъ Тоттъ, который подкупилъ балтскаго начальника Якуба послать ложное донесеніе въ Порту, какъ это открылось изъ перехваченной депеши Тотта герцогу Шуазёлю⁵⁾. Вотъ въ чемъ, вѣроятно, надо искать причину немилости Максудъ-Герая къ Якубъ-агѣ, а не въ жадности послѣдняго; вотъ гдѣ причина и такого заступничества барона за Якубъ-агу, а не въ его великодушіи; вотъ гдѣ, наконецъ, разгадка темнаго намека Тотта на какія-то услуги Якуба-аги Франціи — намекъ, подтверждающаго вмѣстѣ съ тѣмъ и участіе французскаго эмиссара въ созданіи casus belli, причинившей столько бѣдъ Турціи и приготовившей окончательное паденіе Крымскаго ханства.

Распространяясь о разныхъ пустякахъ, баронъ де-Тоттъ лишь вскользь касается факта смѣны Максудъ-Герай-хана и обстоятельствъ, которыми она сопровождалась, а между тѣмъ въ высшей степени любопытно было бы знать отъ очевидцевъ, какъ совершался актъ такой крупной важности, какъ сверженіе правителя цѣлой страны. «Газеты

1) Mémoires, I: 84.

2) Соловьевъ, XXVI: 300—301.

3) Ibidem, 311 & 313; Zinkeisen, Op. cit., V: 910—911; Василь, I: 205; Мой Сборникъ, 100—101.

4) Соловьевъ, XXVII: 311—312.

5) Ibidem, 312—313.

много толковали», читаемъ мы въ его мемуарахъ, «о смутахъ, волновавшихъ въ это время Польшу, и о распряхъ между Портой и Россіею. Максудъ-Герай находился въ самомъ жупелѣ этого пожара, принужденный играть тутъ важную роль; онъ опасался послѣдствій для себя, видѣлъ въ Крымъ-Герая своего преемника и не ошибался ни въ одномъ изъ своихъ предположеній. Но балтское событіе внушило султану рѣшимость развернуть знамя Мухаммеда; русскій министръ былъ отведенъ въ Семибашенный замокъ, а Крымъ-Герай, вновь возведенный на тронъ татарскій, былъ призванъ въ Константинополь для совѣщанія съ его величествомъ о первоначальныхъ военныхъ операціяхъ. Эти новости пришли въ Бакчэ-Сарай съ извѣстіемъ о низложеніи Максуда. Тотъ же курьеръ привезъ распоряженіе новаго хана о назначеніи каиммакама»¹⁾).

Изъ этихъ краткихъ намековъ Тотта выходитъ, что Максудъ-Герай игралъ какую-то роль въ международныхъ отношеніяхъ Порты съ Россіею. Вѣроятно, онъ былъ противъ войны. Оттого-то про него турецкіе историки и замѣчаютъ, что онъ былъ отставленъ по причинѣ отсутствія въ немъ воинственнаго духа. Но баронъ Тоттъ не пошелъ дальше намековъ. Зато онъ очень охотно потомъ описываетъ свои хлопоты по приготовленію ужина для новаго хана въ Каушанахъ, куда баронъ отправился встрѣчать его²⁾).

Крымъ-Герай-хана (1182=1768—1769) очень чествовали при вторичномъ его назначеніи ханомъ: его угощали, осыпали подарками; а султанъ велъ съ нимъ бесѣды насчетъ предстоящей кампаніи³⁾. Аудіенція ему и облаченіе его въ ханскіе доспѣхи состоялось 7-го джемазіу-ль-ахыра 1182=19 октября 1768 года. Тутъ же обнаружилось и умственное разстройство новаго верховнаго везира Гамзэ-паши, который на другой день былъ сосланъ въ Галиполи и замѣненъ Эминъ-пашою, султанскимъ зятемъ⁴⁾).

На Крымъ-Герая возлагались великія надежды въ предстоявшей кампаніи, а потому вскорѣ послѣдовавшая смерть его составляла весьма чувствительную утрату для Оттоманской Порты при тогдашнемъ безлюдьи въ личномъ составѣ правительственной корпораціи. Ресми-Ахмедъ-эфенди, вообще не особенно щедрый на похвальные отзывы и

¹⁾ Mémoires, I: 114.

²⁾ Ibidem, 115.

³⁾ Васыфъ, I: 205; Фераизи-задэ, II: 1563.

⁴⁾ Хулясэ и Іътибаръ, 20—21; Сенковскій, Лос. cit., 254.

вчастности не слишкомъ сочувственно относившійся къ татарамъ и ихъ ханамъ, такъ однако же описываетъ Крымъ-Герая: «Крымъ-Герай былъ остальной богатырь изъ татаръ. Онъ былъ грозный человекъ, умѣвшій осуществлять свою угрозу. Татары и козаки боялись его. За тридцать дней до весенняго равноденствія находясь въ Каушанѣ, какъ только онъ узналъ о вступленіи москововъ въ ляхскіе предѣлы, тотчасъ же былъ готовъ съ татарскимъ народомъ войти въ Польшу опустошить польскія земли, и во что бы то ни стало разстроить московское полчище въ отношеніи продовольствія. По волѣ судьбы втеченіе нѣсколькихъ дней извѣстіе о его смерти подтвердилось. Если бы счастье благоприятствовало, и Крымъ-Герай въ тѣ поры вошелъ бы въ Польшу, то вправду причинилъ бы московцу великія хлопоты и навѣрное воспрепятствовалъ бы его смѣлому нападенію на Хотинъ»¹⁾. Воздавая похвалу доблестнымъ качествамъ хана, Ресми-Ахмедъ-эфенди, очевидно, не придаетъ никакого значенія тому, что уже было ханомъ сдѣлано со времени объявленія войны. По словамъ де-Тотта уже 7 января 1769 г. Крымъ-Герай тронулся съ своею многочисленною ордою изъ Каушанъ по направленію къ русской границѣ²⁾. Дѣйствительно, всѣ подвиги татаръ состояли въ опустошеніи и сожженіи попутныхъ селеній и уводѣ плѣнныхъ разныхъ половъ и возрастовъ. Занятый главнымъ образомъ своею собственною особою и амикошонскими отношеніями къ хану, баронъ де-Тоттъ не сохранилъ даже чиселъ ханскаго маршрута: вышеприведенная цыфра—7 января есть единственная даже въ описаніи цѣлой, хоть и непродолжительной, кампаніи. Но о чемъ часто и настоятельно вспоминаетъ болтливый французъ, такъ это о страшныхъ холодахъ, свирѣпствовавшихъ въ ту зиму, такъ что въ ханскомъ ополченіи и люди, и лошади массами гибли отъ стужи³⁾. Превознося строгость дисциплины, настоятельно поддерживавшуюся желѣзною волею Крымъ-Герая въ своемъ полчищѣ, и его гуманность, признакомъ которой де-Тоттъ выставляетъ отвращеніе хана отъ отрубленныхъ головъ непріятельскихъ⁴⁾, баронъ тутъ же преподробно рисуетъ картину поистинѣ варварской расправы хана съ однимъ ногойцемъ-мародеромъ⁵⁾ и процедуру дѣлежа плѣнниковъ, при

¹⁾ Хулясэ и Ытибаръ, 24; Сенковскій, *Loc. cit.*, 258.

²⁾ *Mémoires*, II: 136.

³⁾ *Ibidem*, 154.

⁴⁾ *Ibidem*, 155 & 169.

⁵⁾ *Ibidem*, 170.

чемъ на долю барона ханъ тоже отчислилъ десять красивыхъ мальчиковъ¹⁾. Трудно сказать, кто худшую роль игралъ въ этомъ дѣлѣжѣ—дикій ли татаринъ, по преданію отцовъ считавшій эту процедуру дѣломъ обыкновеннымъ, или цивилизованный французъ, подавшій своимъ нравомъ и манерами поводъ хану предполагать, что красивые мальчики составятъ весьма подходящій сюрпризъ пріятному спутнику, который былъ «*éloigné de son Harem*»²⁾.

Самый любопытный изъ всѣхъ фактовъ, сообщаемыхъ Тоттомъ, это фактъ крайняго перасположенія и недовѣрія Крымъ-Герая къ туркамъ; онъ пророчилъ, что трусость ихъ причинитъ много золь Отоманской Имперіи³⁾, и его пророчество, какъ извѣстно, вскорѣ оправдалось потомъ.

Описывая это «последнее въ нашей исторіи татарское нашествіе», покойный историкъ нашъ говоритъ, что «опустошивъ, по обычаю, земли и враговъ и друзей, крымскіе разбойники, довольные ясыремъ, ушли за Днѣпръ, и ханъ отправился въ Константинополь, повезъ султану въ подарокъ плѣнныхъ женщинъ»⁴⁾. Но тутъ не все сказано вѣрно: Крымъ-Герай больше не видалъ Константинополя. Совершивъ свой опустошительный набѣгъ, ханъ вернулся опять въ Каушанъ, куда, говоритъ Тоттъ, «мы прибыли одинаково довольные тѣмъ, что могли отдохнуть отъ трудностей кампаніи»⁵⁾. Здѣсь у нихъ проходило время «*au milieu des plaisirs dans lesquels Krim-Gueray aimait à se délasser*»⁶⁾. Баронъ умалчиваетъ объ оргіяхъ, происходившихъ у Крымъ-Герая, за страсть къ которымъ онъ и получилъ отъ своихъ соотечественниковъ прозвище «Съумасшедшій ханъ» — *Дэли ханъ*—⁷⁾. Онъ и умеръ-то подъ звуки концерта, который играли ему шесть музыкантовъ, постоянно находившихся въ его покояхъ⁸⁾. Подвергаясь во время похода всѣмъ неудобствамъ и трудностямъ зимняго путешествія и питаясь, заурядъ съ прочими татарами, толочномъ, Крымъ-Герай въ то же время умѣлъ смаковать и хорошее венгерское вино и очень любилъ наслаждаться фиглярскими зрѣлищами. Любопытно извѣстіе какъ

¹⁾ Mémoires, I: 171.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, 162.

⁴⁾ Соловьевъ, XXVIII: 19.

⁵⁾ Mémoires, II: 180.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ Гюльбунни-хананъ, 110.

⁸⁾ Tott, Mémoires, II: 183.

относительно оргій, происходившихъ въ Каушанѣ, такъ и участія въ нихъ конфедератовъ, которые фигурировали въ качествѣ вожатаевъ въ этой кампаніи. Когда пронеслась молва о томъ, что въ Каушанѣ день и ночь происходятъ пляски да потѣхи, то «антрепренеры съ большими издержками и хлопотами, въ надеждѣ на щедрость (хана), позабавили всѣхъ, какіе только оказались, мальчишекъ въ баняхъ и цирюльняхъ въ Стамбулѣ и въ Перѣ, посажали ихъ въ повозки и запрудили Каушанское поле. Когда собравшіе этихъ мальчиковъ хозяева прибыли туда, то ихъ одѣли въ почетные халаты, дали имъ богатые подарки и отпускали имъ надлежащіе раціоны. Въ столицѣ у главныхъ работорговцевъ не осталось тогда совсѣмъ красивыхъ мальчиковъ. Когда объ этомъ обстоятельстве стало извѣстно обреченнымъ въ геэнну гяурамъ, то одинъ изъ ляхскихъ бояръ, задушевный пріятель ляхскаго же боярина по имени Потоцкаго, съ нѣсколькими польскими ресторанскими мальчуганами, подъ видомъ дружбы къ нему, какъ будто бы бѣжалъ изъ Польши и присталъ къ ханской свитѣ. Заставляя польскихъ мальчугановъ играть вмѣстѣ съ своими музыкантами, ханъ каждый день какъ слѣдовало покучивалъ... Онъ вздумалъ взять съ собою и въ походъ упомянутаго антрепренера польскаго; но путешествіе оказалось столь пагубнымъ вслѣдствіе страшныхъ морозовъ и массы снѣговъ, что польскій бояринъ, бывшій въ то же время и за проводника, во время пути исчезъ, когда подошли къ долинѣ между двухъ горъ близъ Кіева; сколько ни искали его, не могли найти. Безъ проводника же татарское полчище сбилось съ дороги; много правовѣрныхъ погибло подъ снѣгомъ; другіе поотморозили себѣ носы, уши, руки и ноги». Въ заключеніе вотъ что говорится про эту затѣйливую кампанію Крымъ-Герая: «Хотя онъ былъ храбрый богатырь и владѣлъ большимъ войскомъ, но, ввѣривъ свое назначенное къ исполненію дѣло руководству врага, пустилъ на вѣтеръ татарскую репутацію: вышло не такъ, какъ онъ надѣялся»¹⁾).

Общераспространенное мнѣніе насчетъ смерти Крымъ-Герая то, что она послѣдовала отъ отравленія, въ которомъ баронъ Тоттъ прямо-на-прямо обвиняетъ доктора Сирупуло, пользовавшаго больного хана²⁾. Что будто бы симптомы отравленія «замѣтно обнаружились, когда тѣло было бальзамировано»³⁾, это еще понятно; но на чемъ Тоттъ

¹⁾ Мой Сборникъ, 144—146.

²⁾ Mémoires, II: 181—183.

³⁾ Ibidem.

основывалъ свои подозрѣнія, которыя внушалъ и хану, относительно злыхъ намѣреній доктора, это осталось тайною барона, которой онъ не открылъ, не смотря на свою необыкновенную болтливость. Императрица Екатерина тоже признавала фактъ отравленія Крымъ-Герая, но толковала его по-своему: «Походъ», писала она госпожѣ Бельке, «стоилъ жизни хану, котораго Порта велѣла отравить вмѣстѣ съ пятью самыми знатными мурзами, приписывая злонамѣренности невозможность проникнуть въ наши предѣлы»¹⁾.

Но ни то, ни другое предположеніе не имѣетъ соотвѣтственнаго подтвержденія въ турецкихъ источникахъ. Васыфъ-эфенди просто говоритъ, что «Крымъ-Герай-ханъ нагрянулъ съ бывшимъ у него турецкимъ и татарскимъ войскомъ и опустошилъ московскія владѣнія. Около десяти тысячъ гяуровъ онъ застрѣлилъ стрѣлою рока и, съ многочисленнымъ полонѣмъ прійдя въ Крымъ, предался отдохновенію. Вѣсть о его кончинѣ, приключившейся вдругъ, дошла до слуха верховнаго везира на станціи Силиври»²⁾. Если бы было подозрѣніе въ отравѣ, то непременно бы было на это указано кѣмъ-нибудь изъ современныхъ турковъ: вѣдь сохранилась же цѣлая легенда о томъ, какъ во время той же кампаніи 1769 года въ турецкихъ войскахъ обнаружилась смертность въ Адрианополѣ, происшедшая будто бы оттого, что въ колодезь съ водою была набросана отравка подосланными отъ москововъ шпионами³⁾. Между тѣмъ на смерть Крымъ-Герая есть такой еще комментарий — что она произошла отъ огорченія и печали, причиненныхъ хану неудачностью его набѣга⁴⁾. А всего проще видѣть причину скоростной смерти Крымъ-Герая въ тѣхъ излишествахъ, которымъ онъ предавался, по единогласному свидѣтельству всѣхъ, знавшихъ его. Наконецъ еслибы онъ былъ отравленъ по распоряженію турецкихъ властей, то Ресми-Ахмедъ-эфенди не преминулъ бы подтрунить надъ такою мѣрою стамбульскихъ политиковъ.

Во всякомъ случаѣ свѣдѣніе Ланглеса, заимствованное имъ изъ «Correspondance politique de Turquie», année 1770, о конечной судьбѣ Крымъ-Герая, что будто бы не долго до его смерти «La Porte, mécontente des ses défaites, venoit de le déposer, au mois

¹⁾ Соловьевъ, XXVIII: 55.

²⁾ Васыфъ, I: 209.

³⁾ Мой Сборникъ, 156.

⁴⁾ Ibidem, 182.

de février 1770»¹⁾, стоитъ совершенно одиноко: въ другихъ источникахъ нѣтъ даже намека на что-либо подобное.

Крымъ-Герай-ханъ I былъ послѣдній Крымскій ханъ, сколько-нибудь серьезно смотрѣвшій на свое властное положеніе и энергически пользовавшійся имъ сколько въ свое удовольствіе, столько же и для поддержанія престижа сана, который онъ носилъ. Съ его смертью наступила и политическая смерть Крымскаго ханства, въ возможность существованія котораго никто теперь больше не вѣрилъ — ни русскіе, ждавшіе только удобнаго момента легализировать свое фактическое обладаніе полуостровомъ; ни еврпейская дипломатія, выходящая изъ силъ въ противодѣйствіи этому территоріальному приращенію Россіи; ни Оттоманская Порта, не знавшая, какъ ей выпутаться изъ бѣды, въ которую ее вовлекло легкомысленное международное тщеславіе и довѣрчивость къ дипломатическимъ инстигаціямъ мнимыхъ друзей ея; ни, наконецъ, сами татары, воочію убѣдившіеся въ несостоятельности Порты быть надежнымъ и мощнымъ ихъ покровителемъ при ея обнаружившейся военной слабости и денежномъ оскудѣніи. Вслѣдствіе этого всѣ ханы послѣ Крымъ-Герая по своей политической роли ничтожны, по индивидуальнымъ свойствамъ безличны и по историческому своему значенію едва заслуживаютъ перечисленія, тѣмъ болѣе что они безпрестанно мѣнялись одинъ за другимъ, болѣею частью не пробывши и одного года въ ханскомъ званіи.

Когда стало извѣстно о смерти Крымъ-Герая, то въ преемники ему избранъ, съ одобренія всѣхъ находившихся при верховномъ везирѣ султановъ, мурзъ и другихъ племянниковъ, Девлетъ-Герай IV (1182—1183=1769—1770), который проживалъ тогда въ своемъ чифликѣ²⁾. Ресми-Ахмедъ-эфенди не очень лестно аттестуетъ его, давая ему эпитеты «безсчастнаго» — *огурсузъ*, «безсильнаго» — *куввэтсызъ*, «къ дѣлу негоднаго» — *ише ярамазъ*—³⁾. Другая аттестація еще точнѣе опредѣляетъ ничтожество Девлетъ-Герай-хана IV: «Назначенный на его (Крымъ-Герая) мѣсто ханъ, извѣстно, чѣмъ кончилъ: распоряженіе татарами. какъ народомъ такъ и войскомъ, у него осталось на заднемъ

¹⁾ Langlès, Voyages du Bengale à Pétersbourg... et une Notice chronologique des Khans de Crimée. Paris X (1802). III: 447.

²⁾ Василь, I: 209; Фераизи-заде, II: 1564; Гюльбуні-хананъ, 115—116.

³⁾ Хулясъ и Ытибаръ, 24.

планѣ: только величаться титуломъ ханскимъ, да забирать чистыя денежки вза-мѣнъ раціоновъ по числу значащагося въ реестрѣ войска, да выпрашивать халаты и другія пожалованія отъ Высокой Державы — вотъ что стало его обычною выгодною статьею; ханское же достоинство осталось пустымъ звукомъ»¹⁾. А между тѣмъ турки чаяли отъ него должно быть много, когда устроили ему пышную встрѣчу по прибытіи его изъ Каушана въ армію и на военномъ совѣтѣ, происходившемъ въ ребіу-ль-эввелѣ 1183 = въ іюлѣ 1769 г., выслушивали его какъ знатока обстоятельствъ и положенія непріятеля²⁾, коли, при общей скудости своихъ финансовыхъ средствъ, отсылали ему, при отъѣздѣ его опять въ Каушанъ, 86 тысячъ гурушей подъемныхъ³⁾. Но все пропало даромъ: если русскіе полководцы въ началѣ этой войны дѣйствовали, по отзыву Фридриха II Великаго, какъ кривые, то турецкіе оказались въ сравненіи съ ними просто слѣпыми⁴⁾. Хотинъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ атакъ, занятъ былъ русскими⁵⁾; а деморализующее впечатлѣніе этого факта на войско, въ совокупности съ другими неблагопріятными обстоятельствами, повело къ неудачѣ диверсіи татарскаго отряда на Елисаветградъ⁶⁾. По прибытіи арміи къ Ханъ-Тэнэси, куда подошелъ и Девлетъ-Герай, снова состоялся военный совѣтъ, на которомъ ханъ «прежде всѣхъ зашевелилъ языкомъ», чтобы выразить свое сожалѣніе и скорбь по случаю оставленія Хотина во власть русскимъ; а садразамъ ему поддакивалъ. Послѣ этого засѣданія ханъ торжественно былъ облеченъ въ регалии, присланныя ему изъ Порты съ сипяхдарь-агою⁷⁾, чтобы скорѣ затѣмъ быть разжалованнымъ. Вотъ что говоритъ турецкій историкъ по поводу отставки Девлетъ-Герая. «Вышеозначенный (ханъ) около одиннадцати мѣсяцевъ правилъ областью Крымскою, и до самой отставки ему были дѣлаемы разные богатые подарки въ видѣ драгоцѣнныхъ вещей, дорогихъ луковъ, стоимостью тысячъ на шесть кисетовъ; оказывалось вниманіе къ самымъ неспособнымъ его просьбамъ; а между тѣмъ съ его стороны

¹⁾ Мой Сборникъ, 182.

²⁾ Васыфъ, II: 11—12; Фераизи-задэ, II: 1569.

³⁾ Васыфъ, 13; Фераизи-задэ, 1570.

⁴⁾ Zinkeisen, Op. cit., V: 940, пр. 1; Соловьѣвъ, XXVIII: 72.

⁵⁾ Васыфъ, 15.

⁶⁾ Ibidem; Фераизи-задэ, 1571.

⁷⁾ Васыфъ, 28—29.

не сдѣлано было ни одной достойной одобренія и стоящей похвалы услуги. Мало того: во время разрыва моста онъ не оказалъ надлежащей помощи переправлявшимся съ той стороны Днѣстра сюда мусульманамъ; онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на то, какъ его татаре, славящіеся своимъ искусствомъ плавать, переправляли тѣхъ изъ единобожниковъ, у которыхъ въ карманахъ и кошелькахъ были деньги, а не имѣвшихъ денегъ оставляли, вслѣдствіе чего масса народа потонула, а ханъ и не подумалъ принять противъ этого какія-нибудь мѣры¹⁾. Спустя три, пять дней послѣ разсѣянія войска, непріятель потянулся къ Хотину. Если бы тогда хоть съ слабымъ татарскимъ отрядомъ показать лишь признакъ войскъ въ окрестностяхъ Хотина, то могло бы статься, какъ говорили, что непріятель не перешелъ бы на эту сторону. А между тѣмъ вышеупомянутый (ханъ), какъ только главнокомандующій двинулся, тоже направился къ Яссамъ. Непріятель же преспокойно и безбоязненно перешелъ на эту сторону Днѣстра, взялъ и опустошилъ предѣлы молдавскіе и валахскіе; разославъ во всѣ стороны своихъ кавалеристовъ, онъ совершилъ всевозможныя злодѣйства. Когда стало извѣстно падишаху, что ханъ, вслѣдствіе своей трусости и бездѣтельности, не сдѣлалъ помѣхи ни гусарамъ, ни козакамъ непріятельскимъ и нигдѣ не выказалъ мужества, то послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отрѣшеніи его и назначеніи на ханскій тронъ сына Селимъ-Герая-хана II, Капланъ-Герая. Когда садразамъ узналъ о томъ, что Капланъ-Герай изъ своего чифлика прибудетъ въ императорскій лагерь, то самъ съ государственными сановниками исполнилъ всѣ церемоніи встрѣчи, угощенія и пріема его. Новый ханъ направился въ Баба-Дагы и, по совершеніи обычнаго обряда принятія высочайшей инвеституры, 5-го зиль-кадэ = 2 марта 1770 года изъ-подъ Исмаила пошелъ въ Каушанъ; предмѣстникъ же его, будучи сосланъ на о---въ Кипръ, только помахивалъ кнутикомъ, и сталъ примѣромъ безславія для современниковъ»²⁾.

¹⁾ Тутъ вспоминается фактъ, нѣсколько иначе описанный у Ресми-Ахмеда-эфенди. «Волею Божіею», говоритъ онъ, «вода въ Днѣстрѣ прибыла, и седьмого сентября (т. е. семнадцатаго джемаіу-ль-эввеля 1769 года) мостъ разорвался. Масса народа мухаммедова осталась на противоположной сторонѣ среди непріятеля. Тѣ, кто могли, вскочивъ на лошадей ускакали прямо въ Бендеры; кто не имѣлъ средствъ уйдти, сражаясь сдѣлались мучениками» (Хулясэ и Іътибаръ, 31; Сейковскій, Loc. cit., 266).

²⁾ Васыфъ, II: 37; Фераизи-задэ, II: 1583—1584.

Капланъ-Герай-хана II (1183—1184=1770) одни хвалятъ за его сообразительность и военныя дарованія; другіе, напротивъ, порицаютъ за его дряхлость, безхарактерность и предательство¹⁾. Но событія во время его ханствованія приняли уже такое направленіе, что личныя доблести какого-либо Крымскаго хана едва ли могли поправить дѣло, гнилое въ самомъ своемъ корнѣ: безголовость безпрестанно смѣнявшихся турецкихъ главнокомандующихъ, непрерывная страшная нужда въ сѣстныхъ и боевыхъ принасахъ и отсутствіе дисциплины въ войскахъ являются хроническимъ зломъ въ турецкой арміи, и отдѣльные успѣхи турковъ поэтому встрѣчаются лишь въ видѣ случайностей и мало измѣняютъ картину сплошной мартирологіи, которую представляетъ историческое описаніе всей злосчастной для нихъ кампаніи. Все, что говорится о дѣяніяхъ Капланъ-Герая II и у Ресми-Ахмедъ-эфенди²⁾, и у Васыфа-эфенди³⁾, есть перечень однихъ пораженій, которыя Крымскій ханъ дѣлилъ съ турками, и которыя нерѣдко впрочемъ были ими претерпѣваемы вслѣдствіе его же неудачныхъ совѣтовъ.

Къ числу такихъ совѣтовъ относится между прочимъ сдѣланное имъ заодно съ другими начальниками представленіе верховному везиру о необходимости постройки моста черезъ Прутъ для переправы его татарскаго отряда и отряда войскъ османскихъ, который онъ выпросилъ себѣ вслѣдствіе неумѣнія его татаръ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ, когда онъ собрался сдѣлать экскурсію въ Молдавію. Капланъ-Герай тутъ отличился въ сообществѣ съ Абди-пашою. Попавъ подъ убійственный огонь непріятельской артиллеріи, татары обратились въ бѣгство, и несчастный ханъ, отчаявшись въ возможности тягаться съ такимъ сильнымъ непріателемъ, сталъ молить сердарь-экрема самого идти къ нимъ на помощь⁴⁾. За этимъ несчастнымъ дебютомъ послѣдовало страшное Карतालское пораженіе турковъ, послѣ котораго Капланъ-Герай-ханъ на совѣтѣ потерявшихъ голову турецкихъ военачальниковъ, происходившемъ 12-го ребіу-ль-ахыра 5=августа 1770 г., имѣлъ еще мужество держать рѣчь насчетъ дальнѣйшихъ военныхъ соображеній о томъ, какъ бы укрѣпиться въ Исмаилѣ. Тутъ обращаетъ на себя вниманіе одно

¹⁾ Howorth, *Op. cit.*, 595.

²⁾ Хуляевъ и Іътибаръ, 34—41; Сенковскій, 268—275.

³⁾ *Loc. cit.*, 37—77.

⁴⁾ Васыфъ, 50—51.

его предложеніе, любопытное не столько въ военномъ, сколько въ политическомъ отношеніи. Онъ просилъ оставить въ его распоряженіи Едисанскихъ татаръ, какъ самое многочисленное и самое враждебное русскимъ племя, а семьи ихъ перевезти за Дунай въ Псакчи на лодкахъ. Узнавъ объ этомъ, войска, находившіяся въ Исмаилѣ, тоже подали просьбу о дозволеніи имъ перебраться въ Псакчи. Но для этого не нашлось бы достаточнаго количества лодокъ, да и не хватило бы времени, чтобы совершить переправу, прежде чѣмъ узнаетъ объ этомъ и нагрянетъ непріятель. Доброжелательные люди говорили, что пока мѣстности, обитаемыя татарскими семействами около Исмаила, заняты войсками, не мыслимо, чтобы врагъ овладѣлъ ими. Въ этомъ смыслѣ написанъ былъ наказъ сераскери Абазы-пашѣ; но, прежде чѣмъ онъ получилъ этотъ наказъ, исмаильскія войска набросились на лодки, нагруженныя провіантомъ; произошла страшная давка, и пропасть народа потонуло въ Дунаѣ; оставшіеся въ живыхъ разбѣжались куда глаза глядѣли, а явившійся на другой день русскій отрядъ подъ начальствомъ Реннина довершилъ погромъ, позабравъ множество турковъ въ плѣнъ. Русскіе заняли покинутый турками Исмаилъ¹⁾.

Послѣ такихъ безславныхъ подвиговъ, Бапланъ-Гераю, по занятіи русскими Килии и Исмаила и отправленіи сильнаго отряда русскаго къ Бендерамъ, стало опасно съ своими татарами оставаться въ буджакской территоріи, по которой безпрестанно двигались непріятельскія войска, потому что дать отпоръ имъ онъ былъ не въ силахъ, и онъ собрался уйдти въ Крымъ, который въ послѣднее время давно уже не видалъ своихъ хановъ, бывшихъ постоянно въ отлучкѣ. Но предъ этимъ ханъ, если вѣрить турецкимъ историкамъ, немножко поправилъ свое военное реноме, нанеши даже не одно пораженіе русскимъ отрядамъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Оказалось, что Едисанцы, которыхъ ханъ только-что рекомендовалъ какъ самыхъ исконныхъ и заклятыхъ враговъ русскихъ, съ нѣкотораго времени вошли въ переговоры съ непріятелями насчетъ того, чтобы имъ подъ покровительствомъ врага можно было спокойно водвориться въ своихъ мѣстахъ. Ханъ, догадавшись объ этихъ сношеніяхъ, чтобы это пастроеніе не сообщилось и прочимъ племенамъ, счелъ за нужное удалиться съ подвластными ему племенами въ Аккер-

¹⁾ Василь, 58 — 59; Фераизи-заде, 1596 — 1597; Хулясе и Іътибаръ, 41; Сенковскій, 275—276.

манъ. Русскіе, узнавъ, что Буджакъ совершенно покинутъ татарами и другими войсками, собрались въ количествѣ 6000 человекъ около Очакова. Ханъ сразился съ ними и многихъ порубилъ; остальныхъ же обратилъ въ бѣгство. Черезъ нѣсколько дней было замѣчено, что непріятель собирается опять подступить къ Очакову. Тогда ханъ, имѣя двѣ пушки и 300 человекъ пѣхоты, собралъ около себя картальскихъ и исмаильскихъ бѣглецовъ и ударилъ на гяуровъ. Въ первой же атакѣ онъ прогналъ ихъ; но бросившіеся преслѣдовать бѣжавшихъ русскихъ мусульмане наткнулись на засаду и частію были перебиты, частію же попались въ плѣнъ; немногіе вернулись опять въ крѣпость. Двинувшись послѣ этого въ Крымъ, ханъ часть своихъ войскъ взялъ съ собою; а другія размѣстились по кораблямъ турецкаго флота; третьи же, наконецъ, слабые, по необходимости предпочли остаться въ Очаковѣ¹⁾.

Отбытіе Капланъ-Герай-хана въ свои коренныя владѣнія совпадаетъ съ важнымъ моментомъ въ исторіи Крымскаго ханства «Съ самаго начала тотчасъ по объявленіи Турціею войны», говоритъ нашъ историкъ, «въ умѣ Екатерины уже была мысль отторгнуть Крымъ отъ Турціи не съ тѣмъ однако, чтобы присоединить его къ Россіи, а сдѣлать независимымъ»²⁾. Это надо, конечно, понимать въ томъ смыслѣ, что теперь русская политика, въ лицѣ Екатерины и ея сотрудниковъ, принялась рѣшительнѣе работать надъ приведеніемъ въ осуществленіе идеи, которая уже давно, со временъ Петра Великаго, гнѣздилась въ головахъ болѣе дальновидныхъ и умныхъ нашихъ государственныхъ людей. Въ виду этого задуманнаго плана «Мы заблагоразсудили», пишетъ Екатерина Панину, «сдѣлать испытаніе, не можно ли будетъ Крымъ и всѣ татарскіе народы поколебать въ вѣрности къ Портѣ внушеніемъ имъ мыслей къ составленію у себя независимаго правительства. Сочинена здѣсь форма письма отъ вашего имени къ хану Крымскому. Письмо въ Крымъ удобнѣе всего отправить чрезъ татарскихъ плѣнниковъ. Ежели крымскіе начальники къ вамъ не отзовутся, въ такомъ случаѣ остается возбудить сообщая въ татарахъ вниманіе чрезъ разсѣяніе копій съ письма по разнымъ мѣстамъ, чѣмъ по малой мѣрѣ развратъ въ татарахъ отъ разномыслія произойти можетъ»³⁾. Этотъ проектъ

¹⁾ Василь, 63—64; Фераизи-задэ, 1600.

²⁾ Соловьевъ, XXVIII: 32.

³⁾ Ibidem, 33.

намѣченъ въ октябрѣ 1769 года, а въ мартѣ слѣдующаго года происходило обсужденіе его въ Совѣтѣ на основаніи представленныхъ гр. Панинымъ данныхъ насчетъ возможности успѣха и въ то же время неспособности крымскихъ татаръ быть полезными подданными Россіи¹⁾.

Относительно безуспѣшнаго обращенія Панина къ Капланъ-Герая съ предложеніемъ ему «вольности» и насчетъ грубаго отвѣта хана на это предложеніе, о которыхъ сообщается у Соловьева²⁾, турецкіе историки ничего не говорятъ; но что русская пропаганда воздѣйствовала на подданныхъ хана, это они знали и говорятъ объ этомъ, какъ мы уже видѣли выше. Главнымъ вожакомъ податливыхъ Едисанцевъ былъ мурза Джанъ-Мамбетъ-бей. Въ самомъ же Крыму такимъ сторонникомъ подданства татаръ Россіи явился тоже едисанскій мурза Темиръ-султанъ. Про самого же хана по русскимъ источникамъ извѣстно только то, что ему, не смотря на сопротивленіе русскихъ отрядовъ, удалось пробраться въ Крымъ, гдѣ впрочемъ остававшіеся тамъ поганіе племена Едичгуль и Джамбуйлукъ, рѣшили послѣдовать примѣру Едисанцевъ, и многіе изъ нихъ вопреки ханскому приказанію вырвались изъ Крыма для соединенія съ ними³⁾. Далѣе извѣстно еще, что старанія Темиръ-султана по совращенію татаръ къ дружбѣ съ Россіею оказались напрасными. Порта и преданные ей крымцы приняли свои мѣры: не надѣясь, чтобы ханъ Капланъ-Герай имѣлъ достаточно энергіи, необходимой въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ, султанъ смѣнилъ его и прислалъ на его мѣсто Селимъ-Герая⁴⁾. Теперь посмотримъ, что извѣстно туркамъ о фактѣ смѣны Капланъ-Герая.

Что Капланъ-Герай потерялъ свой авторитетъ въ глазахъ турковъ, это можно заключать изъ слѣдующаго обстоятельства. Еще въ началѣ войны дана была фетва, которою разрѣшалось разорять и истреблять огнемъ жилища поляковъ, склоняющихся на сторону Россіи⁵⁾. Это варварское рѣшеніе брался привести въ исполненіе Максудъ-Герай, который во главѣ шеститысячнаго отряда изъ татаръ и другихъ войскъ пришелъ въ Никополь; но, получивъ другое назначеніе отъ тогдашняго хана Девлетъ-Герая III, не послушался и удалился на покой въ свой чифтликъ. Теперь, когда, по уходѣ Капланъ-

¹⁾ Соловьевъ, XXVIII: 119—120.

²⁾ Ibidem, 122—123.

³⁾ Ibidem, 124.

⁴⁾ Ibidem, 125.

⁵⁾ Василь, II: 9; Фераизи-задэ, II: 1567.

Герая въ Крымъ, а турецкихъ войскъ на зимнія квартиры, берега Дуная оставались совершенно неприкрытыми, на военномъ совѣтѣ рѣшено было, что охрану береговъ всего лучше бы могъ исполнить Маскудъ-Герай, собравъ перешедшихъ за Дунай татаръ къ себѣ. Мнѣніе это было всеми единогласно одобрено и принято. Только верховный везирь возбудилъ вопросъ о томъ, будетъ ли это ладно, такъ какъ «служебное назначеніе Чингизидскихъ султановъ исключительно принадлежитъ только ханамъ...., а ханъ не извѣстно гдѣ теперь находится», сказалъ онъ. На это судья арміи и Ресми-эфенди отвѣчали такъ: «Что въ такое трудное и стѣснительное время ханъ удалился отъ службы Державѣ и засѣлъ гдѣ-то въ Крыму, это тоже, очевидно, противъ правилъ Чингизидскихъ, а потому на его мнѣніе можно и не обращать вниманія: надо смотрѣть на государственную пользу, рисковать же важнымъ дѣломъ изъ уваженія къ праву Амру или Зейда опасно»¹⁾. По поводу же отставки хана Васыфъ-эфенди перечисляетъ все его дѣйствія, послужившія мотивами къ его изложенію. «Повелѣвавшій Крымомъ Капланъ-Герай-ханъ», пишетъ Васыфъ, «въ сущности храбрый, мужественный и способный къ военнымъ дѣламъ человекъ; но такъ какъ, по молодости лѣтъ и юношескому возрасту²⁾, онъ былъ неопытенъ въ дѣлахъ и неостороженъ относительно козней и хитростей непріятельскихъ, то неоднократно и на Прутѣ, и въ другихъ мѣстахъ, благодаря этой неосторожности, онъ терпѣлъ пораженія, и извѣстная людямъ его храбрость и слава были скомпрометированы. А когда у татаръ произошли переговоры съ непріателемъ и обнаружилось заключеніе тайнаго договора о томъ, чтобы имъ, получивъ свободу, лучше стать независимымъ народомъ, чѣмъ подчиняться господству какого-нибудь могущественнаго падишаха, и имѣть право по своему усмотрѣнію и желанію выбирать себѣ хановъ, то онъ оказался рѣшительно слабъ и безсиленъ взять ихъ въ руки власти и мощи. По этой же причинѣ онъ во время сраженія на Гюль-Баши стоялъ на мѣстѣ и ждалъ послѣдняго момента; послѣ же пораженія пришелъ въ Псмаиль, а оттуда съ нѣсколькими людьми прибылъ въ Исакчи; потолковавши о какихъ-то дѣлахъ съ сердарь-экремомъ, опять ушелъ въ Исмаиль; потворствуя войску, онъ не понималъ твердости власти и ушелъ прямо въ Крымъ. Ему слѣдовало бы вернуться, а онъ, по прибытіи

¹⁾ Васыфъ, II: 69; Фераизи-задэ, II: 1603.

²⁾ Любопытно бы знать, откуда Лангмессъ взялъ, что Капланъ-Герай былъ старый, когда онъ и умеръ-то только тридцати двухъ лѣтъ отъ роду.

туда, прислалъ въ Порту поклонъ и объявилъ, что въ случаѣ если ему не будетъ прислано тысячи кисетовъ акчэ, потребныхъ ему на военныя издержки, онъ передастъ ханство другому. Когда его бумага поступила въ Высокій Порогъ, то было рѣшено и признано, что хотя до сихъ поръ ему отпущено много денегъ, и всѣ его требованія подписывались перомъ исполненія ихъ, но если бы была уважена и эта просьба, то рѣшительно никакой бы пользы изъ этого не вышло. Его отставка была рѣшена, а прежній ханъ Селимъ-Герай-ханъ былъ вызванъ къ высочайшему Стремени и пожалованъ высокимъ трономъ ханскимъ. Онъ забралъ съ собою находившихся тамъ Чингизидскихъ султановъ и поспѣшно отправился въ императорскую армію¹⁾.

Въ видѣ курьознаго добавленія къ этому обвинительному акту противъ Каплапъ-Герая, Васыфъ-эфенди сообщаетъ еще слѣдующее. Крымскій ханъ написалъ въ Порту, что для охраны Крыма ему надобно 1000 кисетовъ акчэ, и что если означенная сумма не будетъ доставлена въ теченіе 40 дней, то онъ опасается за Крымъ, и сераскерь крымскій сляхдаръ Ибрагимъ-паша подтвердилъ слова хана. Получивъ бумагу, столпы Державы пришли въ ужасное замѣшательство по причинѣ затрудненій въ отсылкѣ денегъ: сухопутная дорога преграждена была непріятелемъ, а посылать моремъ было страшно. Въ этомъ недоумѣніи султанъ обратился къ пришедшему къ нему Ени-Шегэрлы-Осману-эфенди и говоритъ: «Ты мастеръ въ такихъ трудныхъ случаяхъ подавать хорошія мысли; скажи-ка, какъ быть въ этомъ дѣлѣ?» — «Да развѣ это — дѣло?» Стоитъ только взять перо да бумагу и написать приказъ, чтобы требуемая хапомъ и везиремъ сумма была выдана изъ кафской казны». Тотчасъ было велѣно сообщить это распоряженіе въ дефтердарское бюро; но оттуда отвѣчали, что доходъ кафской казны составляетъ всего-на-все 17 кисетовъ, которые, по реэстру, отчисляются на карманные расходы калгай-султановъ. Султанъ, получивъ этотъ отвѣтъ, расхохотался; но не похвалилъ сообразительности предложившаго такую мѣру; поневолѣ пришлось утвердить отставку хана. «Этотъ достовѣрнѣйшій фактъ памятенъ всѣмъ свѣдущимъ людямъ», при-совокупляетъ въ концѣ Васыфъ-эфенди²⁾.

Анекдотъ этотъ, если онъ вѣренъ, не очень забавенъ, но онъ важенъ однако же въ томъ отношеніи, что, вопервыхъ, характеризуетъ намъ знакомство турецкихъ санов-

¹⁾ Васыфъ, II: 77—78.

²⁾ Ibidem.

никовъ съ тѣми дѣлами, которыя они вѣдали, и подтверждаетъ крайне затруднительное положеніе хана и Ибрагимъ-наши, которые должны были безъ всякихъ средствъ отстаивать цѣлый край противъ такого сильнаго непріятеля, какъ Россія.

Авторъ исторіи «Гюльбунн-хананъ», повторяя вышеприведенный рассказъ Васыфъ-эфенди, скептически оговаривается въ концѣ: «А Богъ знаетъ истину». Съ своей же стороны въ похвалу Капланъ-Герая приводитъ то, что онъ «по прибытіи въ Крымъ по мѣрѣ возможности прилагалъ исчисленныя старанья къ заготовленію боевыхъ снарядовъ, а также твердо рѣшился во что бы то ни стало привлечь къ себѣ подвластныхъ московцамъ калмыковъ и, дѣйствуя ласкою и кротостью на ихъ химерическое воображеніе, отторгнуть ихъ отъ московцевъ и заставить перейти въ Кубанскую сторону, какъ 4-го шаъбана 1184=23 ноября 1770 г. онъ былъ сверженъ съ правительственнаго ковра»¹⁾.

Но по другимъ даннымъ это сверженіе Капланъ-Герая совершилось не такъ просто. Странно только, что въ нашихъ архивныхъ документахъ не находится слѣдовъ той роли, которую игралъ ханъ при начавшемся тогда среди татаръ движеніи въ русскую сторону, коли Соловьевъ лишь вскользь упоминаетъ, что Капланъ-Герай не имѣлъ достаточной энергіи, необходимой въ тогдашнихъ опасныхъ обстоятельствахъ, и потому былъ смѣненъ султаномъ, который прислалъ на его мѣсто Селимъ-Герая²⁾.

VII.

Мемуары секретаря Ибрагимъ-наши, бывшаго въ русскомъ плѣну. — Извѣстія ихъ о крымскихъ событіяхъ. — Разказы о расположеніи Капланъ-Герай-хана II къ русскому подданству и сомнительность ихъ. — Затруднительность кампаніи и праздничатство Селимъ-Герай-хана III. — Расправа турецкихъ войскъ съ Абазехъ-Мухаммедъ-нашою. — Мирныя дѣйствія русскихъ въ Крыму. — Выступленіе Шагинъ-Герая на историческое поприще. — Описаніе жалкаго состоянія турецкихъ войскъ и нецѣлесообразнаго поведенія Крымскаго хана, находящееся у турецкихъ историковъ. — Бѣгство хана изъ Крыма и общее смятеніе среди крымскихъ жителей. — Плѣнъ турецкаго сераскерь-наши. — Сдѣлка крымцевъ насчетъ уступки земли своей русскимъ. — Различное объясненіе причинъ бѣгства хана. — Сношеніе кафинцевъ съ русскими. — Поведеніе султановъ Сахыбъ-Герая и Шагинъ-Герая, по изображенію турецкаго мемуариста. Настроеніе крымскаго населенія, христіанскаго и мусульманскаго, благоприятное русскимъ. — Взятіе Кафы русскими и переговоры ихъ съ татарами.

Вышеупомянутый турецкій сераскерь Ибрагимъ-наша, столь энергично, хотя и безуспѣшно, старавшійся уберечь Крымъ отъ завоеванія его русскими, въ концѣ концовъ самъ

¹⁾ Гюльбунн-хананъ, 119.

²⁾ Соловьевъ, XXVIII: 125.

попался въ плѣнъ и былъ отправленъ въ Петербургъ¹⁾. Участъ плѣнника дѣлилъ съ нимъ между прочимъ секретарь его, прикомандированный къ нему отъ турецкаго министерства финансовъ съ самаго начала кампаніи въ августѣ 1769 года, и потому былъ очевидцемъ всего, что происходило на полуостровѣ до іюля 1771 года. Господинъ этотъ описалъ какъ крымскія событія, такъ и свои наблюденія во время нахожденія въ плѣну, въ цѣломъ отдѣльномъ сочиненіи, разумѣется скрывъ свое настоящее имя, по глупой ли восточной притворной скромности или по другимъ какимъ причинамъ. Вѣроятно, имя автора этихъ мемуаровъ не извѣстно и Джевдетъ-пашѣ, потому что онъ, дѣлая изъ нихъ въ своей исторіи выдержку, просто ссылается на «утвержденія и писанія нѣкоторыхъ лицъ, находившихся въ то время въ крымскомъ отрядѣ по служебному положенію и проникшихъ въ тайны крымцевъ»²⁾. Рукописный экземпляръ этого любопытнаго памятника имѣется въ Азіатскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ подъ № 590^{id} и носитъ заглавіе *Тарихи-Крыма* = «Исторія Крыма»³⁾. Въ этихъ мемуарахъ мы находимъ вотъ какія извѣстія относительно того, что происходило тогда въ Крыму, разумѣется съ окраскою, соотвѣтственною происхожденію мемуаровъ.

«Въ тѣ поры (т. е. въ эпоху турецкихъ пораженій при Ларгѣ и Кагулѣ) о главной арміи, о крѣпости Бендерахъ и о другихъ крѣпостяхъ получались тревожныя вѣсти; а затѣмъ, когда Крымскій ханъ Капланъ-Герай съ многочисленными татарскими полчищами Ногайцевъ, Буджакцевъ и Едисанцевъ, перешелъ сначала къ Очакову, а потомъ въ сторону Крыма, подлые начальники упомянутыхъ племенъ Джанъ-Манбетъ (т. е. Джанъ-Мухаммедъ) мурза и другіе мурзы изъ мѣста, называемаго Узу-Бой⁴⁾, написали къ гурамъ письма съ изъявленіемъ покорности. «Мы и Крымскій ханъ», писали они, «а

¹⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости за 1771 годъ, № 57, прибавленіе.

²⁾ Тарихи-Джевдетъ, I: 50.

³⁾ Это широкое заглавіе совсѣмъ однако не идетъ къ мемуарамъ неизвѣстнаго автора; три четверти которыхъ заняты описаніемъ разныхъ диковинокъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе восточнаго человѣка въ Петербургѣ. Турецкій текстъ сочиненія написанъ не совсѣмъ удовлетворительно, въ смыслѣ четкости почерка и правильности рѣчи, и потому при его изданіи необходимо имѣть еще хоть одинъ кодексъ для сличенія. Русскій же переводъ этого весьма любопытнаго памятника приготовленъ уже мною къ печати и при первомъ удобномъ случаѣ будетъ опубликованъ.

⁴⁾ Подъ Узу-Боемъ надо разумѣть не мѣстность какую-нибудь, а просто рѣку Диѣпръ. Но по русскимъ даннымъ начальные люди Едисанской орды въ описываемый моментъ стояли у рѣки Березани (Соловьевъ, XXVIII: 124).

равно другіе сановники Крымскаго государства и Ширинъ-мурзы — всѣ, вмѣсто того чтобы повиноваться османцамъ, въ настоящее время считаемъ за лучшее быть слугами такого достожелательнаго къ намъ правительства, какъ ваше». И Калмыцкіе татары, хотя въ Перекопскомъ сраженіи нѣкоторые изъ нихъ погибли, а остальные разбѣжались, тоже (— подъ чернымъ колпакомъ одна вѣдь голова! —) пришли къ русскимъ и сказали: «вотъ и мы къ вамъ съ повинною головою, хотимъ служить въ войскахъ вашихъ». Когда рѣжутъ свиней, то это значитъ, что у гауровъ новый годъ¹⁾. На этомъ основаніи они обмѣнялись договорными документами и дали другъ другу залогі. Закрѣпивъ такимъ образомъ союзъ, упомянутый ханъ съ небольшимъ числомъ волонтеровъ пришелъ въ Крымъ и видѣлся съ главнокомандующимъ. Въ разговорѣ онъ подтвердилъ свѣдѣнія о положеніи главной арміи и сказалъ, что Ногайскихъ татаръ, для того чтобы они преданно служили Высокой Державѣ, надобно бы было съ семьями, дѣтьми и имуществомъ перевести за Дунай: пусть бы они оставались въ Румиліи и на указанныхъ только имъ мѣстахъ дрались бы съ невѣрными. Но такъ какъ Халиль-паша не придавалъ этому никакой важности, то Ногайцы и Буджакскіе татары были смяты. На этомъ основаніи и онъ (т. е. ханъ), говоря: «Всѣ ищутъ спасенія живота своего; мы тоже разсѣяны и пришли сюда; намъ необходимо хоть немножко продовольствія и денегъ», просилъ у везира денегъ и провіанта. Волей-неволей паша приготовилъ имъ дней на восемь, на десять продовольствія и двѣ тысячи золотыхъ, и отдалъ-было имъ это, да потомъ подумалъ: «вѣдь и у нашей собственной арміи мало провіанта, и насчетъ казны мы тоже въ весьма стѣсненномъ положеніи», и опять взялъ назадъ²⁾. Черезъ восемнадцать дней послѣ

¹⁾ Тутъ въ текстѣ, очевидно, каламбуръ на слово «Крымъ»: *Домузз кырымда ягни кѳффарынз сэнэ башы дэжекъ дырз* (Рукопись, листъ 7 verso). О значеніи слова *кырымз* = «избіеніе» см. въ «Легджеи-Османи» Вефыка, на стр. 288 подъ словомъ «*Боджокз*»; гдѣ сказано, что *Божокз* съ болгарскаго значитъ праздникъ Рождества Христова; закланіе божка — *Боджокз кырымз* — есть происходящее по случаю Рождества рѣзаніе мяса, сезонъ рѣзанія свиней — *Домузз кырдыклары мэвсима* —. Но какую именно мысль хотѣлъ авторъ выразить этимъ изреченіемъ, ко крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ описываемымъ у него фактамъ, не совсѣмъ ясно.

²⁾ А между тѣмъ Васыфъ эфенди говоритъ, что хану было изъ корпусной казны отпущено 11,000 гурушей на харчи, именно послѣ проектированнаго ханомъ водворенія ногайскихъ семействъ за Дунаемъ и происшедшей отсюда кутерьмы у Исмаила (Васыфъ, II: 58). Если же ханъ такъ передавалъ дѣло Ибрагимъ-пашѣ, какъ сказано въ мемуарахъ его секретаря, то, значитъ, ханъ искажилъ истину въ какихъ-нибудь своихъ расчетахъ, можетъ быть для оправданія своихъ послѣдующихъ дѣйствій, о которыхъ повѣствуется дальше.

этого упомянутый ханъ пошелъ въ Бакчэ-Сарай, собралъ тамъ крымскихъ сановниковъ, Ширинцевъ и другихъ мурзъ. подтвердилъ имъ вышеизъясненное поведеніе Ногайцевъ относительно невѣрныхъ; объяснилъ имъ, чего можно ожидать въ будущемъ, и присовокупилъ: «вамъ тоже слѣдуетъ обмѣняться мирными договорами съ русскими, для того чтобы спасти Крымскую область, ваши семейства, дѣтей и имущество». — «Государь», отвѣчали тѣ, «дай намъ грамоту, чтобы мы сообразно съ нею могли тоже обмѣняться грамотами» — Ханъ написалъ коллективно отъ всѣхъ заявленіе; сначала онъ самъ ее принечаталъ; а потомъ и прочіе приложили къ ней свои подписи и печати. Но это было написано между людьми, посвященными въ тайну этого дѣла. Пока отираждали упомянутую грамоту къ невѣрнымъ, ханъ былъ отрѣшенъ, и изъ Высокой Порты прибылъ мубаширъ съ высочайшимъ указомъ. Какъ только ханъ узналъ объ этомъ обстоятельстве, онъ пригласилъ опять къ себѣ всѣхъ посвященныхъ въ тайну и обратился къ нимъ съ такими словами: «Меня отрѣшили; слѣдуетъ ли мнѣ ѣхать сообразно полученному указу, или же лучше дать отзывъ?» — «Лучше ѣхать», единогласно отвѣчали сановники, «потому что тебѣ, ханъ, извѣстно, что большинство крымцевъ не знаютъ этой тайны; жители селъ и городовъ тоже не знаютъ о ней. Пускай пріѣдетъ другой ханъ: Крымъ раздѣлится на двѣ партіи, и давать отзывъ будетъ затруднительно. Притомъ же османскія войска поддержать сторону новаго хана, а насъ тогда уничтожатъ. Сдѣлай милость: тебѣ ничего не будетъ, поѣзжай сообразно указу». — Тогда ханъ поповолѣ, сѣвъ въ сопровожденіи прибывшаго мубашира на гальопъ, уѣхалъ. — Если бы мнѣ задали вопросъ, какимъ образомъ я узналъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, то было нѣсколько человѣкъ изъ числа посвященныхъ въ тайну, съ которыми я околѣ двухъ лѣтъ велъ дружбу, почему они и не скрывали отъ меня своихъ секретовъ. Они были недовольны, потому что они были изъ грамотнаго сословія. «Все это не хорошо», говорили они, «но мы вынуждены поступать такъ». — Доходили до насъ слухи еще и изъ другихъ источниковъ. Вотъ что мнѣ передавали: «Мы вами¹⁾ были довольны, потому что вы болѣе двухъ лѣтъ охраняли и защищали край нашъ и сражались съ невѣрными; всѣ эти смуты произошли отъ Ногайскихъ татаръ, а также и оттого, что ханы не имѣли своего мѣстопробыванія внутри Крыма, а все жили въ Каушанѣ, поэтому находившіеся

¹⁾ Т. е. татаре турками.

внутри Крыма Ширинъ-мурзы раздѣлились на партіи и вышли изъ повиновенія». Нѣкоторые при этомъ хвалили пашу, да что пользы-то?! Со стороны Высокой Державы ни разу не было спрошено о томъ, каково положеніе Крыма¹⁾.

Разставшись съ Крымомъ, Капланъ-Герай-ханъ II уже болѣе не возвращался въ него; карьера его была покончена, и онъ, «съ тысячью затрудненій и непріятностей добравшись до пристани спасенія, получилъ позволеніе водвориться въ своемъ чифтликѣ», говоритъ о немъ крымскій историкъ. «Хоть бы тысячу лѣтъ жизнь продолжалась, все жъ это не вѣчность; а вотъ что очень тяжело—это смерть въ молодыхъ годахъ! А къ нему это и примѣнимо: онъ въ ребіу-ль-ахырѣ 1185 = въ іюль-августѣ 1771 года, пораженный чумою, отправился въ жилище Всемогущаго Владыки и погребенъ въ оградѣ священной мечети деревни Су-Баши. Житія его было тридцать два года, а властвованія одиннадцать мѣсяцевъ²⁾».

Остается только нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, точно ли Капланъ-Герай первый изъ хановъ вошелъ въ соглашеніе съ русскими агентами относительно формальнаго прекращенія вассальныхъ отношеній Крымскаго ханства къ Оттоманской Портѣ и склонялъ къ этому всѣхъ подданныхъ, и какъ въ немъ совершился такой переворотъ во взглядѣ на это дѣло послѣ его рѣзкаго, отказа на предложенія гр. Панина, если только татары не лгали на него турецкому чиновнику, повѣривъ этому своему пріятелю тайну, которой въ дѣйствительности никогда не существовало. Окончательное разъясненіе могутъ дать только новыя разысканія въ русскихъ архивахъ, хотя трудно допустить, чтобы подобный фактъ, если бы онъ имѣлъ мѣсто, ускользнулъ отъ вниманія нашего почтеннаго историка Соловьева. Ланглесъ, основываясь въ повѣствованіи о событіяхъ этой эпохи на иностранныхъ извѣстіяхъ, и главнымъ образомъ на «Correspondance politique de Turquie», категорически утверждаетъ, что «On lui imputa, fort injustement, d'entretenir des liaisons secrètes et perfides avec la Russie, et ce fut un motif suffisant pour causer sa chute peu de temps après son élévation, dans le cours de février 1771»³⁾.

¹⁾ Рукоп., лл. 7 v.—9 r.

²⁾ Гюльбунн-хананъ, 120.

³⁾ Notice chronologique des Khans de Crimée, d'après les écrivains Turks, Persans, etc.... par L. Langlès. Paris X (1802). III: 447.

Не смотря на то, что положеніе дѣлъ на полуостровѣ было весьма критическое и сложное и болѣе чѣмъ когда-либо требовало присутствія тамъ хана, преемникъ Капланъ-Герая, Селимъ-Герай-ханъ III (1184—1185=1770—1771), назначенный въ шаъбанѣ 1184 = въ ноябрѣ-декабрѣ 1770 года, по заведенному обычаю, не мало времени провелъ въ Порогѣ Счастья, разсуждая въ совѣщаніяхъ о выборѣ мѣста для зимовки главной арміи, а потомъ, прибывъ 9-го рамазана = 27 декабря въ главную квартиру, и тамъ продолжалъ тѣ же разсужденія, усиленно рекомендуя столицу для зимованія предпочтительно предъ всѣми другими пунктами, на которые указывалось другими военачальниками, а въ Крымъ идти не хотѣлъ. Мнѣніе хана было впрочемъ отвергнуто, и армія пошла зимовать въ Баба-Дагы. Онъ тоже долженъ былъ выбрать удобный пунктъ для стоянки, съ тѣмъ чтобы, когда Дунай замерзнѣтъ, сдѣлать набѣгъ на непріятеля. Но огромное скопленіе войскъ на берегахъ Дуная поставило чиновниковъ въ страшное затрудненіе насчетъ подвоза продовольствія. Ханъ же требовалъ удобнаго помѣщенія на зиму какъ для себя самого, такъ и для лазарета. Оставалось въ такой крайности кяхъ-бею уступить свой домъ, и ханъ тогда предпочелъ устроиться въ деревнѣ Канбарѣ, въ двухъ часахъ отъ Баба-Дагы. Верховный везиръ изъ себя выходилъ при мысли о невозможности снабжать продовольствіемъ хана съ его свитою въ 500—600 человекъ въ избранномъ имъ для зимовки пунктѣ. А ханъ кромѣ выданныхъ уже въ Порогѣ Счастья 600—700 кисетовъ денегъ, получалъ изъ кассы главной арміи ежедневно по семи кисетовъ, по расчету полагавшихся ему раціоновъ, и преспокойно поживалъ себѣ въ свое удовольствіе. Такъ какъ Дунай-то не замерзалъ, то и набѣгъ ханъ отложилъ въ сторону, казенныхъ же денегъ стравилъ пропасть¹⁾. Ресми-Ахмедъ-эфенди только и говоритъ про Селимъ-Герая, что его долго ожидали въ главную квартиру, потомъ онъ прибылъ и, послѣ долгихъ переговоровъ о зимовкѣ, поселился въ одной деревнѣ между Баба-Дагы и Тулчею, болѣе ничего²⁾.

¹⁾ Василь, II: 80—81; Фераизи-задэ, II: 1610.

²⁾ Хулясэ и Іътибаръ, 46. Въ этомъ мѣстѣ оказывается ужь очень замѣтная разница между турецкимъ текстомъ сочиненія Ресми-Ахмеда-эфенди и переводомъ Сенковского (Loc. cit., 281): такъ, напримѣръ, въ турецкомъ текстѣ стоитъ: *Баба-дагыла Тулча мабэйнынъдэ бирз Кёйдэ*, а у Сенковского: «въ Юрьевѣ, между Баба-Дагы и Тулчею». Или бывший у него въ рукахъ текстъ имѣлъ другую редакцію, или ужь онъ черезчуръ произвольно переводитъ, выбрасывая даже числовыя обозначенія и вставляя кудрявыя фразы въ родѣ: «Онъ (ханъ) разъѣзжалъ верхомъ въ окрестностяхъ и не заглядывалъ въ главную квартиру», которымъ ничего соответствующаго въ подлинникѣ не находится.

Такое праздное поведенеіе Селимъ-Герая, соединявшееся у него съ разными претензіями на комфортъ, и его дармоѣдство особенно должны были быть досадны туркамъ потому, что вся исторія этой плачевной кампаніи есть сплошная жалоба на недостатокъ денегъ и провизіи. При этомъ они впрочемъ настолько деликатно обращались съ ханомъ, что, напримѣръ, во вниманіе къ его ходатайству Абазехъ-Мухаммедъ-паша, лишенный везирскаго званія, снова получилъ это званіе, а потомъ, когда понадобилось послать кого-либо изъ знатныхъ везирей въ Ени-Калэ, Мухаммедъ-пашѣ было дано и это важное назначеніе¹⁾. А этотъ Абазехъ-Мухаммедъ-паша потомъ оказался такой негодный человѣкъ, что пришлось его казнить за все то, что онъ продѣлалъ въ Крыму при нашествіи туда русскихъ, какъ увидимъ далѣе.

Герая были какъ будто орудіемъ кары небесной для турковъ даже и тогда, когда дѣлали что-нибудь порядочное. Такъ удачные экскурсіи Масъудъ-Герай-султана за Дунаемъ у Журжева были поставлены турецкими войсками въ укоръ валахскому сераскеру, везиру Мухаммедъ-пашѣ, зачѣмъ онъ тоже ничего не предпринималъ рѣшительнаго противъ непріятеля; войска требовали, чтобы онъ велъ ихъ, а не сидѣлъ сложа руки за рѣкою. Паша же всячески отбояривался подъ предлогомъ ожиданія подкрѣплений изъ Рущука и опасности выступить съ его слабыми силами противъ многочисленнаго непріятеля. Уступивъ ихъ настояніямъ, онъ днемъ переправился въ Журжево, а ночью взялъ да и опять вернулся въ Рущукъ. Этотъ дикій поступокъ наши страшно взволновалъ войска, которыя ругались и грозились всѣ тоже переправиться въ Рущукъ и разнести крѣпость. Услышавъ это, онъ волею-неволею поѣхалъ опять въ Журжево. Всѣ начальствующіе, ничего не подозрѣвая насчетъ намѣреній войска, вышли на пристань для обычной церемонной встрѣчи командира; солдаты тоже выстроились рядами какъ будто бы въ ожиданіи отданія ему чести, а потомъ, обнаживъ сабли, набросились на него. Онъ было вздумалъ искать спасенія въ ближайшемъ анбарѣ, но они настигли его тамъ и изрубили на мѣстѣ²⁾. Какова же, значитъ, была дисциплина тогда въ турецкой арміи!

Пока Селимъ-Герай-ханъ зимовалъ въ Баба-Дагы, русскіе въ Крыму дѣятельно хлопотали о томъ, чтобы уладить дѣло переговорами. Сперва сношенія съ крымцами пору-

¹⁾ Васыфъ, II: 84; Ферайзи-задэ, II: 1612—1613.

²⁾ Васыфъ, II: 85—86; Ферайзи-задэ, II: 1613.

ченъ были управлявшему Слободскою губерніею генералъ-майору Щербинину, по потомъ новый главнокомандующій второю арміею, кн. Долгорукій взялъ дѣло въ свои руки, чисто изъ одного тщеславія, не желая дѣлить съ подчиненными ему лицами честь несомнѣннаго успѣха въ такомъ важномъ государственномъ предпріятіи. Въ январѣ 1771 года онъ отправилъ въ Крымъ переводчика Мавроева, который, за отсутствіемъ хана Селимъ-Герая, былъ принятъ ханскимъ братомъ, калгою Мухаммедъ-Герай-султаномъ и потомъ посаженъ имъ подъ стражу, подъ которой онъ просидѣлъ цѣлыхъ 22 дня. Вотъ въ этотъ-то моментъ и выступилъ на сцену Шагинъ-Герай, который явился орудіемъ довершенія судебъ Крымскаго ханства. Чѣмъ онъ прельщенъ былъ, этого ни изъ нашихъ русскихъ, ни изъ турецкихъ источниковъ не видно, но только онъ, да еще кады-эскеръ выступили защитниками Мавроева, которому, вмѣстѣ съ сопутствующими ему татарами Мелиса-мурзою (должно быть Муса-мурзою) и Али-агою, грозила опасность быть заживо сожженными, и убѣдили калгу не дѣлать такого безразсуднаго и бесполезнаго варварскаго поступка. 17-го февраля Мавроевъ былъ высланъ изъ Бакчѣ-Сарая. Надо полагать, что Шагинъ-Герай, бывшій незадолго предъ тѣмъ сраскеромъ надъ Едпсанцами, не чая возвыситься обычнымъ путемъ до ханскаго достоинства или предвидя неминуемость подчиненія Крыма Россіи, рапьше спюхался съ тянувшіею къ Россіи партіею, ибо глава движенія, Джанъ-Мамбетъ-бей рекомендовалъ его канцеляріи совѣтнику Весселицкому какъ самаго достойнаго кандидата въ выборные ханы, ибо, по его завѣренію, «изъ всѣхъ Гераевъ одинъ этотъ султанъ всѣмъ народомъ любимъ»¹⁾. Но эти переговоры ни къ чему не привели; пришлось употребить въ дѣло оружіе. Началась перепалка, къ разгару которой подоспѣлъ и самъ ханъ Селимъ-Герай. Вотъ какъ описывается этотъ роковой ударъ, нанесенный русскими строптивости крымскихъ татаръ, въ турецкихъ историкахъ.

«Вслѣдствіе малочисленности войска», пишетъ Васыфъ-эфенди, «упомянутому хану указано было зимовать близъ Баба-Дагы. Но когда начали собираться со всѣхъ сторонъ войска турецкія, и когда потому впредъ отъ пребыванія его (хана) въ этихъ окрестностяхъ ничего не предвидѣлось кромѣ бесполезныхъ расходовъ, то признано было за благо, чтобы онъ какъ можно скорѣе отправлялся въ Крымъ. Когда выяснилось это обстоятельство, то Высочайшему Стремени было доложено, что положительно невозможно и немислимо по-

¹⁾ Соловьевъ, XXVIII: 221—223.

крыть изъ бюджета главной арміи потребныхъ для его движенія расходовъ, какова бы ни была ихъ сумма. Очевидно было, что и отъ его рысканія во время стоянки на зимовкѣ рѣшительно никакого толку не можетъ быть, да если и теперь отпустить требуемую имъ сумму и удовлетворить прочимъ его надобностямъ, то изъ этого также ничего не выйдетъ, кромѣ потерь и убытка. Такъ какъ это было несомнѣнно для тѣхъ, отъ кого зависѣло дѣло, то на его требованія не обратили вниманія, и пришелъ отвѣтъ, состоявшій изъ уклончивыхъ и лестныхъ выраженій, да исполненный нѣсколькихъ красивыхъ соображеній. Сердарь-экремъ получилъ также толковое разсужденіе — *рисалэ* —, которое едва ли не обязано своимъ происхожденіемъ разсудительной изобрѣтательности Ени-Шегерлы Османа-эфенди¹⁾, и касалось увлеченія нѣсколькихъ неизвѣстныхъ татарскихъ племенъ и подчиненія ихъ непріятелямъ. Въ *рисалэ* было присовокуплено полустипіе: «Дайте дорогу, дайте дорогу: ханъ идетъ!»²⁾. Но сановники арміи объявили это *рисалэ* ложнымъ, говоря, что татары, сколько бы они ни были многочисленны, не могутъ устоять противъ огнестрѣльнаго оружія и, когда загорится битва, глядя на пушечные выстрѣлы, даютъ знать одинъ другому полустипіемъ: «Берегитесь, берегитесь: ядро летитъ!»³⁾ Что же касается хана, то на него такого рода рѣчи не дѣйствовали: онъ только твердилъ, что коли денегъ не будетъ выдано, такъ нечего и думать объ его отпращиваніи, о чемъ раза два такъ и было докладываемо Высочайшему Стремени. Тогда садразамъ, просто въ отчаяніи и ломая съ досады руки, волею-неволею отпустилъ ему сто кисетовъ изъ своей кассы и отправилъ его моремъ къ мѣсту его назначенія⁴⁾.

¹⁾ Вѣроятно того самого, который, какъ мы видѣли выше, подалъ султану курьозный совѣтъ удовлетворить денежныя нужды крымскаго сераскера изъ Кафскихъ доходовъ калги.

²⁾ Выраженіе подлинника въ этомъ мѣстѣ нѣсколько темно, вслѣдствіе странности сочетанія въ немъ арабскаго элемента съ персидскимъ безъ всякаго очевиднаго грамматическаго ихъ объединенія.

³⁾ Подлинное выраженіе въ турецкомъ текстѣ по звуковому составу своему есть пародія на приведенную выше фразу, и тоже смѣшаннаго въ грамматическомъ отношеніи построенія, хотя смыслъ его яснѣе значенія предыдущей фразы.

⁴⁾ Кромѣ настояній самого хана, отпуску ему денегъ способствовали также и требованія крымскаго сераскера Ибрагимъ-наши, который, какъ говорилъ его секретарь въ своихъ мемуарахъ, «неоднократно посылалъ и къ Порогу Счастья и въ главную армію доклады, извѣщенія, представленія и сообщенія какъ о сношеніяхъ съ гяурами пришедшихъ изъ Бендеръ ногайцевъ и находившихся въ Крыму племенъ, ширинцевъ и мурзъ, такъ и относительно потребныхъ на 85-й (1771—1772) годъ въ достаточномъ количествѣ денегъ, провіанта, войска, пушкарѣй, бомбардировъ и минеровъ, и вообще относительно всѣхъ военныхъ надобностей» (Мемуары, л. 9 recto). Описавъ бѣдственное положеніе крымскаго сераскера, ко-

При попутномъ вѣтрѣ онъ прибылъ на Крымскій полуостровъ и во дворцѣ своей древней столицы Бакчэ-Сарая предался отдохновенію¹⁾. Во время прибытія своего въ Крымъ онъ горячо взялся за дѣло доставленія потребныхъ крымскому сераскеру арбъ и прочихъ легко добываемыхъ надобностей²⁾. Самому же ему было обязательно выказать свое геройство въ отраженіи непріятелей; а онъ, точно будто это было мирное время, занялся довершеніемъ обстановки своего комфорта и совсѣмъ отсталъ отъ дѣлъ военныхъ и отъ распоряженія войскомъ. Сераскеръ-наша просто сталъ въ тупикъ отъ этого; онъ самъ уже принялся добывать все ему необходимое, вышелъ изъ зимовки въ поле и сталъ дожидаться движенія злодѣя-непріятеля, какъ вдругъ пришло извѣстіе о томъ, что около тридцати тысячъ гяуровъ съ шестидесятью тысячъ Ногайскихъ татаръ начали осаждать крѣпость Оръ. Когда хану стало извѣстно объ осадѣ, то онъ хотя и поспѣшилъ съ на-

торый, для удовлетворенія ронтавшаго войска, продалъ или заложилъ все имѣвшіяся у него драгоценныя вещи, секретарь дальше рассказываетъ, какъ дефтердаръ Эминъ-бей, получивъ 100 кисетовъ акчэ, отпущенныхъ изъ главной арміи на крымскую армію, размѣнялъ ихъ въ Килии и Аккерманѣ и 20 мѣшковъ издержалъ на покушю для себя невольниковъ и невольницъ, которыхъ онъ отослалъ къ себѣ въ Стамбуль. Ферманомъ же было сообщено, что, кромѣ этихъ ста мѣшковъ, переданныхъ дефтердарю въ видѣ аванса, еще будетъ послано 200 мѣшковъ. Но прибытіи въ Крымъ дефтердаръ преспокойно заявилъ, что онъ 20 мѣшковъ издержалъ на себя въ счетъ 100 мѣшковъ акчэ, которые, сказалъ онъ, «мнѣ слѣдуетъ получить изъ казны» (Ibidem, л. 10 г.). Этотъ дефтердаръ вообще былъ человѣкъ съ хищническими наклонностями: онъ, кромѣ вышеописаннаго мотовства казенныхъ денегъ, еще перемалывалъ въ муку гнилые сухари прежняго заготовленія и употреблялъ ихъ на продовольствіе войска крымскаго (Ibidem, л. 10 v. & 11 г.).

¹⁾ Въ мемуарахъ сказано, что «съ Крымскимъ ханомъ Селимъ-Гераемъ прибылъ изъ главной арміи и комендантъ Новой-Крѣпости (Ени-Калэ) и Рабата, кафескій вали Абазехъ-Мухаммедъ-паша: ханъ, его присутствіе, пріѣхалъ въ Бакчэ-Сарай, а Абазехъ-Мухаммедъ-паша съ 22 человѣками свиты моремъ въ Кафу и расположился гостить въ городѣ» (Ibid., л. 11 v. & 12 г.).

²⁾ Передъ тѣмъ же, читаемъ мы въ мемуарахъ, сераскеръ обращался съ просьбою о доставленіи арбъ къ калгѣ Мухаммедъ-Гераю. Калга отвѣчалъ, что арбы будутъ доставлены, но только не иначе какъ съ платою, какъ это слѣдуетъ по высочайшему ферману, данному деревенскимъ жителямъ Крыма. Паша возражалъ, что это неслыханная вещь — платить за арбы, и что о ферманѣ онъ ничего не знаетъ; да если бы и существовалъ такой ферманъ, то все равно платить было бы нечемъ: ни у него, ни у дефтердаря ни гроша нѣтъ. Онъ обѣщался написать объ этомъ въ Порту, а пока все же просилъ дать ему арбы, чтобы скорѣе отправиться въ Оръ, куда приближался непріятель. Крымцы сперва пообѣщали, а потомъ все же не дали арбъ (Мемуары, л. 11 г. & v.). По прибытіи хана сераскеръ отправилъ къ нему поздравительное письмо съ подарками и просьбою объ арбахъ. Ханъ отвѣчалъ обѣщаніемъ прислать арбы (Ibid., л. 12 v.).

ходившеюся при немъ толпою татаръ и въ означенномъ мѣстѣ нѣсколько разъ атаковалъ непріятельскій таборъ, выказывая ревность, но тѣ, кто былъ съ нимъ, не выносили пушечныхъ выстрѣловъ, и потому волей-неволей остановились въ мѣстечкѣ, называемомъ Тузла, въ шести часахъ разстоянія отъ Прута. Гяуры же, съ устраненіемъ затрудненій, стѣснили крѣпость, и сколько находившіеся внутри ея мужественные «сорви-головы» ни показывали самоотверженія, чтобы отбить ихъ, но такъ какъ средства къ отраженію истощились, то непріятель наконецъ-таки овладѣлъ крѣпостью и, держа въ своихъ рукахъ твердыню, служившую какъ бы ключомъ Крыма, достигъ цѣли, съ давнихъ поръ таившейся въ его сердцѣ. Когда эта ужасная вѣсть дошла отъ хана до слуга сераскерь-паша, то онъ просто остоленѣлъ, не могши двигаться ни назадъ ни впередъ, и потому понеобходимости остался на своемъ мѣстѣ, взирая на тѣ странные образы, которые еще должны были показаться изъ-за занавѣса рока. А между тѣмъ и крѣпость Тамань, что на разстояніи четырехъ часовъ отъ Кафы, около десяти тысячъ непріятелей тоже осаждали съ суши и съ моря. Такъ какъ эта крѣпость искони лишена была средствъ къ неприступности и оборонѣ, то врагъ, послѣ краткаго боя, овладѣлъ и этою крѣпостью; а на случай если бы подошло войско, онъ, чтобы вести бой, выкопалъ шанцы и приготовился встрѣтить его. Ханъ въ Тузмѣ отъ этого обстоятельства просто разодралъ на себѣ воротникъ вопля и стоновъ и совершенно ошалѣлъ, не зная, что ему дѣлать. Наконецъ бывшіе подъ его началомъ султаны и мурзы разсѣялись и разбрелись въ разныя стороны; а самъ онъ съ весьма немногими людьми остался. Съ мрачными мыслями пришелъ и онъ въ Бакчэ-Сарай; но какъ подумалъ о конечномъ-то результатѣ—о томъ, что со всѣхъ сторонъ нагрянутъ непріатели, то не могъ также и въ томъ мѣстѣ оставаться и взобрался-было на находящуюся поблизости высокую гору, именуемую Черною горою; но, увидѣвъ, что тамъ уже находится нѣсколько семействъ, чтобы защититься, поскорѣе съ нѣсколькими человѣками сѣлъ на корабль да и бѣжалъ къ Порогу. Вслѣдствіе бѣгства хана среди крымскихъ жителей произошло смятеніе. Кто помогущественнѣе да побогаче были, тѣ сѣли въ находившіяся у береговъ суда и отправились въ Анадолу и въ другія мѣста; находившіеся же въ горахъ, не имѣвшіе гдѣ главу преклонить, тѣ въ означенныхъ горахъ укрѣпились. А командированный на охрану Ени-Калэ Абазехъ-паша еще и съ корабля не сходилъ. Послѣ же этого событія, сказавъ, что «со ста двадцатью человѣками завоевать цѣлую страну выше силъ человѣческихъ», направился къ

берегамъ Синопскимъ и этимъ шагомъ разодралъ себѣ наконецъ одежду жизни¹⁾. Сераскеръ-паша тоже выбрался изъ Кара-Су, своего мѣстопробыванія и, по просьбѣ жителей, отправился въ Кафу, а тѣмъ временемъ врагъ овладѣлъ Кара-Су; ясно и очевидно было, что онъ придетъ и въ Кафу. Въ то время какъ онъ отобралъ около десяти тысячъ стрѣлковъ для сраженія съ непріятелемъ и встрѣтилъ его, явился орскій бей и, объяснивъ существованіе у нихъ договора съ московцами, повергъ войско въ уныніе, вернулъ народъ въ Кафу, а самъ избралъ тотъ же путь, которымъ и пришелъ. Врагъ же соединился съ войскомъ, бывшимъ на Таманской сторонѣ. Тѣ изъ войска, кто были годны на дѣло, еще прежде бѣжали на корабляхъ, и такимъ образомъ сераскеръ-паша, лишенный всякой смѣлости къ сопротивленію, попался въ плѣнъ и отправился въ Петербургъ и нѣкоторое время былъ въ разлукѣ съ своею семьею, родными и близкими. Ханъ же 24 ребіу-ль-ахыра = 8 августа 1771 г. прибылъ въ Черноморскій проливъ (т. е. Босфоръ) и остановился въ Буюкъ-Дерэ въ домѣ Мюрада-эфенди. Къ нему отъ правительства былъ посланъ чиновникъ особыхъ порученій отъ нишанджи, Османъ-эфенди для освѣдомленія объ обстоятельствахъ. Онъ же изложилъ происшедшія приключенія во всѣхъ подробностяхъ; изъяснилъ, что вслѣдствіе еще прежде заключеннаго съ татарами условія, Крымъ былъ уступленъ ими и, при подобныхъ обстоятельствахъ, понеобходимости долженъ былъ попасть въ руки непріятелей; все дѣло было приписано произволу судьбы, а хану послѣдовало высочайшее соизволеніе оставаться въ вышеупомянутомъ чифтликѣ. Когда извѣстіе о покореніи Крыма дошло отъ Высочайшаго Стремени и съ другихъ сторонъ до главной арміи, то ревнители вѣры и Державы испустили вздохи горя и сожалѣнія, а лишенные украшенія доблести предались наническому страху и начали разбѣгаться²⁾.

Секретарь крымскаго сераскера описываетъ событія согласно съ вышеприведеннымъ разсказомъ турецкихъ историковъ; но только, желая ли обѣлить своего патрона Ибрагимъ-пашу, или въ самомъ дѣлѣ сообщая чистую истину, видитъ главную причину такого легкаго и быстраго завоеванія Крыма русскими въ поведеніи татаръ, а также въ строптивости и бездѣльничаньи Абазехъ-Мухаммедъ-паши и начальника турецкой эскадры Хасанъ-паши.

¹⁾ Т. е. попросту сказать: былъ казненъ (Васыфъ, II: 140).

²⁾ Васыфъ, II: 99—101; Феранзи-задэ, II: 1622—1623.

Онъ говоритъ, что татаре дѣйствовали все время заодно съ русскими, обманывая и хана, котораго онъ называетъ «благороднымъ простякомъ» — *биръ сафидиль зати шерифъ* —; они сперва уговорили хана идти противъ гяуровъ, не дожидаясь прибытія сераскера въ Бей-Денрменъ по условію, а потомъ, послѣ сдачи непріятелю Перекопа, своими притворными воплями нагнали на хана такую панику, что онъ пустился бѣжать, такъ что его едва гдѣ-то отыскали посланные сераскера. Онъ письменно извѣстилъ сераскера о случившемся и приглашалъ его въ Кара-Су посоветоваться о томъ, что имъ дѣлать¹⁾. Абазехъ-Мухаммедъ-паша, получивъ извѣстіе въ Кафѣ о сдачѣ Перекопа и о взятіи русскими Рабата, вывелъ своихъ янычаръ за городъ и устроилъ окопы. На военномъ совѣтѣ шли такіе разговоры: «Татаре выдали Крымъ московцамъ; самъ ханъ и сераскеръ бѣжали: къ кому же теперь адресоваться?» — Абазехъ-паша съ хвастовствомъ добавилъ къ этому: «Какъ бы я былъ сераскеромъ, такъ я бы не бросилъ васъ въ такомъ положеніи и не ушелъ!» — «Такъ будь же ты отнынѣ нашимъ сераскеромъ!» закричала толпа янычаръ съ одобреніемъ²⁾. Въ тотъ же вечеръ однако явился самъ сераскеръ, и хвастуну Абазехъ-пашѣ ничего не оставалось болѣе, какъ сѣсть на корабль и уѣхать. Сколько янычаре ни упрашивали его вернуться въ ихъ лагерь, онъ всячески отговарился и уѣхалъ³⁾, и такимъ образомъ Ибрагимъ-паша остался одинъ ратоборствовать до послѣдней крайности, пока не былъ принужденъ сдаться, послѣ отчаянной попытки защищаться въ одной крѣпостной башнѣ въ Кафѣ⁴⁾. О томъ же, куда дѣвался Селимъ-Герай-ханъ, какъ и когда онъ отплылъ въ Стамбулъ, авторъ мемуаровъ ничего не говоритъ. Нѣтъ у него даже и намека на то, чтобы ханъ вступалъ въ какіе-либо дружественные переговоры съ главнокомандующимъ русской арміи, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ русскіе источники, по которымъ будто бы «Селимъ-Герай прислалъ письмо съ объявленіемъ, что намѣренъ вступить въ дружбу съ Россією..., но не дождался отвѣта на свое письмо: свѣдавъ о приближеніи русскихъ войскъ, назначенныхъ для занятія гаваней — Балаклавы, Безъбека и Ялты, и вообразивъ, что подъ видомъ этого запятія скрывается намѣреніе схватить его, побѣжалъ изъ деревни Альмы къ Ялтѣ, гдѣ

¹⁾ Мемуары, т. 13 г. & v.

²⁾ Ibidem, т. 14 v.

³⁾ Ibidem, т. 15 г. & v.

⁴⁾ Ibidem, т. 19 г. & v.

стояли заготовленные для него суда, сѣлъ на нихъ со всѣми своими и отплылъ въ Румелію»¹⁾.

Сестренцевичъ-Богущъ говоритъ даже, что «Селимъ обѣщалъ прислать двухъ своихъ сыновей въ заложники въ С.-Петербургъ; но не исполнивъ потомъ сего обязательства, увидѣвъ себя окруженнымъ Россійскими войсками въ своей столицѣ, и оставленнымъ своими подданными, бывъ весьма щастливъ, что могъ уйти тайно съ своимъ семействомъ и наперсниками въ Царь-Градъ»²⁾. Вѣроподобность этого факта отчасти подкрѣпляется замѣчаніемъ Ланглеса насчетъ Селимъ-Герая, что «le khân étoit haï de ses sujets; cette haine et l'indolence des Turks contribuèrent à favoriser les progrès des ennemis, et Sélym fut déposé»³⁾.

Ходъ событій во время этого занятія Крыма русскими описанъ секретаремъ Ибрагимъ-наши согласно въ общихъ чертахъ и съ русскими извѣстіями⁴⁾. Но онъ сообщаетъ слѣдующій весьма любопытный эпизодъ, не упоминаемый нашими историками. Еще до наступленія русскихъ войскъ на Кафу «кафскіе райя», говоритъ онъ, «написали бумагу, къ которой пять, десять поповъ приложили печати, и послали въ крѣпость»⁵⁾. Дорогою скрытый пикетъ, схвативъ и связавъ райевъ, везшихъ бумагу, препроводилъ ихъ къ сераскеру. Когда, посмотрѣвъ на бывшую въ ихъ рукахъ бумагу, имъ сдѣлали допросъ, то они показали, что имъ далъ эту бумагу такой-то попъ. Смыслъ этой бумаги былъ слѣдующій: «въ Кафѣ никого изъ мусульманъ не осталось, только и остались райя. Если вамъ райя нужны, то приходите поскорѣе черезъ такое-то мѣсто. Въ лагерѣ войска тоже очень мало». Сераскеръ велѣлъ умертвить этихъ райевъ и трехъ поповъ»⁶⁾.

Поведеніе султановъ Сахыбъ-Герая и Шагинъ-Герая изображается въ мемуарахъ какъ самое предательское. Такъ, когда русскіе подступили къ Перекопу, то сераскеръ, выступивъ изъ Кафы 12 ребіу-ль эввеля 1185 = 25 іюня 1771 г., послалъ хану

¹⁾ Соловьевъ, XXVIII: 225.

²⁾ Исторія о Тавріи, II: 374.

³⁾ Op. cit., p. 448.

⁴⁾ Соловьевъ, XXVIII: 223—226.

⁵⁾ Въ текстѣ пропущено названіе крѣпости; но по смыслу тутъ надо разумѣть одну изъ крѣпостей, находившихся въ рукахъ русскихъ, и ближе всего, конечно, Орскую крѣпость, т. е. Перекопъ.

⁶⁾ Мемуары, л. 17 г. & v.

увѣдомленіе и просьбу не двигаться далѣе, обѣщавъ черезъ три дня подоспѣть и соединиться съ нимъ въ Бей-Деирменѣ. Ханъ, получивъ это письмо сераскера, сообщилъ его крымскимъ вельможамъ; а они уговорили хана не дожидаться прихода сераскера. Въ числѣ лицъ, намѣренно сбившихъ хана съ толку, былъ перекопскій бей Сахыбъ-Герай. Онъ, да ханскій ага Исламъ-ага, да Желляль-мурза, да Инайетъ-Шахъ-мурза и другіе Ширинскіе беки и мурзы ногайскихъ племенъ Джамбойлу и Едишкулу мотивировали свою просьбу такими соображеніями: «Государь, вотъ уже два года, какъ въ Крыму османскій сераскеръ пользуется славою и честію, а наша служба не извѣстна ни высокопоставленному хану, ни Высокой Державѣ. Сдѣлай милость, чтобы хоть въ этомъ благословенномъ году мы не были отвержены отъ лица господина нашего хана, и чтобы мы, слуги его, были порадованы». Прельщенный этими коварными жалобами вышеупомянутыхъ представителей крымской знати, ханъ и виравду задумалъ стяжать себѣ имя и прославиться на полѣ брани, а потому, не дожидаясь сераскера, пошелъ къ Перекопской крѣпости. «Въ ночь, когда ханъ выступилъ», читаемъ мы въ мемуарахъ секретаря, «татаре съ гяурами обмѣнялись сигналами, по которымъ съ крѣпости раздались выстрѣлы, и жители крѣпости, думая, что идетъ ханъ, вышли всѣ посмотреть на него. Злодѣи-гяуры, съ которыми все это было условлено, прямо подошли къ Перекопи; имъ изнутри были отворены ворота; мурзы, Ширины, Ногайцы и прочіе стали въ ряды и приняли невѣрныхъ внутрь крѣпости. Когда гяуры начали входить въ крѣпость, изъ оставшихся въ ней войскъ одни бѣжали, другіе были убиты, третьи взяты въ плѣнъ. Передавшіе гяурамъ крѣпость были радехоньки, къ хану же пошли и сказали: «Ахъ, бѣда, высокостепенный ханъ! Вотъ какая вышла оказія: невѣрные взяли крѣпость и вернулись въ эту сторону!» Они съ такими воплями вошли къ хану, что этотъ послѣдній, вмѣсто прежняго намѣренія стяжать имя и славу, ударился въ бѣгство. Поистинѣ онъ велъ себя какъ сущій татаринъ»¹⁾. По русскимъ же извѣстіямъ «ханъ ушелъ, и крѣпость Перекопъ сдалась»²⁾.

Затѣмъ въ мемуарахъ рассказывается, что по занятіи русскими крѣпости Рабата, сераскеръ послалъ изъ Кафы туда отряды подъ начальствомъ кыяя-бея. «Презрѣнные

¹⁾ Мемуары, л. 12 v.—14 r.

²⁾ Соловьевъ, XXVIII: 223.

гяуры»; пишет автор мемуаровъ, «получивъ уже заранѣе извѣстіе о наступленіи на нихъ мусульманскихъ войскъ, послали въ Перекопъ гонца къ своему генералу сказать ему слѣдующее: «У насъ съ татарами не такой былъ уговоръ, или же вы дали другое приказаніе? Пусть татаре придутъ и дадутъ отвѣтъ туркамъ, такъ какъ всѣ крымцы и погайцы обмѣнялись съ вами договорными записями. Они дали завѣреніе, что если, молъ, османскія войска придутъ, то мы отвѣтимъ и дадимъ отпоръ; а теперь вотъ они пришли на насъ. Если дѣло останется какъ есть, то непріятельское войско пойдетъ и на Перекопъ». Получивъ это донесеніе, генералъ Долгорукій, назначенный отъ корсакъ гяуровъ въ Крымъ главнокомандующимъ, сообщилъ полученное имъ изъ Рабата гяурское донесеніе теперешнему хану, бывшему прежде Орскому бею¹⁾, Сахыбъ-Гераю и его брату Шагинъ-Гераю. Сахыбъ-Герай немедленно послалъ брата своего Шагинъ-Герая, вручивъ ему бумагу, во главѣ многочисленной рати татаръ къ мусульманскому войску. Шагинъ-Герай, прибывъ на мѣсто и окруживъ бывшими у него погайскими татарами наше²⁾ войско, предъявилъ находившуюся въ его рукахъ бумагу, смыслъ которой былъ слѣдующій: «Ради чего вы воюете? Если ради Крыма, то мы всѣ отдали Крымъ московцамъ и замирились съ ними. Намъ нужны владѣнія; а отъ васъ что намъ пользы? Положеніе главной арміи извѣстно; вамъ бы тоже лучше идти назадъ въ Кафу. Если же произойдетъ сраженіе, то погайскіе татары разнесутъ весь вашъ лагерь. Будьте здоровы!» Тогда татары ретировались и расположились въ сторонѣ; а наши войска, видя себя въ такомъ положеніи, безъ боя отступили и начали открыто садиться на корабли. Пѣкоторые все-таки не покидали ложементовъ, да что было пользы? Горожане всѣ съ разныхъ сторонъ шли къ пристанямъ, садились на баркасы и уѣзжали, потому что крымцы поручились за имущества мѣстныхъ жителей: умыселъ ихъ былъ только настрашать наши войска, такъ что послѣ они могли возвратиться и опять вступить во владѣніе своимъ имуществомъ. Мѣстные жители немусульмане, райя, тоже были посвящены въ эту тайну и, въ самомъ дѣлѣ, потомъ присвоили себѣ всѣ дома и лавки мусульманъ; а пѣкото-

¹⁾ Это мѣсто текста часто цитруемыхъ у насъ записокъ можетъ служить къ довольно точному опредѣленію времени составленія ихъ авторомъ. Сахыбъ числился ханомъ въ теченіе 1772—1775 гг., слѣдовательно тогда же написаны были и мемуары.

²⁾ Т. е. османское.

рые изъ нихъ захватили невѣрные»¹⁾). Подъ послѣдними авторъ, надо полагать, разумѣетъ русскихъ пришельцевъ, въ отличіе отъ мѣстныхъ немусульманъ, жившихъ въ Кафѣ.

Что немусульмане выражали свое сочувствіе русскимъ и готовность содѣйствовать имъ къ занятію Кафы, это не удивительно: кромѣ религіозной антипатіи къ господамъ города, туркамъ, они могли руководиться и политическими соображеніями: не много надо было прозорливости, чтобы видѣть наступленіе новаго порядка дѣлъ на полуостровѣ съ неизбежнымъ паденіемъ власти турецко-татарской и съ водвореніемъ тамъ русскаго владычества.

Гораздо замѣчательнѣе настроеніе мусульманскаго населенія Крыма, которое, по наблюденіямъ турецкаго чиновника, было въ пользу русскихъ. Изобразивъ дѣйствія Шагинъ-Герая, онъ затѣмъ въ стихахъ разражается страшною бранью уже противъ крымцевъ, за ихъ готовность покориться русской державѣ, и затѣмъ пишетъ слѣдующее. «Глава упомянутыхъ племенъ Джапъ-Мамбетъ, злонаправный сынъ дьявола, совѣтуясь въ одномъ мѣстѣ съ генераломъ невѣрныхъ, сказалъ ему: «Не удобно, чтобы въ одномъ мѣстѣ было два хана; пусть Селимъ-Герай-ханъ уѣдетъ. А такъ какъ находящіеся въ Кафѣ отоманскія войска частию на морѣ, частию въ лагерѣ, то можетъ случиться, что сзади подойдутъ другія войска и подкрѣпятъ ихъ, и тогда положеніе сдѣлается затруднительнымъ: въ этомъ мѣрѣ всего можно ожидать. Случись, что османлы одержатъ побѣду, тогда они зададутъ крымцамъ, и эти скажутъ, что вы были всему причиною. Если же отоманскія войска обратятся въ бѣгство, то и крымцы, и ногайцы скажутъ въ отвѣтъ: «Ваши войска бѣжали, а мы не въ силахъ были сопротивляться такой многочисленной арміи, какова гяурская, поэтому мы, волей-неволей и сдались, чтобы только спасти наше имущество, женъ и дѣтей». На этомъ основаніи надобно идти въ Кафу, да и находящіеся въ Кафѣ райя тоже ждуть насъ». Говоря такимъ образомъ, онъ подучилъ и настроилъ, а злодѣй-гяуръ, по имени генераль Долгорукій построилъ войска и двинулся на Кафу»²⁾). Результатомъ этого было, какъ извѣстно, разбитіе турецкаго отряда и взятіе города Кафы.

Описавъ взятіе въ плѣнъ своего начальника, сераскера Ибрагимъ-паши, секретарь его въ заключеніе пишетъ о переговорахъ татаръ съ русскими, происходившихъ послѣ занятія

¹⁾ Мемуары, л. 16 v.—17 г.

²⁾ Мемуары, л. 18 г. & v.

Кафы. «Въ теченіе семнадцати дней нашего заточенія», читаемъ въ мемуарахъ, «татарѣ всякій день являлись въ лагерь невѣрныхъ. Всѣ мурзы, Ширинь, глава Едисанскихъ татаръ Джанъ-Мамбетъ-задэ одноглазый и прочіе приходили на совѣщаніе; иногда бывали и споры. Потомъ невѣрные позабирали находившихся въ рукахъ татаръ невольницъ и скотъ и отослали все на Кубань. Тогда татарѣ остолбенѣли, узнавъ, къ чему клонится дѣло; но что было толку въ этомъ? Племя Ногайцевъ перешло на сторону невѣрныхъ; къ невѣрнымъ подошли еще сзади вспомогательныя войска и запрудили Крымъ со всѣхъ сторонъ, такъ что крымцамъ не осталось никакой возможности рассчитывать на побѣду. Подѣломъ имъ!»¹⁾).

Такъ оно происходило и по русскимъ извѣстіямъ. Долгорукій получилъ отъ татаръ присяжный листъ съ подписями крымской знати, а потомъ увѣдомленіе объ избраніи ими въ ханы Сахыбъ-Герая, а въ калги брата его Шагинъ-Герая²⁾. Такимъ образомъ Крымское ханство вступило въ послѣдній и самый непродолжительный періодъ своего существованія, подъ опекою Россійской Державы, который, по злой ироніи судьбы, считается періодомъ «такъ называемой независимости» его. Фактически Крымъ находился теперь въ русскихъ рукахъ; оставалось только формально легализировать совершившійся фактъ, и это заняло еще цѣлый десятокъ лѣтъ. Съ одной стороны татарѣ, наскучившіе бесполезнымъ для нихъ въ послѣднее время владычествомъ Порты, очень охотно встрѣтили русскія войска и сами содѣйствовали скорѣйшему очищенію полуострова отъ османскихъ войскъ. Но, кажется, они, и главнымъ образомъ ихъ вожаки, братья Сахыбъ-Герай и Шагинъ-Герай, при этомъ вообразили, что русскіе могутъ удовольствоваться изгнаніемъ турковъ, предоставивъ затѣмъ крымцамъ самимъ уже распоряжаться судьбами края. Поэтому-то Сахыбъ-Герай тотчасъ же, какъ только сдѣлался ханомъ, началъ протестовать противъ пребыванія въ крымскихъ крѣпостяхъ русскихъ гарнизоновъ³⁾.

¹⁾ Мемуары, л. 20 г.

²⁾ Соловьевъ, XXVIII: 225—226.

³⁾ Ibidem, 227.

VIII.

Татарская оппозиція предложеніямъ русскихъ уполномоченныхъ. — Переговоры русскихъ дипломатовъ съ турецкими въ Фокшанахъ. — Разсужденія въ государственномъ Диванѣ Порты относительно положенія татаръ и возобновленіе войны съ Россіею. — Номинальный ханъ Максудъ-Герай I въ Рушукѣ. — Безполезность его существованія. — Колебаніе татаръ. — Неудавшаяся Крымская экспедиція Джаныклы Али паши. — Положеніе Крымскаго ханства по условіямъ Кючукъ-Кайнарджійскаго мира и несостоятельность Сахыбъ-Герай-хана II. — Происки Шагинъ-Герая. — Мятѣжническій образъ дѣйствій Девлетъ-Герая и достиженіе имъ ханскаго трона!

Татары, какъ ни были просты, а скоро смекнули, что гарантіи ихъ независимости отъ Порты, принятыя на себя Россіею, вовсе не согласовались съ ихъ собственными воззрѣніями на свое новое международное положеніе, и потому отказались исполнить предложеніе русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при ханѣ Веселицкаго послать къ императрицѣ просительное письмо, чтобы она приняла подъ свою власть города Керчь, Еникалэ и Кафу¹⁾. Равнымъ образомъ отправившійся посломъ въ Петербургъ калга Шагинъ-Герай тоже еще, очевидно, не понималъ новыхъ условій политическаго существованія ханства, и всячески ломался, въ самомъ дѣлѣ считая себя представителемъ независимаго государства: то требовалъ, чтобы гр. Панинъ первый сдѣлалъ ему визитъ, то не хотѣлъ снимать шапки на аудіенціи императрицы, благо съ нимъ обошлись ласково и оказывали ему всякое вниманіе²⁾. Когда для окончательнаго улаженія дѣлъ съ Сахыбъ-Гераемъ въ Бакчэ-Сарай явился генералъ Щербининъ, то ханъ отказался торжественно, на аудіенціи принять отъ него подарки — перо и саблю, и поцѣловать грамоту императрицы, считая это знаками подчиненности и повиновенія; а когда Щербининъ коснулся пункта охраненія Россіею татарской вольности, то Сахыбъ-Герай возразилъ: «На что вольнаго человѣка охранять?» Только податливость ногайскихъ депутатовъ побудила его наконецъ подписать актъ, въ которомъ онъ клялся, что со всеѣмъ крымскимъ народомъ отторгается на вѣчныя времена отъ Оттоманской Порты и будетъ состоять подъ покровомъ

¹⁾ Соловьевъ, XXVIII: 228.

²⁾ Ibidem, 229—231; 348—349.

вительствомъ всепресвѣтлѣйшей государыни великой Екатерины и ея наслѣдниковъ¹⁾. Это происходило въ іюль 1772 года.

Около того же времени начались переговоры о мирѣ съ Портою въ Фокшанахъ, ничѣмъ не кончившіеся, какъ извѣстно. Турки долго никакъ не хотѣли примириться съ мыслью о независимости татаръ, т. е. собственно консервативная часть стамбульскаго общества, турецкіе улема, смотрѣвшіе на эту независимость какъ на богопротивную ересь. Одинъ турецкій уполномоченный, чудакъ Османъ-эфенди, не добившись желаннаго отказа русскихъ отъ татарской независимости, внезапно уѣхалъ изъ Фокшанъ, не испросивъ даже на это надлежащаго разрѣшенія²⁾. Другой уполномоченный, Абду-р-Реззакъ-эфенди продолжалъ вести переговоры въ Бухарестѣ³⁾. Какъ человѣкъ толковый, онъ согласился съ доводами Обрѣзкова, что высвобожденіе татаръ изъ-подъ покровительства Порты равно необходимо, какъ для благополучія ея самой, такъ и для спокойствія Россіи, отнимая у нихъ возможность вести себя такъ хищнически, какъ это было доселѣ, и служить причиною неудовольствія между обѣими державами⁴⁾. Соглашеніе, послѣ незначительныхъ споровъ устроенное Абду-р-Реззакъ-эфенди, о которомъ Обрѣзковъ писалъ, что онъ весь свой вѣкъ изжилъ съ турками, «но такого добропорядочнаго и добродѣтельнаго человѣка не нашелъ»⁵⁾, было принято и верховнымъ везиремъ и всѣмъ начальствомъ турецкой арміи. Они разсуждали такъ: «Неужели оттого, что татары станутъ самостоятельными, больше будетъ вреда для Высокой Державы, нежели отъ теперешняго господства (въ Крыму) русскихъ?»⁶⁾. Но не такъ думали лицемѣры, сидѣвшіе спокойно въ Стамбулѣ и сами не испытавшіе всѣхъ бѣдствій и ужасовъ войны. Докладъ верховнаго везира

¹⁾ Соловьевъ, XXVIII: 345—348. Перечень всѣхъ относящихся къ переговорамъ съ татарами документовъ съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія находится въ приложеніяхъ къ соч. г. Уляницкаго «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ», Приложение: 46-е, стр. CXXXVIII—CLXVIII.

²⁾ Васильевъ, II: 133—136; Хуляевъ и Іътибаръ, 55; Сенковский, VI: 291—2.

³⁾ Относящіеся къ Бухарестскому конгрессу документы in extenso также см. у г. Уляницкаго, Приложение 47-е. — Васильевъ-эфенди, лично принимавшій участіе въ этомъ конгрессѣ, тоже довольно подробно излагаетъ происходившіе на немъ переговоры (Тарихи-Васильевъ, II: 142, 144—148), хотя и оговаривается, что «споровъ было очень много, и что если бы понадобилось все описывать, то пришлось бы увеличить объемъ книги, а потому онъ и ограничивается лишь сокращеннымъ изложеніемъ обстоятельствъ».

⁴⁾ Хуляевъ и Іътибаръ, 57; Сенковский, 294.

⁵⁾ Соловьевъ, XXIX: 8.

⁶⁾ Васильевъ, II: 146; Хуляевъ и Іътибаръ, 58; Сенковский, 295.

Мухсинъ-заде Мухаммедъ-паша, посланный имъ въ Порту съ Ашау-л-Ла-беемъ, былъ подвергнутъ обсужденію государственнаго Дивана, гдѣ присутствовалъ и тотъ Османъ-эфенди, который даромъ провелъ время въ Фокшанахъ, ни до чего не договорившись съ русскими уполномоченными. Не столько радѣя о пользахъ государства, сколько желая, вѣроятно, испортить дѣло, сдѣланное другими, въ которомъ самъ оказался несостоятельнымъ, этотъ неудачный дипломатъ больше всѣхъ возвышалъ въ присутствіи султана голосъ противъ заключенія мира съ русскими на предлагавшихся условіяхъ. «Мы москвцевъ видѣли своими глазами», кричалъ онъ; «мы щупали пульсъ ихъ; мы поняли, насколько мозги ихъ пропитаны злонамѣренностью; этотъ миръ не имѣетъ смысла: цѣль ихъ обманъ и коварство!» Такими всущности лживыми, но по внѣшности цвѣтистыми и раззолоченными рѣчами онъ однако же помутилъ разумъ султана, тѣмъ болѣе что встрѣтилъ себѣ поддержку въ кады-эскерахъ, которые тоже вопіяли: «Независимость татаръ!... Помилуй Богъ, да одно слово это произносить такъ грѣхъ тяжкій!» Тогда всѣ подъ этимъ впечатлѣніемъ сказали: «Невозможно! Еще навѣрное дастъ себя знать ревность къ Богу! Мы еще москвцевъ заставимъ хорошенько отвѣдать сабли, а потомъ и заключимъ миръ, какой пожелаемъ!»¹⁾

Этотъ отрицательный отвѣтъ былъ сообщенъ съ тѣмъ же посланнымъ въ главную квартиру, а оттуда переданъ и Обрѣзкову. Война возгорѣлась снова и длилась еще больше года, пока не разрѣшилась знаменитымъ Кючукъ-Кайнарджійскимъ миромъ.

Государственные люди Порты въ ослѣпленіи своемъ не предвидѣли всѣхъ послѣдствій тщетнаго упорства, продолжали тѣшить свое самолюбіе такими мѣропріятіями, которыя причиняли только лишнія хлопоты, расходы и затрудненія, и не образумились во время. Такъ, когда Селимъ-Герай-ханъ III покинулъ Крымъ, занятый русскими войсками, говоритъ турецкій историкъ Васыфъ-эфенди, ханское званіе потеряло всякій смыслъ, пока крымская территорія оставалась въ рукахъ завоевателей. Что же дѣлаютъ турецкіе мудрецы? Они въ совѣтѣ рѣшили, что хоть номинально, хоть только надъ татарами, поселившимися по ту сторону Дуная, да надо назначить новаго хана. Въ началѣ шаъбана 1185—въ ноябрѣ 1771 г. пригласили всѣхъ проживавшихъ въ Румилии султановъ Герайскаго дома и мурзъ въ столицу и начали выбирать подходящаго человѣка въ тор-

¹⁾ Хулясе и Гьтибаръ, 59; Сепковскій, 296.

жественномъ и многолюдномъ собраніи въ сараѣ Давудъ-паши. Послѣ долгихъ разговоровъ и преній остановились на Максудъ-Гераѣ, разъ уже сидѣвшемъ на ханскомъ тронѣ; калгою къ нему назначили сына Крымъ-Герая, Бахты-Герая; мѣсто пур-эд-дина оставлено вакантнымъ. При обсужденіи мѣръ къ уничтоженію обязательныхъ отношеній татаръ къ русскимъ и къ возвращенію Крыма въ лоно владѣній падишахскихъ, новоизбранный титулярный ханъ рекомендовалъ дѣйствовать чрезъ возмущеніе черкесовъ, съ каковой цѣлью и рѣшено было немедленно отправить въ черкесскія страны другого сына Крымъ-Герая, Мухаммедъ-Герая съ сиахшуромъ Гурджи-Али-агою, снабдивъ ихъ султанскими подарками для подкуна черкесскихъ жителей. Такъ какъ всѣ придунайскія мѣстности большею частью были въ рукахъ русскихъ, а по Черному морю крейсировали русскіе корабли, то Максудъ-Герай съ толпою татаръ болѣе десяти тысячъ отправился въ Шумлу. Внезапный приливъ такой массы татарскихъ ртовъ, потребовавшихъ теперь продовольствованія, поставилъ садразама въ несказанное затрудненіе, потому что ему нечѣмъ было кормить и свою-то армію. Скрѣпя сердце, верховный везиръ устроилъ обычную церемонію встрѣчи титулярнаго хана въ Шумлѣ, отрядивъ мигмандаремъ (церемоніймейстеромъ) Атау-л-Ла-бея, и кое-какъ удовлетворялъ нужды поселившихся по окрестнымъ деревнямъ султановъ, мурзъ и прочихъ татаръ. Въ совмѣстномъ совѣщаніи садразама съ ханомъ Руцукъ былъ избранъ мѣстомъ зимовки послѣдняго, куда онъ и прибылъ седьмого рамазана = 14 декабря того же 1771 года.

Максудъ-Герай-ханъ I (1185—1186=1771—1772) въ этомъ своемъ новомъ положеніи жилъ въ свое удовольствіе — пилъ, ѣлъ, требовалъ изъ казны денегъ на свой комфортъ: до всего другого-прочаго ему мало было заботы. Смѣнили двухъ состоявшихъ при немъ квартирмейстеровъ Мухаммедъ-агу и Ахмеда-эфенди, не могшихъ сводить концовъ съ концами, — ничто не помогало; наконецъ раціоны, отпускавшіеся натурою, переложены были на денежный эквивалентъ: хану стали отпускать изъ казны по тридцати пяти тысячъ акчѣ въ мѣсяцъ. Тогда свита его, не довольствуясь этимъ содержаніемъ, принялась «не хуже полчищъ Гулагу» грабить и разорять жителей окрестныхъ деревень, такъ что уже въ османской арміи возникло неудовольствіе по поводу такого безобразнотунейдскаго поведенія татарскихъ братьевъ по оружію. Слухи объ этомъ дошли до султана; вопросъ о ханѣ былъ подвергнутъ обсужденію государственнаго Дивана, и Максудъ-Герая былъ посланъ строгій ферманъ съ напоминаніемъ ему о томъ, что онъ избралъ

для того, чтобы стараться о привлеченіи крымскаго народонаселенія и объ уничтоженіи союза съ врагами и дѣлать во время зимовки при всякомъ благопріятномъ случаѣ нападенія на непріятеля, а не для того чтобы даромъ проѣдать деньги, съ трудомъ и обремененіемъ для райи добываемыя казною на его содержаніе, и творить всякія насилія бѣднымъ жителямъ ¹⁾).

Подъ вліяніемъ этого, должно быть, внушенія свыше татаре принялись за дѣло; но и тутъ оказалось, что услужливый дуракъ опасяе врага: въ то время какъ у садразама уже состоялось, но пока держалось въ секретѣ, условіе съ русскимъ главнокомандующимъ о перемиріи передъ Фокшанскимъ конгрессомъ, вдругъ онъ получаетъ отъ Максудъ-Герая письмо съ пзвѣщеніемъ, что онъ съ 300—500 находящимися при немъ татарами выступилъ изъ Рущука для соединенія съ никопольскимъ отрядомъ и собирается переправиться на ту сторону Дуная, чтобы произвести атаку на непріятеля, а коли это не удастся, то ограбить и разорить мятежныхъ райю. Это извѣстіе произвело страшный переполохъ въ главной квартирѣ, потому что такая выходка хана могла испортить все дѣло, уничтоживъ только-что заключенное перемиріе. Тотчасъ же былъ посланъ знакомый уже намъ Атау-л-Ла-бей курьеромъ остановить затѣю хана, и онъ едва успѣлъ догнать двинувшійся отрядъ и вовремя воротить его ²⁾).

Неудачный исходъ Букурештскаго конгресса повелъ къ бесполезнымъ непріятностямъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Русскія войска, истощенныя затянувшейся борьбою, по временамъ оказывались не въ силахъ одолѣть турковъ. Эти послѣдніе, ободренные хоть и незначительными успѣхами, окрылялись надеждою на полное торжество и втягивались въ войну, пока не потерпѣли совершеннаго фіаско. Крымцы тоже не оставались спокойными зрителями происходившихъ предъ ними и изъ-за нихъ событій и слѣдили за всѣмъ, что дѣлалось. Ободренные уступчивостью Россіи на Букурештскомъ конгрессѣ, на которую совершенно основательно нарекалъ калга Шагинъ-Герай ³⁾, а также и нѣкоторыми послѣдовавшими затѣмъ успѣхами османскаго оружія, крымскіе татары, т. е. собственно партія, желавшая возвратиться въ турецкое подданство, опасаясь ли мести Порты въ случаѣ полного

¹⁾ Васыфъ, II: 114—116.

²⁾ Ibidem, 122.

³⁾ Соловьевъ, XXIX: 30—31.

торжества послѣдней, или будто бы тяготясь, по отзыву турецкихъ историковъ, несправедливымъ и противодоговорнымъ обращеніемъ съ ними русскихъ, стали опять заискивать у Порога Счастія, начавши присылать одно за другимъ письма, въ которыхъ изъявляли раскаяніе въ прежнемъ своемъ поведеніи. Турки сейчасъ же, конечно, обрадовались такому повороту въ настроеніи татаръ и рѣшили во что бы то ни стало настоять на исполненіи желаній крымцевъ, выраженныхъ ими въ покаянныхъ посланіяхъ. Съ этою цѣлью прежде всего вызвали отставного хана Девлетъ-Герая изъ его чифлика въ столицу и спросили его мнѣнія насчетъ освобожденія Крыма силою оружія. Онъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ весьма легкій путь къ этому. Его послушали: набрали, съ помощью Джаныклы Али-бея, двадцать пять тысячъ пѣхотнаго войска, посадили его въ Синопѣ и въ другихъ пристаняхъ на корабли, дали этому пашѣ въ видѣ поощренія званіе везира и снарядили такимъ образомъ импровизированную экспедицію въ Крымъ. Все это устроилось помимо и безъ вѣдома числившагося крымскимъ ханомъ Максудъ-Герая, который проживалъ то въ Рушукѣ, то въ Никонолѣ, спокойно получая и проѣдая ежемѣсячно по тридцати пяти тысячъ гурушей. Узнавъ о приглашеніи къ Высочайшему Стремени Девлетъ-Герая и объ отправкѣ его въ экспедицію въ Крымъ, Максудъ-Герай счелъ это обиднымъ для его чести знакомъ лишенія его ханскаго званія, собралъ свои пожитки и со всею своею свитою 20 ребіу-ль-эввеля 1187 = 11 іюня 1773 года поспѣшно удалился прямо въ свой чифликъ. Верховный везиръ довелъ объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія, и изданъ былъ султанскій указъ о ссылкѣ Максудъ-Герая въ Татаръ-Базарджикъ и наказаніи его за такое дурное поведеніе¹⁾. О финалѣ кратковременной карьеры Максудъ-Герая крымскій историкъ говоритъ немного иначе, а именно: «Командированіе Девлетъ-Герая въ Кубань (а не въ Крымъ, какъ говоритъ Васыфъ-эфенди) причинило неудовольствіе его (Максудъ-Герая) гордой натурѣ, и онъ безъ позволенія отправился въ свой чифликъ. Это вызвало гнѣвъ достохвальнаго надишаха, и тотчасъ его сослали въ Самаково; потомъ онъ былъ прощенъ и получилъ разрѣшеніе опять поселиться въ своемъ чифликѣ»²⁾.

Можетъ быть, собственно за то и раздосадовались на самовольство Максудъ-Герая въ Портѣ, что затѣянная ею экспедиція въ Крымъ или въ Кубань, по другимъ, свро-

¹⁾ Васыфъ, II: 154.

²⁾ Гульбуни-хананъ, 114.

пейскимъ свѣдѣніямъ, ни туда ни сюда не осуществилась: Джаныклы Али-паша съ Девлетъ-Гераемъ праздно просидѣли въ Трапезундѣ, не сдѣлавъ даже никакой попытки предпринять что-либо къ выполнению возложеннаго на нихъ порученія¹⁾. Только послѣ того какъ былъ заключенъ Кючукъ-Кайнарджійскій миръ и уже написанъ былъ рескриптъ къ начальнику второй арміи съ приказаніемъ постепенно очищать Крымъ, оставивъ гарнизоны въ Керчи и Ени-Балэ, вдругъ пришло отъ Долгорукаго извѣстіе, что въ Крымъ высадился съ войскомъ сераскерь-паша Али-бей²⁾. Это, конечно, и былъ Джаныклы Али-паша, какъ это увидимъ послѣ, явившійся туда ни ко времени, ни къ мѣсту.

Что же касается до Девлетъ-Герая, то онъ тоже на нѣкоторое время исчезаетъ со сцены послѣ назначенія его съ Джаныклы Али-пашою въ экспедицію. Ресми-Ахмедъ-эфенди, описывая бѣдствія, постигшія турецкую армію подъ самый конецъ злополучной борьбы, мелькомъ упоминаетъ о томъ, что «наряженные изъ Стамбула на помощь намъ Испинакчи-паша съ Татарскимъ ханомъ, дотащивъ ноги до Адрианополя и Карынъ-Абада, такъ ни разу ни не показались»³⁾; но кого онъ тутъ разумѣтъ, не ясно.

Составляющій торжество нашего оружія и политики Кючукъ-Кайнарджійскій миръ Ресми-Ахмедъ-эфенди называетъ «безпримѣрнымъ, рѣдкимъ, миромъ, какому не было подобнаго отъ начала возникновенія Высокой Державы»: дотога было отчаянно положеніе турковъ въ ту критическую пору⁴⁾. Такой благополучный, по его словамъ, выходъ изъ тогдашняго критическаго положенія, какой турки нашли въ заключеніи этого мира, Ресми полусмѣло, полусерьезно приписываетъ единственно тому, что «августѣйшее вступленіе на престолъ новаго могущественнаго падишаха случилось въ весеннее время, и что слѣдовательно его августѣйшее счастіе было тогда въ полной силѣ»⁵⁾.

Султанъ Мустафа III (1757—1773) не дожидъ до окончанія злополучной войны и въ предсмертной агоніи все еще бредилъ ею, собираясь самолично отправиться въ походъ и возстановить честь отоманскаго оружія, посрамленную послѣдними пораженіями.

¹⁾ Hammer, *Ged. O. R.*, VIII: 420—421.

²⁾ Соловьевъ, XXIX: 94.

³⁾ Хулясэи-Іътибаръ, 79; Сенковскій, 319.

⁴⁾ Хулясэи-Іътибаръ, 81; Сенковскій, 321.

⁵⁾ Хулясэи-Іътибаръ, 79; Сенковскій, 320.

въ которыхъ турецкія войска только и дѣлали что обращались въ бѣгство, чего не скрываютъ даже и турецкіе историки. Преемникъ его Абду-ль-Хамидъ I (1774—1789) тоже убѣдился въ бесполезности дальнѣйшей борьбы съ Россіею и подписалъ вышеупомянутый миръ, третьею статьею котораго санкціонировано новое положеніе Крымскаго ханства, созданное обстоятельствами послѣдней войны. Эта статья гласитъ слѣдующее: «Всѣ Татарскіе народы: Крымскіе, Буджакскіе, Кубанскіе, Едисанцы, Жамбуйлуки и Едичкулы, безъ изъятія отъ обѣихъ Имперій имѣютъ быть признаны вольными и совершенно независимыми отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавною властію собственнаго ихъ Хана Чингисскаго поколѣнія, всѣмъ Татарскимъ обществомъ избраннаго и возведеннаго, который да управляетъ ими по древнимъ ихъ законамъ и обычаямъ, не отдавая отчета ни въ чемъ никакой посторонней Державѣ; и для того ни Россійскій Дворъ, ни Оттоманская Порта не имѣютъ вступаться какъ въ избраніе такъ и возведеніе помянутаго Хана, такъ и въ домашнія, политическія, гражданскія и внутреннія ихъ дѣла ни подъ какимъ видомъ, по признавать и почитать оную Татарскую націю въ политическомъ и гражданскомъ состояніи по примѣру другихъ Державъ. подъ собственнымъ правленіемъ своимъ состоящихъ, ни отъ кого, кромѣ единого Бога, не зависящихъ, въ духовныхъ же обрядахъ, какъ единовѣрные съ Мусульманами, въ разсужденіи Его Султанскаго Величества, яко Верховнаго Калифа Магометанскаго закона, имѣютъ сообразоваться правиламъ, закономъ ихъ предписаннымъ, безъ малѣйшаго предосужденія, однакожъ, утверждаемой для нихъ политической и гражданской вольности . . . » и т. д.¹⁾.

Ясно, что статья эта заключала въ себѣ зерно дальнѣйшихъ пререканій между договоривавшимися державами по поводу тѣхъ же татаръ. Устанавливая полную ихъ самостоятельность, она въ то же время обязывала ихъ сообразоваться въ духовныхъ обрядахъ съ общемусульманскими законами, регламентаторомъ которыхъ считается верховный калифъ, султанъ турецкій. А такъ какъ у мусульманъ нѣтъ строгаго разграниченія между бытомъ религіозно-обрядовымъ и чисто гражданственно-юридическимъ, то турки и татары всегда могли дать этой оговоркѣ самое широкое толкованіе, поставивъ прежде всего правомѣрность власти избираемаго народомъ самодержавнаго хана въ за-

¹⁾ Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ. Спб.: 1869: 26—27.

висимость отъ санкціи турецкаго султана. Все зависѣло отъ взглядовъ и направленія мыслей самихъ сторонъ, т. е. руководителей политики обѣихъ державъ въ вопросѣ о томъ, чего имъ было выгоднѣе держаться въ этомъ трактатѣ.

Въ моментъ заключенія Кючукъ-Кайнарджійскаго мира въ Крыму состоялъ въ должности хана, по новому порядку считавшійся избраннымъ отъ цѣлаго народа, Сахыбъ-Герай II (1185—1189—1772—1775), который и получилъ отъ Высокой Порты инвентитуру въ знакъ султанскаго согласія на это избраніе¹⁾. Но всѣ признаки указывали на то, что ему не долго было сидѣть на ханскомъ тронѣ. Первая причина этой непрочности его положенія заключалась въ соперничествѣ другихъ претендентовъ, и прежде всего родного брата его Шагинъ-Герая. Этотъ послѣдній, еще въ санѣ калги, обласканный при русскомъ Дворѣ и убѣдившись въ возможности найти въ Россіи надежную для себя опору, тотчасъ же по возвращеніи изъ Петербурга въ Бакчэ-Сарай повелъ такія рѣчи съ пріѣхавшимъ съ нимъ кн. Путятинымъ, которыя прямо изобличали въ немъ рѣшительное намѣреніе самому сдѣлаться ханомъ, хотя нашъ почтенный историкъ нѣсколько и преувеличиваетъ обширность замысловъ Шагинъ-Герая—основать новую черноморскую имперію Гераевъ²⁾. Поэтому Шагинъ-Герай, выставляя на видъ свою способность управиться съ анархическою страпою, о братѣ своемъ отзывался такъ: «Можетъ ли человекъ, сѣвъ на необѣзженную лошадь, ѣхать по волѣ своей надлежащимъ путемъ, когда отдастъ другому поводъ въ руки?»³⁾. Отзывъ его былъ основателенъ: Сахыбъ-Герай вскорѣ обнаружилъ полную несостоятельность поддержать свою независимость, гарантированную международнымъ трактатомъ, потому что когда въ Крымъ высадился съ войскомъ сераскерь Али-бей, то ханъ не только не оказалъ ему никакого сопротивленія, но и выдалъ еще ему русскаго резидента Веселицкаго⁴⁾. Справедливо было негодованіе Шагинъ-Герая и на уступчивость Россіи, которая въ переговорахъ съ Турціею соглашалась признать власть султана надъ Крымомъ въ духовныхъ дѣлахъ. Онъ весьма основательно разсуждалъ, говоря: «Если такъ будетъ, то ни брату, ни мнѣ здѣсь оставаться нельзя;

¹⁾ Хулясѣи-Іътибаръ, 83; Сенковскій, 323.

²⁾ Соловьевъ, XXIX: 30.

³⁾ Ibidem

⁴⁾ Ibidem, 94.

наше состояніе будетъ похоже на состояніе человѣка, у котораго надъ головой виситъ большой и плохо прикрѣпленный камень, могущій всякую минуту его задавить; подданные наши, при такомъ положеніи, по непостоянству своему и скотскимъ правамъ, будутъ имѣть возможность дѣлать непрерывныя возмущенія какъ сами по себѣ, такъ еще болѣе по пропскамъ султановъ¹⁾, которыхъ не мало въ Турціи²⁾. Это онъ пророчилъ еще до окончанія войны, въ 1773 году. Когда Шагинъ-Герай не встрѣтилъ въ кн. Долгорукомъ сочувствія своему плану сдѣлаться самостоятельнымъ ханомъ надъ татарами, то выѣхалъ изъ Крыма и поселился въ Полтавѣ, получая отъ русскаго правительства 1000 рублей въ мѣсяцъ содержанія³⁾. Незадолго до заключенія Кючукъ-Кайнарджійскаго мира Шагинъ-Герай еще разъ попробовалъ выступить на сцену по поводу погайскихъ волненій, для успокоенія которыхъ онъ былъ посланъ на Кубань, снабженный достаточнымъ количествомъ и денегъ и войска. Когда, по заключеніи мира, крымцы заявляли упорное желаніе оставаться подъ турецкимъ владычествомъ, Шагинъ-Герай думалъ воспользоваться этимъ для осуществленія своихъ цѣлей, представивъ Цербинину возможность составить изъ погайцевъ оппозицію поведенію крымцевъ и, при ихъ содѣйствіи, сдѣлаться самому ханомъ на условіяхъ полнаго прекращенія всякихъ сношеній съ Портою. Планъ его былъ одобренъ Совѣтомъ, но встрѣтилъ препятствіе къ выполненію со стороны Румянцова, который, получивъ благоприятныя извѣстія изъ Константинополя о направленіи политики Порты, не хотѣлъ мѣшать утвържденію мира новыми осложненіями⁴⁾.

Ресми-Ахмедъ-эфенди, человѣкъ опытный и проицательный, былъ правъ, когда въ размышленіяхъ своихъ по поводу безрезультатности Букурештскаго конгресса отзывался о Шагинъ-Гераѣ какъ о пронырливомъ и безпокойномъ авантюристѣ, кандидатура котораго на ханство была весьма не по сердцу туркамъ. «Выборъ хана», пишетъ Ресми-Ахмедъ-эфенди, «по смыслу договора, предоставляется самимъ татарамъ. Коль скоро ханомъ не будетъ человѣкъ пронырливый и сѣющій смуты, то, подъ условіемъ непричи-

¹⁾ Т. е. крымскихъ Гераевъ.

²⁾ Соловьевъ, XXIX: 31.

³⁾ Ibidem, 32—33.

⁴⁾ Ibidem, 100—103.

непія безпокойства ни одной изъ сторонъ, онъ будетъ пользоваться довѣріемъ ихъ. Но Шагинъ-Герай подалъ уже поводъ къ безпорядкамъ: онъ уже производитъ волненіе среди татаръ и смущаетъ дружескія отношенія двухъ державъ. Можно быть увѣреннымъ, что и впредь если нѣкоторые изъ татаръ примутъ его, то другіе непременно станутъ отвергать его, и такимъ образомъ онъ сдѣлается помѣхою къ полному согласію, къ которому такъ стремятся, и которое такъ желательно. Поэтому если Россійская Держава откажется отъ поддерживанія Шагинъ-Герая, нарушающаго согласіе, и если татары выберутъ кого-нибудь другого, кромѣ него, то Высокая Держава утвердитъ его на ханствѣ, и всѣ прочія условія тоже будутъ соблюдаться. Эта мѣра самая приличная достоинству обоихъ государствъ и самая благодѣтельная для состоянія рабовъ Божіихъ. . . . Если бы теперь удалось лестью вывести москвитцевъ изъ Крыма, то это было бы великое дѣло! При наличности же затрудненій съ Шагинъ-Гераемъ, остается уповать и надѣяться, что такъ какъ это—человѣкъ, звѣзда котораго уже закатилась¹⁾, то онъ, по милости Божіей, долго не протянетъ: судьба какимъ-нибудь способомъ да уберетъ его, подобно тому какъ въ 82 (1768) г. убрала Делл-Крымъ-Герая, который надѣлалъ столько шума въ 78 (1764) г.»²⁾.

Правда, тутъ анахронизмъ: въ то время, про которое говоритъ авторъ, еще и рѣчи не было о кандидатурѣ Шагинъ-Герая. Нашъ уполномоченный на Букурештскомъ конгрессѣ Обрѣзковъ въ одной изъ конференцій упоминаетъ только, что «татары сами отравили калгу-султана къ русскому двору, дабы наиточнѣйшимъ образомъ постановить дѣло о вольности и независимости ихъ; снабдя его съ тѣмъ публичными актами, какъ отъ стороны хана, такъ и отъ всѣхъ обществъ татарскихъ», и т. д.³⁾. Тутъ вездѣ Шагинъ-Герай является въ качествѣ второстепеннаго лица, дѣйствовавшаго по довѣренности хана, каковымъ тогда признавался Россією Сахыбъ-Герай. Ресми-Ахмедъ-эфенди писалъ свое сочиненіе въ 1195=1781 году⁴⁾, Шагинъ-Герай тогда уже состоялъ ханомъ по милости Россіи, и турецкій публицистъ могъ не упомянуть вѣрности времени,

¹⁾ Въ текстѣ стоитъ: «О биръ йилдызы душкунъ адамъ олмалъ». Сенковский же перевелъ это мѣсто такъ: «хворый, слабый, разбитый параличомъ». Откуда взялось такое толкованіе вышеприведенныхъ словъ текста у Сенковского, не понятно.

²⁾ Хулясэи-Іътибаръ, 65—66; Сенковский, 302—303.

³⁾ Уляницкій, Ор. сіт., прил. 47, стр. CLXXII.

⁴⁾ Хулясэи-Іътибаръ, 52; Сенковский, 287.

когда она выдвинула его кандидатомъ на ханство, и такимъ образомъ позднѣйшій фактъ пророчесвенно излагаетъ раньше, чѣмъ онъ совершился. Такое заключеніе слѣдуетъ изъ обмолвки насчетъ Шагинъ-Герая, что онъ былъ «человѣкъ, звѣзда котораго уже закатилась»: что можно было про него сказать въ 1781 году, того никакъ нельзя было сказать почти десять лѣтъ раньше.

Но если Россія, при всемъ расположеніи къ Шагинъ-Герая, сдерживала его порывы въ видахъ поддержанія кое-какого status quo въ Крыму, то въ Портѣ совсѣмъ иначе смотрѣли на вещи, за исключеніемъ такихъ умныхъ и дальновидныхъ личностей, каковъ былъ часто упоминаемый нами Ресми-Ахмедъ-эфенди; но эти люди были въ меньшинствѣ, и безразсудное большинство брало верхъ и подвергало свое государство новымъ бѣдствіямъ и безплоднымъ тратамъ.

Еще до обмѣна ратификацій, говоритъ турецкій историкъ Джевдетъ-паша, моремъ прибыла татарская депутація изъ почетныхъ крымцевъ съ просьбою о томъ, чтобы ханы попрежнему назначались Портою, хутбѣ же и монета чтобы были съ именемъ султана, и представили множество просьбъ и прошеній—*арзы-махзарларъ*—. Ихъ тотчасъ же стали чествовать какъ дорогихъ гостей — отвели приличное помѣщеніе со всею обстановкою и стали отпускать изъ казны деньги на ихъ содержаніе. Очень хорошо понимая, что стремленія татаръ совершенно противны только-что заключенному договору съ Россією, въ Портѣ однако же не отвергли ихъ искательствъ, а, придравшись къ неясному выраженію въ договорѣ относительно того, какъ татарамъ поступать въ дѣлахъ религіозныхъ, принялись толковать это выраженіе въ смыслѣ, согласномъ съ татарскими вождедѣніями. Но что упоминается лишь мимоходомъ, а между тѣмъ оно едва ли не было главнымъ стимуломъ для татарской знати сохранить свои прежнія отношенія къ Портѣ — это рабовладѣтельство, которому также поставлены ограниченія въ мирномъ трактатѣ. Въ такомъ направленіи Порты опять начала дипломатическіе переговоры съ Россією. Ей и въ этомъ сдѣлали уступку, и обмѣнъ ратификацій состоялся¹⁾. Комментируя этотъ фактъ, турецкій историкъ обращаетъ вниманіе на то, что Россіи во что бы то ни стало надо было добиться такъ называемой независимости татаръ: это было для нея самое благопріятное условіе, чтобы пользоваться соперничествомъ искателей ханскаго

¹⁾ Тарихи-Джевдетъ, I: 88—91.

званія и держать въ Крыму безвыходно свое войско подъ предлогомъ охраны особы хановъ, которые обратятся къ ней за этою охраной, при чемъ Порты совершенно устранилась отъ всякаго вмѣшательства въ это повидимому домашнее дѣло¹⁾. Такъ разсуждаетъ турецкій историкъ (вакаанэвисъ), и теперь еще благополучно здравствующій. Но иначе трактуетъ современникъ тогдашнихъ событій, слѣдовавшихъ за Кючукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, Ресми-Ахмедъ-эфенди. «Всѣ споры кончены», говоритъ онъ, «всѣ бѣды устранены. Но по волѣ Всевышняго Аллаха находившійся въ то время въ Крыму прежній ханъ, злокачественный Девлетъ-Герай, чтобы отнять у Сахыбъ-Герая ханство, черезъ восемнадцать дней²⁾ собралъ около себя нѣсколькихъ татаръ и послалъ двѣсти татарскихъ мурзъ съ прошеніями и представленіями къ Порогу Счастія просить и умолять, говоря: «Мы не приедемъ подъ видомъ правды срама независимости! Мы будемъ сражаться хоть до свѣтапреставленія, пока Ени-Калэ и Кыль-Бурунъ не будутъ опять отобраны отъ москововъ!» Эта статья составляла сущность мирнаго договора; ясно было, что въ случаѣ спора о ней дѣло непременно выйдетъ неладно; а потому надлежало, не слушая татарскаго вздора, представить Девлетъ-Герая виноватымъ и постараться этимъ устранить смуту. Но не умѣющіе сообразить въ дѣлѣ начала съ концомъ болтуны и тщеславные своимъ правовѣріемъ государственники заговорили: «Это что такое? Татары мусульмане! Имъ непременно слѣдуетъ оказать помощь!» И вотъ прибывшихъ изъ Крыма татаръ приняли съ почетомъ и уваженіемъ: изъ кладовой высочайшей кухни стали отпускать пайки ежемѣсячно на пятнадцать, на двадцать кисетовъ. А татары извѣстно, какой народъ: за трубку табаку они готовы пять часовъ карабкаться по горамъ. Ясно было, что какъ они увидятъ такую султанскую трапезу, то до воскресенія мертвыхъ не уйдутъ въ свою сторону, а будутъ проводить время въ безконечныхъ претензіяхъ. Въмѣсто того чтобы постараться выпроводить татаръ, ихъ удержали, давши имъ такой отвѣтъ: «Мы напишемъ московцамъ бумагу въ видѣ просьбы: можетъ быть, желаемое и получится». И написали московцамъ бумагу³⁾. Далѣе Ресми-Ахмедъ-эфенди

¹⁾ Джевдетъ, I: 92.

²⁾ Т. е. послѣ обмѣна ратификацій, вѣроятно, послѣдовавшаго въ 24 день мѣсяца зиль-кадэ 1188—26 января 1775 года (Джевдетъ, I: 91).

³⁾ Хуляси-Іътибаръ, 83—84; Сенковскій, 323—325.

съ свойственнымъ ему юморомъ описываетъ задоръ безтолковыхъ турецкихъ политиковъ, принявшихъ мягкіе, уклончивые отзывы Россіи за трусость съ ея стороны и готовность уступить назойливымъ притязаніямъ Порты. Потомъ онъ опускаетъ занавѣсъ надъ печальнымъ зрѣлищемъ новыхъ бѣдствій, едва опять не обрушившихся на его отечество, въ видѣ новой войны, въ которую готово было вовлечь Турцію глупое упрямство и близорукое самомнѣніе государственныхъ людей ея.

На этотъ разъ, впрочемъ, благоразуміе восторжествовало надъ легкомысліемъ: въ мартѣ 1775 года графъ Румянцовъ получилъ съ нарочитымъ курьеромъ изъ Царьграда донесеніе полковника Петерсона о томъ, что Портою послано повелѣніе къ Девлетъ-Гераю немедленно выѣхать изъ Крыма; что извѣстіе это получено русскимъ уполномоченнымъ отъ самого рейса-эфенди, который откровенно будтобы признался, что и Порта считаетъ пужнымъ удалить Девлетъ-Герая, зная его честолюбивое стремленіе стать ханомъ въ Крыму ¹⁾).

Если эти конфиденціальныя клятвенныя завѣренія турецкаго сановника въ дѣйствительности были лживы, то все же эта лживость употреблена была имъ какъ средство избѣгнуть новаго непосильнаго столкновенія съ Россією изъ-за татаръ, парушавшихъ постановленіе Кючукъ-Кайнарджійскаго трактата. Фактъ этого нарушенія совершался, по свидѣтельству турецкихъ историковъ, въ такомъ порядкѣ. По обмѣнѣ ратификацій Сахыбъ-Гераю послана была султанская грамота и инвеститура съ миралаемъ Мухаммедъ-беемъ; а 27 сѣфѣра 1189 = 29 апрѣля 1775 года въ Бююкъ-Дэрэ присталъ корабль съ Сахыбъ-Гераемъ, который оттуда написалъ садразаму письмо съ изложеніемъ причинъ и обстоятельства покинутія имъ своего ханскаго поста и выѣзда изъ Крыма. Онъ увѣдомлялъ, что онъ получилъ и принялъ грамоту и инвеституру, присланныя ему съ Мухаммедъ-беемъ; Но такъ какъ въ этомъ году въ Крыму находился и прежній ханъ Девлетъ-Герай, который былъ посланъ въ Крымъ вмѣстѣ съ сераскеромъ Крымской области Джаныклы Али-пашою, то онъ, привлеки на свою сторону мурзъ, привелъ въ движеніе татарскій людъ. «Мы стали говорить», докладывалъ Сахыбъ-Герай: «Намъ не пужна самостоятельность, да и къ тебѣ нѣтъ довѣрія у насъ!» Устрашившись, я тотчасъ же сѣлъ на одинъ готовый корабль и въ три или пять дней достигъ Босфора».

¹⁾ Н. О. Дубровинъ, Присоединеніе Крыма къ Россіи. Спб. 1885—1887 гг. Т. I: 25—26.

Записка Сахыбъ-Герая была представлена на высочайшее усмотрѣніе; но такъ какъ она все же заключала въ себѣ лишь свѣдѣнія съ одной стороны, то повелѣно было подождать какихъ-нибудь донесеній изъ Крыма¹⁾. Трусѣ же Сахыбъ-Герая было предложено избрать мѣсто для жительства, и онъ изъявилъ желаніе поселиться въ Текфуръ-Дагы²⁾.

По другимъ извѣстіямъ, Сахыбъ-Герай-ханъ, будучи низверженъ съ трона волею татаръ, отправился прямо въ Румилію, а потомъ, получивъ отъ Порты чифликъ, годовой и мѣсячный оклады, водворился въ Чатаджѣ, гдѣ потомъ и скончалъ животъ свой. Въ числѣ замѣчательныхъ чертъ этого безхарактернаго и слабодушнаго хана біографъ его отмѣчаетъ то, что онъ въ теченіе тридцати лѣтъ своей уединенной жизни въ отставкѣ ни разу не спускался съ лѣстницы своей квартиры, и что рѣчь его была ни чисто татарская, ни черкесская, ни турецкая, а скорѣе представляла смѣсь всѣхъ этихъ языковъ³⁾. Значить, братъ его Шагинъ-Герай совершенно былъ правъ, отзываясь о немъ какъ о человѣкѣ неспособномъ занимать ханское мѣсто въ такую трудную, переходную эпоху, и, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мятежная часть крымцевъ воспользовалась его слабохарактерностью, запугала его своими требованіями и принудила удалиться, благо подвернулся кстатіи человѣкъ болѣе энергичный, на отвагу котораго партія рассчитывала для достиженія своихъ цѣлей. Человѣкъ этотъ былъ не кто иной, какъ Девлетъ-Герай, который въ 1187 = 1773 году, взявъ съ собою человѣкъ десять Чингизидскихъ султановъ, съ Джаныклы Хажди-Али-пашою отправился на Таманскую сторону мутить тамошнихъ жителей — ногайцевъ и черкесовъ. Все время нахожденія русскихъ войскъ въ Крыму онъ не показывался, и только уже когда имъ предписано было очищать крымскую территорію, Девлетъ-Герай бросилъ якорь у Алушты и высадился на берегъ Крыма. Халимъ-Герай, сообщающій эти подробности о походе своего родственника, говоритъ, что будто бы Девлетъ-Герай имѣлъ нѣсколько стычекъ съ обреченными въ геэну гяурами, т. е. съ русскими, и побѣдилъ ихъ; тогда-то будто бы уже и крымцы всѣ возстали, чтобы изгнать непріятелей и очистить отъ многобожниковъ предѣлы крымскіе, да только изъ главной арміи пришло высочайшее повелѣніе относительно того чтобы

¹⁾ Джевдетъ, I: 109.

²⁾ Ibidem, 112.

³⁾ Гюльбунни-хананъ, 121—122.

татарамъ оставаться самостоятельными въ силу условій заключеннаго трактата. Тогда Девлетъ-Герай и везиръ Али-паша повертели и пошли въ Кафу, гдѣ и зимовали. На слѣдующій же годъ, въ сефэрѣ 1189 = апрѣлѣ 1775 года всѣ татары, на основаніи условій самостоятельности, предложили ему ханскій тронъ. Объ этомъ доложено и заявлено было Портѣ, и съ Кара-Хысари-Ахмедъ-беемъ была препровождена высочайшая грамота и инвеститура¹⁾.

Въ русскихъ источникахъ есть только упоминаніе о высадкѣ турецкаго сераскера съ войскомъ; но о какихъ-либо стычкахъ ничего не говорится²⁾. Смѣнившій кн. Долгорукаго славный полководецъ-дипломатъ Румянцовъ нашелъ, что едва ли можно надѣяться въ скоромъ времени видѣть татаръ спокойными и пользующимися какъ слѣдуетъ вольностью и независимостью³⁾. Нашъ почтенный историкъ, должно быть, разумѣетъ упомянутое выше временное удаленіе турецкаго десанта подъ начальствомъ Девлетъ-Герая и Али-пашы, въ Кафу на зимовку, когда говорить, что «турецкія войска вышли изъ Крыма, флотъ отправился отъ его береговъ назадъ въ Константинополь, резидентъ Весселицкій былъ освобожденъ, но татары не хотѣли приять данной имъ вольности»⁴⁾. Это удаленіе совершилось не такъ скоро, какъ выходитъ изъ вышеприведенныхъ словъ историка.

Въ концѣ ребіу-ль-ахыра 1189 = въ концѣ іюня 1775 года въ Стамбуль явилась та самая депутація, которую осмѣялъ Ресми-Ахмедъ-эфенди. Она состояла изъ двухъ братьевъ воцарившагося Девлетъ-Герая — калги Шехбазъ-Герай-султана и нур-эд-дина Мубарекъ-Герай-султана, кадыэскера ханскаго Фейзу-л-Ла-эфенди, четырехъ человѣкъ изъ каждаго отдѣла Ширинскаго племени, да изъ прежняго султанскаго кади Абду-р-Рахмана-эфенди и множества эмировъ, агъ и мурзъ изъ почетнаго класса крымцевъ. Въ поданномъ ими въ Порту рапортѣ они докладывали, что когда крымцы узнали объ условіяхъ заключеннаго трактата, то всѣ — шейхи, улема, знатные и простые собрались въ одномъ широкомъ мѣстѣ на сходку, на которой и рѣшено было послать къ Порогу Счастія прошеніе. Приглашали на эту сходку и Мухаммедъ-бея, привезшаго хану грамоту и

¹⁾ Гюльбуні-хананъ, 116—117.

²⁾ Соловьевъ, XXIX: 94.

³⁾ Ibidem, 97.

⁴⁾ Ibidem, 98.

инвеституру, чая въ немъ обрѣсти ходатая за нихъ предъ султаномъ, а главное съ тою цѣлію, чтобы онъ побывалъ въ ихъ собраніи прежде, чѣмъ привезенная имъ Сахыбъ-Гераю грамота и инвеститура будутъ приняты имъ, ибо съ принятіемъ ихъ независимость татаръ была бы уже санкціонирована, и протестъ былъ бы невозможенъ. Но Мухаммедъ-бей не удовлетворилъ ихъ желанію, сказавъ, что ему приказано вручить, что слѣдуетъ, хану, а до другого прочаго ему нѣтъ дѣла. Сахыбъ-Герай тоже отказался идти на собраніе. Тогда они обратились къ Девлетъ-Гераю, посланному съ Джаныклы Али-пашою и зимовавшему въ Кафѣ, съ такимъ письмомъ: «Вы были назначены для освобожденія этихъ странъ отъ враговъ; теперь вамъ не статно и не подобаётъ бросить насъ въ такомъ положеніи и уѣхать. Всѣ — шейхи, улема, аги и эмпры просятъ васъ: пожалуйста на нашъ совѣтъ. Девлетъ-Герай уважилъ ихъ просьбу и явился, и составлено общее прошеніе, въ которомъ докладывалось, что Сахыбъ-Герай избранъ въ ханы по необходимости, во время занятія Крыма непріателемъ; что при немъ произошло многое непріятное для крымцевъ; что отказъ его присутствовать на совѣщаніи еще болѣе отворотилъ отъ него народъ; а по прибытіи Девлетъ-Герая онъ очень хорошо зналъ, что никто ему повиноваться не станетъ, если же онъ обратился бы къ русскимъ, то къ одной раиѣ присоединилъ бы другую; онъ испугался, получивъ извѣстіе о недовольствѣ на него жителей, сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ Стамбуль. А такъ какъ Девлетъ-Герай издавна извѣстенъ своею опытностью, то его и избрали ханомъ, пока отъ Высокой Державы послѣдуетъ милостивое вниманіе къ ходатайству татаръ». Кромѣ того, въ прошеніи заявлено было, что татары знать не хотятъ никакой независимости и не желаютъ уступать московцамъ ни одной пяди крымской земли; о крѣпостяхъ же Ени-Калэ, Керчи и Кыль-Бурунѣ и говорить нечего. Если же нельзя будетъ сдѣлать поихнему, то пусть имъ будетъ отведено для поселенія мѣсто во владѣніяхъ падишаховыхъ¹⁾. По этому прошенію 23 числа того же мѣсяца = 23 іюня у верховнаго везира происходило засѣданіе государственнаго Дивана, на которомъ рѣшено, что хотя ходатайство крымцевъ и противно мирнымъ трактатамъ, и желанія ихъ почти что неисполнимы, но чтобы сразу не отказать имъ и не давать повода говорить, что Высокая Держава не оказываетъ имъ дружелюбія, велѣтъ имъ подождать пріѣзда русскаго, посланника съ которымъ можно

¹⁾ Т. е. турецкихъ.

потолковать объ ихъ просьбѣ. Затѣмъ условлено было пригласить болѣе смыслящихъ изъ депутатовъ и передать имъ, что если дѣло удастся, то хорошо; если же нѣтъ, то надо повременить. Тогда они, предполагалось, отправятся въ Крымъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что Порта не отказываетъ имъ въ своемъ участіи. Такое рѣшеніе Дивана было повергнуто на высочайшее одобреніе, и 28 числа = 28 іюня верховный везиръ задалъ пиръ Чингизидамъ, гдѣ, послѣ надлежащаго угощенія, разъяснили имъ вышеприведенное рѣшеніе государственныхъ мужей Порты ходатайствовать по ихъ дѣлу, когда пріѣдетъ русскій посланникъ. Затѣмъ ихъ водворили въ набережномъ домѣ Мухаммедъ-Эминъ-задэ близъ Каба-Таша, а для комфорта ихъ прикомандировали къ нимъ 25 мигмандарей изъ внутреннихъ агъ садразама, да на одинъ только прокормъ ихъ расходовалось по тысячѣ гурушей въ день¹⁾.

Приводимые у турецкихъ историковъ официальные документы — докладная записка реисъ-эфенди верховному везиру — *такрыр* —, рапортъ садразама султану — *тальхис* — и хатти-гумаюнъ самого султана по вопросу о крымскихъ татарахъ и территориальныхъ владѣніяхъ Россіи въ Крыму²⁾ показываютъ, что Порта вначалѣ рѣшилась слѣдовать тому плану, который выработанъ былъ въ государственномъ Диванѣ, т. е. предоставить судьбу Крыма волѣ Божіей, но татарамъ не подавать и намека на это, а для вида входить въ формальныя дипломатическія сношенія да писать подобныя вышеприведеннымъ канцелярскія бумаги, съ тѣмъ чтобы оттягивать по возможности дѣло, предоставляя времени уладить неизбежныя недоразумѣнія и нелады между независимыми татарами и охранителями ихъ независимости русскими. Правда, Порта еще не вдругъ открыто созналась въ своей несостоятельности поворотить назадъ историческія событія, роковымъ образомъ приведшія крымское ханство въ то положеніе, въ какомъ оно тогда очутилось. Она еще продолжала бороться; но теперь борьба ея была глухая и велась окольными путями и средствами. Повременамъ, ободряемая и подстрекаемая происками дипломатическихъ агентовъ другихъ европейскихъ державъ, въ родѣ Гейнриха Дица, мечтавшаго и изъ всѣхъ силъ хлопотавшаго о прусско-турецкомъ союзѣ въ

¹⁾ Джевдетъ, I: 109—112.

²⁾ Джевдетъ, I: 162—163.

противовѣсъ международному могуществу Россіи¹⁾, вступить въ открытый бой съ Россіею, но благопріятный для послѣдней поворотъ обстоятельствъ опять охлаждалъ пылъ и ярость задорныхъ фанатическихъ руководителей отоманской политики. Наша же дипломатія, къ чести ея, понимала всѣ выгоды и невыгоды своего положенія въ различные моменты этой борьбы и съ подобающею твердостью шла къ намѣченной и выяснившейся тогда цѣли — къ окончательному присоединенію Крыма къ владѣніямъ Россійской Имперіи. Перипетіи этой борьбы весьма подробно и обстоятельно изображены, на основаніи русскихъ документальныхъ данныхъ, нашимъ почтеннымъ историкомъ Соловьевымъ, который посвятилъ значительную часть приложенія къ послѣднему тому своего труда изложенію крымскихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ періодъ 1775—1780 годовъ²⁾. Сличеніе этихъ данныхъ съ извѣстіями современныхъ тогдашнимъ событіямъ турецкихъ историковъ, Васыфа-эфенди и Энвери-эфенди Шамъадани-задэ, *in-extenso* приводимыми въ сочиненіи нынѣ здравствующаго турецкаго историка Джевдетъ-паши³⁾, убѣждаетъ въ полномъ ихъ согласіи относительно хода событій, изображаемыхъ въ нихъ. Неизбѣжная разница заключается лишь въ оцѣнкѣ этихъ событій: что руская политика считала

¹⁾ См. мою статью «Эпизодъ изъ восточной политики Пруссіи въ концѣ прошлаго столѣтія» въ Русск. Вѣстн. за 1882 г. №№ 7 и 9.

²⁾ А именно: стр. 205—208, 223—228, 238—246, 277—290, 308—315 и 327—330. — Главнѣйшимъ источникомъ для него служилъ «Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго», напечатанный въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» за 1875 г., кн. IV и за 1876 г., кн. I и II. — Подробное описаніе чисто-внѣшнихъ, военныхъ дѣйствій русскихъ командировъ въ связи съ нѣкоторыми административными ихъ мѣропріятіями въ Крыму сдѣлано, тоже на основаніи архивныхъ матеріаловъ, г. Саковичемъ въ его статьѣ «Историческій образъ дѣятельности графа Румянцева-Задунайскаго и его сотрудниковъ: князя Прозоровскаго, Суворова и Бринка, съ 1775 по 1780 годъ» (Журналъ «Русская Бесѣда» за 1858 г., №№ 2, 3 и 4; а также и отдѣльные оттиски статьи). Существенное дополненіе къ означеннымъ матеріаламъ по исторіи присоединенія Крыма къ Россіи составляетъ, безъ сомнѣнія, почтенное изданіе академика Н. Θ. Дубровина, напечатавшаго уже три тома разныхъ документовъ, относящихся къ тому же предмету.

³⁾ Тарихи-Джевдетъ, I: 85.

законнымъ правомъ и роковымъ призваніемъ русскаго народа и государства, въ томъ турецкая исторіографія, конечно, видитъ одно лишь коварство и лукавые происки русской націи, которую турки почему-то искони считаютъ хитрѣйшею изъ хитрѣйшихъ ¹⁾).

IX.

Нерѣшительное поведеніе Порты относительно Девлетъ-Герая-хана IV и Россіи, и стойкость русской политики. — Отношеніе крымскаго населенія къ своему избраннику Девлетъ-Гераю и къ русскому кандидату на ханство Шагинъ-Гераю — Систематическая казуистика кн. Прозоровскаго въ сношеніяхъ съ крымско-татарскимъ правительствомъ, и упорство татаръ въ противодѣйствіи русскимъ планамъ. — Нерасположеніе татаръ къ Шагинъ-Гераю. — Тщетные расчеты Девлетъ-Герая на удержаніе за собой ханскаго трона. — Политическій расколъ среди вожаковъ ученаго сословія въ Крыму. — Командировка турецкихъ соглядатаевъ для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ Крыму. — Сборы Девлетъ-Герая-хана и отъѣздъ его изъ Крыма. — Присяга татаръ на вѣрность Шагинъ-Гераю I.

При томъ хаосѣ, какой царствовалъ въ Крыму, событія совершались чрезвычайно быстро. Въ мартѣ 1775 года реисъ-эфенди, какъ мы видѣли, съ «дружеской откровенностью» сообщалъ нашему полковнику Петерсону о томъ, что сама Порта за нужное почитала удалить Девлетъ-Герая изъ Крыма, «зная честолюбіе его быть ханомъ въ Крыму» ²⁾; въ началѣ мая того же года графъ Румянцовъ говоритъ въ своемъ ордерѣ, что «хотя нельзя вовсе невѣрнымъ почитать извѣстіе объ избраніи въ ханы крымскаго ³⁾ Девлетъ-Гирея, однакожь еще надобно дожидаться пополнительныхъ къ тому увѣдомленій» ⁴⁾; а вслѣдъ за этимъ графъ Румянцовъ получилъ два письма верховнаго везира, въ которыхъ турецкій министръ съ турецкою откровенностью сообщаетъ «извѣстія крымскія

¹⁾ Напр. верховный везиръ въ вышеупомянутомъ своемъ официальномъ докладѣ султану по крымскому вопросу въ такомъ духѣ отзывался о русскихъ, говоря: «Русская нація искони обманная и коварная нація» (Джевдетъ, I: 163).

²⁾ Дубровинъ, I: 26.

³⁾ Вѣроятно, тутъ надо читать: «Крымскіе».

⁴⁾ Дубровинъ, 28.

о возведеніи ханомъ Девлетъ-Герая въ той же точности, какъ въ Портѣ оныя дошли»¹⁾.

Но нашъ великій полководецъ-дипломатъ прекрасно зналъ цѣну турецкой откровенности и любезности, ибо въ концѣ того же ордера онъ присовокупляетъ: «Въ обвѣщеніи мнѣ дѣлѣ настоящихъ татарскихъ визирь всю сохранилъ и благопристойность и осторожность, но можетъ быть сіе только составляетъ одинъ наружный видъ, ибо нельзя не подозрѣвать, что Порта своими стараніями пособляла учиниться ханомъ Девлетъ-Гирею»²⁾. Подозрѣніе свое графъ основывалъ на полученномъ имъ изъ Крыма извѣстіи, «что новому хану Порты уже прислала въ Крымъ подарки, превосходящія присланныя отъ нея Сахыбъ-Гирею»³⁾. Хотя графъ Румянцовъ не придавалъ еще пока полной вѣры этимъ послѣднимъ крымскимъ извѣстіямъ, въ ожиданіи болѣе точныхъ и официальныхъ сообщеній отъ Порты, однако въ іюньскомъ ордерѣ своемъ полковнику Петерсону онъ говоритъ уже о воцареніи Девлетъ-Герая какъ о совершившемся и официально признанномъ фактѣ, и только поручаетъ г. Петерсону «не дреманно, но и рачительнѣйше наблюдать за всѣми поступками, движеніями и происками министерства турецкаго и посланныхъ депутатовъ и эмиссаровъ татарскихъ, дабы съ здѣшной стороны размѣрять по онымъ наши вопреки мѣры и супротивленія, ежели бъ паче чаянія покушенія Порты стали уже выходить за предѣлы мирнаго трактата, или же по крайней мѣрѣ до пункта сущей опасности новому татарскому политическому бытію»⁴⁾. Давая такую инструкцію г. Петерсону, г. Румянцовъ имѣлъ въ виду прежнюю оплошность этого дипломата, который рекомендовалъ туркамъ какую-то *негоціацію*, вмѣсто того чтобы ободрять ихъ стоять твердо противъ покушеній къ хищническимъ захватамъ австрійцевъ, какъ того желалъ нашъ умный генералиссимусъ⁵⁾. Такая недовѣрчивость графа Румянцева къ дѣй-

¹⁾ Дубровинъ, I: 30. Редакція текста въ этомъ мѣстѣ ордера гр. Румянцева не совсѣмъ ясна, потому что слова «По образу откровенности» и далѣе до точки образуютъ одно придаточное предложеніе безъ главнаго, которое слѣдуетъ уже послѣ точки, со словъ: «И счелъ....» и т. д.

²⁾ Ibidem, 32.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem, 34. Стоящая между словами «опасности» и «новому» запятая намъ кажется лишнею: если ее сохранить, то выйдетъ, что будто бы со стороны русской создавались «супротивленія новому татарскому политическому бытію», объ упроченіи котораго такъ сильно хлопоталъ гр. Румянцовъ.

⁵⁾ Ibidem, 31.

ствіямъ Порты проистекала изъ противорѣчія между ея официальными увѣдомленіями о выведеніи ею всѣхъ своихъ войскъ изъ Крыма и съ Кубани и сообщеніями, получавшимися оттуда графомъ, о томъ, что творилось тамъ турецкими военачальниками ¹⁾).

Избранный татарами на ханство Девлетъ-Герай IV (1189—1190=1775—1777) продержался безъ малаго почти два года. Въ числѣ другихъ средствъ къ упроченію своего положенія онъ пробовалъ также заискивать и у Россіи: этимъ по крайней мѣрѣ только и можно объяснить его ласковую бесѣду съ русскимъ агентомъ въ Крыму, капитаномъ Мавроени, въ которой онъ порицалъ поведеніе своего предшественника Сахыбъ-Герая, по глупости своей допустившаго нанести оскорбленіе Веселицкому ²⁾). Но Шагинъ-Герай съ своей стороны, и не безъ основаній, разоблачалъ двуличность хана, который оттого и избранъ былъ въ ханы, что далъ клятвенное обѣщаніе татарамъ уничтожить ненавистную имъ независимость. Мало того: онъ продолжалъ держаться имъ же придуманной, какъ мы видѣли раньше, системы дѣйствовать въ Крымскомъ вопросѣ путемъ возмущенія Кубанскихъ ордъ. Съ этою цѣлью онъ и отправилъ туда сераскеромъ Тохтамышъ-Герая, который, въ союзѣ съ другими султанами, произвелъ нападеніе на часть Едичкульской орды, преданную Шагинъ-Гераю ³⁾), рассчитывавшему съ помощью этой орды установить свой престижъ и тѣмъ проложить себѣ путь къ ханской власти. Въ этомъ стремленіи его поддерживалъ предъ своимъ правительствомъ находившійся при немъ въ качествѣ переводчика (Константиновъ ⁴⁾). Это было еще въ 1775 году.

Въ началѣ слѣдующаго 1776 года Порты, по донесеніямъ резидента Стахіева, опять возвысила тонъ, ободренная слухами о несогласіяхъ Россіи со шведами и Польшею. «Кажется турецкое министерство», писалъ онъ, «не намѣрено отступить отъ своихъ безпутныхъ и невѣжливыхъ требованій относительно татаръ ⁵⁾).

Вѣсти о такихъ намѣреніяхъ Порты, очевидно, уже и раньше проникали въ Крымъ, ибо оттуда постоянно развѣдчики доносили, что татары какъ-то мнутъ, готовясь къ

¹⁾ Дубровинъ, I: 40.

²⁾ Соловьевъ, XXIX: 206.

³⁾ Ibidem, 207—208.

⁴⁾ Ibidem, 206—207.

⁵⁾ Ibidem, 223.

военнымъ дѣйствіямъ¹⁾; что самъ ханъ дѣлаетъ подъ видомъ прогулокъ разъѣзды и мутить народъ²⁾; что въ Бакчэ-Сараѣ уже собираются мурзы по случаю присылки фермана, въ которомъ турецкій султанъ объявляетъ о принятіи имъ Крыма попрежнему въ свою протекцію, съ уничтоженіемъ заключеннаго его везиремъ трактата, и о возвратѣ Керчи, Ени-Калэ и Кыль-Буруна³⁾; что посланные въ Ени-Калэ съ письмами козакъ дорогою перерѣзаны⁴⁾, и что «ханъ Девлетъ-Гирей ожидаетъ на сихъ дняхъ⁵⁾ отъ султана турецкаго къ утвержденію себя въ нынѣшнемъ достоинствѣ въ присылку съ каныджи-башою кафтана и сабли, по полученіи чего долженъ учинить на крѣпость Ени-коль и Керчь нападеніе»⁶⁾.

Дѣйствительно, вскорѣ Девлетъ-Герай-хану были формально препровождены съ Кара-Хысари Ахмедъ-беемъ грамота и инвеститура⁷⁾, о чемъ своевременно стало извѣстно и гр. Румянцову⁸⁾.

Что Порта въ самомъ дѣлѣ замышляла что-то недоброе, это явствовало изъ присылки въ Крымъ переодѣтыхъ потурецки четырехъ французскихъ офицеровъ для осмотра и укрѣпленія тамошнихъ крѣпостей⁹⁾, а также и изъ того, что «пребывающій въ Таманѣ орду-агаси.... получилъ изъ Царь-Града для содержанія на первый случай шести ордъ шесть тысячъ рублей»¹⁰⁾.

Въ виду такихъ явныхъ признаковъ неправомернаго образа дѣйствій Порты русская политика выказала надлежащую стойкость, а военная сила, въ лицѣ гр. Румянцева, должную энергію и предусмотрительную распорядительность. Стахіевъ разговаривалъ съ реисъ-эфенди въ самомъ рѣшительномъ тонѣ по поводу татарскихъ дѣлъ, а чтобы вну-

¹⁾ Дубровинъ, I: 53.

²⁾ Ibidem, 51—52.

³⁾ Ibidem, 52.

⁴⁾ Ibidem, 54.

⁵⁾ Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1776 г.

⁶⁾ Дубровинъ, I: 55.

⁷⁾ Тарихи-Джевдетъ, I: 157.

⁸⁾ Дубровинъ, I: 66 и 72—73.

⁹⁾ Ibidem, 73.

¹⁰⁾ Ibidem, 74.

шить Портѣ, что съ ней шутить не намѣрены, въ октябрѣ того же года къ Перекопи было двинуто русское войско ¹⁾. Но верховный везирь Мухаммедъ-Дервишъ-паша, сторонникъ татарскихъ притязаній, получилъ отставку въ концѣ года ²⁾, а преемникъ его Дарендели Мухаммедъ-паша питалъ миролюбивое направленіе, выразившееся въ вышеприведенныхъ официальныхъ актахъ по крымскому вопросу ³⁾, засвидѣтельствованное также и Стахievымъ ⁴⁾. Помимо этого, пониженіе тона Порты въ сношеніяхъ съ Россіею много зависѣло, безъ сомнѣнія, и отъ того, что въ Диванѣ на этотъ разъ перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи мира, во главѣ которой стоялъ [Ресми-Ахмедъ-эфенди и его вліятельные единомышленники, какъ это извѣстно изъ дипломатическихъ донесеній европейскихъ агентовъ ⁵⁾.

Въ крымскихъ же владѣніяхъ происходила полиѣйшая безурядица: всѣхъ подозревали въ приверженности къ тѣмъ или другимъ султанамъ ⁶⁾; ханъ заставлялъ всѣхъ чиповниковъ и мурзъ вторично присягать себѣ, чтобы въ случаѣ приближенія нашихъ войскъ къ Крыму дать имъ отпоръ ⁷⁾. Ханъ, съ одной стороны, старался привлечь къ себѣ мурзъ и возбудить всю чернь, взяться за оружіе ⁸⁾, а то, видя неуспѣшность свою, писалъ пѣжныя письма князю Прозоровскому, дружески спрашивая его о причинѣ прибытія русскихъ войскъ, и прикидывался «*усердствующимъ* дружбою Россіи» ⁹⁾. Татары пѣ-которыхъ ордъ весьма откровенно и недвусмысленно заявляли себя слугами Правовѣрной Имперіи, т. е. Турціи ¹⁰⁾, вѣрноподданными «своего величайшаго монарха его султана нова величества» ¹¹⁾ и сторонниками Девлетъ-Герай-хана ¹²⁾, такъ что усиліяхъ русскаго

¹⁾ Дубровинъ, I: 150—154 и 164—166.

²⁾ Джевдетъ, I: 137; Соловьевъ, XXIX: 228.

³⁾ Джевдетъ, I: 159—164.

⁴⁾ Соловьевъ, XXIX: 228.

⁵⁾ Zinkeisen, Gesch. d. O. R., VI: 149.

⁶⁾ Дубровинъ, I: 101.

⁷⁾ Ibidem, 107.

⁸⁾ Ibidem, 171.

⁹⁾ Ibidem, 164—165.

¹⁰⁾ Ibidem, 143, № 86.

¹¹⁾ Ibidem, № 87.

¹²⁾ Ibidem, 155—156, 172 и др.

протсже Шагинъ-Герая былъ крайне сомнителенъ, въ чемъ онъ и самъ иногда чисто-сердечно сознавался¹⁾. При всемъ томъ и положеніе Девлетъ-Герай-хана было ненадежно: приближенные его слѣдили за нимъ, чтобы онъ не бѣжалъ²⁾; иные выражали намѣреніе произвести бунтъ и выгнать хана вонъ³⁾, такъ что ханъ, призвавши своихъ, спрашивалъ, что ему дѣлать, и одни совѣтовали ему уѣхать, а другіе удерживали его, побуждая его собрать войска⁴⁾. Больше всего производилась эта внутренняя смута двумя человѣками — Абду-ль-Вели-пашою и кады-эскеромъ Фейзу-л-Ла-эфенди, которые хотя и междусобою ссорились, но не пускали и хана⁵⁾, который уже совсѣмъ собрался покинуть полуостровъ и сталъ укладывать на корабль свое имущество⁶⁾.

Между тѣмъ турецкій орду-агасы въ Таманѣ, заслышавъ о приближеніи русскихъ войскъ къ кр. Ачу, писалъ письмо съ запросомъ, что значить это движеніе войскъ, ибо онъ самъ ничѣмъ не подалъ повода къ враждебности, пребывая въ Таманѣ и Темрюкѣ «въ силу указовъ Оттоманской Порты для наблюденія заключеннаго между обѣими имперіями трактата»⁷⁾. Порта же, уступая ханскимъ домогательствамъ, но въ то же время не рѣшаясь дѣйствовать открыто, ограничилась тѣмъ, что дала тайное дозволеніе Хаджи-Али-пашѣ быть наготовѣ съ войскомъ и при первомъ удобномъ случаѣ отплыть къ Тамани и Крыму, отважившись на это за свой страхъ и яко бы безъ ея дозволенія, а подъ предлогомъ релігіозной ревности на защиту единовѣрныхъ мусульманъ-татаръ, которымъ русскіе хотѣли навязать въ ханы калгу-Шагинъ-Герая⁸⁾.

Россія воспользовалась этимъ моментомъ и стала дѣйствовать рѣшительнѣе. Не смотря на манифесты Девлетъ-Герай-хана къ кубанскимъ жителямъ, предупреждавшіе ихъ отъ лести и лжи Шагинъ-Герая и отъ опасности сдѣлаться «подобно казанскимъ

¹⁾ Дубровинъ, I: 104.

²⁾ Ibidem, 105.

³⁾ Ibidem, 110—111.

⁴⁾ Ibidem, 175—176.

⁵⁾ Ibidem, 185 и 190.

⁶⁾ Ibidem, 189.

⁷⁾ Ibidem, 182—183.

⁸⁾ Ibidem, 185—186.

татарамъ»¹⁾; не смотря на препятствія со стороны турковъ, пребывавшихъ въ Темрюкѣ и Тамани, проѣзду Шагинъ-Герая въ Ени-Калэ, гдѣ бы онъ могъ быть провозглашенъ ханомъ²⁾; не смотря на партійную раздвоенность и колебанія крымскаго населенія³⁾, часть котораго протестовала противъ дарованія ему *вольности*, клонившейся къ удаленію Девлетъ-Герай-хана и къ возведенію въ ханы Шагинъ-Герай-султана⁴⁾ — не смотря на все это, Шагинъ-Герай былъ, при содѣйствіи русскихъ, все-таки провозглашенъ ханомъ сперва на Кубани, и ему присягали ачуевскіе жители⁵⁾. Жители же другого важнаго въ тѣхъ мѣстахъ пункта, крѣпости Темрюка, заявили, что они скорѣе готовы всѣ умереть на темрюкскихъ воротахъ, чѣмъ поддаться Шагинъ-Гераю, отъ котораго они требовали, чтобы онъ объявилъ имъ сперва какой-то «высочайшій *ферманъ* всепресвѣтлѣйшаго монарха вселенной»⁶⁾. Шагинъ-Герай, который горѣлъ отъ нетерпѣнія поскорѣе сдѣлаться ханомъ⁷⁾, пробовалъ взять Темрюкъ штурмомъ, но былъ отбитъ съ урономъ⁸⁾; а потомъ все-таки крѣпость была занята войсками Шагинъ-Герая, и даже «безъ всякаго кровопролитія»⁹⁾. Но тѣмъ не менѣе эти успѣхи Шагинъ-Герая не обезпечивали ему общаго признанія его ханомъ во всѣхъ владѣніяхъ крымскаго ханства. Въ этомъ отношеніи очень характерно мнѣніе ханскаго дефтердаря Касбулатъ-аги, который въ своемъ показаніи отозвался слѣдующимъ образомъ: «Если дворъ Россійскій желалъ установить въ скорости ханомъ Шагинъ-Гирея», сказалъ Касбулатъ-ага, «то не должно бы ему быть на Кубани теперь, поелику какъ *начальное мѣсто* — крымское правительство; на Кубани же хотя бы онъ славился и десять лѣтъ ханомъ, то Крымъ о томъ и не подумаетъ, потому что тѣ люди никогда постоянны быть не могутъ и всегда они развратны въ своихъ мысляхъ и положеніяхъ, а особливо когда тамъ въ горахъ находятся

¹⁾ Дубровинъ, I: 195—197.

²⁾ Ibidem, 207.

³⁾ Ibidem, 214—215.

⁴⁾ Ibid., 220—222; 231—232, № 117.

⁵⁾ Ibidem, 238.

⁶⁾ Ibidem, 250.

⁷⁾ Ibidem, 296.

⁸⁾ Ibidem, 303.

⁹⁾ Ibidem, 326 и 342.

множество султановъ Алиджингинской фамиліи, которые, приводя въ пѣсколько частей тамошніе народы, стараются имѣть подвластными себѣ каждый больше, почему порядка тамъ никогда и ни въ чемъ твердости быть не можетъ»¹⁾).

Къ чести нашихъ дѣятелей, и они понимали обстоятельство, на которое указывалъ ханскій дефтердаръ; понимали они и другую вещь, также высказанную Касбулатъ-агою— что «держава Россійская сильна и силами его²⁾ возвестъ можетъ, но когда общество будетъ видѣть такого надъ собою хана, то не можетъ быть его любителемъ. Касательно жъ, что законъ претитъ быть намъ³⁾ въ вольности, то это до того только, пока итъ изъ Алиджингинской фамиліи султана, склоннаго къ вольности, а какъ бы скоро такой появился, то бъ и законъ позволеніемъ остался»⁴⁾).

Значитъ, теперь предстояла русскимъ руководителямъ политики и начальникамъ военной силы задача водворить Шагинъ-Герая въ самомъ Крыму, но только такъ, чтобъ это водвореніе не имѣло вида насильственного навязыванія его крымцамъ, а какъ будто бы являлось лишь уступкою добровольнымъ желаніямъ и требованіямъ мѣстнаго населенія. Задача была нелегкая, въ виду господствовавшего нерасположенія крымцевъ къ Шагинъ-Гераю, упорнаго противодѣйствія Девлетъ-Герай-хана съ своими приверженцами и вліянія Порты, которая не хотѣла разстаться съ своимъ вліяніемъ на судьбу крымскаго ханства, но въ то же время боялась открыто противиться стремленіямъ и домогательствамъ Россіи. Если суммировать всѣ частности этой глухой, анонимной борьбы, насколько онѣ сохранились до насъ въ разнаго рода документахъ — рапортахъ, ордерахъ, письмахъ, донесеніяхъ, показаніяхъ, и т. п., то получается слѣдующая любопытная картина:

Ставъ на ту точку зрѣнія, что Девлетъ-Герай-ханъ IV «въ достоинство сіе произведенъ единственно только Портою Отоманскою и слѣдовательно въ противность трактату», князь Прозоровскій уже потомъ систематически и самъ игнорировалъ и предписывалъ своимъ подчиненнымъ игнорировать его, не признавая его ханомъ⁵⁾, и велъ,

¹⁾ Дубровинъ, I: 278.

²⁾ Т. е. Шагинъ-Герая.

³⁾ Т. е. крымцамъ.

⁴⁾ Дубровинъ, I: 279.

⁵⁾ Ibidem, 287.

когда было необходимо, сношенія съ «крымскимъ правительствомъ» или, еще иначе, «крымскимъ обществомъ», хотя очень хорошо зналъ, что письма, получавшіяся имъ отъ этого общества, «писало не оно, а ханскій письмоводецъ, а они должны въ присутствіи хана печати свои приложить, который, взявъ потомъ оное у нихъ и запечатавъ, отсылаетъ. . . ., сказывая, что то отъ общества»¹⁾. Къ самому же Девлетъ-Гераю онъ писалъ лишь тогда, когда тотъ по оплошности назвалъ себя довѣреннымъ Порты Оттоманской»²⁾.

Въ этихъ обращеніяхъ къ мнимому крымскому обществу кн. Прозоровскій, настаивая на буквальномъ смыслѣ международнаго трактата о татарской вольности, внушаетъ этому обществу, что султанъ турецкій, «яко главный калифъ магометанскаго закона, можетъ по единовѣрію входить только въ духовные обряды (татаръ), закономъ тѣмъ предписанные; а что принадлежитъ до политической и гражданской вольности (ихъ), то въ оное входить. . . . не должно»³⁾. Ссылку же татаръ на противность нѣкоторыхъ возложенныхъ на нихъ трактатомъ обязательствъ правовѣрному мусульманскому закону ихъ кн. Прозоровскій опровергалъ тѣмъ, что онъ *по малому своему разсудку судить объ этомъ не можетъ*, а по здравому смыслу полагаетъ, что если подобныя обязательства вытекаютъ изъ статьи 3 Кючукъ-Кайнарджійскаго трактата, ратификованнаго *верховнымъ калифомъ мусульманскаго закона*, то, значить, они ни тогда не были противны мухаммеданской вѣрѣ, ни послѣ не сдѣлались таковыми⁴⁾.

Требуя отъ татаръ свободы дѣйствій ихъ въ дѣлѣ признанія того или другого лица ханомъ, кн. Прозоровскій считалъ противомѣрнымъ всякое вмѣшательство въ это дѣло Порты. Съ своей стороны поддерживая кандидатуру Шагинъ-Герая, онъ увѣрялъ, что и русскому правительству тоже до Шагинъ-Герая дѣла нѣтъ; что его подъ своею командою не имѣетъ, и что, слѣдовательно, онъ поступаетъ по своимъ соображеніямъ, «ибо онъ извѣстно каждому, что знаменитой фамиліи и человѣкъ никому кромѣ Бога не подвластенъ»⁵⁾.

¹⁾ Ibidem, 295.

²⁾ Ibidem, 301.

³⁾ Ibidem, 291.

⁴⁾ Ibidem, 268.

⁵⁾ Ibidem, 301.

Стоя на почвѣ соблюденія формальныхъ условій международной пріязненности, кн. Прозоровскій постоянно величаетъ въ своихъ письмахъ татаръ «мои пріатели» или «почтенное собраніе»¹⁾, а Девлетъ-Герая титулуетъ «ваша свѣтлость»²⁾; войскамъ предписываетъ соблюдать крайнюю осторожность относительно крымскихъ туземцевъ — не начинать самимъ нападеній, не въѣзжать въ деревни, а тѣмъ паче не позволять себѣ никакихъ насилій и грабительства³⁾. Равнымъ образомъ и туркамъ, остававшимся до поры до времени въ Крыму, князь русскимъ солдатамъ приказывалъ «никакого недружелюбія не оказывать. . . ., оказывать имъ всю ласковость и въ разговорахъ внушать имъ о твердомъ и непоколебимомъ сохраненіи мира у высочайшаго двора съ Портою Оттоманскою. . . . чтобъ они, идучи между татарскихъ селеній, не могли всѣвать въ нихъ разные плевелы и развращать ихъ разумъ, а при томъ по злобѣ нижніе чины приключать могутъ имъ обиды»⁴⁾; но при этомъ онъ рекомендуетъ просто-на-просто «удалиться отъ сообществъ сынами»⁵⁾.

Такое легальное поведеніе русскихъ давало кн. Прозоровскому полное право требовать того же и отъ противной стороны и прямо называть всѣ татарскія претензіи и жалобы «вздорными требованіями»⁶⁾, въ родѣ, напримѣръ, жалобы на то, что войска забирали у татаръ сѣно и кизякъ за надлежащую, безобидную плату⁷⁾. Поэтому же, когда кѣмъ-то одинъ козакъ былъ убитъ и нѣсколько человѣкъ было ранено, кн. Прозоровскій требуетъ отъ почтеннаго собранія татарскаго «виновныхъ наказать безъ пощады, яко таковой отъ стороны татаръ поступокъ противу войскъ ея императорскаго величества. . . . совсѣмъ не пристоеенъ и не похожъ не только на дружелюбіе, но ниже на доброе сосѣдство, а совсѣмъ разрываетъ вѣчный трактатъ съ сею областью»⁸⁾. На уклончивое же по этому поводу объясненіе крымскаго общества онъ заявляетъ, что онъ не намѣренъ переписываться съ Девлетъ-Гераемъ, который, по его мнѣнію, «есть пер-

¹⁾ Напр. Дубровинъ, I: 275.

²⁾ Ibidem, 300.

³⁾ Ibidem, 271 и 276.

⁴⁾ Ibidem, 343—344.

⁵⁾ Ibidem, 343.

⁶⁾ Ibidem, 442.

⁷⁾ Ibidem, 277, 308 и др.

⁸⁾ Ibidem, 275—277.

вый нарушитель освященныхъ трактатовъ», и, въ случаѣ непаказанія виновныхъ въ убійствѣ козака, собирается самъ свою «сатисфакцію получить однимъ или другимъ манеромъ»¹⁾. Въ крайнемъ же случаѣ кн. Прозоровскій грозитъ, что татары «неизбѣжно сами на себя привлекутъ совершенное разореніе и такую гибель, какой только отъ войны ожидать будетъ можно»²⁾.

Предоставляя, повидимому, дѣло о ханской власти въ Крыму собственному теченію, русская политика въ лицѣ графа Румянцова направлена была къ тому, чтобы «посредствомъ ли татаръ или денегъ вытѣснить Девлетъ-Герая изъ Крыму»³⁾, тѣмъ болѣе что Порта, занятая столкновеніемъ съ Персіею, всячески старалась угодить Россіи и, слѣдовательно, не имѣла ни времени, ни средствъ заступиться за Девлетъ-Герая⁴⁾. Согласно съ этимъ планомъ, тѣмъ изъ татаръ, которые выказывали свою добронамѣренность намъ и дѣйствовали въ нашихъ интересахъ, каковъ, напримѣръ, былъ Абду-ль-Керимъ-эфенди, судья при Едисанской и Джамбуйлукской ордахъ, или Ширинъ-бей, или Абду-ль-Велиага, давалось жалованье и подарки⁵⁾. Самъ его свѣтлость новый ханъ, т. е. Шагинъ-Герай, получалъ, «кромѣ даваемой въ пособіе на произведеніе его дѣлъ суммы, единственно на содержаніе себя въ каждый мѣсяцъ по тысячи рублей»⁶⁾. Рядомъ съ поддержкою личнаго ханскаго престижа Шагинъ-Герая нашими военными силами дипломатія наша въ лицѣ г-на Стахіева, чрезвычайнаго посланника и полпомочнаго министра при Портѣ, должна была «домогаться у оной наслѣдственнаго ханства»⁷⁾, хотя по этому послѣднему пункту сперва произошло недоразумѣніе между Шагинъ-Гераемъ и кн. Прозоровскимъ, который установленіе наслѣдственнаго преемства ханской власти считалъ несогласнымъ съ трактатами, предполагая, вѣроятно, въ этомъ личную честолюбивую затѣю Шагинъ-Герая⁸⁾.

Таковъ былъ образъ дѣйствій на сторонѣ русскихъ.

¹⁾ Дубровинъ, I: 308.

²⁾ Ibidem, 415.

³⁾ Ibidem, 252.

⁴⁾ Ibidem, 253 и 258.

⁵⁾ Ibidem, 424, 427.

⁶⁾ Ibidem, 429.

⁷⁾ Ibidem, 596.

⁸⁾ Ibidem, 494.

Въ то же время крымскіе татары, чувствуя свое безсиліе противостоятъ русскому панору, также явили себя въ этотъ историческій моментъ своего существованія политиками, сохраняя при этомъ свои коренныя татарскія нравственно-бытовыя качества.

Прежде всего татары обращались къ самому Шагинъ-Герая съ увѣщаніями довольно терпкаго свойства, напрямки говоря ему: «Мы всѣ признаемъ тебя за зложелателя себѣ....; ты намъ не надобенъ; куда ты желаешь, туда и иди.... Будь извѣстенъ, что ежели объ одной строчкѣ письмо будетъ отъ тебя прислано, то хану Крымскому, нашему государю, для разсмотрѣнія будетъ представлено; или будетъ отъ тебя посланный человекъ и пойманъ, будетъ нами отданъ вышепомянутому хану и въ примѣръ прочимъ публично и всенародно безъ всякаго сомнѣнія повѣшенъ и казненъ будетъ съ общаго нашего согласія.... Мы на твое желаніе никоимъ образомъ склониться не можемъ, ибо закону и вѣрѣ нашей противно...»¹⁾.

Равнымъ образомъ, понимая, что вся сила успѣха или неуспѣха Шагинъ-Герая зависѣла отъ дѣйствія за спиною его русскихъ, татары пытались убѣждать князя Прозоровскаго, представляя этому своему «великолѣпному пріятелю» очень вѣскіе по ихъ мнѣнію доводы въ пользу утвержденія на ханство Девлетъ-Герая, отзываясь насчетъ его слѣдующимъ образомъ: «Мы во всѣхъ дѣлахъ на его ханское распоряженіе положились, да и потому, что онъ, благодѣтель нашъ, поставленъ надъ нами ханомъ высочайшимъ повелѣніемъ мусульманскаго калифа и земнаго государя; есть надобность вѣры и закона нашего повиноваться его волѣ и всѣ подробныя же большія дѣла сей области довѣрять его начальству...»²⁾.

Про Шагинъ-Герая же татары писали кн. Прозоровскому: «Мы его совсѣмъ отругали, между себѣ вымѣстили и отъ него всегда предостерегаемся.... Онъ принять никогда не будетъ и на такой случай не только имущество потеряемъ, но для вѣры и закона умереть намѣреніе возьмемъ.... Посему», они просятъ далѣе, «для обязанности дружбы запретите.... Шагинъ-Гирей-султана внутрь Крыма не перевозить, судны и войска ему не давать»³⁾.

¹⁾ Ibidem, 284—285.

²⁾ Ibidem, 306—307.

³⁾ Ibidem, 373—376.

Такъ вѣжливо и заискивающе объясняясь съ представителями русской силы, татаре, разумѣется, не церемонились съ тѣми изъ своихъ, кто чѣмъ-либо выказывалъ свое расположеніе къ русскимъ. Такъ, по правдоподобнымъ показаніямъ одного карасубазарскаго турка, «Ширинскаго Темиръ-Газы-мурзы и бывшихъ у него, за то что ушли въ протекцію Россіи, разорены дома, и имущество разграблено по ханскому приказанію»¹⁾. Кн. Прозоровскій получилъ свѣдѣніе и сообщилъ послѣ Девлетъ-Гераю о томъ, что шатающіеся по Крыму съ своими бандами султаны «бѣдныхъ обывателей какъ татаръ, такъ и прочихъ, находя по дорогѣ съ арбами, рубятъ оныя, ихъ немилосердно бьютъ и все разсыпаютъ и разбрасываютъ, а наконецъ обѣщаютъ имъ и казнь» за то, что они доставляли русскимъ кизякъ, ячмень и другую на продажу провизію²⁾. Иногда они простирали свою безсильную месть даже на отдѣльныхъ лицъ изъ русскихъ: такъ «въ Карасу били чубуками подошвы ногъ у человѣка купца Гаврилова»³⁾. Не покидавшая ихъ при такомъ задорѣ трусость порождала среди нихъ нелѣпые слухи, которымъ они охотно вѣрили: напримѣръ они толковали, что князь Прозоровскій уже умеръ, отчего, по ихъ убѣжденію, долженъ былъ произойти въ русскихъ войскахъ безпорядокъ, «потому больше, что нѣтъ инова такова генерала», да что и войска-то у него было не болѣе семи тысячъ⁴⁾. Всего больше, разумѣется, фанатическіе упрямцы играли на религіозномъ чувствѣ крымскаго мусульманскаго населенія. Такъ, напримѣръ, пущена была молва, «что изъ Царьграда будетъ отправленъ вскорѣ морской флотъ въ Крымъ съ тѣмъ, чтобы крымскихъ татаръ всѣхъ истребить за то только, что якобы ханъ Шагинъ-Гирей крестился, и имя ему дано Иванъ Павловичъ, а потому дабы и они не были подъ россійскимъ владычествомъ, а превратить бы опять турецкому султану въ подданство»⁵⁾. Подсланный отъ капуданъ-паши къ кн. Прозоровскому чаушъ прямо ему заявилъ о томъ, что татаре, молъ, «особливо жалуются на хапа Шагинъ-Гирея, что онъ не закона магометанскаго, а христіанинъ и будто на себѣ носитъ крестъ, для того его

¹⁾ Дубровинъ, I: 271.

²⁾ Ibidem, 293 и 303.

³⁾ Ibidem, 271.

⁴⁾ Ibidem, 269—270, 280.

⁵⁾ Ibidem, 783.

не желаютъ»¹⁾. Любопытны, признаки, которыми недовольные татаре руководились въ опредѣленіи нечистовѣрія Шагинъ-Герая. Переводчикъ Котлубицкій въ своемъ показаніи сообщилъ между прочимъ слѣдующую молву, среди татаръ насчетъ Шагинъ-Герая: «будто онъ, по извѣстіямъ къ нимъ дошедшимъ, невѣрный; примѣчаніе таковое отъ слѣдующаго берутъ, что онъ на кровати спитъ, на стулѣ садится и молитвъ должныхъ по закону не дѣлаетъ»²⁾.

Довѣріе къ этимъ нареканіямъ на Шагинъ-Герая было такъ твердо и въ самой Турціи, что шейху-ль-исламъ насчетъ его прямо разъ отозвался такъ: «Хорошо, если бы россійскій дворъ пересталъ защищать Шагинъ-Гирея и не старался бы дѣлать ханомъ такую свинью и собаку, но кого другого, тогда бы и всѣ распри кончились»³⁾. А верховный везиръ нѣкому Али, карасу-базарскому татарину, прибывшему съ крымскими денутатами, прежде всего задалъ слѣдующіе вопросы: «мусульманинъ ли Шагинъ-Гирей? какъ одѣтъ и коlikое число россійскаго войска въ Крыму находится? На что Али отвѣчалъ, что Шагинъ-Гирей въ послѣдній рамазанъ по магометанскому закону постился, держитъ по обыкновенію при себѣ своего имама и какъ оба, такъ и всѣ при немъ находящіеся татары предписанной поры къ богомолію никогда не пренебрегаютъ. платье же реченный ханъ носитъ татарское, только черное»⁴⁾. И въ Портѣ того же Али «принуждали сказать правду: точно ли Шагинъ-Гирей мусульманъ, или же отрекся отъ того?»⁵⁾. Даже въ официальной запискѣ Блистательной Порты къ цесарскому нунцію по поводу крымскихъ дѣлъ выставлено было на видъ, что будто «россійскій генералъ, употребляя Шагинъ-Гирея своимъ орудіемъ, набралъ силою войска изъ магометанъ крымскихъ жителей и хотѣлъ изъ нихъ одѣтъ нѣкоторыхъ въ солдатскій мундиръ, а другихъ парадигъ погусарски и принудить носить шляпы, что есть совсѣмъ противнымъ закону магометанскому»⁶⁾.

¹⁾ Дубровинъ, II: 33.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, 107

⁴⁾ Ibidem, 110—111.

⁵⁾ Ibidem, 111.

⁶⁾ Ibidem, 186.

Само собою разумѣется, что во главѣ татарской оппозиціи стоялъ самъ ханъ Девлетъ-Герай и его ближайшіе приверженцы. Онъ собралъ однажды татаръ въ мечеть и спрашивалъ ихъ, желаютъ ли они вольности и видѣть Шагинъ-Герая ханомъ. Получивъ отъ нихъ отрицательный отвѣтъ, онъ велѣлъ имъ разъѣзжаться по домамъ и быть готовыми¹⁾. Онъ добирался, естественно, до главныхъ сторонниковъ Шагинъ-Герая и хотѣлъ ихъ перевѣшать²⁾; равнымъ образомъ онъ отдалъ приказаніе поймать и привезти къ себѣ въ Бакча-Сарай Шагинъ-Герая³⁾.

Но всѣ старанія Девлетъ-Герая удержать за собою власть и отдѣлаться отъ настойчивыхъ притязаній русскихъ не могли имѣть благопріятныхъ результатовъ, ибо въ самомъ татарскомъ населеніи не стало прежней разбойничьей отваги, вѣры въ безнаказанность какихъ-либо насильственныхъ враждебныхъ Россіи дѣяній, да и сохраненіе прежняго государственнаго строя не составляло теперь чего-либо дорогого для сердца татарина. А потому заслуживаетъ полной вѣры такое донесеніе Темиръ-Газы-мурзы: «Хотя и разосланы во всѣ стороны люди записывать изъ народа войска, но чернь не соглашается»⁴⁾. Совершенно справедлива была догадка кн. Прозоровскаго, высказанная имъ относительно писемъ, которыя получались отъ крымскаго общества, что «то пишетъ не оно, а ханскій письмоводецъ, а они должны въ присутствіи хана печати свои приложить, который, взявъ потомъ оное у нихъ и запечатавъ, отсылаетъ . . . , сказывая, что то отъ общества»⁵⁾. Не лишены правдоподобія и показанія нѣкоторыхъ конфидентовъ, какъ они называются въ документахъ, о происходившемъ въ Крыму. А они показывали, что когда Девлетъ-Герай старался собрать войско, то всѣ мурзы отказали ему въ этомъ, не желая подвергать свои семьи несчастіямъ войны. А Абду-ль-Вели-паша будто бы сказалъ публично хану: «Хорошо вамъ, что вы имущество свое убрали въ судны, и сами съ нѣкоторыми готовы; но мы отечество свое оставить не намѣрены»⁶⁾. Какъ зна-

¹⁾ Дубровинъ, I: 269.

²⁾ Ibidem, 445.

³⁾ Ibidem, 470.

⁴⁾ Ibidem, 385 и 390.

⁵⁾ Ibidem, 295.

⁶⁾ Ibidem, 384—385.

комо это характерное возраженіе чисто во вкусѣ крымскихъ татаръ! Только прежде возраженія предъявлялись ими Оттоманской Портѣ, притягивавшей ихъ на службу въ свои ополченія, а теперь они адресовались къ хану. Куда тутъ дѣвалась у нихъ вѣра въ святость своего мусульманскаго закона и непогрѣшимость постановленій своего духовенства, на которую они любили обыкновенно ссылаться въ своихъ сношеніяхъ съ русскими властями! Самый рьяный приверженецъ Девлетъ-Герая, кады-эскеръ Фейзу-л-Ла-эфенди и въ собраніи заявлялъ, что непристойно и противно закону ихъ быть вольными. Но Абду-ль-Вели на это возразилъ ему, что онъ самъ 84-лѣтній старикъ и, слѣдовательно, для какихъ-нибудь 3—4 лѣтъ оставшейся ему жизни «вѣры ломать» не станетъ, и прибавилъ: «По сію пору ничего мы безъ закона не дѣлали, но во всемъ по немъ и по совѣту духовныхъ; то когда мы что сдѣлали не по закону и слѣдственно ужь стали его противниками, то ты же остаешься нашимъ предводителемъ, гдѣ первое твое на то разрѣшеніе—въ огонь ли оно упало или въ воду», на что онъ, потупя глаза въ землю, ничего ужь не отвѣчалъ»¹⁾. Кромѣ того, конфиденты показали еще вотъ что: «Касательно же данной отъ казыаскера Фейзулы-эфендія фетвы или законнаго запрещенія быть имъ вольными, то область, не увѣряясь ею, приказала духовному муеддину-эфендію смотрѣть въ книгахъ, законно ли то, въ чемъ фетва казыаскеръ Фейзулы-эфендія, почему духовный сей сказалъ, что законъ дозволяетъ, и больше потому, когда не сильны дѣлать сопротивленія»²⁾. Это значитъ, что грамотный мусульманскій причетникъ напомнилъ татарамъ о существованіи извѣстнаго мусульманскаго правила, по которому «власть принадлежитъ сильному» — *Альхюкму лиманъ галаба* — правила, которое теперь очень было кстати для крымцевъ, тяготившихся своимъ настоящимъ положеніемъ и не видѣвшихъ никакого изъ него выхода.

Были и такіе среди татаръ люди, которые, не касаясь чисто-политическихъ принциповъ, направляли свои нападенія на нравственную личность Девлетъ-Герая. Такъ, по поводу той же фетвы Фейзу-л-Ла-эфенди, по свидѣтельству конфидентовъ, «изъ стариковъ мансурскихъ бывшій муфтій Ягья-эфенди сказывалъ, что выдаютъ фетву не идти и не подчиняться Шагинъ-Гирею, и что за то преступникомъ почтется закона, а когда бы

¹⁾ Дубровинъ, I: 265.

²⁾ Ibidem, 385.

Шагинъ-Гирей-султанъ сказалъ имъ, что вашъ Девлетъ-Гирей-ханъ, будучи государемъ, не только имѣетъ чужихъ женъ, но и мальчиковъ на удовольствіе свое собираетъ, что, будучи явно всему народу, не противить ли закону магометанскому и вѣрѣ, и зовутъ ли его преступникомъ онаго? и для чего это таить?»¹⁾.

Тщетныя мечты Девлетъ-Герая, главнымъ образомъ, питались въ немъ двусмысленнымъ поведеніемъ, вліяніемъ туда и сюда Отоманской Порты. Очаковскій житель Мустафа-ага, бывшій въ Бакчэ-Сараѣ, посланный вмѣстѣ съ курьеромъ верховнаго везира къ хану, сообщилъ русскимъ, что «ханъ до полученія письма визирскаго былъ нѣсколько сомнителенъ, а по полученіи онаго оказывался въ веселомъ видѣ и утверждалъ въ народѣ, будто пишутъ къ нему о Шагинъ-Гирей-ханѣ, что онъ вѣроломный, такъ если кто его пожелаетъ, тотъ почтется за отрицателя, отъ закона»²⁾.

Между тѣмъ татары, т. е., лучше сказать, самъ же Девлетъ-Герай подъ именемъ крымскаго общества сообщалъ кн. Прозоровскому такого рода вещь: «Намъ же и отъ Порты Отоманской чрезъ прибывшаго татарина съ письмами объявлено, чтобъ наблюдать вѣчный и ясный трактатъ между двумя дворами, не дѣлая ни на волосъ ему противнаго, и чтобы всегда его почитать стараніе ими употреблено будетъ, но о дѣлахъ насъ, пріятелей вашихъ, касающихся при Портѣ дѣлаться будутъ договоры повѣренными и полномочными отъ обоихъ дворовъ. А пока они ихъ не установятъ на какомъ хорошемъ основаніи, о которомъ, конечно, и намъ дадутъ знать, и покуда самымъ дѣйствіемъ не совершится, то и отъ стороны двора Россійскаго вашему сіятельству и другимъ здѣсь находящимся у васъ старшинамъ, велѣно наблюдать дружбу и сосѣдственное пріятельство»³⁾. Значить, турки прямо обнадеживать татаръ не смѣли, а все-таки прибѣгали къ обычной своей системѣ сманивать ихъ намеками и обѣщаніемъ дипломатическихъ проволочекъ, которыми они всегда любили затягивать международные вопросы, требующіе немедленнаго практическаго разрѣшенія.

Порта, дѣлая видъ, что татары не занимаютъ ее попрежнему, однако же «отправила въ Крымъ чиновника, бывшаго директора литейнаго двора для точнаго узнанія, коль

¹⁾ Дубровинъ, I: 378.

²⁾ Ibidem, 279—280.

³⁾ Ibidem, 283, 289—290.

основательны жалобы, приносимыя Портѣ пребывающими въ Константинополѣ и прѣзжающими изъ Крыма татарскими султанами и мурзами, въ притѣсненіяхъ и насиліяхъ, дѣлаемыхъ крымскимъ жителямъ отъ Шагинъ-Гирей-хана съ пособіемъ нашего (т. е. русскаго) войска, и . . . до полученія отъ него доношенія *отлагаетъ . . . окончаніе дѣлъ татарскихъ*»¹⁾. Такой контроль дѣйствій Шагинъ-Герая, да еще совмѣстныхъ съ дѣйствіемъ русскихъ войскъ, понадобился Портѣ опять-таки, очевидно, какъ предлогъ къ лишней проволочкѣ дѣлъ татарскихъ въ ожиданіи Какого-нибудь благопріятнаго случая къ тому, чтобы возвратить прежній status quo въ крымскомъ ханствѣ. Не даромъ поэтому какой-то французскій лекаръ, прѣхавъ въ Кафу, сказывалъ «о конечномъ прибытіи въ Крымъ войскъ турецкихъ, и что въ Портѣ квартируютъ янычара, показывая тѣмъ желаніе объявить войну Россіи, о чемъ и многіе уже говорили, предразсуждая о недолгомъ ханствованіи Шагинъ-Гирея»²⁾.

При всемъ томъ, когда нѣсколько человѣкъ изъ крымскихъ начальниковъ «ѣздили въ Царьградъ къ турецкому султану съ испрошеніемъ, чтобы оставлены были подъ державою хана Девлетъ-Гирея, а изъ-подъ власти Шагинъ-Гирея были освобождены», то султанъ, узнавши о цѣли ихъ прибытія, «не только чтобы просьбу принять могъ, но ниже допустить до себя не позволилъ», такъ что они «отправились попрежнему въ Крымъ» ни съ чѣмъ³⁾.

Уже давно было слышно, что Девлетъ-Герай все свое имуществъ и даже харемъ препроводилъ въ Балаклаву и погрузилъ тамъ на суда, самъ же медлилъ своимъ отъѣздомъ въ упованіи, что русскія войска не придутъ на помощь Шагинъ-Герая⁴⁾. Подъ конецъ онъ долженъ былъ разочароваться и будто бы какъ-то сказалъ по секрету своимъ приверженцамъ: «Кажется, для насъ никакой отъ Порты надежды нѣтъ, и я опасуюсь, чтобъ она меня не обманула»⁵⁾. При такомъ настроеніи ему ничего больше не оставалось, какъ по добру поздорову отъѣзжать изъ Крыма, и онъ 29-го марта 1777 г.

¹⁾ Дубровинъ, I: 489—490.

²⁾ Ibidem, 544—545, 513.

³⁾ Ibidem, 626.

⁴⁾ Ibidem, 377 и 379.

⁵⁾ Ibidem, 538.

ст. ст. къ вечеру, оставя въ Бакчэ-Сараѣ дворъ свой пустъ, отъѣхалъ въ Балаклаву, съ намѣреніемъ отплыть моремъ далѣе. А чтобы его скорѣе понудить къ этому, кн. Прозоровскій приказалъ подполковнику Любимову двинуться съ отрядомъ къ Балаклавѣ, занять берегъ отъ нея до Бельбека и загородить идущую туда изъ Бакчэ-Сарая черезъ р. Алму дорогу¹⁾. Девлетъ-Герай нѣсколько разъ принимался отваливать и опять возвращался и причаливалъ къ берегу: противный вѣтеръ не давалъ ему выдти въ море, пока наконецъ 3-го апрѣля удалось ему выдти²⁾. Сперва онъ отплылъ въ Синопъ и, забравши тамъ свой харемъ, отправился уже оттуда въ Константинополь³⁾, куда и прибылъ 14-го апрѣля⁴⁾. Приѣхавшіе съ нимъ татары рассказывали, что передъ отъѣздомъ его изъ Крыма всѣ тѣ, которые хотѣли со всѣмъ своимъ домомъ слѣдовать за нимъ, потеряли кто брата, кто жену, кто мужа, потому что русскія войска будто бы ихъ преслѣдовали, и что ничего кромѣ вопля и крика не было слышно⁵⁾. Самъ же Девлетъ-Герай, по донесенію Стахіева, прислалъ съ нарочнымъ въ Порту письмо, въ которомъ извѣщалъ, «что онъ принужденъ былъ изъ Крыма выѣхать, гдѣ пахотятся сорокъ тысячъ російскаго войска, кои имѣютъ съ собою Шагинъ-Гирея и возятъ его въ одной клѣткѣ изъ одного мѣста въ другое, почему и не можно распознать, мушину или женщину, мусульмана или же какого другого человѣка въ той клѣткѣ волочатъ; что *оное войско никого не трогаетъ*, хотя бъ кто и задиралъ его; что при отъѣздѣ его, Девлетъ-Гирея, съ своими людьми *оное войско пособляло убирать и переносить его скарбъ и погрузило оный на три судна*, на которыхъ онъ на азійтскій берегъ переправился»⁶⁾.

Такимъ образомъ поле было расчищено для Шагинъ-Герая, которому теперь, подъ прикрытіемъ русской военной силы, можно было не окольными путями пробираться въ Крымъ, какъ это предполагалось прежде, а прямо и торжественно шествовать въ Бакчэ-Сарай, о чемъ уже и состоялось распоряженіе кн. Прозоровскаго⁷⁾.

¹⁾ Дубровинъ, I: 502.

²⁾ Ibidem, 506.

³⁾ Ibidem, 507 и 551.

⁴⁾ Ibidem, 618 и 631.

⁵⁾ Ibidem, 618.

⁶⁾ Ibidem, 614—615.

⁷⁾ Ibidem, 509.

Письмомъ изъ лагеря близъ Кара-Су, при дер. Акъ-Кая, отъ 21-го апрѣля 1777 г. ст. ст. Шагинъ-Герай извѣщалъ гр. Румянцова о томъ, что крымское общество дало ему «о своей преданности письменное за общими печатями обязательство..... и самопроизвольно отказалось отъ избранія впредь хановъ, какъ по преданіямъ закона магометанскаго, такъ и по древнимъ татарскимъ обрядамъ»¹⁾. Въ журналѣ кн. Прозоровскаго дѣйствительно значится: «Въ 21-й день (апрѣля), часу во второмъ послѣ полудни, всѣ здѣшніе бѣи, мурзы и аги, собравшись изъ Карасубазара, предстали къ ставкѣ его свѣтлости и по своему обряду сдѣлали торжественную присягу въ данномъ на 9-ти артикулахъ обязательствѣ и клятвенными обѣтами оную подтвердили»²⁾. Любопытно, что главные вожаки партіи, поддавшейся Шагинъ-Гераю, изъявляя ему готовность присягнуть и прося его указать мѣсто встрѣчи съ нимъ, просили также какъ особой милости позволить имъ «*присягать поодадь войскъ російскихъ*»³⁾. Шагинъ-Герай препроводилъ къ гр. Румянцову и самый присяжный листъ, въ концѣ длиннаго предисловія къ которому говорится: «Мы, слѣдую святой заповѣди, высоко помянутаго государя нашего изъ мѣста, въ которомъ въ видѣ гостепріимства пребывать изволилъ, пригласили и съ помощію Вышняго по счастливѣйшемъ его свѣтлости въ область нашу прибытіи, въ нынѣшнемъ 1191 году⁴⁾, избравъ въ ханы, слѣдующіе ниже сего о нашей преданности обязательные артикулы сочинили и, утвердя печатями, всѣ нижеподписавшіеся знаменитѣйшіе Крымской области начальники и духовенство поднесли его свѣтлости»⁵⁾. Хотя русскій текстъ этого присяжнаго листа и названъ «переводомъ», но, судя по слогу и составу этого документа, онъ и есть настоящій оригиналъ, съ котораго былъ, вѣроятно, сдѣланъ уже татарскій переводъ для уразумѣнія присягавшихъ, и его-то, очевидно, разумѣлъ кн. Прозоровскій, рапортовавшій гр. Румянцову, что «отъ свѣтлѣйшаго Шагинъ-

¹⁾ Дубровинъ, I: 493.

²⁾ Ibidem, 513.

³⁾ Ibidem, 535. Это нѣсколько напоминаетъ тотъ случай, когда капитулировавшіе туркамъ австрійскіе гарнизоны ставили условіемъ капитуляціи «не проходить имъ мимо татаръ», всегда обыкновенно находившихся въ турецкой арміи.

⁴⁾ Этотъ же годъ гидржы, соотвѣтствующій сроку съ февраля по декабрь 1777 года, выбитъ на всѣхъ монетахъ имени Шагинъ-Герай-хана безъ различія относительно дѣйствительной ихъ чеканки.

⁵⁾ Ibidem, 496—500.

Гирей-хана и отъ общества грамоты къ Высочайшему нашему двору и къ Портѣ составлены и переведены», и что онъ, кн. Прозоровскій, «разсматривая находилъ во всѣхъ довольно хорошо и ясно описанную матерію»¹⁾. Кромѣ присяги, приписанной татарскимъ вельможествомъ Шагинъ-Герая, и крымское духовенство дало фетву, санкціонировавшую избраніе его въ ханы, какъ согласное съ духомъ мусульманскаго закона, при чемъ тоже упомянуто и о «деяти пунктахъ», изъ которыхъ состоитъ присяжный листъ татарскихъ вельможъ²⁾. Избраніе Шагинъ-Герая было торжественно чествовано пушечною пальбою на кафинскомъ рейдѣ, о чемъ доносилъ въ рапортѣ своемъ кн. Прозоровскому полковникъ Шамшевъ еще отъ 1-го апрѣля 1777 года³⁾.

¹⁾ Дубровинъ, I: 492. Къ чести кн. Прозоровскаго надо отнести то, что этотъ военный человекъ, какъ и его начальникъ, знаменитый гр. Румянцовъ, зная цѣну силы меча, понимали также и важность значенія человѣческаго слова, особенно чужезычнаго слова, въ сношеніяхъ съ людьми. Гр. Румянцовъ, напри-
мѣръ, никогда не подписывалъ самъ и совѣтовалъ кн. Прозоровскому не подписывать турецкаго пере-
вода своихъ корреспонденцій, дабы не быть обязаннымъ отвѣчать за переводъ турецкій (Дубровинъ, I:
35—36). Онъ же совѣтовалъ кн. Прозоровскому послать письмо къ Девлетъ-Герай-хану съ исправнымъ
и надежнымъ человекомъ, которому «надобно быть *знающему языкъ*, дабы онъ какъ въ путешествіи,
такъ и по прибытіи на мѣсто, могъ дѣлать, нужныя примѣчанія о расположеніяхъ тамошнихъ людей»
(Ibidem, 48). Слѣдуя внушеніямъ гр. Румянцова, и кн. Прозоровскій пишетъ однажды первому, что онъ
приказывалъ сличить переводъ на турецкомъ языкѣ деклараціи и нашелъ, что «хотя по соображеніи она
съ русскимъ въ силѣ своей и твердости онъ и согласенъ, но только, по примѣчанію его Якубъ-аги, вы-
раженія того перевода покажутся татарамъ не столько вразумительными, сколько онъ, слѣдуя всеобщему
употребленію ихъ языка, наблюдалъ оное въ своихъ переводахъ», изъ которыхъ одинъ и разсудилъ князь
препроводить гр. Румянцову (Ibidem, 144). Въ другой разъ кн. Прозоровскій пишетъ въ своемъ ордерѣ
генералъ-маіору Борзову: «Но какъ переводчикъ у васъ не такъ силенъ въ переводахъ, какъ Якубъ-ага,
то я и прилагаю здѣсь въ вышесказанныхъ словахъ письмо, переведенное имъ Якубъ-агою потурецки»
(Ibidem, 289).

²⁾ Ibidem, 591. Въмѣсто *фетва* въ заглавіи стоитъ *февта*. Просто ли это опечатка, или фонети-
ческое видоизмѣненіе извѣстнаго термина въ подлинникѣ, не знаемъ.

³⁾ Ibidem, 536.

Х.

Конецъ Девлетъ-Герая-хана. — Татарская депутація въ Портѣ. — Несочувствіе Порты избранію въ ханы Шагинъ-Герая. — Слѣпность и безтактность послѣдняго въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ. — Начало возмущенія въ Крыму. — Интриги Порты противъ Россіи и ея кандидата на ханскій тронъ. — Высадка въ Крымъ Селимъ-Герая III. — *Кровавые адреса* крымскихъ жалобщиковъ въ Порту. — Нота послѣдней къ еврейскимъ державамъ о положеніи дѣлъ въ Крыму и отношеніяхъ къ нимъ Россіи. — Причина остуды Шагинъ-Герая съ Суворовымъ и Константиновымъ. — Неудачный исходъ авантюры Селимъ-Герая III.

По совершеніи переворота въ Крыму Россіи предстояла еще трудная задача заставить Порту признать Шагинъ-Герая въ ханскомъ достоинствѣ, да еще впредь установить вмѣсто избирательнаго правленія въ Крыму наследственное. Порты, разумѣется, не хотѣла помириться съ фактомъ низверженія своего протеже, Девлетъ-Герая, и возведенія на ханство ненавистнаго ей измѣнника Шагинъ-Герая; но дѣлать было нечего. Девлетъ-Герай прожилъ нѣкоторое время въ Константинополѣ, угощался парадными обѣдами, получилъ отъ султана подарки, но все-таки въ концѣ концовъ долженъ былъ отправиться на жительство въ чифликъ неподалеку отъ Филиппополя¹⁾, гдѣ онъ черезъ три года и умеръ²⁾. Затѣмъ въ Портѣ хотѣли-было вызвать Сахыбъ-Герая, бывшаго прежде ханомъ, и дѣйствовать черезъ него на Шагинъ-Герая, какъ младшаго его брата, но и этотъ планъ тоже отложили³⁾. Стахіевъ еще въ апрѣлѣ 1777 г. доносилъ кн. Прозоровскому о благо-расположеніи всѣхъ добронамѣренныхъ людей въ Портѣ въ пользу Шагинъ-Герая, и только совѣтовалъ, «чтобы ханъ избралъ усерднѣйшихъ къ себѣ почтенныхъ и набожныхъ татаръ и отпраздновалъ бы ихъ чрезъ Царьградъ для поклоненія въ Мекку, которые бывши въ семъ городѣ могли бы зайти въ знатные дома и хвалиться хорошимъ управленіемъ поваго хана, прославляя его добродѣтели и ревность къ закону», хана же онъ торопилъ присылкою этихъ ходатаевъ и депутатовъ съ махзаромъ къ Портѣ⁴⁾.

¹⁾ Дубровинъ, I: 735—736.

²⁾ Тарихи-Джевдетъ, I: 182—183; Гюльбунн-хананъ, 117—118.

³⁾ Дубровинъ, I: 737—738.

⁴⁾ Ibidem, 511.

Въ концѣ мая эти депутаты отправились въ Порту и были тамъ встрѣчены довольно сухо: они должны были идти *пешками*, потому что верховыя лошади къ нимъ не были посланы; ихъ угощали кофеемъ, но *безъ сластей и окуриванія*, а верховный везирь по прочтеніи ихъ бумагъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: «Подумаемъ, посмотримъ!»¹⁾, т. е. потчивалъ ихъ тѣмъ милымъ словечкомъ «*бакалымъ!*», которымъ османлы и до сего дня отдѣлываются отъ чего-либо, въ чемъ они прямо отказать не могутъ, и чего однако же исполнить не хотѣли бы.

На совѣтѣ министровъ, происходившемъ въ присутствіи султана, было доложено, что вступленіе Шагинъ-Герая на ханство при помощи Россіи совершилось вопреки трактата о ничьѣмъ невмѣшательствѣ въ дѣла Крыма, и чрезъ это султанъ «вналъ въ разныя сомнѣнія»²⁾. Болѣе дѣятельнымъ проявленіемъ нерасположенія Порты къ признанію Шагинъ-Герая ханомъ Крыма было учрежденіе ею собственнаго пашалыка, или губерніи въ Бессарабіи со включеніемъ въ нее Каушанъ, Балты, Дубоссаръ и всѣхъ прочихъ вплоть до р. Буга земель и селеній, принадлежавшихъ Крымскимъ ханамъ, съ изгнаніемъ изъ тѣхъ мѣстъ ханскихъ управителей³⁾.

Такія увертки Порты, очевидно, не оставались неизвѣстны крымцамъ, которые все еще уповали на перемѣну дѣлъ въ желательномъ имъ направленіи. Во всякомъ случаѣ планы русской политики не тотчасъ могли осуществиться. Этому способствовала, помимо всего прочаго, безтактность Шагинъ-Герая, такъ что глухое сопротивленіе крымцевъ осенью же 1777 года разразилось открытымъ бунтомъ, о причинѣ котораго кн. Прозоровскій доносилъ г. Румянцову: «Я сколько можно стараясь изыскивать *инструментъ сего бунта не могу и понынѣ открыть*»⁴⁾. Но изъ тона какъ этого рапорта кн. Прозоровскаго, такъ и изъ другихъ документовъ выходитъ, что бунтъ вызванъ поступками Шагинъ-Герая, на первыхъ же порахъ сдѣлавшаго многое такое, что должно было усилить и безъ того немалое нерасположеніе къ нему мѣстнаго населенія.

¹⁾ Дубровинъ, I: 738.

²⁾ Ibidem, 746.

³⁾ Ibidem, 773—775.

⁴⁾ Ibidem, 804—805.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ злополучный татаринъ вообразилъ себя настоящимъ государемъ, соединяя въ себѣ дикіе инстинкты азіатскаго деспота съ самыми легкомысленными приѣмами и затѣями на европейскій манеръ, игнорируя пародную нелюбовь къ себѣ и въ тоже время не соображаясь съ намѣреніями и совѣтами русскихъ.

Тотчасъ же по полученіи формальнаго извѣстительнаго письма отъ татарскихъ вельможъ о своемъ избраніи на ханство Шагинъ-Герай отвѣчалъ имъ тоже письмомъ, заключавшимъ въ себѣ нѣчто въ родѣ милостиваго манифеста, въ которомъ объявлялъ амнистию всѣмъ провинившимся противъ него и противъ его брата Сахыбъ-Герай-хана и требованіе дальнѣйшаго впредь повиновенія, на что ему опять отвѣчено было письмомъ самаго раболопнаго содержанія, которое было отправлено къ нему ширинскимъ беємъ и Абду-ль-Вели-пашою отъ имени всего крымскаго общества¹⁾.

Послѣ этого, вступивъ въ фактическое осуществленіе своей ханской власти, Шагинъ-Герай занялся «распоряженіями о внутреннемъ своей земли устройствѣ», какъ объ этомъ рапортовалъ кн. Прозоровскій гр. Румянцову²⁾. Распоряженія эти состояли въ назначеніи «хорошаго содержанія новоизбраннымъ чиновникамъ» и въ добычѣ денегъ на покрытіе этихъ расходовъ посредствомъ отдачи на откупъ соли и всѣхъ пошлинныхъ сборовъ Кафы, Гёзлева и Перекопа и всеобщаго со всѣхъ жителей десятиннаго налога, учрежденнаго по примѣру Крымъ-Герай-хана³⁾. Князь Прозоровскій «на таковое изрядное», по его мнѣнію, «учрежденіе съ удовольствіемъ глядѣлъ», и ему въ голову не приходило, что изрядныя на взглядъ посторонняго человѣка учрежденія могутъ быть весьма неизрядными для тѣхъ, кого они непосредственно касаются. А оно такъ и было въ настоящемъ случаѣ. Жадный Шагинъ-Герай и раньше неотступно выпрашивалъ денегъ у кн. Прозоровскаго⁴⁾, а теперь у него была своя рука владыка, и онъ не замедлилъ, конечно, воспользоваться матеріальными выгодами своего новаго положенія. А деньги ему нужны были на разныя затѣи, которыми онъ хотѣлъ придать внѣшній помпъ своему властвованію. Такъ ему зачѣмъ-то понадобилось немедленно строить близъ Бакча-

¹⁾ Дубровинъ, I: 538—542.

²⁾ Ibidem, 597.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem, 487 и 569.

Сарая на горѣ новый дворецъ, для чего онъ выписывалъ изъ Россіи потребныхъ каменщиковъ¹⁾. Сверхъ того кн. Прозоровскій доносилъ, что Шагинъ-Герай «на печаянность возмущенія народнаго полагаетъ сдѣлать и крѣпостцу близъ Бакчэ-Сарая на горѣ, съ построеніемъ въ ней казармъ и заготовленіемъ магазиновъ для войска, куда онъ, мыслить должно, въ случаѣ тревоги и ретироваться со своею гвардіею намѣренъ». Князь Прозоровскій въ своемъ рапортѣ одобрительно отзывается и объ этомъ послѣднемъ строительномъ намѣреніи Шагинъ-Герая²⁾. Ко всему этому Шагинъ-Герай просилъ черезъ переводчика Константинова прислать ему мастеровъ для отливки пушекъ и дѣланія лафетовъ и разрѣшить ему купить въ Тулѣ для бешлеевъ (гвардіи) его ружья, сабли, пистолеты и пики³⁾.

Но если кн. Прозоровскій уже и раньше нарекалъ на то, что Шагинъ-Герай «очень поспѣшно хочетъ все сдѣлать»⁴⁾ и къ нему «довѣренности никакой не имѣетъ»⁵⁾, то теперь, по водвореніи Шагинъ-Герая на ханствѣ, онъ уже совсѣмъ нелестно аттестуетъ его, еще ближе присмотрѣвшись къ нему какъ самостоятельному правителю. «Стараюсь я», рапортовалъ онъ гр. Румянцову, «всякими способами развѣдывать мысли здѣшняго народа о государѣ ихъ Шагинъ-Гирей-ханѣ, по причинѣ весьма отмѣннаго его противу прежнихъ со всѣми поступка, слышу отъ многихъ немалое негодованіе о предпріятіяхъ новыхъ и уму ихъ непостижимыхъ, яко то: заведеніе многихъ строеній, вымощеніе камнемъ въ Бакчэ-Сараѣ улицъ и наипаче на сихъ дняхъ опубликованнаго указа о строжайшей отдачѣ всѣхъ російскихъ бѣглыхъ и представленіи ему плѣнныхъ, и о уравниеніи грековъ и армянъ его области въ податяхъ и прочихъ преимуществахъ съ магометанами. Первыя вещи почитаютъ они себѣ за чрезвычайное отягощеніе, а послѣднее за наичувствительную обиду и къ роду своему презрѣніе, чрезъ что и возрастаетъ между народомъ молва и роптаніе, а между чиновниками неудовольствіе и огорченіе, ибо они весьма малый къ нему приступъ имѣютъ, даже что и самый первѣйшій между ними человекъ;

¹⁾ Дубровинъ, I: 654.

²⁾ Ibidem, 639.

³⁾ Ibidem, 755.

⁴⁾ Ibidem, 295—296.

⁵⁾ Ibidem, 354.

визирь его Абдувели-ага, живя съ прочими засѣдателями дивана въ Бакчѣ-Сараѣ, съ нуждою черезъ двѣ или три недѣли удостоивается его видѣть и говорить»¹⁾. Это было въ іюнѣ 1777 года, а въ октябрѣ уже разразился бунтъ, вспыхнувшій сперва въ Бакчѣ-Сараѣ и вскорѣ потомъ охватившій весь полуостровъ.

Въ рапортѣ отъ 11-го октября кн. Прозоровскій такъ описываетъ начало возмущенія. Шагинъ-Герай-ханъ передъ этимъ ѣздилъ «для осмотру Балаклавы и прочихъ примѣчательныхъ въ той сторонѣ старинныхъ развалинъ». Возвратясь 2-го числа, онъ остановился близъ Бакчѣ-Сарая при деревнѣ Челеби-Джеслау и производилъ ученіе набранному имъ войску. Уже во время этого ученія замѣчалось какое-то недовольство въ рядахъ войска; а черезъ три дня поутру около 10-ти часовъ въ станѣ произошла суматоха, шумъ, бѣготня; слышались оружейные выстрѣлы; татаре запрягли возы и поднимались. Ханскій конвой сталъ подъ ружье и сѣлъ на коней; посланные ханомъ вернулись, ничего толкомъ не узнавши, а между тѣмъ изъ татарскаго лагеря бѣжали къ ханской ставкѣ начальники, преслѣдуемые нѣсколькими татарами. Послѣ того мятежники двинулись къ р. Алмѣ. Ханъ отправилъ къ кн. Прозоровскому чиновника, прося прислать къ нему роту гренадеръ съ пушкою; а «взбунтовавшееся войско взяло путь серединой Крыма по направленію къ Перекопу, разсѣвая по деревнямъ всякіе непристойные слухи какъ противъ хана, такъ и всѣхъ чиновниковъ»²⁾. Вслѣдъ затѣмъ кн. Прозоровскій былъ извѣщенъ, что и въ горахъ, въ Ускютѣ и прочихъ мѣстахъ начинается чернь бунтоваться и вооруженными немалыми скопищами собирается. Посланный имъ туда кн. Волконскій прислалъ письмо, «въ которомъ точная изъяснена причина сего возрастающаго часъ отъ часа бунту». И оказалось, что ближайшею причиною мятежа была солдатчина, затѣянная ханомъ. Набравъ 2000 человекъ для конницы и 1000 для пѣхоты, Шагинъ-Герай опредѣлилъ къ нимъ молодыхъ мурзъ, которые зачали муштровать новобранцевъ на русскій, должно быть, ладъ съ тычками и зуботрещинами. Оттого и не мудрено, что тѣ, испугавшись, такой несродной ихъ натурѣ, муштры, толпами бросились бѣжать въ степи, и на вопросъ, зачѣмъ они туда бѣгутъ, отвѣчали: «Хотя бы весь Крымъ остался пустъ,

¹⁾ Дубровинъ, I: 690—691.

²⁾ Ibidem, 784—786.

то мы никогда не согласимся къ регулярной службѣ, въ которую насъ ханъ набирать сталъ»¹⁾).

Эта затѣя — завести регулярное войско уже давно была въ помышленіи Шагинъ-Герая, но только онъ это скрывалъ отъ кн. Прозоровскаго, который, однако же прознавъ объ этомъ, старался стороною внушать ему, что «сіе его предпріятіе съ нынѣшнимъ положеніемъ несоразмѣрно» какъ по его финансовому состоянію, такъ по несуществованію нужныхъ для этого людей и, главное, по несогласности этого съ духомъ народа, который, «сего пуще всѣхъ бѣдъ страшась, готовъ всякій разъ къ новому возмущенію», да притомъ и Портѣ «при началѣ сего дѣла откроетъ себѣ лучшіе слѣды къ взволнованію противу его всей татарской націи»²⁾).

Но Шагинъ-Герай не обращалъ вниманія на эти внушенія опытныхъ людей, и когда плоды его упрямства выразились въ открытомъ противъ него возстаніи, кн. Прозоровскій, разсуждая о причинахъ этого возстанія, говоритъ про татаръ: «Всѣ они до безконечности огорчены страннымъ и дикимъ съ ними поступкомъ своего хана Шагинъ-Гирея, который, не щадя никого, всѣхъ ихъ пренебрегалъ и никогда ничѣмъ полезнымъ совѣтамъ не внималъ, даже дотого, что и я сколько ни старался, посѣщая его наединѣ, чрезъ переводчика часто уговаривать, чтобы онъ остерегался и побольше ихъ ласкалъ, опасаясь впредь отъ такого пренебреженія всегда опасныхъ послѣдствій, но онъ вмѣсто того, не слушая, умножалъ еще свои ко всѣмъ грубости, и наконецъ до того довелъ все правительство, что они только ему потакали, а искренно никто ничего не говорилъ. Каковымъ неосторожнымъ со всѣми поступкомъ доказалъ онъ довольно, что не достаетъ въ немъ . . . проищанія, и знанія управлять людьми онъ не имѣетъ, а много малодушія. Собраніе войскъ веселило его какъ малаго ребенка, и въ случаяхъ спокойныхъ не приступенъ для всѣхъ чиновъ правительства, а во время такого смутнаго положенія со всѣмъ не рѣшителенъ и отчаянъ»³⁾). Не лучше кн. Прозоровскій отзывался позже и о другихъ правительственныхъ распоряженіяхъ Шагинъ-Герая, которыя раньше, впрочемъ, называлъ «изряднымъ учрежденіемъ». Въ рапортѣ своемъ отъ 9-го декабря 1777 г. онъ пишетъ:

¹⁾ Дубровинъ, I: 787—790.

²⁾ Ibidem, 636—637.

³⁾ Ibidem, 805—806.

«Я съ ханомъ хотя и не имѣлъ никогда никакой распри, но единственно совѣты мои, которые всегда слѣдуя высочайшей воли подавалъ ему, не были пріятны и оставались безъ всякаго вниманія; онъ слѣпо слѣдовалъ своимъ предпріимчивостямъ, и разомъ такіе откупы сдѣлалъ, что совсѣмъ ограблявалъ народъ, и генерально цѣлую область на себя подвинулъ, ибо сверхъ взимаемой имъ десятины, которую одинъ только Крымъ-Гирей бралъ, неволенъ у него въ деревни ни одинъ мужикъ убить скотину, кромѣ откупщика; также на откупъ отданы пожи, хлѣбъ и прочее, что все покупая, на примѣръ четверть хлѣба по рублю, продаетъ черезъ откупщиковъ по полтора рубли»¹⁾. Въ концѣ же декабря кн. Прозоровскій, отчаявшись въ пригодности Шагинъ-Герая, восклицаетъ въ рапортѣ къ гр. Румянцову: «Осмѣливаюсь вашему сіятельству нижайше представить, что когда онъ (т. е. Шагинъ-Герай) во столько лѣтъ до сихъ поръ не могъ никого тамъ прямо преданнымъ себѣ сдѣлать, то сомнительно, чтобъ и впредь предупѣлъ въ семъ»²⁾.

Таковъ-то былъ кандидатъ на ханство, выставленный и поддерживавшійся русскою мощью. Не удивительно послѣ этого, что возмущеніе, гнѣздясь главнымъ образомъ въ Карасу-Базарѣ³⁾, развѣтвлялось во всѣхъ направленіяхъ по всему Крыму. Татарская конница иногда бросалась на наши отряды «съ такою фурією», какъ никогда не видавали⁴⁾, и хотя татары вездѣ несли огромный уронъ и были побѣждаемы нашими войсками, «однако», писалъ кн. Прозоровскій, «все еще не вижу я конца сему возмущенію»⁵⁾. Историкъ Соловьевъ говоритъ, что будто бы въ началѣ бунта татары напали на Шагинъ-Герая, и что онъ раненный ушелъ изъ Бакчэ-Сарая и куда-то на время скрылся; а всѣ бывшіе при немъ мурзы были перебиты, при чемъ у русскихъ убито до 900 человекъ⁶⁾. Но изъ опубликованныхъ нынѣ документовъ не совсѣмъ подтверждаются свѣдѣнія, добытыя почтеннымъ историкомъ. Раны Шагинъ-Герай не получалъ никакой, а преспокойно повсюду разсылалъ къ татарамъ манифесты съ оповѣщеніемъ, «что онъ изъ нихъ какъ нынѣ

¹⁾ Дубровинъ, I: 846—847.

²⁾ Ibidem, 851.

³⁾ Ibidem, 807.

⁴⁾ Ibidem, 812—813.

⁵⁾ Ibidem, 803.

⁶⁾ Исторія Россіи, XXIX: 244.

и впредь никогда войска на теперешнемъ основаніи набирать не станетъ, оставляетъ ихъ на старинномъ обрядѣ съ тѣмъ, что развѣ бы когда нужда потребовала, но и то собирать ихъ будетъ попрежнему; тожъ всѣхъ бѣжавшихъ въ преступленіи ихъ прощаетъ, только бы они возвратились въ свои дома и жили спокойно»¹⁾. А бунтовщики не подавались ни на какія увѣщанія, «ибо они жестокимъ его (Шагинъ-Герая) тиранствомъ такъ всѣ озлоблены, что, посланнымъ говорили, только и требуютъ его съ первѣйшими мурзами и чиновниками въ свои руки; а ежели ихъ не получаютъ, то лучше хотятъ до послѣдняго человѣка пропасть, нежели покориться хану»²⁾. Его свѣтлость ханъ и правительство, по донесеніямъ кн. Прозоровскаго, имѣли свое пребываніе при главномъ русскомъ военномъ отрядѣ, состоявшемъ подъ командой князя³⁾. Что же касается до потерь въ нашихъ войскахъ, то о нихъ не имѣется точныхъ данныхъ; но, судя по минорному тону, въ которомъ кн. Прозоровскій описываетъ гр. Румянцову трудность своего положенія въ виду того, что онъ «никогда не воображалъ себѣ такого сильнаго въ сей землѣ возмущенія»⁴⁾, и проситъ себѣ подкрѣпленій⁵⁾, а также и по упрекамъ, дѣлаемымъ гр. Румянцовымъ кн. Прозоровскому за нецѣлесообразность нѣкоторыхъ его распоряженій⁶⁾, надо полагать, что русскимъ войскамъ также причинено татарами не мало урону, тѣмъ болѣе непріятнаго, что, по убѣжденію гр. Румянцова, «татарскаго вооруженія на свѣтѣ нѣтъ хуже»⁷⁾.

Но если ненавистная личность и легкомысленное поведеніе Шагинъ-Герая были видимымъ стимуломъ татарскаго волненія въ Крыму, то невидимая пружина все же была въ рукахъ Порты. Кн. Прозоровскій не безъ основанія предполагалъ въ этомъ бунтѣ интригу Порты, орудіемъ которой онъ считалъ Джелалъ-бея, нѣкогда сосланнаго по указу Порты и возвращеннаго по просьбѣ Девлетъ-Герай-хана⁸⁾, ибо онъ «первый пропозиро-

¹⁾ Дубровинъ, I: 789.

²⁾ Ibidem, 793.

³⁾ Ibidem, 793, 812, 815 и др.

⁴⁾ Ibidem, 794.

⁵⁾ Ibidem, 795, 809, 823 и др.

⁶⁾ Ibidem, 814—816, 828—829, 831—833.

⁷⁾ Ibidem, 833.

⁸⁾ Ibidem, 553.

валъ хану о'паборѣ войска»¹⁾), считая это вѣрнѣйшимъ средствомъ взбунтовать народъ. Свое соображеніе кн. Прозоровскій подкрѣпляетъ ссылкой на «странныя разсужденія бунтующихъ толпъ, которыя всѣ твердятъ, что они никакого съ нами дѣла имѣть не хотятъ, а имѣютъ дѣло до хана и правительства». Кромѣ того, присланный отъ толпъ мурза спрашивалъ кн. Прозоровскаго, «для чего бы такое множество російскихъ войскъ здѣсь было, о чемъ и при заключеніи торжественнаго между двоими дворами трактата при Кайнарджі не упомянуто»²⁾).

Подозрѣнія кн. Прозоровскаго насчетъ интригъ Порты отчасти оправдывались совпадениемъ по времени крымскаго мятежа съ нѣкоторыми дѣйствіями отоманскаго правительства въ родѣ присоединенія къ турецкой территоріи земель, принадлежавшихъ прежде Крымскому ханству, между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ. По поводу этого Веселицкій, основываясь на письмѣ Стахіева изъ Константинополя, заключилъ, что «сіи и другія тому подобныя завязки довольно обнажаютъ недоброжелательныя и беспокойныя тамошняго министерства умыслы, не взирая на миролюбивые султанскіе сентименты»³⁾. Потомъ уже и самъ гр. Румянцовъ въ своемъ ордерѣ отъ 6-го ноября 1777 года категорически заявилъ: «Нѣтъ сомнѣнія, чтобы возставшій въ Крыму бунтъ не былъ работы турецкой, и что конечно войска турецкія въ подкрѣпленіе и подпору татарамъ съ береговъ азіатскихъ и европейскихъ въ Крымъ отправлены»⁴⁾.

Прусскій резидентъ Гаффонъ тоже сообщалъ своему правительству, что верховный везиръ Деренделы Мухаммедъ-паша, человѣкъ энергическій и предприимчивый, будто бы положительно былъ за рѣшеніе Крымскаго вопроса оружіемъ⁵⁾. Хотя этотъ дипломатъ настолько славенъ своимъ легкомысліемъ и верхоглядствомъ⁶⁾, такъ что его наблюденія можно бы было и не вѣрить, но въ данномъ случаѣ они согласуются съ другими симптомами враждебнаго настроенія Порты относительно Россіи. Очевидно, дерзкое пове-

¹⁾ Дубровинъ, I: 790, 805.

²⁾ Ibidem, 797.

³⁾ Ibidem, 774—775.

⁴⁾ Ibidem, 826—827.

⁵⁾ Zinkeisen, Op. cit., VI: 151.

⁶⁾ См. мою статью «Эпизодъ изъ Восточной политики Пруссіи» въ Русск. Вѣстн. за 1882 г. № 8, стр. р. 45—46, 48, 50—56.

деніе крымцевъ питало и въ самихъ сановникахъ Порты, принадлежавшихъ къ воинственной партіи. увѣренность въ возможности посчитаться съ Россією. Порты, правда, еще не дерзала затѣвать новой войны съ Россією, но не хотѣла быть въ то же время и слишкомъ уступчивою. Но окончательно происки ея обнаружили тогда, когда, не безъ нея, конечно, вѣдома и соизволенія, явился въ Крымъ другой претендентъ на ханскій тронъ, помимо Шагинъ-Герая, разъ уже неудачно фигурировавший въ этой роли и постыдно бѣжавшій изъ Крыма при первомъ натискѣ русскихъ, Селимъ-Герай III.

Рапортомъ отъ 21-го декабря 1777 года ст. ст. кн. Прозоровскій доносилъ гр. Румянцову, что 19-го числа онъ получилъ извѣщеніе отъ полковника Репинскаго «о Селимъ-Гирей, бывшемъ ханѣ, который изъ Очакова на лодкѣ съ 60-ю татарами отправился въ Крымъ, . . . а въ ночь того же числа . . . приведены изъ форпостовъ двое мурзъ съ письмами какъ отъ Селимъ-Гирея, избраннаго бунтующими татарами въ ханы, такъ и отъ самыхъ бунтующихъ толпъ»¹⁾. Въ этихъ письмахъ Селимъ-Герай извѣщаетъ кн. Прозоровскаго о своемъ призваніи на ханство всѣми князьями, духовенствомъ и татарскими народами Крыма, предлагаетъ ему «выступить изъ Крыма и дѣлать впредь дружескія обхожденія»²⁾. Бунтовщики тоже въ своемъ письмѣ, повторяя слова Селимъ-Герая, заявляли, что они «его приняли съ согласія всѣхъ въ ханы», и въ заключеніе прибавили: «А Шагинъ-Гирей-хану служить не станемъ и охотнѣе согласимся понести разореніе всея области, нежели на принятіе его»³⁾.

Отъ 6-го января 1778 г. Стахіевъ доносилъ въ Петербургъ, что въ засѣданіи общаго совѣта Порты, происходившемъ 23-го декабря минувшаго года принято рѣшеніе оказать дѣятельную помощь возставшимъ противъ Шагинъ-Герая татарамъ отправленіемъ къ крымскимъ берегамъ флота. Онъ сообщилъ также о молвѣ въ народѣ, что Селимъ-Герай уже переѣхалъ изъ Очакова въ Крымъ вмѣстѣ съ Мухаммедъ-Гераемъ и сыновьями хана Крымъ-Герая⁴⁾.

Ближайшимъ поводомъ къ поднятію Крымскаго вопроса въ Диванѣ Порты послужили опять присланныя ей просьбы крымцевъ и жалобы ихъ на свое бѣдственное положеніе,

¹⁾ Дубровинъ, I: 848—850.

²⁾ Ibidem, 860—861.

³⁾ Ibidem, 861—862.

⁴⁾ Соловьевъ, XXIX: 277; Дубровинъ, II: 26—30.

названныя у турецкихъ историковъ, ради ихъ печальнаго и трогательнаго содержанія, «кровавыми адресами» — *канлы махзарларъ*—¹⁾). На этомъ совѣтѣ, имѣвшемъ засѣданіе 3-го зи-ль-хыджэ 1191 = 2-го января 1778 г., дѣйствія Россіи признаны противными договору, а оказаніе помощи крымскимъ татарамъ—долгомъ турковъ, налагаемымъ на нихъ мусульманскимъ закономъ. Для этого опредѣлено отправить въ Крымъ 5 галловъ и на нихъ семь или восемь тысячъ войска подъ командою сивасскаго и трапезундскаго вали, извѣстнаго уже намъ Джаныклы Эльхаджъ-Али-паши; но формально не объявлять Россіи войны и по возможности не нарушать мира. На всякій случай велѣно составить сорока-пятитысячный корпусъ янычаръ и весною сосредоточить его около Исмаила, въ каковомъ смыслѣ и были разосланы предписанія, съ назначеніемъ Джаныклы Али-паши крымскимъ сераскеромъ, а румилійскаго вали Абду-л-ла-паши исмаильскимъ сераскеромъ²⁾).

Принявъ это рѣшеніе, Порты, по всемъ правиламъ дипломатическаго искусства, тотчасъ же, 3-го мухаррема 1192 = 1-го февраля 1778 года, разослала всемъ представителямъ европейскихъ державъ ноту съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла. Эта нота, по-турецки *такрыръ*, приводимая цѣликомъ въ турецкомъ подлинникѣ у историковъ, весьма любопытна для насъ по своему содержанію: въ ней исчислены мотивы недовольства крымцевъ своимъ новымъ положеніемъ и выражены взгляды Порты по Крымскому вопросу. Разъ резюмированные въ ней, эти мотивы и взгляды и послѣ повторяются въ той же стереотипной формѣ при дальнѣйшихъ пререканіяхъ Порты съ Россіею.

Поставивъ на видъ признанную трактатомъ независимость татаръ и невмѣшательство другихъ державъ въ избраніе ими хана, Порты указывала на прерогативу султана блюсти порядокъ дѣлъ, касающихся религіи крымцевъ. Къ этимъ послѣднимъ, кромѣ права инвеституры и утвердительной грамоты, въ нотѣ отнесено также право стамбульскаго кады-эскера жаловать *мурасэлэ* = «отношеніе», заключающее въ себѣ уполномоченіе хану назначать крымскихъ улема на судейскія должности³⁾. Но что особенно странно

¹⁾ Девдѣтъ, I: 193.

²⁾ Девдѣтъ, I: 192—194.

³⁾ Во французскомъ переводѣ турецкой ноты говорится: «que l'illustre Caziasker de la Sublime Porte accorderait le *Muraselé* (a ne *Murasclé*), c'est à dire la permission d'établir les *Cadi*, c'est à dire juges du corps des *Uléma* de la Crimée». (Дубровинъ, II: 162).

съ нашей телерешней точки зрѣнія — это причисленіе къ вопросамъ религіознымъ также и вопроса объ одеждѣ, который играетъ непослѣдную роль въ тогдашней крымской передрагѣ. Нарушителями всѣхъ означенныхъ условій спокойствія Крыма и добрыхъ отношеній между гарантировавшими это спокойствіе державами — Россією и Портою — выставляются съ турецкой стороны Щербининъ, Долгорукій и вособенности князь Прозоровскій. Они обвинялись въ томъ, что привлеки Шагинъ-Герая на свою сторону, отправляли его совращать Едисанцевъ, Ногаевъ, Черкесовъ и прочія татарскія племена, снабжая его деньгами для подкуна нужныхъ ему людей. А такъ какъ нехотѣвшіе ему подчиняться разъ или два покушались убить его, то для его безопасности кн. Прозоровскій приставилъ къ нему конвой изъ 15 человѣкъ козаковъ и гусаръ да еще ввелъ 35-тысячный корпусъ въ Крымъ. Избраннаго же татарскимъ народомъ Девлетъ-Герая вытѣснили, большую часть знати крымской обратили въ бѣгство, а оставшихся окружили и подъ угрозою избіенія и взятія въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей насильно принудили признать Шагинъ-Герая ханомъ, отбирая у нихъ печати и штемпелюя ими подъ видомъ «избирательнаго адреса» — *интихабъ махзары* — составленную ими самими бумагу, въ которой статья о прерогативахъ его величества султана вовсе исключена; выбрали для представленія этой бумаги Высокому Порогу четырехъ человѣкъ и послали въ сопровожденіи нѣсколькихъ русскихъ. Русскому же резиденту при Портѣ Стахіеву сколько ни заявлялось объ этихъ противодоговорныхъ дѣйствіяхъ его правительства, онъ или по цѣлымъ мѣсяцамъ отмалчивался, ссылаясь на неполученіе отвѣта отъ своихъ властей, въ расчетѣ на твердость Порты въ сохраненіи мира, или выжидая, пока она была бы вынуждена начать дѣлать приготовленія къ отпору, чтобы потомъ на нее же свалить въ глазахъ другихъ державъ вину нарушенія добраго согласія. Между тѣмъ во время этой проволочки переговоровъ Россія мало-по-малу дѣлаетъ что ей нужно для того чтобы осуществить свой замыселъ завладѣть Крымомъ. Съ этою цѣлію между прочимъ «въ концѣ рамазана = октября (1777 г.) русскій генералъ, употребивъ орудіемъ Шагинъ-Герая, сталъ насильно набирать изъ крымскихъ жителей войско, вербуя дѣтей мусульманъ и одѣвая ихъ въ совершенно *противныя мухаммеданскому шаріату шапки и солдатскія одежды* и придавая имъ чрезъ это внѣшность своихъ войскъ. Кромѣ того, въ крымскихъ городахъ и деревняхъ онъ размѣстилъ свои войска для зимовки среди семействъ мусульманскихъ и тѣмъ осквернилъ честь ихъ». Тогда всѣ племена татарскія на Кубани и въ Крыму

возстали и обратились къ кн. Прозоровскому съ требованіемъ предоставить ихъ съ Шагинь-Гераемъ самимъ себѣ и уходить съ своимъ войскомъ прочь; а онъ повернулъ на нихъ пушки и ружья и множество мусульманъ сдѣлалъ мучениками за вѣру. Теперь тамъ общее возстаніе; татары не принимаютъ Шагинь-Герая и просятъ у Порты помощи: то и дѣло приходятъ отъ нихъ «кровавыя адреса». Оказать имъ эту помощь обязываетъ святой шаріатъ. Русскому посланнику столько уже толковано объ этомъ; что наконецъ у Высокой Державы не стало терпѣнія. Она искренно желаетъ сохраненія мира, но поведеніе Россіи и необходимость обезпечить цѣлость и спокойствіе своихъ границъ выпуждаетъ ее позаботиться о приготовленіяхъ. Крымцы и татарскія племена, лишенные русскими всякой безопасности, пригласили старѣйшаго изъ хановъ Селимь-Герай-хана и присягнули ему; а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ русскій посланникъ представилъ поту о томъ, что будто они всѣ настаиваютъ, напротивъ, на утвержденіи ханомъ Шагинь-Герая. Ему говорятъ, что Селимь-Герай избранъ татарами, и Порта считаетъ своимъ долгомъ соблюдать принятыя на себя обязательства; а онъ возражаетъ: «Мое правительство отвѣчаетъ, что оно не отступится отъ Шагинь-Герая; больше я ничего не знаю». Богъ разсудитъ, на чьей сторонѣ правда, въ виду такихъ противныхъ договоровъ и справедливости дѣйствій Россіи, очевидныхъ изъ вышеприведенныхъ доказательствъ, которыя могутъ быть подтверждены имѣющимися въ рукахъ Порты документами, которые писаны были къ Шагинь-Герая русскими генералами и офицерами, попались во время мятежа въ руки татаръ и персланы въ Портѣ съ удостовѣрительными въ подлинности ихъ подписями и печатями¹⁾).

Въ этой потѣ правда перемѣшана съ ложью. Порта права была въ томъ отношеніи, что угадывала намѣренія Россіи включить современемъ Крымъ въ число своихъ владѣній, избравши средствомъ для этого постепенное изолированіе татаръ, которое бы лишало ихъ возможности сопротивленія. Что на Шагинь-Герая смотрѣли только какъ на подставное лицо и постоянно внушали ему дѣйствія, отвѣчавшія стремленіямъ русской политики, это вѣрно. Въ этихъ расчетахъ всячески и способствовали избранію его въ ханы Крымскіе, и главнѣйшимъ средствомъ для этого было задариваніе вліятельныхъ людей среди татаръ, составлявшихъ его партію или расположенныхъ примкнуть къ ней,

¹⁾ Джевдетъ, I: 194—198; Дубровинъ, II: 161—167.

что Порта и называетъ подкупомъ, и на что, дѣйствительно, есть прямые и довольно откровенныя указанія въ перепискѣ Румянцова съ своими помощниками¹⁾. Деньгами склоняли въ свою пользу даже турецкаго агента, нарочито посланнаго Портою въ Крымъ для изслѣдованія положенія тамошнихъ дѣлъ²⁾: тогда это водилось, особенно съ турками-то. Но чтобы при избраніи Шагинъ-Герая употреблялись угрозы и даже насилія, какъ говорится въ нотѣ, на это нѣтъ никакихъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ, намековъ въ нашихъ документахъ. Дѣло ограничивалось по возможности одними демонстраціями. Когда же татары подняли открытый мятежъ, то, разумѣется, пришлось противъ силы орудовать силою же. Графъ Румянцовъ, соединявшій въ себѣ гениальную способность одновременно направлять ходъ военныхъ операцій и слѣдить за политическими отношеніями какъ воюющихъ сторонъ, такъ и постороннихъ зрителей ихъ борьбы, былъ не особенно лестнаго мнѣнія о татарахъ, называя ихъ «развратнымъ и малодушнымъ татарскимъ народомъ»: они, по его словамъ, *бестіи* и даже *нелюди*. Поэтому въ своихъ ордерахъ онъ велитъ «не употреблять безъ крайности оружія и жестокихъ мѣръ»³⁾; когда же «опыты частыхъ измѣнъ татарскихъ дѣлаютъ ихъ недостойными всякаго милосердія», то онъ находитъ, что ихъ «не лишнее было поускромить: я разумѣю прямо побить»⁴⁾; рекомендуетъ кн. Прозоровскому изыскать «способъ гдѣ либо въ горахъ татаръ запереть и голодомъ поморить, или, отрѣзавъ ихъ отъ горъ, на голову побить»⁵⁾. Турки выставляютъ въ числѣ главныхъ причинъ, вызвавшихъ мятежъ, образованіе регулярнаго войска изъ татарской молодежи Шагинъ-Гераемъ, по образцу европейскому и съ облеченіемъ ихъ въ русскую солдатскую униформу. Это обстоятельство также не ускользнуло отъ вниманія Румянцова, который, извѣщая гр. Папину, что «ханское новое войско взбунтовалось, не терпя вводимаго регулярства, и что сей бунтъ повсталъ вдругъ и вездѣ», присовокупляетъ: «Мнѣ кажется, сія причина не есть основательная, но случайная, кстати»⁶⁾. Румянцовъ былъ того, неоднократно выраженнаго имъ, убѣжденія, что, «безъ

¹⁾ Напр. въ Чтеніяхъ за 1875 г., кн. IV: 74, 107—108.

²⁾ Ibidem, 42—43; Дубровинъ, II: 42.

³⁾ Чтенія, 17, 19, 37, 57.

⁴⁾ Ibidem, 54.

⁵⁾ Ibidem, 66.

⁶⁾ Ibidem, 13.

сомнѣнія, турки и весьма искусно сработали татарской бунтъ»¹⁾), или, что «въ Крыму на бѣду татаръ и будто противу ихъ хана состряпали турки бунтъ»²⁾). Иновѣрческая одежда, а вособенности головной уборъ немусульманскаго покроя, въ самомъ дѣлѣ, внушаютъ къ себѣ какое-то особое суетвѣрное отвращеніе въ мусульманахъ вообще, а въ туркахъ и татарахъ вчастности: сколько было переговоровъ по поводу шапки съ самимъ Шагинъ-Гераемъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и представлялся государынѣ! ³⁾). Намъ это и понять трудно; а турки, напримѣръ, для характеристики непостоянства и вертлявости человѣка сложили даже пословицу: «Безпокоенъ какъ гяурская шапка». А потому наряжаніе татаръ въ необычные имъ костюмы и кивера, съ присоединеніемъ стариннаго мунитрованія новобранцевъ ⁴⁾), не шутя могли возстановить ихъ противъ затѣйливаго Шагинъ-Герая. Но что будто бы въ этой затѣѣ Шагинъ-Герай былъ только орудіемъ русскаго генерала. т. е. кн. Прозоровскаго, это чистый вздоръ: князь, напротивъ, всячески отклонялъ хана отъ этой затѣи ⁵⁾). У Шагинъ-Герая былъ тутъ умыселъ иной: отдавая себя въ распоряженіе русскаго правительства для достиженія цѣли отторженія Крыма отъ всякой опеки со стороны Порты, онъ въ то же время, кажется, сперва далекъ былъ отъ мысли совершеннаго уничтоженія ханства, и на образование регулярнаго войска смотрѣлъ какъ на одно изъ важныхъ средствъ къ дальнѣйшему упроченію своего независимаго положенія въ качествѣ самодержавнаго правителя. Это онъ еще яснѣе доказалъ въ вопросѣ о выселеніи христіанскаго населенія изъ Крыма въ предѣлы русскихъ владѣній. Переселеніе христіанъ привело хана, по словамъ Румянцова, «въ уныніе и негодованіе; крушитъ весьма хана» ⁶⁾); оно произвело въ ханѣ «остуду съ командующимъ тамъ резидентомъ» ⁷⁾). Шагинъ-Герай даже издалъ особый указъ греческимъ и армянскимъ попамъ и старшинамъ, которымъ онъ извѣстіе о выселеніи называетъ ложью и выдумкою ⁸⁾). Румянцовъ считаетъ нужнымъ изъять у хана,

¹⁾ Чтенія, 21.

²⁾ Ibidem, 70.

³⁾ Соловьевъ, XXVIII: 230—231.

⁴⁾ Саковичъ, кн. 2, стр. 4.

⁵⁾ Чтенія, IV: 57.

⁶⁾ Ibidem, 94—95.

⁷⁾ Ibidem, 99.

⁸⁾ Дубровинъ, II: 562.

который, по его предположенію, былъ «свойствъ не татарскихъ, но совсѣмъ отличныхъ», «то сумнѣніе, что будто упомянутое переселеніе по частнымъ чьимъ либо прихотямъ»¹⁾; но самъ въ то же время, кажется, чувствуетъ, что корень остуды у Шагинъ-Герая съ Суворовымъ и Константиновымъ былъ другой, глубже, чѣмъ легкое сумнѣніе насчетъ того, кому принадлежала инициатива выселенія христіанъ. Это недовольство Шагинъ-Герая происходило отъ той же причины, по какой турецкій султанъ Селимъ I Явузъ, обрекшій всѣхъ христіанскихъ жителей своей имперіи на поголовное истребленіе, отказался отъ такой варварской мѣры, когда его совѣтники представили ему, что въ случаѣ такого истребленія не съ кого будетъ брать хараджъ (поголовную подать), составляющую весьма важный источникъ доходовъ казны. Нареканіе на солдатскій постой въ татарскихъ селеніяхъ могло имѣть своимъ основаніемъ развѣ только одно обычное мусульманамъ скрываніе внутренности своего жилища отъ проникновенія въ него любопытныхъ взоровъ всякаго посторонняго челоуѣка. О какихъ-либо насиліяхъ или притѣсненіяхъ при этомъ случаѣ со стороны русскихъ не могло быть и рѣчи: Румянцовъ въ своихъ ордерахъ только и твердитъ начальствующимъ лицамъ наблюдать, чтобы не было «малѣйшаго притѣсненія обывателей», о чемъ приказываетъ «подтвердить пайсильнѣйше полкамъ команды»²⁾. А при строгости тогдашней дисциплины подобныя внушенія главнокомандующаго нельзя считать пустыми словами.

Не смотря на остуду, происшедшую между Шагинъ-Гераемъ и Суворовымъ, послѣдній дѣлалъ свое дѣло съ свойственною ему энергіею: начатый въ іюль выводъ христіанъ къ 18 сентября былъ уже оконченъ: всѣхъ христіанъ было выведено въ количествѣ свыше тридцати тысячъ челоуѣкъ³⁾. Въ стратегическомъ отношеніи приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать высадкѣ турковъ въ Крымъ, если бы они вздумали явиться на помощь, о которой ихъ просили татары. Можно было всего ожидать; но даже въ сентябрѣ 1778 года Румянцовъ писалъ Потемкину относительно политики турковъ: «Трудно опредѣлить точность ихъ намѣреній; но если сообщаемыя г. Стахіеву отъ его каналовъ извѣстія достовѣрны, то новый визирь и старый муфти суть миро-

¹⁾ Чтенія, IV: 95.

²⁾ Ibidem, 50—51; Соловьевъ, XXIX: 289 и 290.

³⁾ Соловьевъ, XXIX: 287.

любивыхъ сантиментовъ, и что вся партія, дышавшая войною, ослабѣла»¹⁾). Было отчего остыть воинственному жару этой партіи. Подставленный Портою въ качествѣ соперника Шагинъ-Герая шестидесятилѣтній старикъ Селимъ-Герай въ концѣ 1777 года ворвался было въ Крымъ, рассчитывая на симпатіи татаръ и оплошность русскихъ, но только надѣлалъ напраснаго шума своимъ появленіемъ. Самъ Румянцовъ писалъ тогда графу Панину въ нѣсколько встревоженномъ тонѣ, что «между послѣдними изъ Крыму извѣстіями . . . есть неожиданное по времени событіе. Явился тамъ, по приглашенію бунтующихъ, новый ханъ Селимъ-Гирей, и по догадкамъ моимъ²⁾ тотъ самый, который, при вступленіи войскъ нашихъ въ Крымъ подъ предводительствомъ князя Долгорукаго Крымскаго, и область сію и достоинство свое оставилъ»³⁾. Но уже въ февралѣ 1778 года Румянцовъ извѣщалъ Панина, что «татары покорены и обезоружены, а Селимъ-Гирей выгнанъ самими жъ татарами, коего они торжественно огласили Крымскимъ ханомъ»⁴⁾.

Стахіевъ также въ мартѣ мѣсяцѣ доносилъ гр. Панину, что, и по его свѣдѣніямъ, «не токмо Селимъ-Гирей съ своими единомысленниками выгнанъ изъ Крыма, но и пять изъ семи тамъ бывшихъ турецкихъ фрегатовъ уже дѣйствительно въ Синопъ возвратились, на которыхъ и реченный ханъ съ 10-ю мурзами туда же пріѣхалъ»⁵⁾. Въ дополненіе къ этому извѣстію Стахіевъ присовокупляетъ еще слѣдующія подробности объ изгнаніи Селимъ-Герая. «Не токмо остававшееся въ Крыму семейство», пишетъ Стахіевъ въ своемъ письмѣ, «но и весь родъ Шагинъ-Гиреевыхъ посланцовъ по Селимъ-Гирееву приказанію перебиты мятежниками по той только причинѣ, что опыте Шагинъ-Гиреевой стороны держалась, и что сей ханъ, свѣдавъ о такомъ варварскомъ и безчеловѣчномъ побіеніи, выступилъ съ своими татарами и переселившимися въ Крымъ изъ Архипелага

¹⁾ Чтенія, IV: 97.

²⁾ Какъ недостаточны и неточны были даже у современниковъ свѣдѣнія объ историческихъ лицахъ Крыма! Но г. Гаммеру ужъ ни какъ не слѣдовало говорить, что Селимъ-Герай во время этой экскурсіи былъ «zum zweiten Male Chan» (Gesch. d. Chané der Krim, 235), такъ какъ онъ у него уже былъ однажды «zum zweiten Male Chan» (Ibidem, 222). Да и цитата къ тому приведена не вѣрно: объ этой экспедиціи Селимъ-Герая и о послѣдующей его судьбѣ въ исторіи Джевдета говорится въ т. I: стр. 198—200, а не въ «II, S. 198», какъ значится у Гаммера (Ibidem, 236).

³⁾ Чтенія, IV: 34.

⁴⁾ Ibidem, 85.

⁵⁾ Дубровинъ, II: 308.

по восстановленіи мира греками и арнаутами противъ Селимъ-Гирея, не щадя никого изъ преданныхъ ему мятежниковъ, такъ жестоко побилъ, что Селимъ-Гирей съ малымъ только числомъ мурзъ насплу спасся самъ побѣгомъ на одномъ изъ пяти здѣшнихъ фрегатовъ, а побѣдитель между тѣмъ велѣлъ истребить оставшіяся въ его рукахъ семейства всѣхъ какъ бившихся съ ними, такъ и бѣжавшихъ мятежниковъ»¹⁾).

Послѣ этой неудачной авантюры Селимъ-Герай совсѣмъ сошелъ со сцены, поселившись на мирное доживаніе вѣка въ своемъ чифликѣ, гдѣ черезъ 8 лѣтъ и умеръ въ шеввалѣ 1200 = въ августѣ 1785 г. 73-лѣтнимъ старикомъ²⁾). Какъ крымскій историкъ ни расписываетъ мужество и доблести Селимъ-Герая, но изъ всего, что намъ извѣстно изъ его подвиговъ, только и выходитъ, что онъ былъ жаденъ до денегъ, любилъ пожить и умѣлъ устраивать свои дѣла: при всей ничтожности и безполезности его услугъ Портѣ, онъ и въ отставку, по свидѣтельству его же панегириста-біографа, получалъ отъ нея столько денегъ, какъ ни одинъ изъ хановъ, а именно: двадцать тысячъ гурушей годового оклада, да пятьсотъ гурушей помѣсячно, да три тысячи гурушей праздничныхъ-рамазанныхъ, да сверхъ того въ годъ тысячу килъ пшеницы и тысячу головъ барановъ³⁾). Ланглесъ приписываетъ поражение Селимъ-Герая вѣроломству Шагиръ-Герая, который будто бы съ 8000 русскихъ, нарушивъ заключенное на 21 день перемиріе, напалъ на Селима, разбилъ его и принудилъ поспѣшно сѣсть на турецкій корабль у Балаклавы. Мало того: Селимъ-Герай, по словамъ Ланглеса, будто бы «сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ въ сентябрѣ 1778 года, да былъ отраженъ»⁴⁾); но объ этихъ мнимыхъ попыткахъ ни въ русскихъ, ни въ турецкихъ источникахъ нигдѣ не упоминается.

¹⁾ Дубровинъ, II: 309.

²⁾ Джевдетъ, I: 199—200; Гюльбуни-хананъ, 112—113.

³⁾ Гюльбуни-хананъ, Loc. cit.

⁴⁾ Op. cit., 466—467.

XI.

Безцѣльная демонстрація турецкой эскадры у береговъ Крыма. — Фантазіи турецкихъ государственныхъ политикановъ и критика ихъ у Ресми-Ахмеда-эфенди. — Вторичная праздная экспедиція турецкаго флота въ Крымъ. — Дипломатическая предусмотрительность гр. Румянцова. — Гоненіе на сторонниковъ мира въ государственномъ Диванѣ. — Миротлюбивыя старанія Абду-р-Риззака-эфенди. — Айнэли-Кавакская конвенція. — Недовольство Шагинъ-Герая условіями этой конвенціи. — Депутаты Шагинъ-Герая, ходатайствующие въ Портѣ объ инвеститурѣ для него. — Уклончивость Дивана въ этомъ вопросѣ. — Командировка Сулейманъ-аги съ порученіемъ Порты къ Крымскому хану. — Покровительство Шагинъ-Герая Джаныклы Али-пашѣ. — Приключенія этого замѣчательнаго авантюриста, искавшаго себѣ прибѣжища въ Россіи.

Приверженцы Селимъ-Герая смирились и были обезоружены; тѣ же, которые намѣрены были сопутствовать ему въ бѣгствѣ на турецкихъ фрегатахъ, при посадкѣ на катера были удержаны самими татарами, при чемъ не обошлось дѣло безъ драки и кровопролитія¹⁾. При всемъ томъ Румянцовъ, сообщая Панину извѣстіе объ изгнаніи Селимъ-Герая и неблагопріятномъ поворотѣ дѣла въ Крыму для турковъ, присовокупляетъ: «Трудно проникнуть, какъ поведутъ они въ даль дѣла свои, но между тѣмъ, пока они, послѣ своей неудачи, одумаются, имѣемъ и мы удобность на изысканіе средствъ, кои могутъ быть для насъ полезнѣйшими»²⁾.

Разрѣшеніе этого недоумѣнія полководца-политика находимъ у турецкихъ историковъ: по ихъ свидѣтельству, турки видѣли себя въ невозможности предпринимать что-либо серьезное противъ Россіи. Объ отправленныхъ ими къ берегамъ Крыма семи фрегатахъ долго не было ни слуху ни духу. Тогда капуданъ Гази Хасанъ-паша послалъ изъ чаушей адмиралтейства Али-чауша на почтовомъ каикѣ сprovѣдать, въ какомъ положеніи находится эскадра. Вернувшись 11-го сѣфѣра 1192 = 11-го марта 1778 г. въ столицу, Али-чаушъ донесъ, что эскадра преспокойно стоитъ на якорѣ въ Севастопольской гавани; что Шагинъ-Герай прислалъ главному адмиралу Мухаммедъ-агѣ письмо, предостерегая его отъ нарушенія существующаго мира между Россією и Портою и прося удалить ненужные фрегаты, оставивъ одинъ до прекращенія крымскаго мятежа; что га-

¹⁾ Саковичъ, 2 ч., стр. 39—43.

²⁾ Loc. cit., стр. 85.

гавань эта чрезвычайно удобна для укрѣпленія ея съ суши, и что по удаленіи турецкой эскадры русскіе непременно займутъ и укрѣпятъ ее, такъ что тогда сорокъ тысячъ войска и тридцать, сорокъ кораблей не въ состояніи будутъ овладѣть ею¹⁾).

Вслѣдствіе этого донесенія отданъ былъ приказъ крымскому сераскеру Али-пашѣ занять съ семью тысячами войска и держать въ своихъ рукахъ означенную гавань. Но Али-паша отвѣчалъ садразаму, что русскіе, не трогая флота, не давали ему повода предпринимать что-либо; а между тѣмъ сами возвели укрѣпленія, и если сдѣлаютъ нападеніе на означенную гавань, входъ въ которую очень узокъ, не болѣе какъ на пушечный выстрѣлъ, то флотъ не только не въ состояніи будетъ оборонять ее, но еще самъ можетъ пострадать. Тогда не будетъ у него мѣста для склада запасовъ и снарядовъ, а рисковать гибелью флота для завладѣнія такимъ опаснымъ мѣстомъ тоже не приходится. Да если бы и удалось завладѣть имъ, то все равно ничего нельзя бы было подѣлать: ни верблюдовъ, ни телегъ, ни другихъ какихъ-либо подобныхъ перевозочныхъ средствъ нѣтъ, а мѣстность пространная и повсюду занята непріятелями. Тѣмъ не менѣе однако жъ, признавая важность означенной гавани, государственный Диванъ постановилъ открыто не нарушать мира съ Россіею, а постепенно, партіями въ тысячъ семь, переправить изъ Синопа сорокатысячную армію въ Крымъ, для чего капудану велѣно было быть въ сношеніяхъ съ синопскимъ сераскеромъ. Это опредѣленіе Дивана было сообщено въ секретныхъ письмахъ капитанамъ и начальникамъ флотилии, стоявшей въ той гавани²⁾. Командованіе сухопутнымъ корпусомъ поручено было все тому же Джаныклы Хаджи-Али-пашѣ, а флотомъ въ сорокъ слишкомъ кораблей начальствовалъ самъ капудани-дэрья Гази Хасанъ-паша, помимо того что и въ Исмаилъ назначенъ былъ отдѣльный сераскеръ съ войскомъ³⁾.

Во главѣ турецкихъ политикацовъ, принявшихъ вышеозначенныя рѣшенія, стоялъ тогда реисъ-ль-бюттабъ Атыфъ-заде ниманджи Омаръ-Вахыдъ-эфенди, смѣнившій сосланнаго въ Кипръ Исмаиль-Рауфъ-бея, неспособность котораго обнаружилась въ то время какъ татарскіе ходатаи даромъ проѣдались въ Портѣ, потому что отъ русскаго посла

¹⁾ Джевдетъ, I: 200.

²⁾ Ibidem, 201—202.

³⁾ Ibidem, 220.

нельзя было ничего добиться въ удовлетвореніе татарскихъ претензій¹⁾. Ресми-Ахмедъ-эфенди не упустилъ случая поглумиться и надъ этою кампаніею противъ русскихъ, продѣланной также на его глазахъ хотя и безъ его дѣятельнаго въ ней участія. Выставивъ Омаръ-Вахыда-эфенди безшабашнымъ болтуномъ, въ концѣ концовъ признавшимся, что онъ одинъ, безъ содѣйствія другихъ государственныхъ вельможъ, ничего не можетъ подѣлать, Ресми-Ахмедъ-эфенди говоритъ: «Съ такою же болтовнею года съ три какъ явился еще одинъ проницательно-безстыдный²⁾ горячій дѣлецъ и снова принялся за пере-

¹⁾ Джевдетъ, I: 133.

²⁾ Такъ какъ Ресми называетъ лица неполными именами, а только намеками, то здѣсь надо разумѣть Абду-р-Риззакъ, который, еще въ бытность Омаръ-Вахыда-эфенди реисомъ, выѣстъ съ кады-эскеромъ Муфти-заде Ахмедомъ-эфенди и прежнимъ реисомъ Ибрагимомъ-эфенди, велъ многочисленные переговоры въ 1778 году съ русскимъ резидентомъ, пока Порты не была вынуждена заключить Айнэли-Кавакскую конвенцію въ мартѣ слѣдующаго 1779 года (Джевдетъ, I: 231). А 11-го ребіу-ль-ахыра 1193 = 29 апрѣля 1779 года, въ благодарность за устройство этой конвенціи, сдѣланъ былъ реису-ль-кюттабомъ вмѣсто Вахыда-эфенди (Ibidem, 240). Слѣдовательно упоминаемые у Ресми-Ахмеда три года празднотливой извѣстности Абду-р-Риззакъ не могутъ быть отнесены ко времени прохожденія имъ послѣдней должности, потому что всѣ рѣчи, которыя ему приписываются дальше, могли имѣть смыслъ только до заключенія Айнэли-Кавакской конвенціи. Абду-р-Риззакъ могъ ихъ произносить и въ качествѣ простого члена государственнаго Дивана. Между тѣмъ, по переводу г. Сенковского тутъ долженъ быть явный анахронизмъ! Онъ это мѣсто передаетъ такъ: «Видя, что такою чепухою можно три года сохранить за собою званіе реисъ-эфендія, на его (т. е. Омаръ-Вахыда-эфенди) мѣсто поскорѣе взобрался другой горячій и самолюбивый пустомеля, проныра, искусникъ, мѣдный лобъ, Сатурнъ-планета, и повелъ новые переговоры» (Loc. cit., стр. 328). Остроумно, но не согласно съ подлинникомъ! Г. Дицъ въ своемъ нѣмецкомъ переводѣ сходитъ съ Сенковскимъ, но пускается въ толкованіе мнимаго анахронизма и самъ впадаетъ въ другія ошибки. Прежде всего онъ Абду-р-Риззакъ называетъ «Abdür Riza Efendi». Въотрхъ, назначеніе его реисомъ относитъ къ ноябрю 1778 года; вторыхъ, говоритъ, что онъ, «пробывъ полтора года реисомъ, въ апрѣлѣ 1781 года уступилъ свое мѣсто Хамидъ-Халилю-эфенди» (Diez, Wesentliche Betrachtungen. Halle und Berlin, 1813, стр. 262—263, примѣч. 1 и 2). Но Абду-р-Риззакъ уволенъ отъ должности реиса еще въ мѣсяцъ зи-ль-кадэ 1193 = въ ноябрѣ 1779 года (Джевдетъ, I: 253), а въ началѣ 1195 = въ январѣ 1781 года онъ уже отправился на тотъ свѣтъ (Ibidem, 275; Zinkeisen, Op. cit., VI: 251, примѣч.). Удивляться только можно одному — отчего Ресми-Ахмедъ-эфенди не благоволитъ къ Абду-р-Риззаку, который въ вопросѣ о татарахъ вовсе не оказывается на дѣлѣ такимъ безтолковымъ строптивцемъ; вѣроятно, у нихъ остались еще отъ прежней войны какіе-нибудь личные счеты. Цинкейзенъ, тоже обращая вниманіе на враждебность Ресми-Ахмеда-эфенди къ Абду-р-Риззаку, замѣчаетъ при этомъ, что Ресми «тогда былъ не у дѣла» (Loc. cit., стр. 226, примѣч.). Г. Дицъ, Богъ вѣсть на какомъ основаніи, вывелъ заключеніе, что Ресми-Ахмедъ-эфенди «не былъ во время реисства Абду-р-Риззакъ приглашаемъ на совѣщанія» (Op. cit., стр. 264, примѣч. 1), тогда какъ положительно извѣстно, что онъ присутствовалъ на совѣщаніяхъ (Джевдетъ, I: 243 и II: 4), когда шли разсужденія о татарахъ.

говору. Такъ какъ онъ не въ состояніи былъ сказать ни одного слова, которое бы могло быть написано, то онъ сталъ воспроизводить рѣчи своего предшественника только съ другими значеніями. Труда много перенесъ, а дѣла сдѣлать все-таки не удалось. И вотъ онъ понесъ чепуху: «Врагъ грубъ, а резидентъ его упрямый человѣкъ: слушать съ толкомъ словъ не его дѣло. Надо начать приготовленія къ войнѣ и постращать непріятеля: собрать тридцать тысячъ войска изъ Анатоліи да шестьдесятъ тысячъ изъ Румиліи да послать Али-бея съ Хасанъ-пашой, такъ дѣло сейчасъ устроится. А какъ это составитъ девяносто тысячъ войска? со сколькоими затрудненіями сопряжена организація его? и что толку выйдетъ въ результатѣ? Если, скажемъ, идти на москововъ, то будетъ то же, что и прежде; если идти на татаръ — противно мирнымъ условіямъ, и опять-таки придется разсориться. Но ни одинъ человѣкъ не могъ шевельнуть языкомъ, что обнаружить всю нелѣпость этой идеи. И вотъ снова снаряженъ сераскерь въ Румилію, флотъ въ Черное море; то говорилъ: «Будемъ воевать!», то: «Останемся въ мирѣ». Сколько въ эти три года народъ мухаммедовъ претерпѣлъ разныхъ бѣдствій! Сколько мусульманской казны зря потрачено! ¹⁾ Нѣтъ надобности описывать тѣ напрасныя бѣдствія, которыя цѣлый годъ испытывалъ флотъ въ Черномъ морѣ, предварительно цѣлый годъ простоявъ передъ Бишикъ-Ташемъ. Гордые только своимъ мусульманствомъ, не уважающіе въ то же время условій ислама, питаютъ глупую фанатическую ревность своими глупыми возгласами: «Что тутъ: мусульмане всегда обыкновенно одолѣваютъ врага! Вотъ еще церемониться съ непріятелемъ!» Не умѣя цѣнить благодать, дарованную Господомъ Богомъ подъ именемъ мира, сколькоимъ бѣдствіямъ подвергли они мухаммедовъ народъ подъ видомъ правоты! Да сохранитъ Всевышній Господь Высокую Державу отъ такихъ злокачественныхъ людей и глупыхъ совѣтниковъ! Аминь!» ²⁾.

Этотъ рѣзкій отзывъ о тогдашней политикѣ Порты въ Крымскомъ вопросѣ высказанъ было уже послѣ того какъ вздорныя послѣдствія ея проявились въ очевидныхъ фактахъ: онъ важенъ только въ томъ отношеніи, что служитъ выраженіемъ сознанія

¹⁾ Г. Дицъ, желая устранить кажущійся ему анахронизмъ, относитъ описываемыя тутъ напрасныя, вредныя самимъ туркамъ военныя демонстраціи къ періоду 1779—1781 гг. (Ор. cit., стр. 264, пр. 2). Но это его соображеніе несостоятельно по вышеизложеннымъ причинамъ.

²⁾ Хулясэи-Гьтибаръ, 86—89; Сенковскій, 328—330.

самихъ турковъ, среди которыхъ, слѣдовательно, также были люди, смотрѣвшіе истинѣ прямо въ глаза. Но и въ самый разгаръ дипломатическо-военнаго похода Порты глазу опытныхъ людей была ясна ничтожность его результатовъ. «Изъ наводившей ужасъ горы выбѣжала мышъ», выразился Румянцовъ по поводу морской демонстраціи турецкаго флота ¹⁾ и прибавляетъ для довершенія своей мѣткой характеристики поведенія турковъ: «Они изъявляютъ вмѣстѣ и гордость и трусость свою» ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, все тогда благопріятствовало успѣху Россіи въ Крымскомъ вопросѣ — и международныя отношенія къ другимъ державамъ, и нерѣшительность Порты, которой никакъ не удавалось вывести Россію изъ пассивнаго, уклончиваго состоянія, съ тѣмъ чтобы только не самой быть зачинщицей враждебныхъ столкновеній, и, наконецъ, даже сама физическая природа, поставившая ужасныя преграды свободѣ дѣйствій турецкихъ войскъ и флота, въ видѣ морскихъ бурь и моровой язвы.

Французы, доселѣ больше всѣхъ подстрекавшіе Турцію къ войнѣ съ Россіею, теперь, напротивъ, всячески старались отвратить эту войну и предлагали свое посредничество къ полному умиротворенію враждующихъ. Къ этому ихъ побуждали собственныя втянутыя отношенія по поводу Американскаго вопроса съ Англіею, съ которою Россія находилась въ согласіи. Пруссія и Австрія слишкомъ были заняты своими счетами, готовы всякую минуту схватиться между собою, и потому также не могли дѣятельно вмѣшаться въ Крымскій вопросъ, да притомъ каждой изъ нихъ хотѣлось имѣть на своей сторонѣ Россію. Благодаря такому стеченію обстоятельствъ, у Россіи былъ открытый путь идти къ своей цѣли, не опасаясь помѣхи со стороны другихъ европейскихъ державъ.

У турковъ же все какъ-то дѣло не клеилось, когда они отваживались на рѣшительный шагъ въ оказаніи помощи татарамъ. Весною, въ ребіу-ль-ахырѣ 1192 = въ маѣ 1778 года турецкій флотъ, нагруженный войсками и снарядами, выступилъ изъ адмиралтейства и готовъ былъ пуститься въ Черное море, но долженъ былъ стать на якорь передъ Бишикъ-Ташемъ въ ожиданіи попутнаго вѣтра. А вѣтеръ, какъ нарочно, дулъ противный въ теченіе болѣе сорока дней. Въ это время случилось быть въ Стамбулѣ одному изъ почтенныхъ людей города Медины, Абу-т-Тайбу-эфенди, слывшему хорошимъ

¹⁾ Чтенія, 1875, IV: 97.

²⁾ Ibidem.

чтецомъ творенія Бухари. Этого благочестиваго мужа съ шестью или семью товарищами пригласили въ султанскій сѣрай и заставляли въ капеллѣ священной одежды Пророка читать хадисы Бухари. Его величество, Абду-ль-Хамидъ-ханъ повременамъ тоже являлся на это чтеніе и, внимая ему, предавался молитвѣ. Еще не прочитали и половины Бухари, какъ совершилось чудо: подулъ попутный вѣтеръ, и отоманскій флотъ двинулся, куда ему было надобно. Прибывъ въ Синопъ, капуданъ-наша свидѣлся тамъ съ сераскерь-пашою, и они оба вмѣстѣ оттуда отплыли 14 реджеба = 9 августа 1778 года, а черезъ день достигли уже водъ, омывающихъ сосѣднія съ Крымомъ крѣпости Сугуджукъ и Анапу. По данной имъ инструкціи, они оттуда послали русскому генералу письмо такого содержанія: «Коли татары свободны, то нѣтъ надобности русскому войску собираться въ Крыму, а русскому флоту крейсировать въ Черномъ морѣ. Вы говорите, что васъ татары пригласили; а въ Порту до настоящаго момента отъ крымцевъ, отъ жителей Тамани, Кубани и ихъ окрестностей, а также отъ Чингизидскихъ султановъ, отъ эмировъ, отъ разныхъ племенъ и родовъ, пришло болѣе сорока, пятидесяти махзаровъ (адресовъ), въ которыхъ они жалуются на васъ и на Шагинъ-Герая и умоляютъ имама всѣхъ мусульманъ и калифа всѣхъ единобожниковъ о помощи. Такъ какъ ихъ необходимо спасти, то вотъ мы и командированы отъ падишаха съ войскомъ и флотомъ. Мы готовы двинуться; а такъ какъ при теперешнихъ обстоятельствахъ цѣль Высокой Державы состоитъ лишь въ умиротвореніи, то мы не стрѣляемъ по вашимъ войскамъ ни изъ пушекъ, ни изъ ружей. Но если вашими войсками будетъ оказано сопротивленіе нашему приближенію, чтобы набрать воды, то вы будете причиною долженствующихъ произойти отсюда дурныхъ послѣдствій. Пока еще исламскія войска не ступали ногою на границы русской державы, а въ томъ, что они войдутъ во владѣнія татаръ, которые по силѣ высочайшаго договора и святаго закона признаны какъ бы въ духовномъ подданствѣ всеобщаго калифата, нарушенія мира не будетъ».

Когда привезшимъ это письмо людямъ, по прибытіи въ Крымъ, со стороны русскихъ было заявлено, что они должны выдержать сорокадневный карантинъ, то очевидно было, что если бы турки стали подходить куда-либо къ Крыму для запаса воды, русскіе бы подъ этимъ предлогомъ стали имъ противиться; въ случаѣ же если бы турки прибѣгли къ силѣ, то это было бы *casus belli*. Сераскерь и капуданъ-наша такъ и донесли объ этомъ Дверю Счастія, испрашивая дальнѣйшихъ положительныхъ распоряженій. Но такъ

какъ сановники Высокой Державы сами колебались, не зная, что предпочесть — миръ или войну, то капуданъ-паша былъ уполномоченъ самъ покончить дѣло миромъ съ русскими¹⁾).

Но отъ русскаго правительства дано было знать Портѣ, что оно не желаетъ допустить какихъ-либо переговоровъ въ Крыму²⁾. Наконецъ капуданъ-пашѣ и сераскеру послано было изъ Порты предписаніе прямо направиться въ Крымъ или въ Тамань и, если они не встрѣтятъ сопротивленія со стороны русскихъ, тамъ гдѣ-нибудь расположиться лагеремъ и сторожить; если же отъ русскихъ послѣдуетъ противодѣйствіе, то, положась на Бога и Пророка, приступить къ завоеванію того пункта, куда они пойдутъ. Но еще до полученія ими фермана они отплыли изъ-подъ Сугуджукъ и направились къ Крыму. Близъ Кафы они повстрѣчались съ русскою эскадрою, которая самымъ дружественнымъ образомъ слѣдовала за ними. Когда же турецкій флотъ, подойдя къ Кафѣ, думалъ-было высадить войско и отыскать мѣсто, гдѣ бы можно было укрѣпиться, то русскіе заявили протестъ противъ этой высадки подъ предлогомъ чумы и сказали, что необходимо дать объ этомъ знать ихъ генералу, который находился гдѣ-то за три станціи оттуда. Пока сераскерь-паша и капуданъ-паша дожидались прибытія извѣстія отъ генерала, поднялись ужасныя осеннія бури, и флотъ долженъ былъ поскорѣе уйти изъ-подъ Кафы и въ первыхъ числахъ рамазана = въ концѣ сентября принужденъ былъ войти въ Синопскую гавань. Такъ какъ уже наступило время для стоянки флота въ адмиралтействѣ, то ему было послано приказаніе идти изъ Синопа домой, и 20-го рамазана флотъ былъ уже въ Босфорѣ, а въ концѣ того же мѣсяца вошелъ въ адмиралтейство. Это безрезультатное возвращеніе флота сдѣлалось предметомъ большихъ разговоровъ въ Стамбулѣ, гдѣ озлобленіе противъ русскихъ съ каждымъ днемъ все увеличивалось, особенно послѣ того какъ два матроса (кальончи) бросились однажды на русскаго послапника съ цѣлью убить его, но были задержаны и подвергнуты капуданомъ-пашою наказанію. Русскіе купеческіе корабли, прежде непривычныя турецкому глазу, теперь стали то и дѣло сновать по Черному морю. Нѣкоторые изъ нихъ теперь были задержаны въ турецкихъ гаваняхъ³⁾.

¹⁾ Джевдетъ, I: 221—223.

²⁾ Соловьевъ, XIX: 282.

³⁾ Джевдетъ, I: 223—224.

Сообщая въ сентябрѣ 1778 года о появленіи турецкаго флота у крымскихъ береговъ и удаленіи его по случаю моровой язвы у турковъ, Потемкину, Румянцовъ говорить про нихъ: «Я бы желалъ, чтобы сія ихъ попытка на нашу податливость была уже послѣднею, и рѣшились бы тѣмъ наши съ ними хлопоты»¹⁾. Желаніе его дѣйствительно исполнилось: Порта, не чая для себя ничего полезнаго въ тщетномъ и нерѣшительномъ препирательствѣ съ Россією, стала искать путей къ выходу изъ своего затруднительнаго положенія, въ которое поставило ее необдуманное заступничество за крымскихъ татаръ, и обратилась къ посредничеству французскаго посла Сен-При, въ концѣ 1778 года²⁾.

Не увлекаясь неудачами противника, Румянцовъ въ письмѣ къ Панину отъ 4-го января 1779 года ст. ст. высказываетъ мысль, что все еще «въ семь кризѣ дѣлѣ потребны скорыя и сильныя демонстраціи противу турковъ, чтобъ ихъ удержать въ томъ положеніи, до котораго они доведены, и отнять у нихъ всѣ способы возмечтать о себѣ что либо новое»³⁾. Въ этихъ видахъ онъ неустанно продолжалъ дѣлать дальнѣйшія военныя распоряженія на случай вторичной попытки вторженія въ Крымъ со стороны турковъ⁴⁾. При этомъ онъ зорко слѣдилъ за ходомъ виѣшней политики и хотя скромно говоритъ про себя въ письмѣ къ графу Безбородко: «Вы знаете малыя мои способности въ дѣлахъ политическихъ, и что я о нихъ судить могу не иначе, какъ слѣпой о краскахъ»⁵⁾, тѣмъ не менѣе онъ тутъ же вѣрно угадываетъ формировавшіяся политическія комбинаціи, приведшія къ заключенію Портою съ нами такъ называемой «Айнэли-Кавакской конвенціи» 10-го марта 1779 года, о чемъ вскорѣ гр. Румянцовъ и былъ оповѣщенъ Стахіевымъ⁶⁾.

Не будучи въ силахъ нанести какой-либо существенный вредъ ненавистой Россіи, воинственная партія въ Портѣ тѣшила себя такими пустяками, какъ заточеніе послан-

¹⁾ Чтенія, 1875, IV: 98.

²⁾ Ibidem, 100; Соловьевъ, XXIX: 282; Джевдетъ, I: 231.

³⁾ Чтенія, 104.

⁴⁾ Саковичъ, ч. 3, стр. 26—28.

⁵⁾ Чтенія, 108.

⁶⁾ Ibidem, 109—111; Дубровинъ, III: 119—121.

цовъ Шагинъ-Герая на о—въ Родосъ¹⁾, при чемъ будто бы были «сосланы и три турецкія бабы, двѣ въ Галлиполи, а третья въ Брусу, которая подала Портѣ челобитную, изъясняя въ оной, что Шагинъ-Гирей есть правовѣрный магометанинъ, и потому непристойно его гонять и посылать войско на пролитіе невинной крови»²⁾. Но особенное гоненіе воздвигнуто было на одного изъ выдающихся и вліятельныхъ по своему положенію сторонниковъ миролюбивой политики относительно Россіи — на румилійскаго кады-эскера Мухаммедъ-Мюрада-эфенди съ сыновьями³⁾.

Описывая отрѣшеніе и ссылку Мюрадъ-моллы, турецкіе историки какъ-то глухо говорятъ о причинѣ этого гоненія, ссылаясь на его гордость и неуживчивость; про заточеніе же ханскихъ пословъ вовсе умалчиваютъ. Но тамъ еще оставались такіа вліятельныя лица мирной партіи, какъ Абду-р-Риззакъ-Багиръ-эфенди, который одинъ взялся уладить дѣло съ нашимъ резидентомъ Стахіевымъ, и дѣйствительно уладилъ. Выработанныя ими въ Айнэли-Кавакѣ условія конвенціи были подвергнуты разсмотрѣнію общаго государственнаго Дивана, одобрены имъ и окончательно редактированы согласно основнымъ взглядамъ садразама и другихъ сановниковъ Порты, которымъ ужасно не нравилось выраженіе, что Шагинъ-Герай вѣчно, т. е. пожизненно признается ханомъ, и они настояли на исключеніи этого выраженія, какъ могшаго повести къ новымъ пререканіямъ. Конвенція эта, потурецки «*Айинэли Кавакъ танкыхъ-намэси*», заключаетъ въ себѣ 9 статей, разъясняющихъ нѣкоторые сомнительные пункты Кючукъ-Кайнарджійскаго договора⁴⁾. Россія согласилась на то, чтобы татарскіе ханы по избраніи ихъ присылали депутатовъ съ махзарами извѣстной формы для испрошенія духовнаго благословенія на ханство отъ султана, какъ верховнаго калифа; а Порта обязалась безпрепятственно выдавать хану благословительную грамоту и не вмѣшиваться во внутреннія распоряженія хана ни подъ какимъ предлогомъ. Обѣ державы взаимно обязались не принимать никакихъ мѣръ безъ предварительнаго между собою соглашенія въ случаѣ

¹⁾ Чтенія, 1876, I: 153; Дубровинъ, II: 203, 205, 237—238.

²⁾ Дубровинъ, II: 206.

³⁾ Zinkeisen, Op. cit., IV: 24—25; Дубровинъ, II: 304, 312—336, 430, 461; Джевдетъ, II: 208—209.

⁴⁾ Турецкій текстъ этой конвенціи находится у Джевдета (I: 232—239). Русскій текстъ подъ заглавіемъ «Проектъ конвенціи» есть у Дубровина (III: 27—32). Въ сборникѣ же договоровъ г. Юзефовича даже и не упомянуто объ этомъ весьма важномъ дипломатическомъ актѣ.

какого-нибудь недоразумѣнія насчетъ татаръ. По четвертому пункту конвенціи Порта обязывалась признать Шагинъ-Герая ханомъ подъ условіемъ удаленія русскаго войска за Орскую линію и присылки со стороны хана и татарскаго народа новыхъ депутатовъ съ махзарами въ установленной формѣ.

Заключеніе этой конвенціи совершилось быстро, безъ проволочекъ и къ общему на первый случай удовольствію обѣихъ сторонъ. Черезъ четыре мѣсяца произведенъ былъ торжественный обмѣнъ ратификацій. Офіціальные участники въ заключеніи конвенціи получили щедрые подарки, не исключая даже и французскаго посла Сен-При. Абду-Риззакъ произведенъ былъ въ реису-ль-кюттабы вмѣсто Омаръ-Вахыда-эфенди ¹⁾.

Россія была довольна заключеніемъ этой конвенціи, если судить по той щедрой награждѣ, какая пожалована была императрицею Стахіеву за его хлопоты — 1000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи ²⁾. Порта и тутъ схитрила, оставивъ въ договорѣ про запасъ крючочки, за которые она потомъ нѣкоторое время цѣплялась, по какому поводу императрица писала Стахіеву: «Справедливое негодованіе возбуждаетъ такое Порты шильничество и вѣроломство» ³⁾.

Что же касается Шагинъ-Герая, то можно было напередъ предвидѣть, что онъ не будетъ доволенъ условіями конвенціи, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ это оказалось на самомъ дѣлѣ. Румянцовъ, сообщая въ апрѣлѣ 1779 года Константинову, резиденту при ханѣ, извѣстіе о подписаніи конвенціи и прилагая копій съ конвенціи и деклараціи татарамъ, а равно «точные копіи для сообщенія хану съ писемъ относительно его признанія и о отправленіи по сему случаю отъ хана къ султану грамотъ, и отъ правительства (крымскаго) махзаровъ», присовокупляетъ слѣдующее свое соображеніе для руководства Константинова: «И какъ заключить можно, что ханъ, по извѣстному превосходному его проищанію, при лучшихъ истолкованіяхъ магометанскихъ духовныхъ обрядовъ, можетъ ощущать притѣсненіе и упокореніе и воображать себѣ въ томъ опасность, то въ семъ случаѣ должны вы употребить все ваше искусство и весьма себя предупредить, чтобы изъять изъ него всякое въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ сумнѣніе и

¹⁾ Джевдетъ, I: 231, 232, 240—241.; Соловьевъ, ХХІХ: 308—312.

²⁾ Дубровинъ, III: 147.

³⁾ Соловьевъ, ХХІХ: 312.

увѣрить его о тѣхъ наилучшихъ выгодахъ, которыми онъ и всѣ обладаемые имъ татарскіе народы симъ новымъ подтвержденіемъ оныхъ ошастливлены»¹⁾). Румянцовъ такъ разсуждалъ, зная, что Шагинъ-Герай всегда протестовалъ противъ духовной зависимости хана отъ турецкаго султана. Но онъ еще не предполагалъ, вѣроятно, что Шагинъ-Герая гораздо болѣе встревожитъ неопредѣленность условій конвенціи касательно территориальнаго распространенія его ханской власти или же прямое поползновеніе Порты оттягать въ свою собственность нѣкоторыя земли, дотолѣ причислявшіяся къ ханскимъ владѣніямъ. Шагинъ-Герай былъ боленъ, когда пришли отъ Румянцова вышеупомянутые документы по заключенію конвенціи, а когда онъ познакомился съ содержаніемъ этихъ бумагъ, то съ досады расхворался пуще прежняго²⁾). Константиновъ старался убѣдить хана, что уступка очаковскихъ земель Портѣ сущій пустякъ въ сравненіи съ утвержденіемъ хана въ его достоинствѣ Портою; совѣтовалъ ему поскорѣе исполнить всѣ тѣ формальности, которыя требовались по условіямъ конвенціи, и прежде всего, конечно, посылки депутаціи съ махзарами для полученія благословительной султанской грамоты; для большаго же умилоствленія къ себѣ султана резидентъ рекомендовалъ Шагинъ-Герая послать султану въ подарокъ черкесскую красавицу. Относительно же умолчанія въ конвенціи о народахъ черкесскихъ и абазехскихъ, а также о крѣпостяхъ, лежащихъ между ними по берегу Чернаго моря, какъ напр. о Сѹгуджугѣ, Сухумѣ и др., резидентъ успокоивалъ хана тѣмъ, что это еще и лучше, что про нихъ ничего не сказано, ибо такимъ образомъ они предоставляются себѣ самимъ и, конечно, отвернутся отъ турецкаго владычества, а скорѣе будутъ тяготѣть къ хану³⁾).

Но всѣ эти соображенія Константинова мало утѣшили Шагинъ-Герая; между прочимъ онъ недоволенъ былъ неясностью выраженія условій конвенціи о буджакскихъ татарахъ, потому что хотя Буджакская орда и помѣщена была въ титулѣ ханскомъ, но безъ точнаго указанія на то, будетъ ли она переселена въ крымскія владѣнія, или Порта удержитъ ее за собою. Хапъ упорно держался того мнѣнія, что теперешнее положеніе татаръ ничѣмъ не разнилось отъ прежняго, и Константинову стоило большихъ усилій

¹⁾ Чтенія, 1875, IV: 109—110; Дубровинъ, III: 139.

²⁾ Соловьевъ, XXIX: 312—313.

³⁾ Ibidem, 313.

заставить его отправить депутатовъ въ Стамбуль. Правда, что еще раньше между ханомъ и резидентомъ произошла, какъ выражались тогда, остуда изъ-за вывода христіанъ изъ Крыма¹⁾, и слѣдовательно естественно, что резидентъ толковалъ теперешнее поведение Шагинъ-Герая въ неблагопріятномъ для него смыслѣ. Но въ данномъ случаѣ, кажется, Константиновъ былъ правъ, объясняя въ письмѣ къ графу Панину, что образъ дѣйствій хана происходилъ отъ досады на судьбу, не покоряющуюся его желаніямъ; что духъ его не хотѣлъ ограничиться тѣсными предѣлами Крыма; что онъ постоянно имѣлъ въ виду Кавказъ, изъ жителей котораго надѣялся имѣть храбрыхъ воиновъ, а изъ нѣдръ его неисчерпаемое богатство, ибо увѣренъ въ существованіи множества металловъ въ кавказскихъ горахъ, а теперь онъ видѣлъ, что Порта сама стремится захватить Кавказъ и тѣмъ, слѣдовательно, грозитъ положить предѣлъ всѣмъ его радужнымъ надеждамъ видѣть себя во главѣ если не могущественной, то все же сколько-нибудь видной державы, да еще созданной его собственной энергіею и геніальностью²⁾. Едва ли очень успокаивали и нравственно удовлетворяли хана и назидательныя рѣчи, обращенныя къ нему гр. Панинымъ «не въ лицѣ министра», какъ онъ говоритъ, «но по доброжелательству, съ полнымъ чистосердечіемъ и довѣренностью», въ родѣ того что, молъ, «нѣтъ и не было еще почти никогда ни одной области и державы, при своемъ началѣ вдругъ на степени того величія и могущества себя зрѣвшихъ, въ какой потомъ многія изъ нихъ чрезъ продолженіе времени нашлись дѣйствительно», и т. д.³⁾. Такъ оно выходитъ изъ всего того, что дѣлалось Шагинъ-Гераемъ раньше и особливо теперь, въ роли признаннаго самостоятельнаго татарскаго государя.

Спустя короткое время послѣ обмѣна ратификацій въ Стамбуль явилось четыре крымскихъ депутата съ махзаромъ для испрошенія подтвердительной грамоты на ханство Шагинъ-Гераю. Ихъ помѣстили въ Бейкозъ на дачѣ Сарымъ-паши⁴⁾, а 6-го шаъбана 1793 = 19 августа 1779 года они представлялись верховному везиру, и имъ одѣли почетные халаты. Для доставленія хану грамоты и инвеституръ — *таширифатъ* — надо

¹⁾ Соловьевъ, XXIX: 289.

²⁾ Ibidem, 314; Дубровинъ, III: 475.

³⁾ Дубровинъ, III: 376.

⁴⁾ Ibidem, 326.

было отыскать человека смышленнаго и опытнаго. Такимъ оказался чаушъ-баши Сулейманъ-ага. Но такъ какъ чинъ его былъ низокъ для отправленія такой обязанности, то его произвели въ первые султанскіе конюшіе и послали въ Крымъ¹⁾. Но все это не такъ скоро сдѣлалось. Стахіевъ жаловался своему правительству на поведеніе реисъ-эфенди, который давалъ «узловатые» отвѣты и вызовы и старался держать втайнѣ отъ резидента свои сношенія съ крымскими депутатами²⁾.

Депутаты между прочимъ подали въ Порту такрырь о передачѣ буджакскихъ татаръ, абазеховъ и черкесовъ Крымскому хану. Для обсужденія его состоялось 25-го шаъбана 1193 = 7 сентября 1779 г. засѣданіе государственнаго Дивана, на которомъ между прочимъ присутствовали кяхъ-бей, дефтирдаръ-эфенди, реисъ-эфенди, дефтеръ-эмини Риджаи-эфенди, Омэръ-Вахыдъ-эфенди, Ресми-Ахмедъ-эфенди и Сулейманъ-Фейзи-эфенди. По прочтеніи протокола переговоровъ, происходившихъ между депутатами и реисомъ-эфенди, прочитали и означенный такрырь и приступили къ разсмотрѣнію совѣщаній по этому вопросу съ русскимъ посланникомъ. Посланникъ заявилъ, что надо перевести теперешнихъ жителей Буджака въ Крымъ; но такъ какъ это было бы не особенно удобно для Порты, то онъ спросилъ реиса, не лучше ли было бы, если бы со стороны хана былъ изданъ ярлыкъ съ приглашеніемъ этихъ людей въ Крымъ. Реисъ ему отвѣчалъ, что во время войны буджакскіе татары перебрались на Кубань и въ Крымъ и прервали всякія связи съ землями буджакскими. Тѣ же, которые теперь находятся въ Буджакѣ, приняли подданство Турціи и перешли на эту сторону Дуная, а потому требовать отъ нихъ оставленія своего отечества дѣло мудреное съ точки зрѣнія Порты, да и ханскій ярлыкъ не можетъ имѣть дѣйствія во владѣніяхъ отоманскихъ. Порта можетъ издать такое распоряженіе, что тѣ, кто хочетъ идти въ Крымъ, никѣмъ небудутъ препятствуемы, а желающіе могутъ впредь оставаться подъ властію Высокой Державы: никто не нарушитъ ихъ права. Посолъ согласился, и на другой же день отъ буджакцевъ пришелъ махзаръ насчетъ того, что они ничуть не желаютъ оставлять турецкаго подданства. Этимъ дѣло и кончено: въ такомъ смыслѣ и изданъ уже ферманъ. Совѣтъ одобрилъ такое разрѣшеніе Буджакскаго вопроса. Что же касается до абазеховъ и черкесовъ, то

¹⁾ Дубровинъ, III: 337, 345; Джевдетъ, I: 242—243.

²⁾ Дубровинъ, III: 347—348 и 354.

такъ какъ первые не были подвластны Крымскимъ ханамъ, и въ договорахъ объ нихъ не упоминалось, то рѣшено категорически отвѣтить, что ни одно абазехское племя не можетъ быть подвластно Крымскому хану и татарамъ. Черкесскія племена тоже не упоминаются въ договорѣ, а потому хотя и можно претендовать на присоединеніе ихъ къ этой сторонѣ, но это народъ сварливый и буйный; они навѣрное станутъ постоянно враждовать и вести войну съ Крымскими ханами и татарами; а въ такомъ случаѣ крымцы будутъ посылать въ Порту жалобы съ требованіемъ наказанія подвластныхъ ей племенъ; русскіе тоже непремѣнно вмѣшаются, и пойдутъ тогда разныя дразги. А такъ какъ изъ устныхъ разговоровъ съ депутатами явствуется, что они не имѣютъ порученія входить въ дебаты по этому вопросу, то Диванъ постановилъ теперь обойти это дѣло молчаніемъ; если же послѣдуетъ вторичный запросъ, то можно будетъ отвѣтить, что дѣло это будетъ регулировано; теперь же его по его сомнительности можно бросить. На этомъ согласились члены Дивана, и депутаты — *магзарджиларъ* — вернулись восвояси¹⁾.

Вскорѣ оказалось однако же, что Порта спилиничала, по выраженію императрицы, въ Крымскомъ дѣлѣ: русскій резидентъ въ Крыму Константиновъ увѣдомилъ Стахіева отъ 9-го октября ст. ст., что султанская грамота, присланная къ хану, написана вовсе не такъ, какъ условлено при заключеніи конвенціи; что привезшій эту грамоту султанскій оберъ-шталмейстеръ требуетъ отъ хана, чтобы тотъ принялъ грамоту съ прежнею церемоніею, въ которой выражалось подданство хана²⁾. На протестъ Стахіева реисъ-эфенди отвѣчалъ, сваливъ всю вину на Сулейманъ-агѣ, и обѣщалъ поправить дѣло³⁾. Дѣло было поправлено, и объ этомъ упоминается въ реляціи Стахіева отъ 6-го декабря 1779 года въ такой формѣ: «Третьяго дня возвратилось сюда изъ Крыма идріотское почтовое судно, которое въ началѣ прошлаго ноября туда отправлено было къ султанскому оберъ-шталмейстеру Сулейманъ-агѣ съ новыми отъ Порты наставленіями для поправленія учиненнаго имъ проступка по случаю врученія благословительной грамоты его свѣтлости, хану Шагинъ-Гирею»⁴⁾. Въ объясненіяхъ по тому же поводу съ французскимъ

¹⁾ Джевдетъ, I: 243—244.

²⁾ Дубровинъ, III: 385—389.

³⁾ Ibidem, 408—410.

⁴⁾ Чтенія, 1876, I: 165.

посломъ реисъ-эфенди бросилъ инсинуацію противъ Шагинъ-Герая, высказавъ предположеніе, что не самъ ли Шагинъ-Герай виноватъ во всемъ, скрывъ полученную имъ султанскую грамоту, чтобы снова поссорить двѣ державы¹⁾. Впрочемъ въ февралѣ слѣдующаго 1780 года Стахіевъ, донося въ своей реляціи и письмѣ къ Румянцову о возвращеніи Сулейманъ-аги, сообщаетъ, что «Сулейманъ-ага не можетъ довольно нахвалиться милостію и щедротами его свѣтлости хана, да и само министерство теперь съ отличными похвалами о немъ отзывается»²⁾. Къ этому Стахіевъ присовокупляетъ, что «по пріѣздѣ сюда изъ Крыму Сулейманъ-аги народъ начинаетъ быть доволенъ заключеніемъ мира съ Россійскою Имперіею и выхваляетъ поступки нынѣшняго хана»³⁾. Но тутъ же передаетъ такую вещь: «Слухъ носится, что Крымскій ханъ весьма богато одарилъ Сулейманъ-агу и его людей, но со всѣмъ тѣмъ послѣдніе намѣрепы подать Портѣ меморіаль, жалуясь на его ненасытность»⁴⁾.

Перемѣна въ отношеніи къ Шагинъ-Герая въ Портѣ простиралась до того, что онъ могъ безнаказанно давать у себя покровительство извѣстному Джаныклы Али-пашѣ и даже ходатайствовать передъ Портою о его помилованіи⁵⁾. Ходатайство его имѣло успѣхъ⁶⁾, хотя въпрочемъ Стахіевъ по этому случаю писалъ потомъ, что «прибѣжище къ покровительству Крымскаго хана извѣстнаго Джаныклы Али-паша подастъ поводъ сдѣшнимъ беспокойнымъ головамъ къ разнымъ безпутнымъ подозрѣніямъ и разглашеніямъ»⁷⁾.

При тогдашнихъ стремленіяхъ Шагинъ-Герая, фактъ сближенія его съ Джаныклы Али-пашою не лишенъ своего значенія, характеризуя въ то же время намъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ самой Турціи. Бѣжавшій въ татарскую сторону паша былъ тотъ самый Джаныклы Али-паша, который незадолго передъ тѣмъ въ званіи крымскаго сс-раскера долженъ былъ вмѣстѣ къ капуданъ-пашою производить военныя демонстраціи противъ Россіи, чтобы принудить ее къ уступкамъ въ Крымскомъ вопросѣ. Причина его

¹⁾ Дубровинъ, III: 412.

²⁾ Чтенія, 1876, I: 188—189 и 191.

³⁾ Ibidem, 192.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem, 168.

⁶⁾ Дубровинъ, III: 523.

⁷⁾ Чтенія, 170.

бѣгства толкуется турецкими историками двояко. Современникъ Энвери-эфенди говоритъ, что Али-паша тѣмъ навлекъ на себя правительственное неудовольствіе, что не оправдалъ оказаннаго ему довѣрія въ послѣднюю кампанію, да еще не мало прикарманилъ казенныхъ денегъ подъ предлогомъ расходовъ на экипировку войска. Личный же врагъ его капыджи-башы Бузь-Оклу-Джаббаръ-задэ Мустафа-бей, воспользовавшись этимъ случаемъ, даже безъ султанскаго разрѣшенія, двинулся съ войскомъ въ его губернаторство. Тогда и въ государственномъ Диванѣ объявили Джапыклы Али-пашу мятежникомъ, лишили его и его сына, Мукдадъ-пашу, везирскаго званія, одобрили самовольныя дѣйствія Джаббаръ-задэ Мустафа-бея (у Стахіева: Чананъ-оглу), поручивъ ему изложить и доставить мятежныхъ отца съ сыномъ, а имущество ихъ конфисковать¹⁾. Джаббаръ-задэ съ многочисленнымъ войскомъ вторгся въ Джаныкскіе предѣлы 11-го шевваля 1193 = 22 октября 1779 года. Выставленныя супротивъ его Али-пашою войска тамъ и сямъ вступили въ стычки; а самъ онъ со старшимъ сыномъ своимъ Миръ-Батталемъ, забравъ съ собою семью и цѣнныя вещи, сжогъ свой домъ, сѣлъ на корабль и отправился въ Крымъ. Войска его были разбиты и разсѣяны; изъ дѣтей, свиты и приверженцевъ его никто не могъ спастись; были командированы чиновники для того чтобы забрать богатство и вещи ихъ. Сынъ его Мукдадъ-паша, который былъ эрзерумскимъ комендантомъ, былъ отрѣшенъ отъ должности и водворенъ на жительство въ Брусѣ; а прочимъ вельѣно для допроса пріѣхать въ столицу²⁾.

Самъ же турецкій историкъ Джевдетъ-паша иначе объясняетъ причину, почему на поступки Джаныклы Али-пашы посмотрѣли какъ на мятежничество. Большое богатство, говоритъ онъ, придало много чванства и гордости ему, которыя онъ выказывалъ при всякомъ малѣйшемъ случаѣ. Если замедлялось удовлетвореніе его требованій, онъ тотчасъ сердился на правительство и начиналъ писать въ Порту обидныя письма. Мало того: онъ написалъ цѣлое писало касательно гражданскихъ и военныхъ порядковъ. Взявъ въ немъ тѣмъю ошибки въ войнѣ 1182=1769 года и въ дѣлѣ умерщвленія багдадскаго вали Омэръ-пашы, онъ порицалъ тамъ законы и правительственныя постановленія и разоблачалъ злоупотребленія сановниковъ. За это послѣдніе озлились на него и мало

¹⁾ Джевдетъ, I: 251—252; Чтенія, 169.

²⁾ Джевдетъ, I: 251—252.

того что тайкомъ пособляли и содѣйствовали врагу его Мустафа-бею, но еще, чтобы удержать отъ столкновенія съ нимъ Али-пашу, посылали послѣднему отъ лица садра-зама письма съ совѣтами и увѣщаніями. Когда же онъ не послушалъ ихъ, объявили его мятежникомъ, и Мустафа-бей очутился командированнымъ противъ него съ большимъ войскомъ отъ правительства. Тогда Али-паша понялъ, что если онъ выступитъ противъ того бей, то навѣрное окажется мятежникомъ и бунтовщикомъ, и счелъ за лучшее бѣжать въ Крымъ. Онъ былъ въ состояніи тотчасъ же собрать и выставить 30—40 тысячъ войска: такой онъ былъ важный и распорядительный везирь. Не сдѣлавъ же этого, а предпочтя сопротивленію бѣгство, онъ только показалъ, что онъ далекъ былъ отъ мятежничества, и проявилъ большой умъ и дальновидность¹⁾.

Приключеніе съ Джаныкли Али-пашою надѣлало такого шума въ свое время, что Стахіевъ сообщаетъ цѣлый рядъ свѣдѣній о немъ въ своихъ реляціяхъ и письмахъ. 6 декабря 1779 г. онъ пишетъ, что «представленъ верховному везиру малолѣтній сынъ реченнаго Джаныкли Али-паши, привезенный сюда съ отцовскимъ движимымъ имѣніемъ, котораго везирь поручилъ на воспитаніе повѣренному въ дѣлахъ Иззетъ-паши»²⁾. Въ январѣ 1780 г. онъ извѣщаетъ, что «племянникъ выше помянутаго Джаныкли Али-паши, набравъ до нѣскольکو тысячъ набережныхъ черноморскихъ лазовъ, атаковалъ въ Джагѣ (д. б. Джапыкѣ) главнаго дяди своего непріятеля, Чапанъ-оглу, которому отъ Порты поручено, конфисковавъ оставленное тамъ онаго паши имѣніе, заступитъ его губернаторское мѣсто»³⁾. Тогда же Стахіевъ писалъ Румянцову, что «въ Черное море флотилія отправляется, что она имѣетъ идти только въ Синопъ и Бафру, какъ для отысканія и наказанія находящихся въ тѣхъ мѣстахъ нѣкоторыхъ изъ сообщниковъ Джаныкли Али-паши, кои тамъ причиняютъ непорядки своимъ озорничествомъ, такъ и для перевоза сюда захваченныхъ пожитковъ того паши»⁴⁾. Далѣе сообщаетъ, что въ Портѣ спокойно пребываетъ въ отведенномъ загородномъ домѣ грузинскій шуринъ Джаныкли Али-паши, «подданный Мингрельскаго владѣльца Саломона, который за нѣскольکو лѣтъ прибѣгши

¹⁾ Джевдетъ, I: 252—253.

²⁾ Чтенія, 1876, I: 165.

³⁾ Ibidem, 169.

⁴⁾ Ibidem, 178.

къ турецкому покровительству, до побѣга вышеозначеннаго своего зятя, жилъ въ Эрзерумѣ, получая отъ Порты на содержаніе свое денежную пенсію, и какъ послѣ онаго побѣга платежъ той пенсіи пресѣченъ, такъ оный грузинецъ сюда пріѣхалъ просить дальнѣйшаго отъ Порты себѣ призрѣнія и покровительства, не смѣя возвратиться въ свое отечество, откуда онъ убѣгъ, для избѣжанія достойнаго себѣ наказанія за то, что продавалъ туркамъ христіанъ въ неволю, такъ какъ и отецъ его, который за то и живота лишенъ»¹⁾). Тогда же, по сообщенію Стахіева, 12-го января «въ Дарданельскую крѣпость на европейскомъ берегу привезенъ подъ карауломъ Мутать-бей (т. е. Мукдадъ-бей), сынъ извѣстнаго Джаныкли Али-паши, который былъ комендантомъ въ Эрзерумѣ и послѣ отцовскаго побѣга отвезенъ былъ сперва въ Брусу, но потомъ въ означенную Дарданельскую крѣпость переведенъ»²⁾).

Вскорѣ однако же Джаныкли Али-паша вернулся въ Порту и возстановленъ былъ во всѣхъ своихъ правахъ, такъ какъ по смерти в. везира Сияхдаръ-Сейидъ-Мухаммедъ-паши, умершаго 25 сефера 1195 = 20 февраля 1781 года, новый везиръ Изетъ-Мухаммедъ-паша узналъ, что противъ Али-паши сѣинтриговали его враги въ Портѣ, а потому онъ былъ опять привезенъ къ Двери Счастія, сопровождаемый болѣе чѣмъ сотнею человѣкъ—чадъ, домочадцевъ, друзей и свиты, былъ принятъ гостить у вельможъ, получилъ прощеніе и благоволеніе падишаха. А тутъ еще пришла ходатайственная грамота Крымскаго хана, и «Али-паша съ сыномъ своимъ были утверждены опять на везирствѣ; самъ онъ получилъ въ управленіе Требизундскій эйялетъ, а сыну его Мукдадъ-пашѣ былъ пожалованъ Амазійскій санджакъ»³⁾). Стахіевъ же въ приложеніи къ письму отъ 23 января вотъ какъ изображаетъ дѣло Али-паши. «Сообщенное передъ симъ извѣстіе», говоритъ онъ, «о полученныхъ при Портѣ, посредствомъ Изетъ-Мегемета-паши отъ Джаныкли Али-паши, трехъ писмахъ, коими онъ просилъ заступленія въ прощеніи ему учиненной вины, нынѣ не подтверждается, а сказываютъ, что только было одно письмо къ Султану, посредствомъ того паши отправленное, и содержаніе коего въ Царьградѣ предъявляется слѣдующее:

¹⁾ Чтенія, 1876, I: 168—169 и 178—179.

²⁾ Ibidem, 180.

³⁾ Джевдетъ, I: 282—283.

«Что побѣгъ его въ Крымъ ничего иного не заключаетъ, какъ чтобъ закрыться отъ варварскаго правленія нынѣшняго визиря, который, употребляя во зло довѣренность и милость своего государя, приводитъ въ изнуреніе всю Азію, какъ чинимыми насильствами отъ его наперсниковъ, а именно Чапанъ-оглу и прочихъ, такъ и созиданіемъ мечетей и построеніемъ дорогихъ фабрикъ и, разоряя такимъ образомъ оную часть свѣта, препятствуетъ жителямъ оной повергнуть свои жалобы императорскому престолу»¹⁾.

Справедливость этихъ обвиненій противъ верховнаго везиря подтверждается приводимымъ у Стахіева цѣлымъ рядомъ самыхъ вопіющихъ жестокостей и безобразій, совершившихся въ короткое время въ самой столицѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что Джаныклы Али-паша дерзнулъ написать султану письмо вышеприведеннаго содержанія. Помимо того, что у Порты и прежде водился обычай вступать въ компромиссы съ опасными ей внутренними врагами, настолько сильными, что она не въ состояніи была справляться съ ними, Джаныклы Али-паша нашелъ прибѣжище въ Россіи; онъ нѣкоторое время жилъ даже въ Петербургѣ и только тогда долженъ былъ покинуть его, когда ему обѣщали покровительство лишь подъ условіемъ принятія имъ христіанства. Али-паша не согласился на это условіе и предпочелъ удалиться въ Грузію, гдѣ онъ потомъ и получилъ амнистію²⁾. И русскій резидентъ Стахіевъ въ приложеніи къ реляціи своей отъ 24-го марта 1780 года, сообщаетъ разговоръ между секретаремъ посольства Пизаніемъ и рейсомъ-эфенди, въ которомъ послѣдній между прочимъ въ числѣ слышанныхъ имъ новостей привелъ и то, «что Россійской Дворъ взялъ къ себѣ Баталь-бея, сына извѣстнаго Джаныклы Али-паши, и наконецъ что братъ его свѣтлости, хана Шагипъ-Гирея, на Кубанской сторонѣ набираетъ знатное число войска, для переведенія въ Крымъ»³⁾. Въ апрѣльской реляціи Стахіевъ пишетъ, что «о замѣшательствахъ въ Черноморскихъ Азіатскихъ провинціяхъ съ нѣкотораго времени ничего не слышно, равно какъ и о жребіи Джаныклы Али-паши, кромѣ того одного, что послѣ его побѣга отыскано и къ Портѣ прислано изъ его имѣнія наличными деньгами до двухсотъ пятидесяти тысячъ левковъ»⁴⁾; а потомъ въ постскриптумѣ присовокупляетъ любопытный фактъ

¹⁾ Чтенія, 181.

²⁾ Zinkeisen, Op. cit., VI: 294.

³⁾ Чтенія, 209.

⁴⁾ Ibidem, 213.

въ связи съ личностью Джаныклы Али-паши, а именно, что 3-го апрѣля по повелѣнію султана отрублена голова Мустафа-агѣ, бывшему смотрителю магазиновъ въ Синопѣ, по обвиненію въ томъ, что онъ изъ конфискованнаго имѣнія Али-паши захватилъ себѣ до шестисотъ мѣшковъ денегъ, но не признавался въ кражѣ, хотя ему и обѣщано было въ случаѣ признанія ограничиться только отобраніемъ у него денегъ безъ личнаго наказанія¹⁾).

Преслѣдованіе его продолжалось и потомъ еще нѣкоторое время. Такъ Стахіевъ въ маѣ извѣщаетъ о томъ, что привезенъ племянникъ Джаныклы Али-паши²⁾; въ іюнѣ привезли нѣсколько женщинъ, принадлежавшихъ родственникамъ его³⁾, а также преданнаго ему «нѣкотораго чиновнаго турку, называемаго Фейзъ-агу»⁴⁾. Еще въ маѣ 1783 г. кн. Потемкинъ писалъ Лашкареву, состоявшему въ качествѣ резидента при Шагинъ-Герѣ, насчетъ убѣжища, котораго Джаныклы Али-паша продолжалъ искать внѣ предѣловъ Османской имперіи. «Что принадлежитъ до письма полученнаго ханомъ отъ Джаныклы Али-паши», читаемъ мы въ письмѣ князя, «то нужно вамъ испросить отъ его свѣтлости увѣрительный отвѣтъ всему турецкому начальнику о высочайшемъ Ея Императорскаго Величества покровительствѣ съ обнадеженіемъ, что во всякомъ случаѣ найдетъ онъ себѣ въ предѣлахъ областей Ея Величества безопасность и убѣжище»⁵⁾.

Насколько для Порты важенъ былъ побѣгъ Джаныклы Али-паши, это отчасти видно изъ того, что русское правительство ставило на видъ Портѣ то, что оно отказало въ убѣжищѣ этому пашѣ, предъявивъ ему невыполнимое требованіе, какъ условіе для этого убѣжища — принять христіанство⁶⁾.

¹⁾ Чтенія, 214.

²⁾ Ibidem, 215.

³⁾ Ibidem, 230.

⁴⁾ Ibidem, 233.

⁵⁾ Рус. Архивъ, 1884, кн. 2, стр. 21—22.

⁶⁾ Zinkeisen, VI: 294.

ХІІ.

Преобразовательныя попытки Шагинъ-Герая-хана. — Чеканка монеты. — Мечты его о расширеніи своихъ владѣній. — Неблагодарность Порты къ территоріальнымъ притязаніямъ хана и принятая ею по этому случаю мѣры. — Экспедиція Ферахъ-Али-паши на Кубань. — Возмущеніе въ Крыму и бѣгство Шагинъ-Герая-хана. — Избрачіе татарами на его мѣсто Бегадыръ-Герая. — Взглядъ иностранныхъ историковъ на событія, которыми сопровождалось присоединеніе Крыма къ Россіи. — Переписка Джаныклы Али-паши. — Безразсудныя мѣропріятія Шагинъ-Герая-хана къ упроченію своей власти въ Крыму. — Манифестъ о присоединеніи *Татарской области* къ Россіи. — Удаленіе Шагинъ-Герая въ Тамаць. — Водвореніе его въ Калугѣ и петиція его къ императрицѣ Екатеринѣ II о разрѣшеніи ему отъѣзда въ Турцію. — Отъѣздъ Шагинъ-Герая. — Извѣстіе объ этомъ фактѣ у турецкаго историка Васыфа-эфенди. — Негостепримное отношеніе турковъ къ Шагинъ-Гераю и причины этого. — Домысль Гаммера-Пургшталя. — **Печальный конецъ Шагинъ-Герая по свѣдѣніямъ изъ турецкихъ источниковъ.**

Изъ многоразличныхъ приключеній Джаныклы Али-паши самое любопытное для насъ то, что онъ первое пристанище нашелъ себѣ у Шагинъ-Герая — какъ это могло такъ случиться? По фактъ этотъ становится понятенъ въ связи съ прочими дѣйствіями Крымскаго хана, которыя всѣ обнаруживаютъ стремленіе его создать себѣ положеніе самостоятельнаго, независимаго владѣтельнаго государя, хотя всѣ эти дѣйствія казались смѣшны такимъ проницательнымъ людямъ, какъ Суворовъ, который однажды говоритъ въ письмѣ своемъ къ Румянцову: «Свѣтлѣйшій ханъ сколько ни гнѣвенъ и ни постояненъ, *болѣе жалокъ по бѣдности его!*»¹⁾.

Дѣйствія же эти были слѣдующія. Прежде всего онъ попробовалъ завести собственное на европейскій манеръ регулярное войско; затѣя эта, какъ мы видѣли, кончилась бунтомъ татаръ. Потомъ онъ задумалъ учредить одинъ или два регулярныхъ полка изъ иностранцевъ, найдя къ этому удобный случай въ присылкѣ къ нему графомъ Потоцкимъ маіора Траяновскаго, какъ искуснаго и честнаго офицера, который обязывался набрать изъ поляковъ и нѣмцевъ регулярный полкъ²⁾. Намѣреваясь завести у себя артиллерію, ханъ хлопоталъ, хотя и тщетно, чтобы при выводѣ нашихъ войскъ изъ Крыма ему были оставлены чугунныя пушки. Дальнѣйшія просьбы хана, также остав-

¹⁾ Садовичъ, *Op. cit.*, кн. III, стр. 13.

²⁾ Соловьевъ, XXIX: 329.

ленные безъ удовлетворенія со стороны Суворова, касались оставленія въ Крыму разныхъ мастеровыхъ, оркестра музыки и людей свѣдущихъ въ лѣсоводствѣ, архитектурѣ, медицинѣ и инженерной части¹⁾. Серьезное у него, какъ видно, мѣшалось съ ребячествомъ: задумавъ сдѣлать важныя повидимому нововведенія въ своихъ владѣніяхъ, онъ въ то же время хлопочетъ о зачисленіи его въ Петербургскій полкъ, хотя бы на первый случай капраломъ, съ тѣмъ чтобы потомъ удостоивать его дальнѣйшимъ производствомъ, а также просить императрицу пожаловать ему русскій орденъ²⁾.

Въ числѣ просьбъ, которыми Шагинъ-Герай встрѣтилъ новаго посланника при немъ Веселицкаго³⁾, одна, по изслѣдованіямъ нашего историка, состояла въ слѣдующемъ: ханъ принялъ въ службу подполковника Деринга, который строитъ, молъ, ему новый монетный дворъ, и уже всѣ машины и инструменты для битья монеты были привезены; но на первый случай нужно было 50 пуд. серебра и 300 пуд. свинца. Ханъ и просилъ императрицу разрѣшить ввозъ этого количества означенныхъ металловъ изъ Россіи, что общимъ постановленіемъ было запрещено. Просьба его была уважена⁴⁾.

Ланглесъ, въ довершеніе всѣхъ невѣрностей, которыя находятся у него относительно дѣйствій русскихъ и Шагинъ-Герая во время утвержденія послѣдняго на ханствѣ, внесъ еще слѣдующую — будто бы «онъ (т. е. Шагинъ-Герай) велѣлъ выбить монету съ своимъ штемпелемъ; до того же времени крымская монета носила имя султана османскаго; эти же монеты съ одной стороны носили поименованіе то Бакчэ-Сарая, то Кафы, потому что ханъ заставлялъ работать попеременно въ этихъ городахъ; на другой сторонѣ находится легенда: ханъ Шагинъ-Герай-бенъ, Ахмедъ-Герай-султанъ»⁵⁾.

¹⁾ Саковичъ, *Op. cit.*, кн. III, стр. 30.

²⁾ Соловьевъ, XXIX: 329.

³⁾ По свѣдѣніямъ Цинкейзена на мѣсто Константинова былъ приставленъ къ Шагинъ-Гераю Лашкаревъ—Laskoroff (*Op. cit.*, VI: 385). Правда, что С. Д. Лашкаревъ назначенъ резидентомъ при Крымскомъ ханѣ Шагинъ-Гераѣ 25 октября 1782 г. и отправился къ мѣсту назначенія 30 января 1783 г. (Рус. Архивъ, 1884 г., кн. 2, стр. 8); но что онъ долженъ былъ смѣнить Константинова, а не Веселицкаго, въ этомъ, кажется, ошибается г. Цинкейзенъ: нашему историку должно быть это точнѣе извѣстно, чѣмъ нѣмецкому.

⁴⁾ Соловьевъ, XXIX: 329.

⁵⁾ *Op. cit.*, III: 468—469.

Битье монеты самый существенный, вмѣстѣ съ хутбѣ, атрибутъ власти у всѣхъ азіатско-мусульманскихъ владѣтелей, который не былъ никогда игнорируемъ и Крымскими ханами: самые краткосрочные изъ нихъ спѣшили поскорѣе осуществить это свое право, какъ въ этомъ можно убѣдиться по описанію крымскихъ монетъ В. В. Григорьева ¹⁾ и г. Блау ²⁾. Поэтому въ монетномъ вопросѣ Шагинъ-Герая принадлежитъ не то что учрежденіе чего-то новаго, дотолѣ небывалаго, а, вѣроятно, только намѣреніе установить болѣе опредѣленную и правильную организацію такой важной отрасли государственнаго управленія, какъ чеканка монеты, и самой монетѣ придать болѣе благообразную внѣшнюю форму. Въ самомъ дѣлѣ, до Шагинъ-Герая это дѣло велось самымъ первобытнымъ способомъ: битье монеты отдавалось ханами на откупъ, преимущественно іудеямъ, какъ они называются въ официальныхъ документахъ, касающихся этой аренды, т. е. мѣстнымъ караимамъ. При такомъ порядкѣ и внѣшній видъ, и вѣсъ, и штемпелевка были крайне неаккуратнаго, непривлекательнаго свойства. Монеты же Шагинъ-Герая обнаруживаютъ большое сходство съ нашими русскими монетами того времени. Замѣчательно, что монетный дворъ вмѣстѣ былъ и главнымъ казначействомъ: одна долговая росписка Шагинъ-Герая содержитъ въ себѣ обязательство его уплатить кредитору прямо изъ кассы монетнаго двора.

Другіе документы свидѣтельствуютъ о томъ, что Шагинъ-Герай, не довольствуясь крупными субсидіями отъ русскаго правительства, пополнялъ свою кассу доходами съ ханскихъ регалій, къ каковымъ напримѣръ принадлежала пошлина съ вывозимой пшеницы ³⁾, отдача на откупъ соледобываель ⁴⁾ и даже кабаковъ ⁵⁾.

Дипломатическое же представительство Шагинъ-Герая на первыхъ порахъ ограничилось тѣмъ, что реисъ-эфенди, по его «прошенію и съ позволенія Парты, принялъ на себя при Портѣ качество ханскаго повѣреннаго въ дѣлахъ», какъ доносилъ объ этомъ Стахіевъ въ февралѣ 1780 г. ⁶⁾.

¹⁾ Зап. Од. Общ. I: 301—314.

²⁾ Восточныя монеты музея Император. Общ. Ист. и Древностей въ Одессѣ. Одесса. 1876.

³⁾ Дубровинъ, III: 626.

⁴⁾ Ibidem, 667.

⁵⁾ Ibidem, 450.

⁶⁾ Ibidem, 523, 533, 549, и др.

Покровительство бѣглому Джаныклы Али-пашѣ носитъ всѣ признаки попытки междуна-
роднаго вмѣшательства Шагинъ-Герая въ дѣла Порты. Приручивъ къ себѣ такого спо-
собнаго и, какъ видно, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Малой Азіи, турецкаго
магната, каковъ былъ вышеупомянутый паша, Шагинъ-Герай, можетъ быть, рассчиты-
валъ воспользоваться имъ какъ орудіемъ для водворенія и упроченія своего господства на
Кубани, если не прямо располагая его военными способностями, то держа его при себѣ
какъ опасное пугало для оказанія давленія на Порту при понужденіи ея къ территори-
альнымъ себѣ уступкамъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Въ этомъ убѣждаетъ
насъ то, что Шагинъ-Герай въ февралѣ 1780 года съ Сулейманъ-агою отправилъ своего
башъ-чокадаря, вручивъ ему письмо къ верховному везирю и арзъ (петицію) къ сул-
тану, въ которыхъ онъ требуетъ уступки татарамъ крѣпости Сугуджука и Абазехскихъ
урочищ¹⁾.

Но расчеты Шагинъ-Герая обманули его: Порта оказалась далеко не такъ подат-
лива, какъ онъ думалъ. По допесенію Стахіева, в. везирь отвѣчалъ хану, что «всѣ
относящіяся до татарскаго народа нужды, будучи совершенно кончены, коимъ
образомъ ханское требованіе уступить татарамъ Суджукъ съ окрестными абазин-
цами не можетъ иного воспричинствовать, какъ новыя распри и остуду; потому что
опую крѣпость блистательная Порта построила въ такое время, когда татарѣ жаловались
на причиняемыя отъ тамошнихъ жителей имъ несносныя обиды и грабежи, и что Бли-
стательная Порта, по прошенію тогдашняго хана, принуждена была туда послатъ свой
флотъ и, построя реченную крѣпость, усмирила и покорила себѣ живущую окрестъ оной
крѣпости націю, опредѣляя ей предводителемъ одного бея, узаконеннаго своимъ братомъ,
и что все то ясно и подробно описано въ Рашидовой Оттоманской Гисторіи»²⁾.

¹⁾ Дубровинъ, III: 534, 547, 579, 586, и др.

²⁾ Чтенія 1876 г., т. I: 191 и 193; Дубровинъ, III: 547—548. Тутъ не лишне отмѣтить одну любо-
пытную вещь—то значеніе, которое турки придаютъ своей исторіографіи, ссылаясь на нее въ своихъ
офиціальныхъ, международныхъ вопросахъ. Подобный фактъ имѣлъ мѣсто недавно, въ семидесятыхъ го-
дахъ, въ пограничномъ спорѣ Порты съ Персіею, когда турки свои территоріальныя права подтверждали
также ссылкой на свидѣтельства своихъ прежнихъ историковъ, и иностранные члены пограничной ком-
миссіи должны были обращаться за справками къ сочиненіямъ этихъ историковъ для провѣрки турец-
кихъ показаній.

Стахіевъ присовокупляетъ къ этому сообщенію еще полученное имъ отъ реиса-эфенди свѣдѣніе, что «нѣкоторые изъ оттоманскихъ министровъ, выключая его, думаютъ, что его свѣтлость ханъ о вышереченной уступкѣ татарамъ Суджука и абазинскихъ селеній пишетъ по паущенію всевысочайшаго двора для содержанія Порты въ безпокойствѣ и страхѣ, чему онъ, реисъ-эфенди, ни мало не вѣря, проситъ меня (т. е. Стахіева) написать къ господину резиденту Константинову, чтобъ онъ приложилъ стараніе его свѣтлость хана отвратить отъ такихъ требованій, потому что отъ того не можетъ иного, кромѣ новой остуды и непріятныхъ хлопотъ, воспослѣдовать»¹⁾.

Порта была послѣдовательна въ своихъ отношеніяхъ къ Крымскому хану: посламъ Шагинъ-Герая, прибывшимъ въ Порту за калифскою грамотою для хана, было отказано въ султанской аудіенціи, не смотря на представленія по этому случаю, сдѣланныя русскимъ посланникомъ. «Посламъ мусульманскихъ правителей пѣтъ входа въ высочайшее присутствіе», отвѣчалъ тогдашній реису-ль-кюттабъ Абду-р-Реззакъ-эфенди²⁾. Когда же бухарскій посолъ былъ удостоенъ этой чести, и драгоманъ русскаго посольства заявилъ протестъ свой по этому поводу, то ему отвѣтили, что Бухара не сосѣднее съ Турціею государство, а потому допущеніе бухарскаго посла въ султанское присутствіе не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго³⁾. Послѣдній отзывъ можно понимать въ томъ смыслѣ, что географическая отдаленность Бухары отнимала у бухарскаго посольства, направлявшагося въ меккскій хадджъ, всякое политическое значеніе, и слѣдовательно пріемъ его султаномъ былъ выраженіемъ простаго гостепріимства и вниманія къ единовѣрнымъ пилигримамъ, тогда какъ аудіенція крымскимъ посламъ могла быть разсматриваема какъ актъ международныхъ отношеній Порты къ Крымскому ханству на правахъ равныхъ независимыхъ государствъ, чего Порта никакъ не хотѣла признать, а потому и оставила эту претензію представителей Крымскаго хана безъ удовлетворенія.

Что же касается до территоріальныхъ притязаній Шагинъ-Герая, то Порта отвѣчала на нихъ, кромѣ письменнаго категорическаго отказа, еще немедленнымъ и дѣтельнымъ

¹⁾ Дубровинъ, III: 548.

²⁾ Тарихи-Джевдетъ, I: 283.

³⁾ Ibidem.

принятіемъ мѣръ къ военной охранѣ мѣстностей, объ уступкѣ которыхъ ханъ хлопоталъ тогда. Еще въ мартѣ 1780 года Стахіевъ писалъ Румянцову: «Передъ нѣкоторымъ временемъ отправленъ отсюда водянымъ путемъ Салагоръ-Хюрджи-Сулейманъ съ нѣсколькимъ числомъ каменщиковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ людей для поправки Суджакской и Сухумской крѣпостей на Абазинскомъ берегу»¹⁾. Это былъ тотъ самый Сулейманъ-ага, о которомъ каиммакамъ въ Тамани доносилъ хану въ началѣ октябрю того же 1780 года, что онъ, пріѣхавши въ кр. Сугуджукъ, безпрестанными подсылками старался отторгнуть отъ власти Шагинъ-Герая все ногайскія орды, увѣряя ихъ, что онѣ, равно какъ и черкесы, не имѣютъ ничего общаго съ Крымомъ, который слыветъ, молъ, теперь вольнымъ, но все-таки попрежнему принадлежитъ султану, и что въ скоромъ времени къ нимъ будетъ назначенъ особый ханъ изъ Стамбула; а если до того времени кто-нибудь пожелаетъ, для большаго спокойствія и выгодъ, переселиться въ Анадолу или Румилію, то будетъ отправленъ на султанскихъ судахъ и на султанскомъ иждивеніи, а по пріѣздѣ будетъ выгодно устроено и снабжено всею необходимыми. Результатомъ этихъ подстрекательствъ было то, что мурза Ногайской орды Касаевцевъ Салмаиъ-шахъ, прельстившись такими предложеніями, подговорилъ весь свой аулъ въ 130 семействъ и явился къ Сулейманъ-агѣ съ просьбою отправить ихъ въ Румилію, что и было исполнено²⁾. Съ тою же цѣлію — привлеченія черкѣсскихъ племенъ на сторону Турціи и организаціи ихъ сообразно цѣлямъ и видамъ Порты назначенъ былъ комендантомъ Сугуджука Ферахъ-Али-паша³⁾, при которомъ вышеупомянутый силахшуръ Гурджи Сулейманъ-ага занималъ постъ смотрителя построекъ — *бина элини* —⁴⁾. Турецкій историкъ, на основаніи архивныхъ документовъ Порты, даетъ очень подробный отчетъ о дѣятельности Ферахъ-Али-паши, которая главнымъ образомъ состояла въ разныхъ чисто-административныхъ его мѣропріятіяхъ самаго мирнаго характера, каковы, напримѣръ, женитьба его на дочери одного изъ шабсухскихъ бѣговъ, раздача подарковъ мѣстнымъ жителямъ, утвержденіе ислама посредствомъ постройки

¹⁾ Чтенія, 201—202; Дубровинъ, III: 557.

²⁾ Дубровинъ, III: 693—694; Langles, *Op. cit.*, pp. 471—472.

³⁾ Жевдетъ, I: 292.

⁴⁾ Жевдетъ, III: 196.

мечетей и медресэ, заселенія Сугуджука малоазіатскими пришельцами и бѣглецами и водвореніе сорока тысячъ ногайцевъ, прикочевавшихъ на Кубань, въ четырехъ пунктахъ, по десяти тысячъ въ каждомъ, такъ чтобъ они вездѣ занимали пограничныя мѣстности между русскими и черкесами, къ которымъ они одинаково были враждебны¹⁾. Но Ферахъ-Али-паша отпавился на мѣсто своего назначенія лишь въ началѣ джемазіу-ль-эввеля 1196 = въ апрѣлѣ 1782 года²⁾, а слѣдовательно возможно, что Сулейманъ-ага дѣйствовалъ раньше такъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ русскіе источники.

Въ то время какъ турецкіе агенты такъ дѣятельно принялись за осуществленіе намѣреній Порты, Шагинъ-Герай, въ виду такой строптивости турковъ, которой онъ, кажется, не ожидалъ, опираясь на могущество Россіи, тотчасъ же спасовалъ и прибѣгъ къ императрицѣ, прося защитить его отъ турецкихъ интригъ, угрожавшихъ разрушить созданное Россіею въ Крыму положеніе вещей³⁾. Внутри самаго Крыма опять образовалась партія, которая произвела открытое нападеніе на домъ Шагинъ-Герая, такъ что онъ поспѣшилъ сѣсть на корабль и спастись бѣгствомъ въ Ени-Калэ и потомъ въ Керчь. Затѣмъ противники его избрали ханомъ Бегадырь-Герая, а калгою Арсланъ-Герая и отправили въ Стамбуль депутацію просить санкціи своему избраннику. Бѣгство Шагинъ-Герая вызвало новое вмѣшательство Россіи, взявшейся вооруженною рукою возстановити права Шагинъ-Герая, а искательства враждебной ему татарской партіи въ Портѣ повели къ новымъ дипломатическимъ пререканіямъ между обѣими державами, тянувшимся довольно долгое время. Этотъ послѣдній эпизодъ въ судьбѣ Крымскаго ханства довольно подробно изображенъ иностранными историками. Нѣмецкій историкъ Цинкейзенъ на основаніи дипломатическихъ документовъ Прусскаго архива⁴⁾, смотритъ на дѣло присоединенія Крыма къ Россіи какъ на послѣдній актъ систематической восточной политики, веденной русскимъ правительствомъ съ замѣчательною настойчивостью, причемъ, слишкомъ довѣряя своимъ источникамъ, придаетъ частнымъ фактамъ нѣсколько неблагопріятную для Россіи окраску. Турецкій историкъ Джевдетъ, само собою разумѣется, изоб-

¹⁾ Джевдетъ, III: 194—215.

²⁾ Ibidem, 197.

³⁾ Соловьевъ, XXIX: 330.

⁴⁾ Op. cit., VI: 314—319; 332—339; 384—407; 451—458.

ражаетъ событія въ самомъ враждебномъ къ Россіи духѣ, усматривая во всемъ лишь одни интриги и коварство русскихъ. Въ этомъ отношеніи онъ заходитъ такъ далеко, что, сообщивъ свѣдѣнія, найденныя имъ у своихъ предшественниковъ по исторіографіи, Эивери-эфенди и Васыфа-эфенди, рассказывающихъ происходившее безпристрастно и потому невраждебно Россіи, онъ затѣмъ присоединяется къ извѣстіямъ европейскимъ, величая авторовъ ихъ «мужами знанія и прозрѣнія» — *эрбаби данышъ у бинишъ* — и отдавая имъ предпочтеніе предъ своими соотечественниками, только ради того, что ихъ враждебность къ русскимъ ужь очень пришлась по вкусу его османской руссофобіи¹⁾. Самъ же между тѣмъ подробно описалъ дѣйствія Ферахъ-Али-паши, и говоритъ, что однимъ изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ его былъ кяхья-бей, который публично казнилъ Шагинъ-Герая человека, что и было предметомъ недовольства и жалобъ Россіи²⁾. Фактъ этого самоуправства турецкихъ эмиссаровъ подтверждается и иностранными дипломатическими источниками³⁾, хотя казненный тенденціозно называется тамъ, въ свою очередь, ханскимъ эмиссаромъ.

Мало того: Джевдетъ приводитъ въ сокращеніи секретную переписку знакомаго намъ Джаныклы-Али-паши по Черкесско-крымскому вопросу, въ которой прямо порицаетъ образъ дѣйствій Порты, считая экспедицію Ферахъ-Али-паши бесполезною ошибкою, а поведеніе Занъ-Оглу-Мухаммедъ-Герая, который еще ранѣе того отправился въ страну черкесовъ мутить тамошнее народонаселеніе противъ Шагинъ-Герая, главною и нелѣпою причиною того опаснаго, съ турецкой точки зрѣнія, положенія вещей, которое повело къ новому вмѣшательству русскихъ, конечнымъ результатомъ котораго было безусловное присоединеніе Крымскаго ханства ко владѣніямъ Россійской короны. Онъ говоритъ, что Шагинъ-Герай-ханъ съ нѣкотораго времени былъ очень озлобленъ противъ русскихъ, такъ что Портѣ стоило бы только немножко приласкать его, и онъ бы весь былъ къ ея услугамъ, подобно своимъ предкамъ, а не заставлялъ его, безразсуднымъ будированіемъ противъ него лжеца Мухаммедъ-Герай-бека, опять отдаться въ распоряженіе русскихъ⁴⁾.

¹⁾ Джевдетъ, II: 2—5.

²⁾ Джевдетъ, III: 208.

³⁾ Zinkeisen, Loc. cit., 387 & 389.

⁴⁾ Джевдетъ, II: 15—22.

Нельзя сказать, чтобы Джаныклы-Али-паша въ своихъ политическихъ письмахъ дружелюбно относился къ Россіи и русскимъ, вѣроятно разгнѣвавшись на нихъ за то, что ему отказано было въ безусловномъ убѣжищѣ, которое онъ одно время думалъ найти въ Петербургѣ¹⁾: Онъ смотритъ на событія какъ настоящій турокъ. Тѣмъ не менѣе Джевдетъ находитъ его взглядъ слишкомъ еще снисходительнымъ относительно русскихъ и, въ предисловіи къ тексту переписки, объясняетъ это тѣмъ, что «человѣческой природѣ свойственно считать безгрѣшнымъ любимое имъ и считать неправымъ противное, что Али-паша пользовался почетомъ и гостепріимствомъ Шагинъ-Герая и потому невольно чувствовалъ къ нему расположеніе, язва и порицая его противниковъ»²⁾. Въ оправданіе своего мнѣнія, турецкій историкъ далѣе обязательно приводитъ документы, содержащіе въ себѣ отвѣты и возраженія государственныхъ людей Порты на мнѣнія Джаныклы-Али-паши. Кромѣ того, у Джевдета добрая треть второго тома его исторіи заключаетъ въ себѣ подробные рефераты преній и разсужденій по Крымскому вопросу; происходившихъ въ засѣданіяхъ государственнаго Дивана и въ конференціяхъ съ русскимъ и другими дипломатами. Эти статьи весьма любопытны для исторіи нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Портою. Значеніе ихъ обнаружится чрезъ сопоставленіе съ русскими архивными данными, въ числѣ коихъ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, должно принадлежать дневнику русскаго посланника въ Портѣ Булгакова. Когда-нибудь нелишне будетъ подвергнуть окончательному пересмотру все то, что есть относящагося къ этой достопамятной эпохѣ въ турецкихъ источникахъ. Въ настоящемъ же случаѣ эти матеріалы не представляются столь существенными, чтобы на нихъ останавливаться долѣе: Булгаковъ прибылъ въ Бююкъ-Дере 19 шаъбана 1195 = 10 августа 1781 года³⁾, а 8-го февраля 1783 года изданъ манифестъ императрицы Екатерины, которымъ заканчивается исторія Крымскаго ханства, носившаго еще тѣнь самобытнаго политическаго существованія. Все, что произошло послѣ этого знаменательнаго момента, есть не болѣе какъ эпилогъ военно-дипломатической кампаніи, задуманной императрицею Екатериною и превосходно доведенной до конца при геніальномъ содѣйствіи великаго Румянцева-Задунайскаго.

¹⁾ Дубровинъ, III: 602—604.

²⁾ Джевдетъ, III: 15—16.

³⁾ Джевдетъ, I: 284.

Къ такому рѣшительному шагу побудило императрицу, кромѣ благопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ вообще, можно полагать, также и безразсудное поведеніе Шагинъ-Герая, обнаружившее въ немъ весьма плохого союзника Россіи, какъ это оказывается изъ недавно опубликованныхъ бумагъ С. Л. Лашкарева, состоявшаго резидентомъ при Шагинъ-Гераѣ послѣ Веселицкаго. Не будучи самъ въ состояніи поддержать свой престижъ надъ своими взбунтовавшимися подданными, Шагинъ-Герай излилъ свою безсильную злобу на безоружныхъ крымцевъ послѣ усмиренія ихъ силою русскаго оружія, предавая ихъ безпощаднымъ казнямъ. Кн. Потемкинъ въ своихъ секретныхъ ордерахъ графу Дебальмену самымъ рѣшительнымъ образомъ порицаетъ безтактность хана, которая шла вразрѣзъ съ политикой и видами русскаго правительства. «По поводу донесеній вашихъ и посланника при ханѣ господина Веселицкаго», писалъ Потемкинъ 19-го февраля 1783 года, «объ учиненной въ Крыму казни многихъ изъ татаръ, въ послѣднемъ покоиствѣ тамо участвовавшихъ, предписываю вашему сіятельству по содержанию онаго объявить хану въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, что Ея Императорское Величество съ прискорбіемъ получить изволила сіе непріятное извѣстіе. . . . Казни, при томъ случаѣ употребленныя и повторенныя потомъ многократно, не могли утратить другихъ, а только огорчили его подданныхъ и предуготовили послѣднее возмущеніе. . . . Ея Величество желать изволить, дабы онъ управлялъ сими народами съ кротостію, благо разумному владѣтелю свойственною, и не подавалъ причины къ новымъ бунтамъ, ибо не можетъ ему быть не ощутительно, что сохраненіе его на ханствѣ не составляетъ еще для Имперіи Россійской такого интереса, для котораго Ея Величество обязаны бы были находиться всегда въ войнѣ, или по крайней мѣрѣ въ распряхъ, съ Портою»¹⁾.

Манифестъ о присоединеніи Крыма, какъ извѣстно, не тотчасъ былъ опубликованъ: русское правительство предварительно готовило удобную для этого шага почву. Гр. Дебальмену предписано было «употребить всѣ способы завести посреди татарскихъ народовъ ближайшія связи и поселить въ нихъ доброхотство и довѣріе къ сторонѣ нашей, дабы потомъ, когда потребно окажется, удобно можно было ихъ склонить на принесеніе Ея Императорскому Величеству просьбы о принятіи ихъ въ подданство»²⁾. Насколько

¹⁾ Русскій Архивъ, 1884 г., кн. 2, стр. 19—20.

²⁾ Ibidem, 18.

искренно русское правительство хотѣло пользоваться одними гуманными средствами къ утвержденію своей власти въ Крыму, это между прочимъ очевидно изъ категорически предъявленнаго къ жестокому Шагинъ-Гераю требованія выдачи своихъ братьевъ и племянника съ другими татарами, содержавшимися въ заключеніи. «Впрочемъ», писалъ кн. Потемкинъ гр. Дебальмену, «еслибъ ханъ поступилъ на казнь означенныхъ князей крови его, то сіе долженствуетъ служить поводомъ къ совершенному отъятію высочайшаго покровительства отъ сего владѣтеля и сигналомъ ко спасенію Крыма отъ дальнѣйшихъ мучительствъ и утѣсненій»¹⁾.

Когда рѣшено было присоединеніе Крыма къ руссійскимъ владѣніямъ, личность Шагинъ-Герая, да еще такъ дурно себя зарекомендовавшаго, сдѣлалась совсѣмъ бесполезною для русскаго правительства. Поэтому-то кн. Потемкинъ, сообщая Лашкареву «въ сокровеннѣйшей тайнѣ» правительственное предпріятіе насчетъ Татарской области, какъ онъ называетъ Крымъ, дѣлаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ такой упрекъ: «Вамъ не было пужды уговаривать хана принять наки власть, ибо оставленіе имъ державства намъ полезнѣе всего для помянутаго предпріятія»²⁾. Шагинъ-Герая рѣшено было водворить на жительство въ одномъ изъ городовъ Россіи, съ каковою цѣлію ему отпущены были уже и деньги, и сдѣланы были распоряженія къ его путешествію черезъ Херсонъ, Калугу или Орелъ, или Воронежъ, куда ему заблагоразсудится.

Шагинъ-Герай не тотчасъ однако подчинился означенному рѣшенію: онъ, вѣроятно, еще питалъ какія-нибудь надежды на лучшее будущее: вмѣсто того чтобы ѣхать въ Херсонъ, гдѣ его ожидалъ Потемкинъ, чтобы сообщить ему «промыселъ о немъ всемилостивѣйшія Монархини», онъ предпочелъ удалиться въ Тамань и засѣсть тамъ. Черезъ годъ почти, въ апрѣлѣ 1783 года, кн. Потемкинъ, опять-таки по секрету, предписываетъ Лашкареву «со всевозможною поспѣшностью отправиться въ Тамань къ хану Шагинъ-Гирею и объяснить ему, коль неприлично поступаетъ онъ, упорствуя исполнить высочайшую Ея Императорскаго Величества волю и удерживаясь въ Тамани, вмѣсто отправленія внутрь Россійскихъ предѣловъ»³⁾. Но ему нечего было объяснять: онъ самъ очень хо-

¹⁾ Русскій Архивъ, Loc. cit., 20.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, 23.

рошо понималъ, что дѣлалъ. Повинуясь необходимости, онъ поселился въ указанномъ ему мѣстѣ, въ г. Калугѣ; но еще не сразу помирился съ своимъ положеніемъ, хотя видѣлъ, что всѣ его первоначальныя мечты разсѣвались одна за другою. Между бумагами Лашкарева есть одна, содержащая въ себѣ переводъ съ прошенія Шагинъ-Герая къ императрицѣ, изъ которой видно, что это уже вторичная его петиція, хотя, къ сожалѣнію, безъ означенія времени, когда она была писана. Шагинъ-Герай выражаетъ въ ней скорбь свою о томъ, что «съ давнихъ поръ оказываемыя ему императрицею высочайшія милости повидимому совсѣмъ перемѣнились». Эти милости, дѣйствительно, должны были перемѣниться, потому что Шагинъ-Герай передъ тѣмъ дерзнулъ просить объ обратномъ принятіи отъ него пожалованнаго ему ордена Андрея Первозваннаго, тогда какъ, по другимъ свѣдѣніямъ, онъ самъ же прежде просилъ государыню дать ему русскій орденъ, слѣдовательно неожиданный отказъ его отъ ордена былъ сдѣланъ имъ съ умысломъ и совершенно справедливо сочтенъ за дерзость съ его стороны¹⁾. Любопытно все то, что просьба о возвратѣ ордена соединялась вмѣстѣ съ испрошеніемъ дозволенія выѣхать въ Турцію. Этимъ окончательно разрѣшаются предположенія и догадки, къ которымъ прибѣгали какъ современники событій такъ и послѣдующіе историки, доискиваясь причинъ эмиграціи Шагинъ-Герая въ Турцію²⁾.

Правда, что когда Шагинъ-Герай въ званіи калги пріѣзжалъ въ Петербургъ, то засвидѣтельствовалъ свое мусульманское правовѣріе упорнымъ отказомъ снять шапку на аудіенціи императрицы; но потомъ, въ бытность свою ханомъ, онъ обошелся и усвоивалъ себѣ отъ русскихъ многое, что его единовѣрцы считали предосудительнымъ. Теперь же, будучи разжалованъ, онъ вдругъ опять прикидывается правовѣрнымъ благочестивцемъ: объ свои просьбы — и объ обратномъ принятіи отъ него ордена, и о разрѣшеніи ему отъѣзда въ Турцію — онъ мотивируетъ предписаніями своей религіи. «Первая, нижайшая моя просьба», пишетъ онъ государынѣ, «представленная о принятіи возвратно всевысочайшаго Императорскаго Величества жалованнаго знака, не причастенъ я никакъ сей винѣ, а *винны обряды религии моей*, что оной званіе имѣетъ Андреевское; знающіе, уповаю, въ томъ удостовѣрить не оставятъ.... До сего времени.... за ока-

¹⁾ Русскій Архивъ, Loc. cit., 25.

²⁾ Langlés, p. 478—479; Zinkeisen, VI: 456—458.

занныя Вашего Императорскаго Величества монаршія милости не удостоился по долгу самолично возблагодарить и о внушенных Вашему Величеству, мнѣ неизвѣстныхъ, прогрѣшностяхъ просить всемилостивѣйшаго прощенія и притомъ осмѣлиться трудить, изъ всеавгустѣйшаго Вашего Величества монаршаго благоволенія, чтобъ я *съ приличную религію моей стороны* къ обитанію выѣхавъ жить могъ»¹⁾. Прикинувшись совсѣмъ певиннымъ, Шагинъ-Герая высказываетъ недоумѣніе, за что имъ недовольна императрица, и соболѣзнованіе объ утратѣ ея благоволенія къ нему. «По волѣ природности моей утвердительно упомянуто²⁾ выѣхать мнѣ въ турецкое государство: таковому всемилостивѣйшему соизволенію, хотя долженствую благодарить, что вольность моя симъ монаршимъ благоволеніемъ утверждается; но только осмѣливаюсь единственно, видя изъ сего индеферентность Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго ко мнѣ благоволенія, представить мое въ томъ отъ сего удара соболѣзнованіе и печаль.... А какъ Ваше Величество, огорчившись, мнѣ позволяете ѣхать въ Турецкое государство, сіи знаки Вашего Императорскаго Величества съ прискорбіемъ ясно вижу.... Мнѣ въ такомъ огорченномъ состояніи въ ту сторону ѣхать, славу и пользу Вашему Императорскому Величеству не предвижу»³⁾. При всей темнотѣ и сбивчивости перевода, просьбы Шагинъ-Герая, несомнѣнно въ ней то, что императрица огорчена была желаніемъ его отъѣхать въ Турцію, по крайней мѣрѣ казалась огорченною, слѣдовательно не можетъ быть больше и рѣчи о томъ, что будто бы его русское правительство принуждало къ такому отъѣзду, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки⁴⁾. Одновременность же просьбы о дозволеніи отъѣзда съ просьбою о принятіи назадъ ордена, котораго самъ же ханъ добивался, ведетъ къ предположенію, что возвратъ ордена Шагинъ-Гераемъ былъ сдѣланъ въ угоду туркамъ, съ которыми онъ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ и предъ которыми думалъ зарекомендовать себя какъ истаго мусульманина подобною выходкою и, можетъ быть, мечтая при ихъ расположеніи къ нему вновь попытать счастья на политическомъ поприщѣ.

¹⁾ Русскій Архивъ, Loc. cit., 26.

²⁾ По правдѣ сказать, это мѣсто переведено, какъ и вся просьба Шагинъ-Герая, ужасно безтолково, такъ что настоящій смыслъ его можно понять лишь изъ послѣдующаго.

³⁾ Русскій Архивъ, 25 и 26.

⁴⁾ Напримѣръ Zinkeisen, Loc. cit.

Да, правду сказать, и въ Калугѣ-то житье Шагинъ-Герая было некрасное. Имъ, какъ пенужнымъ человѣкомъ, никто уже больше въ Россіи не интересовался, и съ нимъ перестали чиниться. Попытка его «завести дружбу и знакомство» съ гр. Безбородко, которому онъ послалъ въ подарокъ перстень, была истолкована въ неблагопріятномъ для него смыслѣ подкупа вліятельнаго государственнаго человѣка и вызвала неудовольствіе императрицы¹⁾. Родственники его допимали жалобами на свое жалкое положеніе и вопросами о томъ, «какой послѣдуетъ конецъ дѣламъ вашимъ (т. е. его)»²⁾. Привыкши жить широко, Шагинъ-Герай, во время пребыванія своего въ Калугѣ, постоянно нуждался въ деньгахъ, «которые сыскивать долженъ (былъ) съ крайними процентами и огорченіями», по донесенію Кречетникова³⁾. Наконецъ ему были причиняемы разныя огорченія въ его частномъ бытѣ: такъ отъ него взяли пристава Ласкарева и тѣмъ повергли его въ великое прискорбіе, потому что ему не съ кѣмъ стало «дѣлить время, которое провождалъ съ нимъ, Ласкаревымъ, яко свѣдущимъ языкъ татарскій»⁴⁾. Онъ былъ огорченъ до крайности и переконскимъ комендантомъ, который задержалъ посланнаго его въ Тамань, отобралъ у него и распечаталъ всѣ имѣвшіяся при немъ письма⁵⁾. Естественно, что Шагинъ-Герай, живя въ такихъ совершенно новыхъ для него условіяхъ, стосковался и думалъ найти себѣ отраду въ эмиграціи, на которую и послѣдовало высочайшее разрѣшеніе, выраженное въ именномъ указѣ генераль-порутчику Черткову отъ 24-го сентября 1784 г. «объ выпровожденіи его (Шагинъ-Герая) чрезъ Кіевъ въ земли турецкіе на пребываніе»⁶⁾.

Получивъ извѣстіе о разрѣшеніи отъѣзда, Шагинъ-Герай сильно закручинился: отчасти это могло быть слѣдствіемъ его разочарованія, если онъ думалъ своею просьбою о разрѣшеніи ему эмиграціи обратить на себя вниманіе Двора; но больше всего причиною его грусти были, кажется, огромные долги, съ которыми у него не было средствъ расплатиться⁷⁾,

¹⁾ Зап. Одесск. Общ., XIII: 133—134.

²⁾ Ibidem, 135—136.

³⁾ Ibidem, 137.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem, 137—138.

⁶⁾ Ibidem, 141.

⁷⁾ Ibidem, 144—145.

а также «ожиданіе отзыва изъ Константинополя съ посланнымъ отъ него» и «усумнѣніе его, получить ли онъ желаемый отзывъ»¹⁾: было опасеніе, что онъ не будетъ впу-щенъ во владѣнія турецкія²⁾. Но разрѣшеніе послѣдовало отъ Блистательной Порты, и 27-го января 1787 г. Шагинъ-Герай, «перѣхавъ границу, вступилъ въ область турецкую, расположась начально въ лежащей на берегу Днѣстра деревнѣ Атакахъ», какъ доносилъ объ этомъ коллежскій совѣтникъ Вельяминовъ³⁾, которому поручено было окончательно выпроводить изъ русскихъ предѣловъ злополучнаго отставного хана.

Крымскіе и турецкіе историки, уже изъ одного пренебреженія къ личности Шагинъ-Герая, не считаютъ нужнымъ распространяться о конечной судьбѣ его, кратко заявляя, что онъ «въ 1201 = 1787 году выѣхалъ изъ гяурскихъ странъ и прибылъ въ богохранимыя владѣнія падишахскія; тамъ онъ былъ сосланъ и заточенъ на о—въ Родосъ и въ шеввалѣ = въ іюль-августѣ того же года казненъ чрезъ нарочито командированнаго съ этою цѣлью мубашира»⁴⁾. Только у Васыфа-эфенди есть небольшая замѣтка на счетъ удаленія Шагинъ-Герая изъ Россіи въ Турцію, подъ 1201=1786—1787 годомъ. «Обстоятельства Шагинъ-Герая. Вслѣдствіе того что враги вѣры и Державы, москвитяне овладѣли Крымскою областью, они уничтожили и писанный на водѣ ханскій титулъ Шагинъ-Герая, а самого пріютили и водворили на житѣе въ одномъ мѣстѣ у себя, назначивъ ему нѣкоторое содержаніе. Въ эту-то пору отъ него и пришли къ Порогу Счастія бумаги съ его человѣкомъ, по имени Ахмедомъ-эфенди. Въ нихъ заключалась просьба его къ Высокой Державѣ дать ему убѣжище въ своихъ богохранимыхъ владѣніяхъ. А человѣку его были повѣрены еще нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся къ тому же письму его—*такрырына*—, и когда онъ былъ спрошенъ, то открылъ слѣдующій секретъ: «Крымскій генералъ», подтвердилъ онъ, «въ надеждѣ получить касающійся правительства предлогъ, въ томъ только и проводить время, что оскорбляетъ и унижаетъ упомянутаго хана, такъ что теперь пишетъ ему бумаги, порицая его дѣйствія и

¹⁾ Зап. Одес. Общ., XIII: 146.

²⁾ Ibidem, 148—149.

³⁾ Ibidem, 154.

⁴⁾ Гюльбунн-хананъ, 122. — Въ біографическомъ очеркѣ жизни Лашкарева сказано, что Шагинъ-Герай, испросивъ позволеніе отправиться въ Турцію, «скончался, едва перѣхавъ границу» (Русскій Архивъ, Loc. cit., 9); но основаній для этого не приводится никакихъ.

говоря: «Если ты желаешь порвать связи съ предѣлами Россіи и направить свои возжи во владѣнія Высокой Державы, то со стороны русскихъ тебѣ полное на это соизволеніе». Сметнувъ, что его хотятъ извести, онъ и послалъ меня сюда съ письмомъ; а самъ, въ ожиданіи отвѣта на свои писанія, потихоньку отправился прямо въ Польшу». Государственные люди собирались нѣсколько разъ совѣтоваться по этому дѣлу, и каждый высказывалъ свое мнѣніе съ заключеніемъ. Наконецъ признали за лучшее пригласить хана въ богохранимыя падишахскія владѣнія и водворить его гдѣ-нибудь подобно членамъ его рода. На этомъ основаніи тотчасъ изъ Счастливаго Порога была послана къ упомянутому хану бумага, заключающая въ себѣ приглашеніе, въ которомъ, сообразно требованіямъ времени и обстоятельствъ, расточалось столько предупредительностей, долженствовавшихъ вызвать въ немъ душевное успокоеніе и примиреніе. Кромѣ того, одинъ изъ капыджи-баши высочайшаго двора, Исмаиль-ага назначенъ былъ мигмандаремъ (гостепріимцемъ), которому было поручено взять хана изъ Хотина и доставить въ Букурешть, а оттуда въ Адрианополь; для того же, чтобы заботиться объ охранѣ его и оказывать ему всякій почетъ и вниманіе во время дороги, былъ командированъ одинъ изъ высокопочтенныхъ губернаторовъ, каушанскій комендантъ Исмаиль-паша. На почтовыхъ станціяхъ и мѣстахъ остановки, приходившихся на пути его слѣдованія, были заготовлены необходимые припасы и продовольствіе — частію было отправлено натурою, частію же передано деньгами. Въ эту пору къ Счастливому Порогу опять пришло посланіе вышеупомянутаго хана, въ которомъ онъ высказываетъ свой страхъ и опасеніе вслѣдствіе ходящихъ въ народѣ на его счетъ разговоровъ, а также выражаетъ и заявляетъ онъ необходимость искать себѣ безопаснаго прибѣжища у его величества (султана). Эта его просьба также была принята съ благосклонностью и признана умѣстною, и ему дано было понять, что дѣло покровительства можетъ осуществиться. Тогда же хотинскій комендантъ и другія лица писали, что мигмандаръ прибылъ въ Хотинъ; что ханъ съ полной безопасностью переправился на хотинскую сторону и остановился въ приготовленномъ для него конакѣ въ Ботъ-баши»¹⁾).

Примѣръ эмиграціи Шагинъ-Герая не единственный: переселеніе въ Турцію претендентовъ на властное положеніе среди азіатскихъ народцевъ, бывъ подданныхъ Россіи,

¹⁾ Вѣнск. рукоп. Hist. Osm. № 203, л. 293 г. — 294 г.

совершалось даже еще недавно на наших глазахъ, въ лицѣ двухъ Шамилей—старика-отца и старшаго сына его, Казы-Мухаммеда. Не религіозное, во всякомъ случаѣ, тяготѣніе къ мусульманской державѣ увлекло Шагинъ-Герая пуститься на послѣднюю и пагубную для него авантюру, какъ влекло оно стараго фанатика Шамиля, а скорѣе фальшивый расчетъ еще играть какую-нибудь политическую роль подъ сѣнію отоманскаго полумѣсяца, когда не удалось этого подъ верховнымъ покровительствомъ и руководствомъ Россіи, какъ это случилось и съ Казы-Мухаммедомъ. Съ другой стороны нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что Порта отнеслась такъ снисходительно, даже ласково и предупредительно къ ненавистному для нея прежде Шагинъ-Гераю, какъ объ этомъ повѣствуетъ современный историкъ Васыфъ-эфенди. Но тѣмъ непонятнѣе становится обстоятельство, что такое расположеніе, съ которымъ Шагинъ-Герай былъ встрѣченъ на османской почвѣ, вскорѣ смѣнилось гнѣвомъ турецкаго правительства, покончившаго съ Шагинъ-Гераемъ какъ съ какимъ-нибудь преступникомъ, предавъ его смертной казни. О причинѣ такой немилости Порты къ человѣку, утратившему всякое политическое значеніе можно только догадываться по нѣкоторымъ даннымъ, которыя находимъ у одного изъ позднѣйшихъ турецкихъ историковъ, Аъта-бея. Надо думать, что Шагинъ-Герай, побывавшій въ Петербургѣ и все время общавшійся съ русскими людьми образованнаго класса — генералами, офицерами, дипломатическими резидентами, невольно развилъ въ себѣ потребность въ образованномъ обществѣ. Очутившись же на о—въ Родосѣ, онъ, естественно, стосковался и сталъ искать развлеченія въ сближеніи съ проживавшими тамъ немногими европейцами, какъ напримѣръ съ членами французскаго консульства. Сношенія его съ ними, о которыхъ имѣется положительное свидѣтельство, легко могли возбудить подозрѣнія Порты: она могла усмотрѣть въ этихъ сношеніяхъ, бывшихъ дѣломъ простой житейской общительности, какія-нибудь затѣи Шагинъ-Герая въ серьезномъ смыслѣ, и поспѣшила избавиться отъ него. Варварскій же способъ расправы, примѣненный къ нему турками, не составлялъ ничего необыкновеннаго тамъ, гдѣ самый крайній произволъ не имѣлъ себѣ ограниченій ни въ условіяхъ правосудія, ни въ чувствѣ гуманности.

Гаммеръ въ заключительномъ словѣ своей *Geschichte der Chane der Krim* доставилъ себѣ удовольствіе распространиться о таинственной знаменательности числа *девяти* въ исторической судьбѣ турковъ, монголовъ и татаръ вообще и о злополучности имени

Шагинъ-Герая въ исторіи Крымскаго ханства вособенности. Последнее его воззрѣніе, впрочемъ, однако же не совсѣмъ точно, ибо первый царевичъ этого имени вовсе, какъ мы видѣли, былъ не таковъ, какимъ его хочетъ выставить нѣмецкій историкъ, ставя ему въ великую вину то, что онъ, «мятежный калга, подстрекалъ брата своего хана къ сопротивленію Портѣ»¹⁾. Казнь же второго Шагинъ-Герая скорѣе можетъ ложиться пятномъ на турецкое правительство, коварно измѣнившее долгу гостепріимства, нежели на его собственную личность, какъ это хочетъ думать г. Гаммеръ²⁾. Но въ очищеніе позорности этого историческаго имени австрійскій историкъ отыскалъ третьяго Шагинъ-Герая, который прославилъ себя сочиненіемъ одной газели, которую онъ выдаетъ за необыкновенную библиографическую рѣдкость, хотя въ то же время видитъ въ ней чуть ли не образецъ литературнаго безвкусія, воцарившагося въ началѣ XVIII в. у османовъ³⁾. Авторъ этой газели, по изслѣдованію Гаммера, былъ сынъ Тохтамышъ-Герая, сына извѣстнаго хана Селимъ-Герая, четыре раза облакавшася въ ханское достоинство и извергавшагося изъ этого своего сана⁴⁾. Само по себѣ это стихотвореніе настолько вздорно, что надобно только удивляться тому, что Гаммеръ придалъ ему такое важное значеніе, помѣстивъ его въ видѣ единственнаго приложенія къ своей исторіи Крымскихъ хановъ, тѣмъ болѣе что нѣкоторыми изъ членовъ династіи Гераевъ написаны вещи далеко поважнѣе и любопытнѣе: тотъ же, напримѣръ, авторъ многократно цитованной у Гаммера и у насъ Крымской исторіи «Гюльбуні-хананъ» оставилъ цѣлый диванъ стихотвореній; немало попадаетъ въ сборникахъ стиховъ Максудъ-Герая и др. Но бѣда въ томъ, что эти лица не Шагинъ-Гераи. Цинкейзенъ имѣлъ полное основаніе сдѣлать упрекъ Гаммеру за то, что онъ набрасывается на такіе пустяки, какъ вышеозначенная газель, и вскользь касается многихъ важныхъ статей въ турецкихъ источникахъ, недоступныхъ неоріенталистамъ-историкамъ⁵⁾.

Мы же остановили свое вниманіе на этомъ приложеніи къ исторіи Гаммера единственно по тому поводу, что въ недавно изданной исторіи Аъта-бея, которую правиль-

¹⁾ Op. cit., 242.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Op. cit., 254.

⁴⁾ Ibidem, 251.

⁵⁾ Zinkeisen, Op. cit., V: 336, прим. 3.

нѣе назвать исторической хрестоматіей, также напечатано означенное стихотвореніе Шагинъ-Герая, но только авторомъ его признается именно послѣдній Крымскій ханъ Шагинъ-Герай, какъ это явствуется изъ идущей вслѣдъ за стихотвореніемъ біографіи Шагинъ-Герая, и начинающейся словами «Реченный проклятый Шагинъ-Герай» — *малъзунъ маркумъ Шагинъ-Герай* —. Злопамятный новѣйшій турецкій историкъ пишетъ между прочимъ слѣдующее о конечной судьбинѣ Шагинъ-Герая. «Въ 1201 = 1787 году онъ¹⁾, выйдя изъ странъ російскихъ, безстыдно прибылъ въ богохранимое высокое государство и былъ сосланъ и заточенъ на о—въ Родосъ. Въ шеввалѣ того же года = въ іюль-августѣ 1787 г., когда комендантъ означеннаго острова Гази-Хасанъ-бей, объѣзжая, по порученію, острова Архипелага, освѣдомился у родосскаго паиба, извѣстнаго поэта Сюмбуль-заде Вэгби-эфенди, о томъ, что будетъ ли Шагинъ-Герай казненъ по высочайшему ферману, то оказалось, что онъ, показуя низость своей презрѣнной натуры, въ этотъ разъ бѣжалъ, чтобы спастись, въ родосское консульство французскаго государства. Упомянутый паибъ, узнавъ объ этомъ, написалъ въ консульство бумагу съ просьбою о выдачѣ его правительству. Но такъ какъ нельзя было добиться удовлетворенія этой просьбы, то пришлось предпринять какія-нибудь насильственные мѣры противъ консульства. Когда тамъ узнали объ этомъ намѣреніи, то и выдали вышеупомянутому эфенди проклятаго измѣнника, который и былъ казненъ. Голова его была отослана въ Порту, а гнусный трупъ его былъ брошенъ въ одинъ ровъ, находящійся внутри крѣпости, и закрытъ тамъ»²⁾).

Аъта-бей дотого простираетъ свою ненависть къ памяти Шагинъ-Герая, что усматриваетъ чуть не чудо въ судьбѣ самой могилы его. Онъ рассказываетъ, что во времена султана Селима III (1789—1807) и Махмуда II (1808—1839) на о—въ Родосъ построены были каменные казармы. Возлѣ одной изъ нихъ сдѣланы отхожія мѣста, и вотъ яма для этихъ мѣстъ совершенно случайно вырыта была какъ разъ тамъ, гдѣ было прогребено тѣло Шагинъ-Герая. Авторъ присовокупляетъ, что въ бытность его на о—въ Родосъ по дѣламъ службы, ему показывали это мѣсто нѣкій Хаджи-Хафизъ-ага и другіе свѣдущіе люди³⁾).

¹⁾ Т. е. Шагинъ-Герай.

²⁾ Тарихи-Тайяръ-заде Аъта-бей. Конст. изд. 1293=1876 г., т. V, стр. 348—351.

³⁾ Loc. cit., 351.

Высказавъ затѣмъ мнѣніе, что причиною гибели Крымскаго ханства были безконечныя кровавыя распри, происходившія между членами властвовавшаго рода, питавшими къ другъ другу зависть и ненависть, Аъта-бей въ заключеніе приводитъ касыду, написанную вышеупомянутымъ поэтомъ Сюмбуль-задэ Меръани Вегби-эфенди по случаю казни Шагинъ-Герая¹⁾. Эта касыда въ 84 стиха носитъ заглавіе *Тайярэ* = «Летучая» и построена на сравненіи Шагинъ-Герая съ птицею, благодаря лексическому значенію его имени — «Соколъ». Излагая вкратцѣ дѣянія хана и обстоятельства его казни, Вегби подобралъ всевозможныя ругательныя эпитеты и сравненія для попраці памяти злопущаго Шагинъ-Герая, вся вина котораго заключается лишь въ томъ, что онъ былъ послѣдній изъ царствовавшихъ Гераевъ и сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ, и развѣ только отчасти виновникомъ, событія, подготовленнаго цѣлою предыдущею исторіею и хотя крайне непріятнаго для Оттоманской Порты, тѣмъ не менѣе все-таки неотвратимаго.

Другой турецкій стихотворецъ, Сюрүри также сочинилъ четверостишіе, заключающее въ себѣ хронограмму 1201 года гидиры — года ссылки Шагинъ-Герая на о — въ Родось, которое въ русскомъ переводѣ можно передать такъ:

«Поймали Шагина несчастныхъ вздыханья:
Онъ сосланъ въ Родось; Богъ дастъ, будетъ казненъ.
Пусть примутъ поэты мою хронограмму:
Хоть быстро леталъ, да попался жь соколикъ!»²⁾

XIII.

Совершившійся фактъ и строптивость Оттоманской Порты въ признаніи его. — Номинальные ханы Кубанскіе Шегбазъ-Герай и Бахты-Герай. — Несогласіе свидѣтельствъ крымскаго историка съ турецкими документальными данными касательно характеристики Шегбазъ-Герая. — Личныя качества Бахты-Герая и вѣчное его скитальчество. — Послѣдующая судьба членовъ фамиліи Герайской, пріютившихся во владѣніяхъ покровительствовавшей имъ Оттоманской Порты. — Заключение.

Такимъ образомъ многовѣковая борьба Оттоманской Порты съ Россіею изъ-за верховенства надъ Крымско-татарскимъ полуостровомъ кончилась въ пользу послѣд-

¹⁾ Loc. cit., 352—358.

²⁾ Газалійяи-Сюрүри. Констант. литограф. изд., стр. 40.

ней и притомъ, къ счастію, безъ особенныхъ и тяжкихъ жертвъ съ ея стороны, если не считать жертвъ, принесенныхъ ею раньше въ видѣ многочисленныхъ полоняниковъ, которыхъ угоняли во время своихъ набѣговъ татары, и тѣхъ всевозможныхъ даровъ и подачекъ, которыми русское правительство старалось задобрить своихъ алчныхъ сосѣдей — Крымскихъ хановъ и ихъ татарское вельможество.

Порта однако же не сразу помирилась съ совершившимся фактомъ. Даже въ то время, когда надо было похоронить всякую надежду на возстановленіе вычеркнутаго изъ книги бытія Крымскаго ханства, она еще упрямо продолжала тѣшить себя призраками, назначая номинальных хановъ, никогда не имѣвшихъ возможности осуществить на практикѣ тѣхъ полномочій, какими они были облакаемы въ своемъ фиктивномъ положеніи. Такъ какъ смѣшно же было бы считаться хоть бы и фиктивными владыками Крыма, сдѣлавшагося неотъемлемымъ достояніемъ Россіи, то двое послѣднихъ изъ такихъ призраковъ, Шегбазъ-Герай и Бахты-Герай носили титулъ хановъ *Кубанскихъ*.

Прежде же ихъ нѣкоторое время фигурировалъ Бегадырь-Герай, избранный въ ханы противниками Шагинъ-Герая, принудившими послѣдняго бѣжать въ Керчь и Ени-Калѣ подъ защиту русскаго оружія еще въ 1182 = 1768 году. Онъ пришелъ съ Кубани въ Крымъ во главѣ толпы своихъ сторонниковъ, вначалѣ дѣйствовалъ успѣшно и привелъ къ повиновенію крымцевъ, но вскорѣ затѣмъ самъ попался русскимъ въ плѣнъ и просидѣлъ нѣсколько времени взаперти, пока ему не удалось бѣжать опять на Кубань. Впослѣдствіи, въ 1204 = 1789—1790 году онъ былъ вызванъ въ Турцію и поселенъ въ Текфуръ-Дагы (Родосто), гдѣ черезъ два года и умеръ¹⁾.

Что касается до Шегбазъ-Герая, третьяго сына Арсланъ-Герай-хана, то онъ при нѣсколькихъ прежнихъ ханахъ занималъ второстепенныя должности. — Едисанскаго сераскера при отцѣ своемъ, Буджакскаго сераскера и Орскаго бея при дядѣ Крымъ-Герай и былъ калгою при старшемъ братѣ Девлетъ-Герай, а потомъ проживалъ въ отставкѣ въ Визѣ. Но въ 1201 = въ сентябрѣ 1787 году будто бы былъ вызванъ въ Порту и пожалованъ со стороны султана ханскимъ достоинствомъ, получивъ въ калги брата своего Мубарекъ-Герая и Арсланъ-Герая въ нур-эд-дины. Въ этомъ званіи онъ былъ отправленъ въ Буджакъ и зимовалъ въ Каушанѣ. Въ это время у Порты шла война съ Австріею

¹⁾ Гюльбунн-хананъ, 123; Zinkeisen, VI: 396—317 и 394—395.

и Россією, и Шегбазъ-Гераю удалось очистить Яссы отъ пѣмцевъ; но, не получивъ ни откуда подкрѣпленія, онъ не въ состояніи былъ устоять противъ напора русскихъ и, снова отдавъ означенный городъ въ руки гяуровъ, удалился въ Бендеры. Смерть старшаго сына его Мухаммедъ-Герая хотя и повергла его въ печаль, но не лишила его прежней энергіи, и только интриги османскихъ вельможъ способствовали тому, что ему ферманомъ, присланнымъ съ силыхшуромъ Абду-л-Ла-беемъ, въ джемазіу-ль-эввелѣ 1203 = въ февралѣ 1789 года, предписано было отправляться въ прежнее мѣсто жительства и тамъ молиться о благоденствіи падишаха. Онъ умеръ вскорѣ послѣ этого, 27 зи-ль-кадэ 1207 = 7/25 іюня 1793 года, считавшись ханомъ годъ и шесть мѣсяцевъ¹⁾).

Въ такомъ видѣ изобразилъ политическо-военную карьеру номинальнаго хана Шегбазъ-Герая родной сынъ его, крымскій историкъ Халимъ-Герай, сыновнее чувство котораго приписываетъ всю безцвѣтность и безуспѣшность отцовскихъ подвиговъ исключительно недостаточности помощи провіантомъ и народомъ со стороны османской администраціи, а скорое удаленіе его со сцены—интригамъ противъ него турецкихъ сановниковъ. Турецкій же историкъ Джевдетъ нашелъ въ Архивѣ — *Хазинэ-и эвракта* — официальные документы, въ которыхъ личность Шегбазъ-Герая рисуется далеко не въ такомъ видѣ, какъ въ исторіи его сына. Это такрыры (донесенія) турецкихъ военачальниковъ о поведеніи титулярнаго хана, вызвавшемъ общее къ нему нерасположеніе какъ его соотчичей-татаръ, такъ и товарищей по оружію — турецкихъ командировъ. Такъ, между прочимъ, везирь Чура-задэ Ахмедъ-паша писалъ своему правительству слѣдующее. «Теперешній Кубанскій ханъ Шегбазъ-Герай-ханъ хотя всущности честный и надежный человѣкъ, но такъ какъ Буджакскіе татары недовольны имъ, то и не могло выйти никакого толка, а между тѣмъ въ такую свирѣпую зиму слѣдовало бы воспользоваться услугами хана, который бы могъ повести на чаполъ (набѣгъ) тысячъ двадцать татаръ или болѣе. Въ прошлую кампанію вашъ покорный слуга много обращался въ Крыму среди татарства съ султанами и мурзами и познакомился съ ихъ состояніемъ — этому народу Шегбазъ-Герай антипатиченъ: кромѣ четырехъ, пяти человѣкъ султановъ, перешедшихъ съ нимъ вмѣстѣ въ Буджакъ, остальные всѣ воротились назадъ, и послѣ этого,

¹⁾ Гюльбуни-хананъ, 123—128.

я думаю, толку никакого не будетъ. Всѣ татары желаютъ сына Крымъ-Герая, бывшаго калгу Бахты-Герай-султана и съ нимъ совершатъ чаполъ. А такъ какъ Капланъ-Герай-султанъ весьма храбрый человѣкъ, то и онъ также бы могъ быть отправленъ съ какого-нибудь края на чаполъ, чтобы мстить Россіи»¹⁾).

Другой командиръ, галацкій сердаръ Якубъ-ага въ томъ же духѣ отзывался о Шегбазъ-Герая, свидѣтельствуя о неправильности его дѣйствій и недовольствѣ татаръ противъ него, считая его виновникомъ вторичнаго занятія Яссы русскими. Только нѣсколько странную, съ нашей точки зрѣнія, причину недовольства татаръ ханомъ выставляетъ Якубъ-ага. Онъ говоритъ: «Татары, захватывая въ полномъ вооруженіи мятежныхъ молдаванъ, приставшихъ къ непріятелю подъ именемъ волонтеровъ, приводили ихъ, говоря, что это изъ райи. Ханъ же оскорблялъ приводившихъ, а гяуровъ отпускалъ. Татарамъ и прочему войску стало досадно, и они разсѣялись; всѣ они вернулись со слезами: чего онъ хотѣлъ отъ этого, понять не могли. Насколько извѣстно вашему покорному слугѣ, отъ Шегбазъ-Герая впредь нельзя ждать толку. Мнѣ онъ показался человѣкомъ чувственнымъ: сидитъ себѣ да молчитъ, а дѣла всѣ въ рукахъ калги Мубарекъ-Герая. Что же касается татаръ, то они только и слышали и видѣли чаполъ, да просили у Бога подобной зимы, и всѣ желаютъ Бахты-Герай-султана, отъ хана же совершенно отвернулись»²⁾).

Наконецъ Таплы-байрактаръ Мухаммедъ-ага, изъ жителей Хотина, доносилъ просто невозможныя вещи на хана. «Когда русскіе перешли Днѣстръ», писалъ онъ, «то ханскаго сына Мухаммедъ-Герай-султана послали съ достаточнымъ числомъ татарскаго войска навстрѣчу. Я тоже тамъ былъ. Когда показались непріятельскіе отряды, татарское войско съ полною твердостью и готовностью хотѣло двинуться въ атаку, но султанъ воспрепятствовалъ, говоря: «Намъ поручено только дѣлать поиски и развѣдки, а вступать въ сраженія пѣтъ разрѣшенія». Татары стали говорить тогда: «Это что за рѣчи? Если на государственныя обязанности не глядите, такъ по крайней мѣрѣ нѣтъ ли ревности религіозной?» Было напрасно. Когда поневолѣ пришлось воротиться, то всѣ — и султаны, и мурзы, и татары — въ глаза заявили хану и калгѣ: «Вы не мусульмане:

¹⁾ Джевдетъ, IV: 96.

²⁾ Ibidem, 97—98.

если бы вы были мусульмане, то вы бы не удерживали насъ отъ джегада!»¹⁾. Ханъ и Мукдадъ-паша находились въ Яссахъ, какъ стало слышно о томъ, что непріятель подошелъ на разстояніе четырехъ часовъ; а о сраженіи вовсе и не помышляли; безъ всякой причины, забравъ съ собою столько войска, вернулись. Хазипэдаръ (казначей) мирмиранъ Ибрагимъ-паша поднялъ вопль: «Ханъ, ваше присутствіе! что же это такое? Этимъ пришедшимъ непріятелямъ некуда дѣваться! Дайте мнѣ наличное войско — я сражусь и побѣжду». Оказалось невозможнымъ. Тогда все татаре озлобились на хана и желаютъ Бахты-Герай-султана въ ханы, а въ калги Арсланъ-Герая»²⁾.

Историкъ Джевдетъ, не раздѣляя вполне пареканій на Шегбазъ-Герая, заключающихся въ вышеприведенныхъ такрырахъ, тѣмъ не менѣе полагаетъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ ему немислимо было долѣе оставаться ханомъ, когда столько доносовъ раздавалось противъ него; когда, по словамъ автора «Гюльбунни-хананъ», противъ него еще интриговали нѣкоторые вельможи, и когда самъ Шегбазъ-Герай, по свидѣтельству современнаго историка, Эдиба-эфенди, оскорбляя способныхъ и храбрыхъ султановъ, всехъ ихъ оттолкнулъ отъ себя, вособенности причинивъ безъ всякаго резона оскорбленіе знаменитому своимъ необыкновеннымъ мужествомъ Арсланъ-Герай-султану. Ему теперь ничего не оставалось, какъ только убраться съ своею свитою въ свой чифтликъ, что онъ и сдѣлалъ, будучи въ джемазіу-ль эввелъ 1203 = въ февралѣ 1789 г. отрѣшенъ отъ ханства³⁾.

Оказывается однако же, что едва ли не самую дѣятельную интригу противъ Шегбазъ-Герая велъ Бахты-Герай-султанъ черезъ своихъ клевретовъ въ Портѣ. Одинъ изъ нихъ, по имени Мухаммедъ-ага, говорилъ тамъ, что если бы Бахты-Герай былъ назначенъ Портою, то онъ бы въ 20 дней явился на помощь Очакову. Его, въ самомъ дѣлѣ, послушали, и тотчасъ же былъ изданъ ферманъ, чтобы Бахты-Герай съ четырьмя, пятью тысячами войска поспѣшалъ на помощь къ этой крѣпости, имѣвшей въ ту пору весьма важное значеніе для Порты. Другой ходатай явился въ Порту съ такими рѣчами: «Бахты-Герай-султанъ говоритъ, что когда же иначе, какъ не теперь онъ могъ бы ока-

¹⁾ Священной борьбы съ невѣрными.

²⁾ Джевдетъ, IV: 96—97.

³⁾ Ibidem, 98—99.

затъ услугу Высокой Державѣ; но что только такой несчастный, какъ онъ, не можетъ набрать и стянуть сразу четыре, пять тысячъ войска. Собрать такое войско дѣло усилій Высокой Державы; а онъ пойдетъ съ своими приверженцами и приближенными. Въ случаѣ же оказанія ему Высокою Державой вниманія и почета, онъ можетъ идти съ еще большимъ войскомъ! ¹⁾).

Не смотря на противорѣчіе другъ другу панегиристовъ Бахты-Герая, общій говоръ въ его пользу среди татаръ, плохая репутація Шегбазъ-Герая и затруднительныя обстоятельства— все это такъ благопріятно сложилось, что Бахты-Герай достигъ своей цѣли и получилъ званіе хана. Изъ арміи ему послана была грамота и инвеститура. Для охраны Кубанской области онъ командировалъ одного изъ братьевъ своихъ, Мухаммедъ-Герай-султана, назначивъ его калгою и кубанскимъ главнокомандующимъ, на смѣну бывшаго тамъ Нур-эддинъ-султана, назначеннаго раньше Шегбазъ-Гераемъ ²⁾).

Самъ же Бахты-Герай, вызванный изъ своего чифтлика, былъ посланъ въ султанскій лагерь, съ тѣмъ чтобы пойти на помощь Очакову. Но такъ какъ предметъ пожеланій татаръ было совершить чаполъ, а цѣль Бахты-Герая была добиться ханскаго достоинства, Порта же требовала помощи Очакову, то такое разногласіе въ стремленіяхъ не привело ни къ какому полезному результату ³⁾).

Выбиваясь изъ послѣднихъ силъ въ борьбѣ съ Россіею, переходя отъ отчаянія къ новымъ надеждамъ, Порта напослѣдокъ еще разъ разщедрилась на подарки кубанскому башбогу Мухаммедъ-Гераю и свитѣ его, прибывшимъ въ Стамбуль по случаю восшествія на престолъ новаго султана, Селима III (1789—1807). Отправляя его опять въ Анапу, ему вручили цѣлый запасъ стрѣлъ, луковъ, дорогихъ одеждъ для раздачи начальникамъ племенъ, въ видахъ пріобрѣтенія ихъ расположенія къ Портѣ ⁴⁾). Но всѣ эти турецкія щедроты не измѣнили теченія дѣлъ на Кубани. Россія не уступала Портѣ въ привлеченіи на свою сторону мѣстнаго народонаселенія путемъ воздѣйствія на его главарей и руководителей матеріальными выгодами, но при этомъ еще превосходила ее

¹⁾ Джевдетъ, IV : 99.

²⁾ Ibidem, 99—100.

³⁾ Ibidem, 101.

⁴⁾ Ibidem, 257.

военными средствами тамъ, гдѣ оказывалась въ нихъ надобность, и черкесскія племена въ концѣ концовъ подчинились исконному мусульманскому принципу: «Власть принадлежитъ побѣдителю» — *альхукму ли-манъ галъба* —, противъ чего оказались несостоятельными все усилія Порты удержать за собой престижъ надъ ними ¹⁾).

Да и Бахты-Герай не оправдалъ тѣхъ надеждъ на него, которыя внушены были Портѣ его усердными приспѣшниками: онъ то шлялся безцѣльно изъ одного мѣста въ другое, напрасно съѣдая отпускавшіяся на него изъ османской казны депъги ²⁾, то за-сѣдалъ на военныхъ совѣтахъ, не высказавъ ни одного полезнаго и дѣльнаго мнѣнія ³⁾. Турки попрежнему терпѣли постоянныя пораженія, не смотря на пламенные воззванія сердарь-экрема къ мужеству предводителей, каково, напримѣръ, воззваніе, сочиненное отъ его имени стилистомъ и историкомъ Васыфомъ-эфенди, гдѣ немало лестныхъ словъ пришлось и на долю Бахты-Герая, возвеличеннаго за его доблести, ничѣмъ однако же не доказанныя на дѣлѣ ⁴⁾. Рано или поздно, а пришлось-таки дѣло кончить миромъ, заключеннымъ въ 1792 году въ Яссахъ, съ тѣмъ чтобы навсегда покинуть всякія мечты соперничать съ Россіею надъ мусульманскими народцами отдаленныхъ странъ черкесскихъ и перестать заниматься Гераями, пѣсня которыхъ была уже спѣта.

Бахты-Герай аттестованъ крымскимъ историкомъ какъ человѣкъ умный, добрый, ласковый, славившійся своими знаніями въ исторіи и краспорѣчіемъ, и прекрасный собесѣдникъ ⁵⁾. Но едва ли не самую достопримѣчательную страницу его исторіи составляетъ его скитальчество, которому онъ подвергся послѣ своего разжалованія: Сперва его сослали и заточили въ Кандію, откуда вскорѣ перевезли на о—въ Митилену, потомъ на о—въ Хіосъ. Отсюда угнали въ Галлиполи; изъ Галлиполи переселили въ Текфуръ-Дагы. Послѣ того онъ получилъ разрѣшеніе на житіе въ своемъ чифтликѣ въ Паша-Карыйеси, но спустя короткое время вторично отправленъ на о—въ Митилену,

¹⁾ Джевдетъ, IV: 494.

²⁾ Ibidem, 384—385.

³⁾ Ibidem, 467.

⁴⁾ Ibidem, 468.

⁵⁾ Гюльбунн-хананъ, 128—129.

гдѣ и умеръ въ рамазанѣ 1215 = въ январѣ 1801 года. Продолжительность его титулярнаго властвованія высчитывается въ 3 года и 8 мѣсяцевъ ¹⁾).

Конецъ карьеры Бахты-Герая совершился слѣдующимъ образомъ, по свидѣтельству турецкихъ историковъ. Извѣстно, что султанъ Селимъ III вступилъ на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ оздоровить государственное дѣло своей имперіи разными внутренними преобразованіями. Когда поднятъ былъ вопросъ между прочимъ о реформѣ военной и объ укрѣпленіи границъ, то на совѣтъ былъ приглашенъ и Бахты-Герай, какъ человекъ свѣдущій и опытный для выслушанія и его мнѣнія, съ каковою цѣлію его и выписали въ столицу въ іюнѣ 1792 года. На засѣданіи, происходившемъ у новаго садрама Мелекъ-Мухаммедъ-паши, въ разговорѣ о военныхъ дѣлахъ коснулись также положенія Кубани, Кабарды и Анапы. А уже и прежде до султана дошли слухи о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ выходкахъ Бахты-Герая. Такъ однажды на совѣтѣ у прежняго верховнаго везира Хасанъ-паши, когда шли разсужденія по Крымскому вопросу, онъ прямо-напрямомъ сказалъ: «Вы ужь заботьтесь объ устройствѣ другихъ мѣстъ, а съ Крымомъ что вы подѣлаете? Онъ васъ не касается». А между тѣмъ послѣдняя война причинила столько ущерба и непріятностей Высокой Державѣ, и когда враги склонны были къ миру, султанъ Селимъ настаивалъ на продолженіи ея — все это изъ-за-чего? единственно съ цѣлію освобожденія Крыма. Вслѣдствіе этого подобныя рѣчи Бахты-Герая были весьма досадны султану, который тогда же намѣревался дать ему отставку, да только поопасался, какъ бы это не вызвало мятежа на Кубани, и онъ отложилъ до поры до времени исполненіе своего намѣренія. Въ этотъ разъ, на совѣтѣ съ Мелекъ-пашою, мнѣнія и планы Бахты-Герая тоже обнаруживали лишь его горделивыя и пустыя притязанія и, будучи доложены султану, также опять раздосадовали его. Теперь, когда война была кончена, пребываніе Бахты-Герая въ своемъ чифтликѣ съ титуломъ хана Кубанскаго признано было неудобнымъ. Съ другой стороны, вслѣдствіе общаго прогресса наукъ и искусствъ, военное дѣло вступило въ совершенно иной фазисъ развитія, равно какъ и политическія отношенія приняли иную форму, такъ что поэтому не видѣлось прежней пользы отъ прегулярныхъ войскъ: теперь требовались уже войска обученныя, слѣдовательно не было больше нужды и въ татарскихъ полчищахъ. Сверхъ

¹⁾ Гюльбуні-хананъ, 129.

того, какъ уже было раньше сказано, крымскіе султаны причиняли насилія и притѣсненія бѣдному люду въ Румиліи, а чифтлики ихъ сдѣлались притонами разбойниковъ, такъ что мѣстныя власти не были въ состояніи препятствовать злодѣйствамъ ихъ. Такъ какъ на основаніи этого рѣшено было ихъ всѣхъ разослать и заточить въ разные пункты, то Бахты-Герая и сослали на о—въ Критъ, а потомъ гоняли изъ одного мѣста въ другое¹⁾. Турецкій историкъ говоритъ въ заключеніе: «Властвованіе Чингизскихъ султановъ, правившихъ въ Крыму, нашло конецъ свой въ Шагинъ-Герай-ханъ; ханская линія прекратилась съ Бахты-Гераемъ»²⁾. Вѣроятно, турецкій историкъ этимъ хотѣлъ сказать, что Бахты-Герай былъ послѣдній изъ своей фамиліи, носившій ханскій титулъ, и что послѣ него всѣ Гераи стали частными лицами, не пользуясь даже призрачнымъ положеніемъ владѣтельныхъ особъ, хотя бы даже поминально числившихся таковыми. Поколѣніе Чингизидовъ, издавна водворившихся въ турецкихъ владѣніяхъ, настолько было тамъ многочисленно, что, кажется, не извелось и до настоящаго времени. Еще недавно въ турецкихъ газетахъ оповѣщено было, какъ о замѣчательномъ событіи, о женитьбѣ одного изъ потомковъ Сеъадѣтъ-Герая на дочери какого-то паши³⁾. Но только съ потерей политическаго значенія родъ Гераевъ принялъ совершенно иной характеръ въ своемъ частномъ быту въ качествѣ простыхъ обывателей и подданныхъ Оттоманской имперіи. Татарскіе царевичи, расплодившись въ Румиліи, сдѣлались чистою обузою для Порты. Еще Стахіевъ сообщалъ въ 1780 году, что «провезенный 5-го апрѣля черезъ Дарданеллы на островъ Лемносъ въ ссылку татарскій султанъ Газы-Гирей съ 20-ю своими служителями туда отпавленъ потому, что, будучи въ своемъ ромелійскомъ помѣстьѣ, повѣсилъ изъ личной несправедливости одного посторонняго примата, который, везучи сюда (въ Константинополь) казенный оброкъ, припужденъ былъ чрезъ его помѣстье ѣхать»⁴⁾.

¹⁾ Джевдетъ, V: 183—184.

²⁾ Ibidem, 184.

³⁾ Газета, «Вақытъ», № 2272.

⁴⁾ Дубровинъ, III: 582; Чтенія, стр. 218. — Это извѣстіе, не мѣшаетъ замѣтить, находится въ нѣкоторомъ противорѣчій съ тѣмъ, что сообщается объ этомъ царевичѣ у историка Джевдета. По словамъ послѣдняго, лишь въ 1783 году, при окончательномъ наступленіи русскихъ на черкесовъ и абадзеховъ, изъ оставшихся въ Крыму султановъ сынъ Арсланъ-Герай-хана Гази-Герай-султанъ ушелъ от-

Въ былое время проживавшіе въ предѣлахъ Турціи Чингизиды пользовались, какъ мѣстные джентльмены, своимъ исключительнымъ, привилегированнымъ положеніемъ для обузданія произвола и тиранніи мѣстныхъ турецкихъ властей, какъ это, на примѣръ, извѣстно о Крымъ-Гераяхъ, когда онъ былъ въ отставкѣ¹⁾, а теперь они сами сдѣлались бичомъ сосѣдняго окрестнаго народонаселенія, предаваясь грабежу и насиліямъ. Такъ когда въ 1206 = 1791 — 1792 году, по случаю страшно усилившихся въ придунайскихъ провинціяхъ разбоевъ созваны были въ Адрианополь почетныя лица разныхъ городовъ и мѣстечекъ для совѣщанія о мѣрахъ къ обузданію злодѣевъ, то они прямо заявили, что всѣ разбойничества совершаются при дѣятельномъ участіи татарскихъ султановъ, которые давали у себя убѣжище всѣмъ гайдукамъ, горнымъ разбойникамъ и убійцамъ; принимаютъ и скрываютъ у себя награбленное имущество и потомъ дѣлятъ сообща съ ними добычу между собою. Особливо отличался этимъ тогда Мухаммедъ-Герай въ окрестностяхъ Шумлы и Селямать-Герай около Кыргъ-Килисѣ. Послѣдній производилъ разбои въ сообществѣ съ нѣкимъ тырновскимъ аяномъ Османомъ-эфенди, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Депутаты просили губернатора защитить жителей отъ необузданности Крымскихъ султановъ, которымъ обыкновенно все сходило съ рукъ, благодаря какимъ-то прежнимъ ихъ заслугамъ передъ Высокою Портою. Для усмиренія ихъ теперь пришлось отправлять военные отряды²⁾.

Таковъ былъ конечный результатъ нянчанья Порты съ членами дома Герасевъ, которыхъ она столько вѣковъ собирала у себя и лелѣяла, какъ орудіе своего верховенства надъ Крымомъ и постоянной военной демонстраціи противъ сосѣднихъ государствъ — Польши и, главнымъ образомъ, Россіи!

туда въ Буджакъ и остановился тамъ гостемъ въ чифликѣ Бахты-Герая-султана. Когда стало извѣстно, что Шагинъ-Герай присоединился къ русскимъ войскамъ, исмаильскому сераскеру Абди-пашѣ было послано повелѣніе немедленно выпроводить Гази-Герая и водворить его въ Румилин, гдѣ находились другіе его родичи (Джевдетъ, II: 61—62). Вѣроятно, Стахіевъ въ своемъ донесеніи называетъ *Хазы-Гиреємъ* другого какого-нибудь царевича; можетъ быть Хаджи-Герая, который тоже одно время игралъ роль на Кубани, командуя надъ Едисанцами и Джабуйлуками (Саковичъ, ч. I, стр. 73), тѣмъ болѣе что Стахіевъ основывался на извѣстіи другого лица, исправлявшаго должность вице-консула въ Дарданелахъ (Loc. cit.).

¹⁾ Мой Сборникъ, стр. 92.

²⁾ Джевдетъ, V: 99—100.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Формальное объявление Крыма русскою провинціей было знаменіемъ другой жизни, другихъ порядковъ, новой эпохи въ исторической судьбѣ полуострова. 1883 годомъ заключается дѣловой архивъ татарской администраціи: съ слѣдующаго 1884 г. начинается новое, руссійское дѣлопроизводство. Тамъ, гдѣ дотолѣ издавались и дѣйствовали ярлыки Крымскихъ хаповъ и ферманы ихъ верховныхъ покровителей, турецкихъ султановъ, все теперь творилось и вершилось въ силу ордеровъ князя Потемкина Таврическаго. Коренное мѣстное народонаселеніе въ послѣднія бурныя времена частію было выведено по административнымъ и военнымъ соображеніямъ русскаго начальства, частію само разбѣжало для отысканія болѣе спокойнаго себѣ пристанища. Чудныя по богатству и красотамъ земли южной половины полуострова оказались безхозяйными и вскорѣ нашли себѣ новыхъ владѣтелей. Если вы поговорите съ нынѣшними крымскими татарами, то они вамъ скажутъ, что лучшія мѣста въ Крыму забрали, молъ, *дженералларъ* = «генералы». Но это надо понимать въ такомъ же условномъ смыслѣ, въ какомъ тѣ же татары всѣхъ русскихъ называютъ *казаки*. Настоящіе генералы, подлинные дѣятели, потомъ и кровно добывшіе этотъ райскій уголокъ для своего отечества, совершили свои доблестные подвиги и вернулись восвояси, а къ дѣлежу добычи палетѣла отовсюду стая всякихъ пролазовъ, прихвостней и аферистовъ, умѣющихъ всегда ловить моментъ для безданный-безноплинпой наживы. Князь Таврическій заявилъ въ одномъ своемъ ордерѣ Коховскому, что «никакіе земли не могутъ быть даны безъ моей (т. е. его) апробаціи; покупать же оныхъ не воспрещается»¹⁾. Но слѣдовъ купли земель что-то совсѣмъ почти не замѣтно

¹⁾ Зап. Од. Общ., XII: 303.

въ архивныхъ дѣлахъ этой достопамятной эпохи расхищенія государственной собственности: всевозможные выходцы изъ-за границы и изъ внутреннихъ губерній Россійской имперіи и иные проходимцы старались заолучить землю въ Крыму даромъ, путемъ одной *апробаціи* всемогущаго Потемкина. А для полученія этой апробаціи ловкіе пріобрѣтатели прибѣгали къ разнымъ сноровкамъ, рассчитаннымъ на слабость капризнаго вельможи, къ химернымъ предпріятіямъ и нововведеніямъ, яко бы клонившимся къ благу государства и къ процвѣтанію края, состоявшаго подъ особеннымъ его покровительствомъ. Одинъ, напримѣръ, проситъ себѣ отвода земли, *идъ самъ избересть* (sic), для разведенія садовъ, пашни и насажденія деревьевъ¹⁾; другой выпрашиваетъ даровой земли «для разведенія фаянсовой и фарфоровой *фабрики*»²⁾; третій — для разведенія цѣлой «апельсиновой рощи» подъ Чатырь-дагомъ³⁾. Какой-то польскій шляхтичъ Любавичъ принимаетъ русское подданство подъ условіемъ отвода ему земли въ Крыму «подъ поселеніе 150 семей на собственный его коштъ»⁴⁾; капитанъ Крыжановскій въ компаніи съ евреемъ Шмулемъ Ильевичемъ берутъ казенный подрядъ на поставку поселенцевъ въ Таврическую губернію: еврею обѣщано «за каждую привезенную въ Тавриду дѣвку по пяти рублевъ»⁵⁾. Но гдѣ же эти фабрики, гдѣ эти апельсиновые рощи, гдѣ это русское населеніе въ Крыму?! Все это былъ миражъ, обманъ, мошенничество.

А что же случилось съ прежними хозяевами благодатнаго края, съ татарами?

Фактическими обладателями земли Крымскаго ханства испоконъ вѣка были мурзы и придворная ханская высшая челядь — *капы-кулу*. Остальной, черный народъ хотя и считался лично свободнымъ, но былъ въ постоянной экономической и бытовой зависимости отъ своихъ племянначальниковъ, родовыхъ мурзъ: они собирали этихъ людей, какъ барановъ, по извѣстному числу съ очага, въ партіи и водили ихъ въ набѣгъ на сосѣднія, русскія или польскія, украины для грабежей и хищничества; они составляли изъ нихъ полчища для поддержанія тѣхъ или иныхъ своихъ требованій, которыя они предъ-

¹⁾ Ордеръ, 1785 года, № 1138.

²⁾ Зап. Од. Общ., XII: 313. Ордеръ № 450.

³⁾ Это личный секретарь кн. Потемкина Поповъ.

⁴⁾ Ордеръ 22 апрѣля 1787 года.

⁵⁾ Зап. Од. Общ. XII: 317.

являли своимъ ханамъ или агентамъ Оттоманской Порты. Духовные же руководители темной татарской массы, по своимъ расчетамъ, больше норовили членамъ господствовавшей корпорации — придворныхъ ханскихъ чиновниковъ и вліятельныхъ мурзъ, или же сообразовались съ желаніями и намѣреніями Стамбула, откуда они получали санкцію на свои высшія юридическіе посты: они всущности были лишь казуистическими пособниками тѣхъ, у кого была въ рукахъ сила, смотря по обстоятельствамъ. У татаръ по свидѣтельству историковъ, была поговорка: *Татаръ ѳльмэзъ ханъ кулу дуръ* = «Татаре слуги того хана, который не умеръ»¹⁾. Ею формулировалась та исконная преданность единому стоящему вверху главѣ татарскаго народа, хану. Кому надо было поддержать чью-либо кандидатуру на ханскій тронъ, тѣ всегда ссылались на этотъ политическій символъ татарскаго люда; на него опирались даже въ свое время мятежные братья Мухаммедъ-Герай съ Шагинъ-Гераемъ въ 1624—1625 годахъ²⁾, и его не могли дискредитировать агенты Оттоманской Порты, явившіеся въ Крымъ для возведенія въ ханы Джаны-бекъ-Герая, котораго татаре не хотѣли принимать потому, что отецъ его не былъ ханомъ, а только султаномъ³⁾, и слѣдовательно въ его лицѣ не осуществлялось то безсмертіе ханское, которое заключалось въ этой родовой преемственности по старшинству происхожденія.

Пользуясь такимъ стойкимъ возрѣніемъ татарской массы, когда это выгодно было, въ счетахъ ли съ ханомъ или съ Портою, Крымскіе мурзы во всѣхъ прочихъ дѣлахъ внутренняго быта творили волю свою, составляя плотную корпорацию, которая въ одной рукѣ держала хана, а другой орудовала темною массою остальнаго народонаселенія. Теперь же, когда Крымскій ханъ изъ *ѳльмэзъ* = «неумирающаго» сдѣлался *олмазъ* = «несуществующимъ», тѣ же татарскіе мурзы или бросились въ разныя стороны искать укромнаго пристанища для продолженія своего существованія на прежнихъ коренныхъ традиціонныхъ началахъ, или же остались на мѣстѣ и стали хлопотать о томъ, чтобы

¹⁾ Фезликъ, II: 59 и 60; Наъима, I: 409 и 410; Фундуклулу-Тарихи Вѣвск. рукоп., I: 184 г., IV: 158 в.; Тарихи-Мухаммедъ-Герай Вѣвск. рукоп., 7 г. & у., 42 г. & у.

²⁾ Смирновъ, Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка. Спб. 1887 г. Стр. 487.

³⁾ Ibidem, 486.

заручиться русскими правительственными дипломами на дворянское званіе, которое бы обезпечивало имъ ихъ землевладѣльческія права наподобіе разныхъ пришлецовъ, захватившихъ себѣ всякими правдами и неправдами болѣе или менѣе крупные кусы земли въ Крыму. Тѣ изъ мурзъ, которые вовремя поняли роковую перемену обстоятельствъ и раньше другихъ изъявили готовность содѣйствовать подчиненію бывшаго ханства новой власти Русской Державы, были безпрекословно вознаграждены со стороны этой власти, для остальныхъ же началась переборка и повѣрка правомѣрности и законности ихъ претензій на привилегированное званіе и положеніе мѣстныхъ дворянъ въ краѣ.

Въ какомъ же положеніи оказалась прочая масса татарскаго населенія, не входившаго въ составъ старинной бекской корпораціи? Часть кочевая, бродившіе въ степныхъ пространствахъ Крыма ногайцы остались вѣрны своему кочевому праву: сложили свои пожитки на арбы и перебрались на пустопорожнія пространства Добруджи и другія подобныя мѣстности во владѣніяхъ Турецкой имперіи. Ихъ примѣру, къ сожалѣнію, послѣдовали и нѣкоторые осѣдлые жители изъ татаръ, которые тоже, напрасно испугавшись русскаго владычества, побросали свои мазанки и побрели искать счастія въ переселеніи на чужбину. Остальные, не захотѣвшіе разстаться съ своими родными пепелищами, очутились ни въ тѣхъ ни въ сѣхъ: иные, имѣвшіе кое-какую земельную собственность, сжавшись, какъ овцы въ непогоду, образовали нѣчто въ родѣ особыхъ татарскихъ сельскихъ общинъ и ведутъ нескончаемыя тяжбы съ новоявленными собственниками обширныхъ крупныхъ даромъ доставшихся имъ помѣстій; большинство же, брошенные на произволъ судьбы своими прежними фактическими господами, мурзами и агами, и не умѣвшіе сгруппироваться въ общины, оказались въ положеніи безземельныхъ батраковъ, кое-какъ перебивающихся личною періодическою работишкою или въ качествѣ мелкихъ ничтожныхъ арендаторовъ, которыхъ, гоняютъ, по своему произволу и усмотрѣнію, съ мѣста на мѣсто хозяева земли изъ тѣхъ же мурзъ, а преимущественно все иноплеменные выходцы изъ разныхъ краевъ — армяне, греки, нѣмецкіе и болгарскіе колонисты и даже, въ послѣднее время, жидаы. Эти несчастные люди, нѣкогда страшившіе нашихъ предковъ своею дикою удалюю и наѣздничествомъ, теперь больше не рысчутъ уже на коняхъ, а бродятъ пѣшкомъ въ башмакахъ, похожихъ на опорки, благоговѣнно попрежнему цѣлуютъ ручки у своихъ мурзъ и муллъ, боязливо и недовѣрчиво косятся на русскихъ, подозрѣвая въ нихъ непремѣнныхъ посягателей на ихъ достояніе

и личную неприкосновенность. Но они очень добродушно и откровенно относятся къ тѣмъ, даже и русскимъ, въ комъ они замѣтятъ безкорыстно-ласковое и человѣческое съ ними обращеніе. Надъ ними обыкновенно смѣются, что они медленны въ работѣ и нерасторопны въ дѣлахъ, въ которыхъ требуется кипучая подвижность и изворотливость. Но тутъ, кромѣ природнаго темперамента, думается намъ, играетъ не малую роль особенность татарско-мусульманскаго міровоззрѣнія, вѣра въ *кысмэтъ*, именуемая на языкѣ европейцевъ фатализмомъ. Сущность этого воззрѣнія, столь отличная отъ основныхъ понятій европейскаго цивилизованнаго человѣка, заключается въ слѣдующемъ. Цивилизованный человѣкъ поступаетъ такъ: я сытъ, и дѣти мои сыты; но мнѣ надѣ еще пріобрѣсть, чтобы и дѣтямъ дѣтсей моихъ хватило, и ихъ дѣтямъ, и т. д., а до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Дикій татаринъ разсуждаетъ иначе: мнѣ Богъ далъ сегодня на пропитаніе съ моею семьею, и слава тебѣ Господи; остальное пусть достается другимъ: вѣдь, и они тоже хотятъ быть сыты. На чьей сторонѣ историческая и всякая иная правда, разбирать это не входитъ въ программу нашего настоящаго изслѣдованія; но таковы пока ближайшіе результаты жизни, прожитой тюркскою отраслью, образовавшею нѣкогда Крымское ханство подъ верховнымъ покровительствомъ Оттоманской Порты, отъ котораго теперь сохранились одни лишь воспоминанія, какъ матеріалъ для различныхъ научныхъ изслѣдованій и соображеній.

